

A movie poster for 'Vertical Life 2'. The background is dark. In the upper right, a large, close-up, black and white image of a man's face is shown in profile, looking down. In the lower left, a smaller, color image of a woman with blonde, curly hair is shown smiling and resting her chin on her hand. The title 'Вертикаль жизни-2' is written in large, bold, yellow, stylized Cyrillic letters across the middle. Below the title, the subtitle 'Несбывшиеся надежды' is written in a smaller, white, italicized font.

Вертикаль жизни-2

Несбывшиеся надежды

Annotation

«Несбывшиеся надежды» — второй роман трилогии С. Малкова «Вертикаль жизни».

Наша жизнь подобна остросюжетному роману — никогда не угадаешь, что тебя ждет. Одна за другой проносятся над страной политические бури, оставляя на своем пути осиротевших детей и беспомощных женщин. Верные друзья оказываются злейшими врагами, родные — предателями. Любовные драмы, служебные интриги и семейные тайны, взлеты и падения — все это в новом романе Семена Малкова — автора лучших народных романов о жизни и любви.

- [Малков Семен Наумович](#)
    - [Пролог](#)
    - [Часть первая. РАЗВЕНЧАНИЕ КУМИРА \(60-е годы\)](#)
      - [Глава 1. САМОРАЗОБЛАЧЕНИЕ](#)
      - [Глава 2. НАПЕРЕГОНКИ](#)
      - [Глава 3. ОБЕЩАНИЕ КОММУНИЗМА](#)
      - [Глава 4. ПОЛИТИКА БОТИНКА](#)
      - [Глава 5. КРИЗИС ЛАГЕРЯ СОЦИАЛИЗМА](#)
      - [Глава 6. ЗАГОВОР ПАРТБЮРОКРАТОВ](#)
    - [Часть вторая. ПЕРЕРОЖДЕНИЕ \(70-е годы\)](#)
      - [Глава 7. МОРАЛЬНОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ](#)
      - [Глава 8. ГОСПОДИН ДЕФИЦИТ](#)
      - [Глава 9. ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА](#)
      - [Глава 10. КРАХ ИДЕОЛОГИИ](#)
      - [Глава 11. ПРОВАЛЬНЫЕ АВАНТЮРЫ](#)
      - [Глава 12. РАЗОРЕНИЕ](#)
    - [Часть третья. АГОНИЯ \(80-е годы\)](#)
      - [Глава 13. РАСЦВЕТ ЗАСТОЯ](#)
      - [Глава 14. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРАХ](#)
      - [Глава 15. МАРАЗМ РЕЖИМА](#)
      - [Глава 16. ПОПЫТКИ САМООЧИЩЕНИЯ](#)
      - [Глава 17. АРХИТЕКТОРЫ ПЕРЕСТРОЙКИ](#)
      - [Глава 18. КРАХ КПСС](#)
-

Малков Семен Наумович
Несбывшиеся надежды
Вертикаль жизни-2

Пролог

Академик Наумов открыл глаза. Он лежал, опутанный проводами и трубками медицинских приборов.

— Как себя чувствуете? - спросил дежурный врач, взглянув на показания приборов. — Пришла ваша супруга. Вас это не утомит?

— Нет. Я хочу ее видеть, — еле слышно произнес академик.

Врач вышел, и сразу появилась Варя. Она окинула придирчивым взглядом больного и палату, положила сумочку и опустилась на стул рядом с койкой, ласково взяв его за руку. Артём Сергеевич смотрел на ее поблекшее и располневшее, но такое доброе и милое лицо; теплая волна захлестнула его больное сердце.

«Только бы не отдать концы у нее на глазах! Она этого не выдержит, — мелькнула опасливая мысль, пока он боролся с вновь охватившей его слабостью. — Не дай Бог! Ведь я всем ей обязан. И своей успешной научной карьерой, и тем, что счастливо прожил столько лет!»

Боль и на этот раз отступила, дыхание у него восстановилось, и при виде сидящей рядом любимой спутницы жизни на Артёма Сергеевича вновь нахлынули воспоминания.

Когда рухнул его первый брак — судьба подарила ему встречу с Варей. Это произошло с наступлением знаменитой «хрущевской оттепели».

**Часть первая. РАЗВЕНЧАНИЕ КУМИРА
(60-е годы)**

Глава 1. САМОРАЗОБЛАЧЕНИЕ

Смерть Сталина и расправа с его «карающим мечом» Берией положили начало новому этапу и совершенно иному стилю коммунистического правления.

Сперва это выразилось в непривычных разъездах новых лидеров СССР по столицам капиталистических стран и их встречах с главами государств, ранее считавшихся потенциальными противниками. Это было столь непонятно и непривычно, что нового генсека Хрущева и председателя Совмина Булганина в народе насмешливо прозвали «туристами».

Подлинным шоком для всех было начавшееся с приходом к власти Хрущева развенчание его умершего предшественника, официально именуемое «устранением ошибок, связанных с культом личности Сталина». К началу 60-х годов эта кампания, начатая после знаменитого доклада нового лидера партии, уже набрала силу и не только привела в замешательство большинство коммунистов и беспартийных, которым десятилетиями внушали легенду о непогрешимости «вождя всех народов», но и вызвала резко негативную реакцию соратников по социалистическому лагерю.

Артём Наумов после женитьбы стал всерьез подумывать о вступлении в партию, но тут был совершенно сбит с толку.

— Не могу поверить, что все это правда, — недоумевал он в разговоре со своим тестем Андреем Ивановичем. — Сталин слишком доверял своим помощникам, которые оказались бессовестными и жестокими карьеристами. Недаром он сам покарал Ягоду и Ежова. Уверен, что Берия ждала та же участь. Предвидя свое разоблачение этот негодяй и погубил вождя!

— Хрущев знает, о чем говорит, — нахмурился тесть. — Он же сам во всем участвовал. Сталин был не только в курсе дел. Все эти злодеяния совершались по его прямому указанию.

Слова Андрея Ивановича поразили Артёма в самое сердце. Он с недоверием посмотрел на тестя.

— Но ведь, если все это правда, то и Хрущев должен ответить за гибель сотен тысяч невинных людей! Он был ближайшим его соратником и во всем активно участвовал. И почему тогда вы сами так горевали, когда умер Сталин, если знали о его преступлениях?

— Я горевал потому, что партия потеряла великого вождя, который мог бы привести к победе коммунизма, — все так же хмуро объяснил Андрей Иванович. — Хрущев ему в подметки не годится. У себя дома Сталин из него и Микояна шутов делал. При жизни Никита перед ним пресмыкался, а теперь, похоже, мстит покойнику, — и, чуть помолчав, добавил: — Но то, что Хрущев старается восстановить справедливость и честное имя жертв репрессий, хоть и запоздалое покаяние, все же очень хорошо! Поэтому я его не осуждаю. Противоречить Сталину тогда никто не смел. Хотя исправить ошибки Никита Сергеевич мог бы, и не топча прах вождя. Это очень повредит авторитету нашей партии и коммунистическому движению в других странах.

Сомнения Артёма, вызванные разоблачением культа личности Сталина, не повлияли на его решение стать членом партии.

Прекрасные идеи всеобщего равенства и братства, построения справедливого общества, а не такого, где «человек человеку — волк», вызывали горячий отклик в его душе и в то время не казались утопией. Он и раньше вступил бы в партию, но не считал еще себя достойным.

Теперь же, став семейным человеком (дочке недавно исполнилось пять лет), Артём счел, что вполне морально устойчив, и не уронит высокого звания члена партии. Он был одним из ведущих инженеров научно-исследовательского института ГВФ, красовался на Доске Почета, и его самолюбие ущемляло то, что важнейшие проблемы отрасли обсуждаются на партсобраниях без его участия.

— Ты бы, все-таки, подождал со вступлением, — старалась остудить его «партийный» пыл жена Надя. — Защити сперва свою кандидатскую, а тогда уж и вступай!

— Общественных нагрузок у меня и сейчас хватает, — объяснял Артём. — А по работе мне это необходимо. И допуск совсекретный поскорее оформят, да и защититься, наверное, легче будет, когда стану членом партии.

Видно, этот аргумент произвел на Надю впечатление, так как она больше мужа не отговаривала и, еще до конца первого года нового десятилетия, Артём Наумов влился в ряды молодых строителей коммунизма. В отделе, где он работал, его любили, старшие товарищи охотно дали требуемые рекомендации и, пройдя без осложнений все ступени приема, он порадовал отца и тестя, став обладателем партийного билета.

Кандидатская диссертация у Артёма Наумова продвигалась успешно. Имея уже немалый опыт по ремонту авиационной техники, он удачно выбрал Тёму для научной разработки. Среди основных производственных проблем наиболее острыми были — плохая технологичность конструкции самолетов и постоянная нехватка запчастей. Над первой — велась работа в конструкторских бюро, но запчасти оставались постоянной «головной болью» производства. Вот этой жгучей проблеме широкомасштабного восстановления самолетных агрегатов и посвятил Артём свой научный труд.

Еще работая на заводе, Наумов организовал поточную линию ремонта шасси самолетов, которая дала большой экономический эффект. Теперь же он решил научно обосновать и разработать методику поточного восстановления агрегатов в условиях авиаремонтного производства. А то, что им было сделано на заводе, должно было явиться практическим внедрением и наглядным доказательством ее эффективности.

— Ты успешно защитишься, Артём, можешь не сомневаться! — подбадривал его научный руководитель диссертации, профессор кафедры организации производства Валентин Михайлович Малахов. — И математический аппарат твоей методики на высоте, и главное — доказана на практике ее польза!

Выпавшая Артёму в ту пору нагрузка была очень велика, так как разработку диссертации ему пришлось вести без отрыва от выполнения научной тематики отдела института, в котором он работал. Да и семейных забот, после рождения дочери, было предостаточно. Основной проблемой была постоянная нехватка денег. Надежда, которая привыкла следовать последнему крику моды, остро переживала материальную нужду, поскольку не могла себе позволить одеваться так, как ей хотелось.

— Ты когда-нибудь защитишь свою диссертацию? До каких пор будешь вкалывать за жалкие гроши? — донимала мужа упреками. — Я больше не в силах считать рубли и перебиваться кое-как от получки до получки. Спасибо еще, что мой отец нам помогает, а то не знаю, что и делала бы!

— Могла бы и повременить с покупкой новых тряпок, — вяло отбивался Артём, — Вот защищусь, буду получать вдвое больше, тогда — пожалуйста! Разве не ты уверяла меня, что со мной готова терпеть все трудности? — не преминул он напомнить. — А теперь всю плешь мне

проела!

— А ты и поверил? — расхохоталась Надя. — Чего девушка не пообещает, когда ей замуж хочется! — и уже спокойнее предложила. — Давай я поговорю с папой, чтобы устроил тебя редактором в издательство. Там и без ученой степени будешь столько же получать. Да и защитишься ли ты, это еще вопрос!

— Разве я виноват, что научным работникам хорошо платят только за степени? — отбивался Артём. — Ты же знаешь, что я занят интересным и нужным делом. Скучная работа редактора не по мне. Диссертацию защищу, не сомневайся! Придется еще немножко потерпеть. Не сразу Москва строилась! — и, стараясь ее приободрить, добавил: — Хоть материально и трудновато, но разве плохо мы живем? Думаю, лучше многих! У кого еще из твоих подруг есть отдельная двухкомнатная квартира? Кто еще, кроме тебя, няню держит?

Но Надя не удержалась, чтобы не уколоть:

— Говоришь так, будто квартира — это твоя заслуга. Не видать бы нам ее, если бы я не уговорила свою бабушку съехаться! И няню держим не на твою зарплату.

— Квартира — наша общая заслуга, — возразил Артём. — Без комнаты, которая мне досталась после размена с папой, ее не было бы. И помощь твоего отца нужна нам лишь до тех пор, пока я не смогу зарабатывать столько, — бросил он на нее укоризненный взгляд, — чтобы ты перестала меня пилить.

Но Надя и не думала сдаваться.

— Нет, я буду продолжать тебя пилить, чтобы ты перестал мириться со своим жалким положением. У тебя есть способности и ты обязан добиться успеха ради нас с дочкой! — голос ее звенел. — Другие действуют куда энергичней.

— Ты имеешь в виду Стаса? — досадливо поморщился Артём. — Все завидуешь своей подруге?

Станислав Адамов был женат на ее подруге Валентине. Все они учились в одной группе университета. Простой московский парень, он сдружился с сыном видного итальянского коммуниста. Благодаря тесному общению с ним свободно овладел языком и, не без содействия папаши итальянца, был взят на работу в наше посольство. Валя приезжала повидаться с родными, щеголяла перед подругами в заграничных шмотках, и Надежда была вне себя от зависти.

— Разумеется, не его! Стас — это особый случай. Тебе до него — как до Луны, — насмешливо скривила губы Надя. — Я имела в виду твоего

друга Юру Гордона. Он моложе тебя, но уже кандидат наук и заведует лабораторией! — поняв, что сумела задеть самолюбие мужа, решила закрепить успех: — Но не только его. Ларкин друг, Гарик Мельниченко, стал спецкором. Он все время ездит за границу и привозит ей целые чемоданы барахла, — Надя подняла на него глаза. — Да ты ведь знаешь их обоих. Мы были у Ларки, когда Гарик вернулся из Африки. Я читала его репортажи — ничего особенного. Ты пишешь куда лучше!

Артёму крыть было нечем:

— Ну что же — считай, что тебе не повезло!

Он отлично зайомнил ту вечеринку, которую тогда устроила у себя Лариса, но не из-за зависти к Гарику, а совсем по другой причине.

* * *

Надежда, что и говорить, была яркой личностью. Острая на словцо, она всегда выделялась в женском обществе:

Может поэтому, хотя ее окружало много подруг, не слишком близко с ними дружила. Основную компанию, которую они собирали у себя дома, составляли женатые друзья Артёма — Юра Гордон, Марк Петляк и их общие знакомые, с которыми они обычно встречали все праздники.

В отличие от приятелей Нади — людей интересных, но самодовольных и прагматичных, его друзья были жизнерадостными и остроумными. С ними было легко. Потому он неохотно бывал у знакомых жены, где преобладал дух чопорности и мещанства, разговоры велись лишь о том, кто что видел и приобрел за границей, а развлечением были лишь модные шлягеры.

В тот раз Артём охотно пошел на вечеринку к Надиной подруге, и объяснялось это просто: он был заинтригован.

— Ты знаешь, кого еще позвала к себе Ларка? — насмешливо сказала Надя, — Алену! Ну да, ту самую, — добавила, заметив, как у мужа сразу вспыхнули глаза, — которая точная копия Марины Влади. Ну и дура!

В те годы популярность у нас этой «русской француженки» достигла своего пика. Ее исполнение роли колдуньи в фильме по повести Куприна всех просто очаровало, и мужчины поголовно были в нее влюблены задолго до того, как она стала женой Высоцкого. Само собой, не остался равнодушным к ней и Артём.

— Почему же дура? — не понял он. — Если Алена так похожа на Влади, как об этом судачат, то она у Ларки будет гвоздем программы. Стоит

пойти в гости, чтобы взглянуть на эту красотку! - добавил он, сразу повеселев.

— Конечно, Ларка дура! — фыркнула Надя. — Ведь Гарик ей не муж. А она пригласила эту куклу! Он хоть с виду плюгавенький, но все же — спецкор, и Алена на него клюнет!

— Думаешь, она отобьет Гарика у Ларисы? — усомнился Артём.

— Может, и не отобьет, но увлечься этой красавицей может запросто, — усмехнулась Надя. — Я бы на месте Ларки так глупо не поступила!

В ее правоте Артём скоро убедился. Сходство Алены с Влади превзошло все ожидания. Эта девушка с лицом двойника кинозвезды, казалось, была соблазнительнее француженки. Рядом с мелким, плешивым и уже ожиревшим, несмотря на молодость, Гариком она казалась античной богиней, но откровенно с ним кокетничала.

Пухленький Гарик, явно рисуясь перед Аленой, долго и многословно рассказывал о красотах Африки и обычаях чернокожих, а потом стал угощать гостей привезенными «из-за бугра» виски и баночным пивом. При этом, не обращая внимания на то, как злится Лариса, он усиленно ухаживал за красоткой. Та же на удивление много пила и очень быстро захмелела. Изрядно накачавшись, они покинули остальное общество, оставив всех в шоке.

— Пойди и приведи в чувство этого борзописца! — не выдержав, потребовала от мужа Надя. — Вправь ему мозги! Не могу видеть, как мучается Ларка.

Сознавая, что и правда, нужно спасать положение, иначе вечер будет вконец испорчен, Артём поднялся и вышел, надеясь застать Гарика с Аленой целующимися на кухне и нарушить их альянс, вернув спецкора обществу. Однако сделать это не удалось, поскольку парочка заперлась в ванной. По несущимся оттуда стонам было понятно, что любовный процесс у них в разгаре, и ему не оставалось ничего другого, как вернуться.

— Кто я такой, чтобы им мешать? — смущенно шепнул он на ухо Наде в ответ на ее недовольный взгляд. — Этот спецкор просто подонок, а еще в репортажах мораль разводит!

Сделав вид, что ничего не произошло, и сославшись на необходимость уйти пораньше из-за ребенка, они поблагодарили Ларису за гостеприимство, распрощались и поспешили домой, унося с собой чувство сожаления и брезгливости.

Если бы не постоянное безденежье, Артём с Надей, наверное, были бы довольны жизнью. Дочь Аня, названная в память его мамы, росла здоровенькой и доставляла им много радости. В друзьях тоже недостатка не было. И пока помогал материально отец Нади, она еще кое-как мирилась с трудностями быта. Но тут произошла трагедия!

Тесть Артёма, завершив многолетний труд над докторской диссертацией, накануне защиты по неизвестной причине повесился у себя дома в туалете. И хотя в последнее время он сильно пил, прошел слух, что в несчастье виновна его вторая жена. Похоронили Андрея Ивановича с должными почестями, и очень скоро выяснилось, что денег на жизнь Артёму и Наде катастрофически не хватает.

К этому времени Артём уже представил готовую диссертацию на кафедру учебного института, при которой состоял заочным аспирантом, однако Надя не выдержала, и их семейная жизнь покатила под откос. Занятый по горло работой и научными делами, он не замечал, что жена стала частенько отлучаться из дома... А глаза ему неожиданно открыла ее подруга Наташа Семенова.

Наташу Артём знал еще до того, как женился на Наде. Она сама имела на него виды, и они некоторое время встречались, — в основном, по ее инициативе. Она была миленькой, но не очень умной, и, главное, слишком болтливой. Стараясь произвести впечатление, Наташа способна была заговорить любого до полусмерти, и он стал ее избегать. Потом она надолго исчезла из его поля зрения и вновь появилась, уже будучи замужем, в качестве подруги его жены. Не зря говорят — тесен мир!

Муж у нее был художник, молчаливый увалень, и это подтверждало истину, о сходстве противоположностей. Похоже было, что они неплохо ладят, но все же Наташа продолжала оказывать Артёму недвусмысленные знаки внимания. Он, естественно, не мог их не заметить, но ничем не поощрял, и она особой настойчивости не проявляла. И вот, зайдя к ним за чем-то и не застав Надю дома, Наташа, понизив голос, сказала:

— Не могу удержаться, чтобы не сообщить тебе важную вещь, Тёма. Знаю, что поступаю глупо, вмешиваясь в ваши семейные дела. Но я слишком хорошо к тебе отношусь, — она бросила на него горячий взгляд. — Да ты и сам знаешь это!

— Догадываюсь, — пошутил Артём, не скрывая, что заинтригован. — Ладно, Натка, присаживайся и сообщай свою новость!

— Боюсь, Тёмочка, что тебя она не обрадует. Но сказать это я должна, — с искренним сочувствием сказала Ната. — Ты знаешь, что жена хочет от тебя уйти?

Артём удивленно пожал плечами, но, поняв, что шуткой здесь и не пахнет, нахмурился.

— Не нужно предисловий, Натка, я не слабонервный! — сухо потребовал он. — Выкладывай, все что знаешь.

— Я Надю хорошо изучила, — сказала Ната без тени улыбки. — И поняла: раз она со мной так откровенна, значит все уже решила!

— Что решила? — не выдержал Артём. — Говори, не тяни резину!

— Решила, что ей нужен другой муж. Вот что! Ты ее, видите ли, больше не устраиваешь!

— Она так и сказала? — глухо отозвался Артём, почему-то сразу ей поверив.

— Примерно так, но более подробно, — подтвердила Ната. — Ты слишком мало зарабатываешь и вообще не перспективен. С тобой она просчиталась. Вытянула пустой лотерейный билет!

Она говорила быстро и отрывисто и от каждой фразы Артём вздрагивал, как от удара кнута.

— Пустой, говорит? А как же Анечка? — растерянно произнес он. — Ты знаешь, что Надя и сейчас беременна? Она сошла с ума!

— Нет, мне так не показалось, — с откровенной враждебностью к его жене возразила Ната. — Она и об этом мне сказала. Второго ребенка не будет. Надя сделает аборт. И похоже, у нее уже кто-то есть на примете.

— Вот даже как? — оторопел Артём. — Ну и дела... Она меня предала! — крикнул он срывающимся голосом. — И до чего подло, тайком! Я ей этого не прощу!

— И правильно сделаешь! Не стоит тебя эта карьеристка, — горячо произнесла Ната. — Ты замечательный, Тёма, ты всего добьешься! Она еще локти будет кусать.

Но Артём уже овладел собой.

— Ладно, хватит об этом. Я тебе очень благодарен, — тихо сказал он неожиданно севшим голосом. — Ты поступила как настоящий друг, вовремя открыв мне глаза. Иначе я бы чувствовал себя полным идиотом! — и с горечью добавил: — Жаль мне только дочку. Но что поделаешь? Через это надо пройти. Не я первый такое терплю, не я последний!

* * *

В том, что Наташа Семенова сказала ему правду, Артём не сомневался, но все же решил до разговора с женой поехать к отцу, — посоветоваться,

как быть. Оставаться дома стало невыносимо. «Права была мама, пытаюсь помешать моей женитьбе на Наде, — с тоской подумал он, подходя к дому, где жил отец после размена их Покровской квартиры. — Интуитивно предвидела, что с ней буду несчастлив».

Сергей Ильич последний год тяжело болел. Он всегда был очень здоровым человеком, даже простудой никогда не страдал. Поэтому все недоумевали, откуда у него взялась язва, когда раньше на желудок не жаловался.

Лёля неоднократно предлагала переехать к ней, однако отец согласился лишь жить летом на казенной даче в Серебряном бору, которую предоставили ее мужу, видному журналисту.

— Не хочу быть обузой! У вас и без меня забот хватает, — всякий раз отговаривался он. — И вообще не хочу быть бесполезным старикашкой в семье. Я еще способен жить самостоятельно!

— Ты не обуза! — убеждала Лёля. — Поправишься, будешь мне помогать.

— Нет уж! Если не протяну ноги после операции, то еще, наверное, женюсь, — полушутя возразил Сергей Ильич. — Ты должна понять меня, дочка! Ведь после смерти мамы прошло пять лет, и я еще не такой дряхлый.

— А что, без операции не обойтись? — обеспокоилась Лёля.

Сергей Ильич в ответ лишь махнул рукой, и по его потемневшему лицу она поняла, что болезнь отца намного серьезнее, чем он старается показать. Вот и Тёма застал его в постели за чтением медицинского справочника. Увидев сына, Сергей Ильич просиял и поспешно отложил книгу, загнув страничку.

— Я так понял, что у тебя неприятности? Не принимай близко к сердцу — все перемелется. Главное — береги здоровье! — сказал, вставая с постели. — Ты присядь, я пойду чайник вскипячу. Тогда и поговорим.

— Не хлопочи, папа, я сам, — попробовал остановить его Тёма, но отец лишь мотнул головой и решительно направился к двери.

Как только он вышел, движимый каким-то шестым чувством, Артём взял в руки справочник и открыл его. на загнутой странице. Страшное слово «канцер» не требовало перевода. «Значит, папа подозревает, что у него рак, а нас уверяет, что язва. Если так, дела его плохи!» Он быстро положил справочник на место, и вовремя: вернулся отец.

— Ну вот, чайком побалуемся, — бодро сказал Сергей Ильич, подходя к буфету. — У меня хороший, цейлонский. Давай, сын, выкладывай свои беды, пока я накрываю на стол.

— Мы, наверное, разойдемся с Надей, — не в силах больше держать это в себе, объявил Артём. — Она меня предала, папа!

Сергей Ильич, наполнявший чашки, сразу поставил чайник, и опустил на стул. Лицо сморщилось, словно он проглотил горькую пилюлю.

— Да что такое ты говоришь? Этого не может быть! Надя достойный человек, и она любит тебя и Анечку. Я знаю!

— Это я — недостойный человек, папа! Так она считает, потому что очень мало зарабатываю и не способен содержать семью. Анечку любит, а меня — нет. Хочет уйти и, говорят, уже нашла себе другого.

Сергей Ильич непримиримо замотал головой.

— Не верю я этому! Она сама тебе это сказала?

Он с трудом перевел дыхание:

— Будь Надя тобой недовольна, не стала бы так внимательно относиться ко мне. Я достаточно хорошо знаю женщин и люблю Надю! Не горячись, сын, и не руби с плеча! Семейей нужно дорожить!

— Да что ты меня поучаешь? Разве это я не дорожу семейей? — вспыхнул Артём. — Говорю же — это Надя хочет уйти и ищет себе другого. И я действительно, — в его голосе было отчаяние, — не могу создать ей хорошую жизнь!

— И слушать ничего не желаю! Не будь слабаком! — замахал руками Сергей Ильич. — Сделай все, чтобы сохранить семью! И не падай духом, трудности ваши — временные. Ведь ты скоро станешь кандидатом наук, а там, глядишь, и доктором!

— Никем я не стану! — вне себя воскликнул Артём. — Как я могу думать о защите, когда от меня вот-вот уйдет жена и заберет дочь? Когда я теряю самое дорогое? Придется даже от загранкомандировки отказаться! — он с отчаянием посмотрел на отца. — Разве могу я сейчас отправиться за рубеж?

— Немедленно успокойся и возьми себя в руки! — строго прикрикнул на него Сергей Ильич. — Это что еще за загранкомандировка? Ты едешь от своего НИИ?

— Никуда я теперь не поеду! — угрюмо заявил Артём. — А посылают меня в Польшу и Чехословакию в составе торговой делегации. Я должен показать в действии аэродромную установку, которую мы продаем за рубеж.

Видно, Сергей Ильич был приятно удивлен: лицо у него разгладилось.

— А почему выбор пал на тебя? — поразился он. — Что, больше некого было послать?

— Это я проводил испытания установки и лучше всех ее знаю, — объяснил Тёма. — Но теперь это неважно. Найдут, кого послать вместо меня!

— Отказываться от поездки тебе не следует, — решительно сказал Сергей Ильич. — Загранкомандировками не швыряются, а у тебя она — первая.

Он тяжело поднялся со стула и стоял перед Артёмом, массируя рукой живот. Видно, боли давали себя знать.

— Сейчас тебе объясняться с Надей не стоит. Это приведет только к разрыву, — посоветовал он. — Нужно выждать время, может сама одумается, и все уладится. Твоя командировка как нельзя кстати!

— Но ведь Надя мне изменила, предала меня! Неужто я должен это простить? — мрачно возразил Артём. — Если даже сейчас одумается, может предать снова!

— А ты точно это знаешь? — строго посмотрел на него отец. — Зачем пугаться заранее? Ты должен больше верить в свои силы. Сам не без греха!

Сергей Ильич устало сел на постель и скинул шлепанцы.

— Пожалуй, прилягу. Что-то опять нездоровится, — морщась от боли и глотая какие-то пилюли, сказал он Артёму. — Спокойно поезжай за границу, и на время выбрось все это из головы — вот тебе мой совет. Приедешь, тогда будет видно, что делать.

* * *

Вняв совету отца, Артём решил отложить выяснение отношений с женой до возвращения. То, что Надя последнее время перестала его пилить, каждый день наряжалась и не обращала внимания на его холодность, подтверждало сказанное Наташей Семеновй. Но, занятому подготовкой к отъезду, выяснять правду ему было недосуг. Желая сохранить душевное равновесие, он старался об этом не думать. Радость Нади по поводу заграничной командировки мужа можно было объяснить естественными причинами, и Артёму хотелось в это верить.

Первый выезд за границу принес ему массу впечатлений и запомнился на всю жизнь. Начиная с оформления документов и инструктажей в компетентных органах, прохождения таможенного досмотра и пограничного контроля. Во времена «железного занавеса» и холодной войны поездки за рубеж для граждан СССР были связаны со многими ограничениями и запретами. О такой свободе, как ныне, никто даже не

мечтал. Для Наумова все это было в новинку и с непривычки волнующе.

Их делегация состояла из семи человек. Кроме него в ней был только один специалист по технике — инженер Егоров из «Авиаэкспорта». Остальные представляли Внешторг и, по-видимому, спецслужбы. Так, их руководитель, Егор Егорыч, был явный комитетчик. И пресс-секретарь Тамара, объявившая, что она бывшая рекордсменка-велогонщица, похоже, также работала на КГБ. Среди внешторговцев было двое мужчин, начальников отделов министерства, и одна женщина, Яна Павловна, ведущий экономист.

В соответствии с программой, сперва прибыли в столицу Польши. В начале 60-х Варшава еще не была полностью восстановлена. Взорванный фашистами после восстания район лежал в руинах. Но зато древний центр Варшавы, «Старо място», с живописными, теснящимися друг к другу фасадами домов, был уже отреставрирован, над городом громоздился Дворец культуры — огромное высотное здание, построенное как дар Советского Союза. Повсюду кипела жизнь.

Работа занимала лишь первую половину дня, и оставалось много свободного времени. Как все «советские», первым делом, они отправились в поход по магазинам. Приехав из страны пустых прилавков, хотелось купить многое, благо в Польше торговля процветала, и многочисленные частные лавочки были полны товаров. С валютой у «советских» было плохо, но оказалось, что есть спрос на русскую водку, электробритвы и капроновые чулки. Продав все, что было возможно, они сумели приобрести самую малость из того, чего им хотелось.

Из «культурной программы» Артёму больше всего запомнилось посещение художественного музея и ресторана в «Старом мясте», куда их повели гостеприимные хозяева. В ресторане его поразила свобода, которую могут позволить себе поляки в высказываниях и поведении. Какая-то подвыпившая компания прямо посреди ресторана устроила веселую «кучу малу», пышнотелая девица показала невиданный им доселе стриптиз, а бойкий куплетист под общий хохот и аплодисменты исполнял сатирические стишки такого содержания:

...Не вернуться нам в Европу, коль мы лижем Кремлю ж..пу, а Варшавская высотка — яко прыщ на лбу красотки!

— Выходит, вам не нравится Дворец культуры? — удивленно спросил Артём у одного из сопровождавших их поляков. — И мы, и все, кто приезжает в Москву, считаем, что высотные дома украшают нашу столицу.

— Что хорошо для Москвы, то не годится для Варшавы. Так считают у нас многие, — вежливо ответил поляк. — Они говорят, что это здание не

гармонирует с архитектурой нашей столицы.

Но особенно удручающе подействовало на Тёму посещение музея. Там было немало хорошей живописи, но сюжеты многих картин его возмутили. Бравые польские всадники в фуражках конфедератов лихо рубили русских солдат в мундирах прошлого века.

— Эти полотна посвящены польскому восстанию Кос-тюшко,— пояснил им гид, заметив негативную реакцию русских. — Вы знаете из истории, что оно было жестоко подавлено вашим знаменитым полководцем Суворовым.

— Но ведь Суворов легко подавил восстание. И его солдаты были признаны лучшими в мире, — не стерпел Артём, несмотря на предостерегающий взгляд Егор Егорыча. — Разве соответствует исторической правде то, что изображено на этих картинах? Будто наши солдаты бегут от храбрых конфедератов?

— Художники здесь проявили свой патриотизм, — не нашел лучшего объяснения гид и смущенно умолк, понимая слабость своего аргумента.

— Такой патриотизм вряд ли служит укреплению дружбы наших народов, — Яна Павловна решила поддержать Артёма. — Зачем культивировать то, что нас разъединяет?

Гид окончательно смешался, и они двинулись дальше. «А она положила на меня глаз. Всякий раз старается меня поддержать, выказать свое расположение, — подумал Артём, исподтишка оглядывая ее всю. — Неужто задумала гульнуть от мужа? Интересно, намного ли она меня старше?»

О Яне Павловне было известно, что муж у нее большой чин во Внешторге, чуть ли не замминистра, — и они недавно вернулись из Йемена, где прожили несколько лет. Видно, скопили немало валюты, так как она всегда была прекрасно одета и, в отличие от Тамары, не продавала чулки. Догадка Артёма подтвердилась во время прощального ужина с поляками в их гостинице. Яна Павловна сама пригласила его танцевать и откровенно зазывала в свой номер «выпить на брудершафт». Артём изрядно «принял» за ужином, но, несмотря на хмель и большой соблазн, в тот раз устоял.

«Наверное, поступаю глупо. Может, Надя там всю закрутила новый роман. Зачем же мне блюсти ей верность?» — угрюмо думал он, возвращаясь в свой номер, который занимал на пару с Егоровым.

Наутро они уже отбыли из Польши.

В Чехословакии все повторилось. Не дождавшись от него проявления инициативы, Яна Павловна решила действовать сама. В Праге, когда

выдалось свободное время, попросила Артёма сопровождать ее при осмотре города. Погода была чудесная, стоял цветущий май. Они не спеша прошли по набережной Влтавы, полюбовались скульптурами знаменитого Карлова моста и осмотрели старинную Злату улочку, на которой тогда еще сохранились мастерские средневековых ремесленников.

Яна рассказывала о себе, о муже, о жизни на Арабском Востоке. Оказалось, что с мужем они вместе выросли, и их любовь еще со школы. В юности на реке он даже спас ей жизнь.

— Он большой, сильный человек, но... — голос Яны дрогнул. — Заболел и стал... — она снова замялась, — нет, не инвалидом, но, по-моему, еще хуже... Вадим стал... импотентом. — Яна смущенно взглянула на Артёма, но он тактично промолчал. — Мы перепробовали все средства, но ничего ему не помогло, — сказала она с горечью. — Можешь не верить, но я его люблю и никогда не брошу! Хотя жить с ним мучительно. Я ведь еще молодая и здоровая женщина! — Они уже вышли на Вацлавскую площадь и остановились у знаменитых часов на ратуше, дожидаясь, когда они пробьют, и в окошках появятся апостолы. — Ты, наверное, осуждаешь меня, Артём? Но поверь, я не какая-нибудь распутница. Просто мне необходим мужчина. Это же естественно! Разве, в моем положении, я обязана соблюдать верность мужу?

— Нет, — тихо отозвался он. — А вот моя жена — обязана, так как я — здоровый мужик, люблю ее и ей предан!

— Да уж, то, что ты ей предан, я вижу, — грустно пошутила Яна. — Мне завлечь тебя не удастся! А что, твоя жена это не ценит? — она заглянула ему в глаза, осененная внезапной догадкой. — Поэтому ты всегда такой грустный?

— Выходит, что так, — признался Артём. — Жена собирается бросить меня из-за того, что мало зарабатываю, и не хватает денег на жизнь. Надеется найти себе побогаче!

— Неужели только из-за денег? Может, у тебя тоже проблемы... — с усмешкой отвела глаза, — ...ниже пояса?

— Да в порядке у меня все там! — досадливо отмахнулся он. — Моя Надя привыкла быть в первой шеренге модниц Москвы, а того, что я получаю, на такие наряды не хватает. Секс у нее не на первом месте.

— Ну и дура же твоя Надя! — горячо произнесла Яна. — По себе знаю: можно иметь все, но без женского счастья ничего не радует. Наверно, — с сомнением покачала головой, — у вас все же что-то не так.

— А тебе хочется меня проверить? — с грубоватой насмешкой спросил Артём. — Ну, что ж, это можно устроить. Но, только в Москве, и

только... — уже серьезно добавил он, — если жена, и впрямь, окажется дурой.

— Может, обсудим это в ресторане? — повеселела Яна, кивнув на яркую вывеску с манящим названием «Альгамбра». — Я ужасно проголодалась и не откажусь выпить, — рассмеялась она, — за будущую перспективу!

— Я бы непротив пригласить тебя, но ничего не выйдет, — развел руками Артём. — С валютой туго.

— А ты не бери это в голову! У меня ее хватает, — заверила Яна, похлопав по своей сумочке. — Думаешь, там одни командировочные?

— Нет, так не пойдет! — отрезал он. — Я ведь не альфонс. И уговаривать меня — бесполезно.

— Очень жаль! Слишком уж ты щепетилен! Мне ведь одной идти неудобно, — разочарованно произнесла

Яна. — Утешает лишь то, — она слабо улыбнулась, — что у нас появилась перспектива.

За оставшиеся дни командировки и по дороге домой они больше своих отношений не выясняли, обменявшись лишь адресами и телефонами;

* * *

Москва встретила Артёма теплом позднего мая. К своему удивлению, на перроне, среди ожидавших их поезда, он увидел Надю. Она улыбалась и энергично махала рукой. «Может быть, одумалась? — обрадовался он. — Если так, не упрекну ее ни единым словом. Ведь она просто поддалась своей слабости. И двигала ею не любовь к другому, а тщеславие». Он подхватил чемодан и уже через минуту сжимал жену в объятиях.

— Дома все в порядке, дочка тебя заждалась, все спрашивала: «А когда папа вернется? А что он мне привезет?» — без умолку тараторила Надя. — Бери чемодан и поехали! Мне самой не терпится посмотреть, что ты там купил.

Когда шли к стоянке такси, Артём мельком увидел Яну, садившуюся в черную персональную «Волгу». Ей помогал высокий осанистый мужчина, наверное, муж. По дороге Надя оживленно рассказывала о домашних делах, о друзьях и знакомых. В общем, вела себя с ним, как ни в чем ни бывало. Это сбило его с толку, и ему начало казаться, что все переживания после разговора с Наташей Семеновой были дурным сном.

То небольшое, что он привез ей и Анечке «из-за бугра», привело их

обеих в восторг.

Для дочки в Польше ему удалось купить в частной лавочке очень красивое пальто с капюшоном, а в Праге пару летних гарнитуров — маек-тельняшек с юбочками, и большого резинового крокодила. Удалось выполнить и заказ Нади. В Варшаве купил модные бронзовые заколки для волос «под старину» и халатик, а в Чехослоот вакии — летние туфли. На себя Артёму денег не хватило, но он смог наскрести на сувениры — для дома приобрел оригинальную пепельницу «негритянку», а для друзей и сослуживцев всякие мелочи: брелоки, красивые карандаши с ластиками и тому подобное.

— Как же ты сумел все это купить? — поразилась Надя. — Неужели тебе удалось так много сэкономить на еде?

— Пришлось загнать свою электробритву и кипяtilьник, — честно признался Артём. — Даже весь запас водки.

— Неужто и водку? — подняла брови жена. — *У них что, своей нет?

— Ее-то берут в первую очередь! — с улыбкой ответил Артём. — У них есть, конечно, и своя, но наша лучше. Как они утверждают, вкуснее и мягче.

Остаток дня они провели по-семейному тепло и спокойно. Зато супружеская ночь была очень бурной, после чего последние сомнения в неверности жены у Артёма исчезли. «Она любит меня по-прежнему. Это же ясно, — успокоенно думал он, проснувшись утром и нежась в постели, пока Надя готовила завтрак. — Видно было, как соскучилась». Но он горько ошибался!

Артём разбирался дома с документами, готовя отчет по командировке, когда ему снова позвонила Наташа Семенова.

— Тёма! Хорошо, что вернулся. У нас тут такое творится! — ошаршила она его сходу. — Я знаю, что ты дома один. Мне Надька позвонила из парикмахерской. Просила, чтобы я «прикрыла» ее на этот вечер, сказав тебе, в случае чего, что была у меня. Нам нужно поговорить.

Удар был так силен, что Артём даже растерялся.

— Ладно, только у меня нельзя, — отрывисто произнес он после паузы, понадобившейся ему, чтобы придти в себя.

— У меня тоже неудобно, — призналась Ната. — Давай, встретимся в кафе напротив моего дома! Тебе хватит полчаса, чтобы добраться?

Подтвердив, Артём обессиленно положил трубку.

Ната пришла без опоздания.

— Ты ведь знаешь моего сослуживца Владлена и его жену, Полину, — усевшись к нему за столик, начала она без предисловий. — Красивая пара.

Он высоченный, а Лина — просто фотомодель!

— Разумеется, знаю! — нетерпеливо прервал ее Артём. — А какое они имеют к нам отношение?

— Самое прямое! Потому что Надька закрутила с Владленом, и он собирается развестись с женой, — гневно сообщила Ната. — А ты ее все еще терпишь!

— Хватит меня байками кормить! — разозлился и он. — Больше ничего не могла выдумать? Задалась целью нас развести? Не думал, что ты на такое способна!

— Не будь дураком. Зачем мне это? — обиделась Ната. — Просто я к тебе хорошо отношусь и Владика жалко. Потому что и его Надька предаст! — она резко поднялась — Больше не скажу ни слова. Полина сама тебе позвонит. Она ждала твоего возвращения, — сказала в ответ на его удивленный взгляд, — Ты уж извини, но я дала ей твой телефон.

Ната ушла, оставив Артёма в мрачном раздумье. Не верить ей он не мог. Тяжелое предчувствие краха семейной жизни овладело им вновь.

* * *

Звонок Полины не заставил себя ждать. Не успел Артём вернуться домой и скрепя сердце взяться за бумаги, — настойчиво задребезжал телефон.

— Я хочу лишь подтвердить тебе то, о чем говорила Наташа, — сухо поздоровавшись, сказала Полина. — Владик заявил мне, что уходит к Наде. Я знала об их связи, — добавила она после паузы: чувствовалось, что очень волнуется, — но думала, что у него это несерьезно. Думала, что хочет отомстить мне за измену. — Артём молча слушал. Полина, тяжело дыша, добавила: — Наверно, так и было. Но Надька поступила подло!

— В чем же это проявилось? — не выдержав, отозвался Артём.

— Понимаешь, Владик приревновал меня к моему шефу. Ему показалось, что у меня с ним роман, — смущенно объяснила Полина. — Но доказательств у него не было, и мы бы наверняка помирились, если бы, — ее голос дрогнул — не Надька!

— А что она сделала? — повторил вопрос Артём.

— Представляешь? Ездил ко мне на работу, собрала все сплетни и убедила Владика порвать со мной. Можно подумать, что она лучше!

— И давно они встречаются? — коротко спросил Артём.

— Да всего-то пару недель, — желчно ответила Полина. — До него

она еще к кому-то подкатывалась, да не вышло. Так мне Натка сказала. Говорит, что ты, дескать, мало зарабатываешь, и она ищет мужа посостоятельнее.

— Неужто твой Вадим такой состоятельный? — усомнился Артём.

— А что? Он главный редактор, и его хотят сделать директором издательства, — серьезно ответила Полина. — Но я не порываю с ним вовсе не потому, — как бы оправдываясь, добавила она. — Стараюсь сохранить семью и... — она запнулась от злости, — не желаю уступать его этой дряни!

— Только не надо никого оскорблять, Поля, — оборвал он. — Если это правда, что у тебя связь с шефом, то тогда и ты ничуть не лучше! Ладно, закончим на этом. Спасибо за информацию.

Теперь все сомнения у Артёма исчезли, и он с болью в сердце осознал, что их семейный корабль пошел ко дну., Но решающему объяснению с Надей на этот раз помешало резкое обострение болезни отца. Вне себя от горечи и негодования он ждал прихода жены, но она, как и предсказывала Наташа, где-то пропала, и ее опередил звонок Лёли.

— Папе стало хуже, и врачи определили необходимость срочной операции. Завтра его положат в больницу. Сеня сумел устроить ему «кремлевку», но боюсь, — она всхлипнула, — что это уже бесполезно.

Семен Бандурский к этому времени стал главным редактором молодежной газеты и занимал в столице видное положение. Он не только сумел поместить тестя в лучшую больницу, но и оперировать его должен был знаменитый хирург. Однако родные уже знали о том, что у Сергея Ильича рак желудка и могли надеяться лишь на чудо. Всем было ясно, что конец близок.

Вот почему в тот вечер объясняться с Надей Артём не стал. «Сейчас этого делать нельзя, — твердо решил он. - Тогда наш разрыв станет неизбежен, и от папы скрыть его не удастся. Ему и так тяжело, а это добавит страданий. Придется терпеть, но кривить душой и спать с ней я не буду!»

Он достал из чулана раскладушку, которую держали на случай приезда гостей и, когда Надя наконец пришла домой, объявил:

— Спать буду отдельно. Поговорим обо всем после операции папы. Думаю, временное перемирие тебя тоже устраивает.

— А ты часом не спятил? — фыркнула Надя, хотя отлично поняла, что муж обо всем узнал. — Уж не подхватил ли дурную болезнь?

— Не считай меня дураком! — отрезал Артём, застывая раскладушку. — Но время для принятия решений еще не пришло.

На это Надя лишь пожала плечами и умолкла. Так до смерти Сергея

Ильича они и жили, разговаривая лишь о неотложных, текущих делах. Как и следовало ожидать, у отца обнаружили рак желудка и, хотя опухоль и три четверти желудка удалили, метастазы уже поразили другие жизненно важные органы. Это означало близкий конец. Известный профессор, руководивший операцией, произнес дежурную фразу:

— Слишком поздно обратились. На годик бы раньше, тогда его еще можно было бы спасти.

Казалось, Сергей Ильич решил опровергнуть роковой приговор профессора. Он быстро оправился от операции и, выйдя из больницы, не только совершал самостоятельные прогулки на даче в Серебряном бору, но даже в любую погоду купался в Москве-реке. Но опять начались сильные боли, и его вновь положили в больницу, на этот раз лишь для того, чтобы облегчить страдания.

Сергея Ильича все любили и старались скрасить ему последние дни. Не только Тёма, но и Надя часто его навещали и, по молчаливому согласию, оттягивали решающий разговор. Собственно, разрыв у них уже произошел, и последний месяц они спали врозь. Их семейная жизнь подходила к концу.

Глава 2. НАПЕРЕГОНКИ

Несмотря на все переживания, связанные с крахом семейной жизни и смертельной болезнью отца, на работе у Артёма дела шли по-прежнему хорошо. Этому способствовала эйфория от наступившей, как ее назвали

впоследствии, «хрущевской оттепели» и выдающихся успехов Советского Союза в космосе. Реабилитация и возвращение к активной жизни многих известных писателей, художников и ученых положили конец застою в культуре и искусстве, дали новый импульс развитию творческих сил общества.

Особенно воодушевляли успехи в гонке с Америкой по освоению космоса. После триумфального полета Гагарина и других первых героев-космонавтов, советских людей, привыкших к мысли, что мы во всем безнадежно отстали от передовых стран, это выдающееся достижение наполняло законной гордостью. Ведь тогда наши оппоненты могли запускать лишь крошечные спутники. И хотя в магазинах было по-прежнему пусто, все от души аплодировали популярным куплетистам Рудакову и Нечаеву, распевавшим такие частушки:

Серой, лапотной России
Называл нас Вашингтон.
Мы сегодня запустили
«Лапоть» весом в десять тонн!

По понятным причинам после работы ноги у Артёма домой не шли. Возвращался он поздно и лишь для того, чтобы переночевать. Сам напрашивался на командировки и принимал участие во всех мероприятиях, проводимых в НИИ, от спортивных состязаний и вечеров отдыха до игры в домино у себя в отделе. Общественная жизнь у них была ключом. Каждый уик-энд чего-нибудь затевали по профсоюзной и комсомольской линиям. Устраивали коллективные вылазки на пляжи или автобусные поездки в лес за грибами, где благодаря непременной выпивке происходило укрепление дружбы сотрудников.

Посещение театров и музеев было обычным делом. Но наиболее запомнился Тёме культпоход на выставку художников-абстракционистов в Манеже. Раньше это направление было объявлено извращением в живописи, и многих его представителей выдворили из страны. Это вызывало повышенный интерес. Однако Тёма был разочарован. Он так и не понял, что же хотели изобразить на картинах абстракционисты, хотя и

признавал их необычную яркость и красоту. Вскоре оказалось, что их группа была в числе последних посетителей.

«Выставку посетил Хрущев и приказал ее закрыть!» — посмеиваясь, передавали друг другу сотрудники института. — Он не только осудил это направление, как мазню, но даже обругал абстракционистов «пидарасами»! Вот и пришел конец его «оттепели». Нам снова будут диктовать, что хорошо и что плохо».

И все же свободы стало больше. На вечерах отдыха молодежь отплясывала запрещенный доселе рок-н-ролл, причем тон задавал комсомольский актив во главе с секретарем комитета Катей Анохиной. С ударником самодеятельного джаза Тер-Айвазяном они считались лучшей парой, но здоровенный армянин однажды, при исполнении головокружительного, па уронил партнершу, едва ее не угробив.

Хотя до развода еще не дошло, Артём считал себя свободным от моральных обязательств. И возможно завел бы флирт с привлекательной сотрудницей, но таковых у себя на работе не видел. Однако сердечную пустоту требовалось заполнить, и он вспомнил о Яне. Отыскал ее рабочий телефон, позвонил.

— Тёмочка! Неужто решился? — в голосе Яны звучала искренняя радость. — Это значит, что у нас появилась перспектива, или я ошибаюсь? — она говорила шутливым тоном, но чувствовалось, что волнуется.

— Мне сейчас не до шуток! Отец при смерти, и предстоит развод с женой, — откровенно признался Артём. — В общем, приходится довольно туго.

— Бедный мальчик! Тебе нужна моральная поддержка? — все еще в шутливом тоне, но очень тепло произнесла Яна. — Правильно сделал, что мне позвонил! Друзья познаются в беде. — И без околичностей предложила: — Давай встретимся в пятницу на речном вокзале в Химках! Поговорим и о твоих делах, и... — она интимно понизила голос, — о нашей... мм... перспективе.

— А почему именно в Химках? — замялся он. — И потом, у меня сейчас такое настроение, что я нагоню на тебя скуку. Я позвонил лишь узнать, как живешь.

— Мне плохо живется без тебя, Тёмочка! — горячо воскликнула Яна. — Поэтому не будем откладывать встречу! Ведь ты мне друг, не так ли? — Объяснила: — Химки подходят потому, что я близко живу и тебе туда недалеко от работы. А еще там в ресторане сейчас цыгане поют, и это украсит нашу встречу!

— Опять ты за свое? Я же сказал, что на ресторан у меня пока нет

денег, — недовольно ответил Артём. — Мы можем встретиться и погулять в «Эрмитаже». В этом саду очень уютно.

— Пожалуйста, не дразни меня, Тёмочка! И не лишай радости, — взмолилась Яна. — Это совсем не то, что нам обоим надо! Не щепетильничай! Мне это не в тягость, и ты можешь считать, что взял займы и отдашь долг, когда сможешь.

«А что? В ресторане и правда нам будет приятней, — мысленно сдался Артём. — Не стоит мне привередничать. Когда смогу, обязательно с ней рассчитаюсь!»

— Ладно, согласен, — все же испытывая неловкость, сказал он. — Но смогу быть не раньше семи.

— Ты очень милый, Тёмочка! — приглушенно проворковала Яна. — Я приду без опоздания. Столик будет заказан на твое имя.

Встреча Артёма с Яной в ресторане Химкинского речного вокзала вполне естественно закончилась тем, чего она так добивалась. Яна пришла особенно нарядная, в ярком макияже, благоухая французскими духами. Им было о чем поговорить, их переполняло взаимное влечение, а страстные цыганские романсы усиливали любовный накал. Выпито было так много, что несмотря на обильную закуску, оба они сильно опьянели. Когда, выйдя из ресторана, шли обнявшись по длинной аллее привокзального сада, Яна порывисто обвила его шею руками и жарко прошептала в ухо:

— Я хочу тебя, Тёмочка! Не могу так расстаться!

— Поехали к тебе, — тоже почему-то шепотом предложил он, сгорая от страстного желания. — Проведем вместе всю ночь!

— Нельзя! Вадим дома, — выдохнула Яна, впиваясь долгим поцелуем в его губы.

Недолго думая, движимый жгучим желанием, он увлек ее в густые кусты, окаймлявшие аллею. Было уже совершенно темно, и там, на голой земле, они предались своей страсти. Когда любовный пыл немного угас, Артём хотел было подняться, но Яна его удержала.

— Ну, хотя бы еще разок, милый! — умоляюще попросила она. — Мне было так хорошо!

— Ты хочешь, чтобы нас здесь застукали я забрали в милицию? — попробовал он ее урезонить. — Не боишься скандала?

— Ничего я не боюсь, — горячо ответила Яна, обхватывая его руками и вновь привлекая к себе. — Слишком долго ждала нашей встречи!

Соскучившегося по женской ласке Артёма уговаривать не требовалось, и, рискуя оказаться в милиции, они продолжали заниматься любовью на голой земле. Наконец, издав последний блаженный стон, Яна

удовлетворенно сказала:

— Я так рада, что не ошиблась! Ты был великолепен! Не горюй о своей дуре жене, — оправляя на себе платье, добавила она. — Я сделаю все, чтобы развеять твоё плохое настроение.

На обратном пути в такси Яна весело болтала, доказывая Артёму преимущества его будущей холостой жизни в её обществе и, расставаясь, предложила:

— Давай, в следующую субботу совершим прогулку по каналу на теплоходе! Мне сказали, — она заговорщицки понизила голос, — что можно снять каюту на двоих, и никто не спросит у нас паспорта, это тебе не гостиница! Билеты достать нелегко, но я сумею это сделать.

Таким образом, спустя неделю, они встретились вновь, уже на борту двухпалубного теплохода, совершавшего трехчасовую увеселительную прогулку по каналу Москва — Волга. В том, что это плавучий «дом свиданий» Артём убедился ещё при отплытии. Влюбленные парочки самого разного возраста быстро поднимались по сходням и прошмыгивали в каюты, явно стараясь не бросаться в глаза. Погода была чудесная, оркестр на палубе выдавал зажигательные ритмы, но никто не танцевал. Все сразу заперлись в своих каютах.

Стоило и им зайти в свою, как Яна, не теряя времени, достала из большой хозяйственной сумки бутылку коньяка, закуску, скатерть и, к изумлению Артёма, даже — постельное белье. Она красиво сервировала маленький столик и аккуратно застелила одно из спальных мест.

— Ну, ты даешь! — покачал головой Артём. — Неужели это необходимо?

— Ты удивлен? А я люблю комфорт и чтобы все было красиво, — с самодовольной улыбкой объяснила Яна. — Никто, кроме меня, не создаст тебе такие удобства"

Само собой, они, как и другие любовные парочки, за все плавание ни разу не выходили на палубу и, по прибытии в порт, так же быстро покинули теплоход. В течение месяца Яна еще пару раз брала каюту на эти рейсы, но Артёму их встречи скоро наскучили, равно как и сама похотливая партнерша. Кроме секса её ничего не интересовало, и ему стало с ней неинтересно. Яна это почувствовала, но не собиралась сдаваться, осаждая звонками домой и на работу с мольбами о встречах, и выручил его лишь отъезд в дом отдыха.

* * *

Наумов уже год не был в отпуске, и ему требовалось хорошенько отдохнуть. Поэтому, когда в разгар грибного сезона в профкоме предложили «горящую» путевку в живописный уголок Подмосковья, он охотно согласился. Поселили его вдвоем с веселым рабочим парнем Федей. Они ходили вместе в лес за грибами, но Федя оказался алкоголиком, он привез с собой большую бутылку самогонки, которую начинал пить с самого утра.

— У себя на заводе я — лучший токарь, — хвастался Федя, наливая себе полный стакан этого зелья. — Как срочный заказ, то сразу ко мне с бутылкой!

— Чего, водки? — поразился Артём.

— Не газировки же, — самодовольно ухмыльнулся Федя. — Знают, что тогда все сделаю, как надо! Моя ряшка висит то на Доске почета, то на стенде «Не проходите мимо». Это когда приму на грудь лишнего.

Федя не любил пить один, и Артёму, чтобы не оби-кать соседа, пришлось в этом участвовать. Под хмельком он и поддался чарам молоденькой Нинки. Высокая и стройная, она прилипла к нему в первый же вечер на танцах, явно стремясь закрутить роман. У него такого желания не было, и Нинка взяла инициативу на себя.

Улучив момент, когда Артём был в комнате один, она нахально к нему вошла и, повернув ключ в замке, приглушенно сказала:

— Надеюсь, ты настоящий мужик, и знаешь, что нужно женщине?

— А ты разве женщина? По виду еще девчонка, — придя в себя от изумления, пошутил Артём. — Тебе восем-надцать-то есть?

— Я уже побывала замужем, сейчас в этом убедишься, — усмехаясь, заверила Нинка. — Мне девятнадцать, и работаю я в универмаге. Но пришла к тебе не торговать, — с веселым вызовом посмотрела она на него, расстегивая кофточку и обнажая соблазнительную грудь.

Видя, что он мнетя в растерянности, Нинка беззастенчиво достала из кармана известный всем пакетик.

— Не бойся! — цинично подмигнула, протягивая пакетик. — Я здоровая, но залететь мне ни к чему.

За семь лет брака, пока не наступил разлад, Артём ни разу не изменял жене. И теперь бы послал подальше нахальную девку, но он уже «отпустил тормоза» и, к тому же, был хмельной. Охваченный вспыхнувшим желанием, он уложил ее на кровать и отдался во власть страсти. Нинка оказалась умелой любовницей и, взяв инициативу в свои руки, довела его до полного изнеможения.

Сказав, что женат, Артём на людях с ней не встречался, но Нинка

являлась к нему сама и, если в комнате был Федя, бесцеремонно выставляла токаря.

— А ну, Феденька, уматывай! Нам надо побыть наедине, — с обворожительным хамством приказывала она ему, и тот безропотно подчинялся.

При отъезде Нинка долго уговаривала Артёма встречаться в Москве, но он согласился лишь заходить к ней в универмаг, поскольку она обещала помочь с покупкой дефицитных вещей. Эта история кончилась еще неожиданней, чем началась. Вскоре после возвращения, она позвонила к нему домой.

— Привет! — деловито сказала Нинка так, будто они и не расставались. — У нас есть шикарные венгерские платья. Узнай, Тёма, у жены: может, ей нужно?

— Погоди, а откуда у тебя мой телефон? — от неожиданности растерялся он, хорошо помня, что телефонного номера ей не давал.

— Узнала в конторе дома отдыха, — насмешливо ответила Нинка. — Это было не трудно. Ну, так нужны жене эти вещи?

— Ладно, погоди! Сейчас у нее узнаю, — нехотя ответил Артём, с учетом ситуации нисколько не опасаясь их встречи.

Он заглянул на кухню:

— Звонит моя знакомая, продавщица Серпуховского универмага. К ним поступили венгерские платья. Тебя это интересует?

— Даже очень, — живо откликнулась Надя. — Мне нужно к ней подъехать?

— Пойди и сама договорись, — небрежно сказал Артём. — Она ждет у телефона.

— Я не могу отойти от плиты, — с досадой ответила Надя. — Спроси, есть ли мой размер. Ты его знаешь.

Артём вернулся к телефону.

— Да, ей нужно, — ответил он. — Ее размер — сорок восемь. Что предложишь?

— Я сама ей привезу парочку на выбор, — нахально заявила Нинка. — И по дружбе не возьму сверху, — она интимно понизила голос. — Хочу с тобой повидаться!

«Ну и что? От меня не убудет, — благодушно подумал Артём. — Нинка может еще пригодиться». А вслух сказал:

— Ладно, приезжай! Думаю, ты и адрес мой узнала? С твоей-то прытью!

Говоря это, Артём даже не мог предположить, каким скандалом

обернется ее визит. По взглядам, бросаемым на него Нинкой, Надя сразу обо всем догадалась. Мельком посмотрев на привезенные платья, она от них отказалась и грубо выставила незваную гостью. Как только за той закрылась дверь, развернулась и молча отвесила мужу звонкую пощечину.

— Ты чего руки распускаешь? С ума сошла? — опешил Артём. — В чем дело?

— В том, что я не допущу, чтобы сюда шлялись твои девки! Под любыми предложениями, — яростно выкрикнула ему в лицо Надя. — Я еще тебе — жена!

— Какая ты мне жена? И у тебя язык поворачивается говорить это? - так же яростно крикнул он. — Сама изменяешь мне и еще смеешь скандалить!

— Подбираешь все сплетни? Ты меня за ноги держал? — вне себя, грубо вопила Надя вновь замахиваясь, чтобы его ударить. — Негодяй! Ничего еще не решено!

— А ну, угомонись! — Артём резко схватил ее за руку. — Все уже решено! С того момента, когда сделала аборт. Я уж молчу уже о том, как подло, тайком, меня предавала.

Его горькие слова погасили воинственный пыл Надежды, и она сразу сникла. Но все же попыталась оставить последнее слово за собой.

— Ну, допустим, я усомнилась в твоей способности содержать семью. Но ведь я еще от тебя не ушла. И как мы могли позволить себе второго ребенка, когда и одного вырастить не на что! - ее голос постепенно обретал прежнюю уверенность. — Не будь дураком! Потеряешь меня — потеряешь и дочь!

— Я уже давно это понял, — Артёму хотелось скорее окончить тяжелый разговор. — И, конечно, считаю себя дураком! Надо было послушаться покойную маму, которая предчувствовала, что с тобой меня ждет несчастье.

Он круто повернулся и ушел в комнату, плотно закрыв за собой дверь.

* * *

Сергей Ильич Наумов тихо скончался в больнице и был похоронен, как и жена, на Преображенском кладбище, но в другой могиле. Похоронить там же не разрешили, поскольку прошло всего пять лет после смерти Анны Михеевны. Так получилось, что родители Артёма нашли вечный покой на разных участках одного кладбища. Горести добавило ему и то, что он не

смог выполнить последнего желания отца. Родившемуся на Волге умирающему захотелось арбуза и, хотя на дворе был июнь, достать его в те времена оказалось невозможно.

Надя вместе со всеми проводила отца в последний путь, достойно вела себя на поминках, но когда семейная скорбь немного утихла, первой заговорила с ним о разезде. После последней их стычки она, видно, оставила уже мысли о примирении и настроилась на совместную жизнь с Владленом. Правда, тот тоже еще не развелся с Полиной.

— Если ждать пока нас всех разведут, и мы разменяем квартиру, можно с ума сойти, — резонно заявила Надя. — Но и так, как мы сейчас с тобой живем — это сущий ад!

— Какой же ты видишь выход? — насторожился Артём. — Мне ведь податься некуда. Комната отца пропала, а чтобы снимать угол, у меня нет денег.

— Мы подадим на развод, и я сразу займусь разменом, — деловито предложила Надя. — Ты оформишь бумаги, а мне доверишь подобрать подходящий вариант. Это будет не трудно, если не станешь привередничать.

— В этом можешь быть уверена! — вырвалось у Артёма. — Выбери то, что устроит вас троих. А мне подойдет любая каморка. Жить, как сейчас, просто невыносимо!

Надя, немного смущаясь, сказала:

— Я с этим согласна и... Владик тоже. Он предложил снять комнату, где мы поживем, пока не состоятся суд и размен. Анечку я оставляю с бабушкой и днем буду приходить, чтобы помочь. Так что ты тут не слишком разгуляешься!

— Ладно, это подойдет, — буркнул Артём, стараясь не глядеть на ту, с которой прожил семь лет, которая была матерью его пятилетней дочери, и которая его предала.,

На том и порешили. Собрав пару чемоданов, Надя через несколько дней уехала, и Артёму снова пришлось привыкать к холостому образу жизни. Это оказалось нетрудно, ибо Симка Нехода тоже успел развестись с Мариной и составил ему компанию. Они вместе посещали «злачные места», знакомясь с доступными красотками, и весело проводили свободное время.

Через его новую подружку Артём и познакомился с Валерией Копыловой, манекенщицей из Дома моделей. В отличие от Симки, который все время менял своих партнерш, он привязался к Валерии, и встречался только с ней. Умом она не блистала, но была добра, безотказна и, главное,

очень красива. Вчетвером они ходили в театры и на концерты, ужинали и танцевали в лучших ресторанах.

Деньги в тот период у него были. После смерти отца они с Лёлей реализовали семейное имущество, и его доли наследства хватило бы на покупку машины.

Такая бурная жизнь не оставляла ни времени, ни сил на то, чтобы серьезно заниматься наукой. На работе он еще вполне сносно выполнял свои обязанности, хотя все заметили произошедшую с ним перемену. Но о защите он даже не думал и, представив готовую диссертацию, на кафедре не появлялся. Наверно, он совсем забросил бы ученую карьеру, если бы судьба не подарила ему «случайную» встречу с Варей.

* * *

Коллектив отдела, в котором работал Артём Наумов, был очень дружным. Все любили начальника отдела, опытного практика Пашенного, и его заместителя, молодого ученого Иванова, ставшего уже кандидатом наук. Институт располагался в старинном особняке, окруженном обширным парком со спортплощадками, и многие подолгу задерживались там и после окончания рабочего дня. Молодежь увлекалась волейболом, а люди посOLIDней играли в шахматы или «забивали козла».

Артём не пренебрегал ничем, даже игрой в домино, и обычно его партнером был председатель профкома Дорофеев, тоже окончивший МАИ, только другой факультет. Они хорошо знали друг друга еще по институту, играя в футбол, а домино их еще больше сдружило. Само собой, Артём не пропускал и ни одной коллективной вылазки на природу, будь то грибные походы или прогулки на речном теплоходе по реке.

Вот и в тот раз, примерно половина их отдела, ведомая культторгом Марьей Ивановной, отправилась после работы в Щукино, прокатиться на речном трамвайчике. Как говорится, «у них с собой было», и посему все возвращались в приподнятом настроении. Артём ехал домой на метро от Сокола и, войдя в вагон, сразу заметил молоденькую девушку с тетрадкой в руках, по-видимому, студентку. Она выглядела застенчивой и была скромно одета, но он, усевшись напротив, не мог отвести от нее глаз.

Девушка не обладала такой яркой красотой и вызывающе-соблазнительной фигурой, как Валерия, но ее необычайно милый облик привлекал к себе куда сильнее. Хорошего роста, она, пожалуй, была немного худощава, но ее чистое русское личико, с правильными чертами и

ясный взгляд серых глаз Артёма просто заморозили. Незнакомка, очевидно, заметив его внимание, время от времени отрывалась от конспекта, с интересом на него поглядывая.

Это, а возможно и алкоголь, придало ему смелости. Когда девушка направилась к выходу за одну остановку до той, которая нужна была Артёму, он встал и пошел следом. А когда, уже на улице, догнал ее, то, имея изрядный опыт легких знакомств, непринужденно заговорил:

— Простите за смелость, но похоже, мы живем рядом, и мне хотелось бы познакомиться с такой интересной соседкой.

Девушка бросила на него настороженный взгляд, но все же ответила:

— И вовсе я для вас не интересная. Сразу видно, что вы меня старше, и у нас мало общего. Вы уже работаете, а я только учусь.

— Это почему нет общего? — не сдавался Артём. — Думаю, вы тоже любите танцевать. Помните, Пушкин сказал, что «любви все возрасты покорны»? А я еще молодой. Как вы думаете, сколько мне лет?

— Какой же вы молодой? — возразила девушка, однако мило ему улыбнулась. — На вид вам — лет тридцать! И вы уже наверняка, — она сделала гримасу, — женаты.

Они уже вышли к набережной обводного канала. Незнакомка нравилась ему все больше, и Артём решил усилить натиск.

— Вот тут вы ошиблись! — игриво заявил он, беря ее под руку. — Я был женат, но теперь свободный человек. Ну, и что с того, что я старше? Зато со мной вам будет намного интереснее, чем с сопливыми мальчишками!

Тёма крепче прижал ее к себе и весело заверил:

— Проверьте и убедитесь! Говорю вам, не пожалеете! Так как же вас зовут? — перешел он в атаку. — И где ваш дом?

— Зовут меня Варей. У меня такое простое имя, потому что росла в деревне, — как бы решившись, ответила девушка. — Я живу с мамой здесь, через три дома, на набережной. Мне двадцать и заканчиваю в этом году акушерское училище, — Варя доверчиво взглянула на Артёма и улыбнулась. — Вот и вся моя биография. А как зовут вас, и чем занимаетесь? — подняла она него свои ясные глаза.

«Лед тронулся! До чего же мировая девчонка», — весело подумал Артём, и стал рассказывать новой знакомой о себе и своих делах, не забывая при этом крепко прижимать ее руку, и с радостью ощущая, что она ему не противится. Так они дошли до ее дома и еще немного постояли в подъезде, чувствуя растущую симпатию и взаимное влечение. И с трудом расстались, договорившись о встрече на следующий же день.

Так в жизни Артёма Наумова появилась и прочно вошла в нее Варя, она же Варвара Конькова, отличница и выпускница акушерского училища. Скромная и немногословная, она при этом была сердечна, умна и быстро оттеснила красавицу Валерию на второе место, а вскоре та вообще получила у Артёма отставку.

С Варей отношения развивались бурно. На следующий день после знакомства они весь вечер провели в Центральном парке. Катались на каруселях и чертовом колесе и, поужинав в ресторане, долго обнимались в темной аллее, остро ощущая, как хорошо вместе их горячим телам. Еще более жаркие объятия были в подъезде ее дома, когда он проводил Варю после танцев в Доме офицеров. Но близость, о которой они оба мечтали, произошла только во время коллективной поездки в лес за грибами.

К этому моменту Артём знал о Варе все, или почти все. И о голодном детстве в деревне, и о постоянной нужде, которую они с матерью испытывали, живя в столице. Потому бросила спорт, хотя была чемпионкой по бегу на коньках. По той же причине пошла работать на завод, и лишь потом смогла поступить в училище. Открыла Варя и то, что всерьез собиралась замуж, да и сейчас еще не порвала с женихом, но теперь уже выходить за него расхотела.

— Он таксист, хорош собой и много зарабатывает. Я в него влюбилась еще в школе, — честно призналась она Артёму. — Но оказалось, что Лёня расчетливый скупердяй и потом, — Варя потупилась, и на лбу у нее пролегла горькая складка, — чуть что, распускает руки! — она тяжело вздохнула. — Я его больше не люблю, но он от меня не отстает.

Оказалось, что у Артёма и Вари — общая страсть к «тихой охоте». Она с радостью приняла участие в коллективном «грибном походе». На работе все уже знали, что Артём разошелся с женой, и к Варе отнеслись доброжелательно. Находила грибы она просто здорово, но собрали они в тот раз немного. На уме у них было совсем другое. И как только удалось забраться в глушь, сразу занялись любовью. Им было так хорошо, что наслаждались без усталости, и едва не опоздали к отходу автобуса.

— Давай, Тёмочка, жить вместе! Мама не будет против, -- со счастливой улыбкой предложила Варя. — И Ленка тогда от меня отстанет.

— Ты это что, серьезно? — замотал он головой. — Как же мы будем жить с ней в одной комнате? Она еще не старая женщина!

Но дело было не только в этом. Не успев еще пережить разрыв с

Надей, Артём не был готов к совместной жизни с другой. «Нет, нельзя бросаться из огня да в полымя! Надо получше узнать друг друга, — решил он. — Варенька мне по душе, но с этим надо погодить!»

Его соображения были вполне резонными, но жизнь распорядилась иначе.

И причиной, вынудившей Артёма изменить это решение, явилось случившееся после его отбытия в командировку на Кавказ. Служебная поездка досталась ему, как счастливый лотерейный билет. На юге был бархатный сезон, и работа ждала его на аэродромах Сухуми и Адлера. Программа испытаний установки для контроля гидросистемы самолетов была необременительной, море еще теплое, и полдня он проводил на пляже.

В Москву Артём вернулся загорелым, окрепшим, но когда с чемоданом в руках поднялся на свой третий этаж, его чуть не постиг удар. Открывшая дверь Надина бабушка огорошила новостью:

— А к нам тебе нельзя! Здесь теперь живет новая семья.

Артём тупо смотрел на старушку, стараясь уловить смысл сказанного, но ничего не понимал и решил, что она «тронулась».

— Вы вполне здоровы? — сочувственно спросил он. — Какая еще семья? Почему это мне нельзя к себе домой?

— Потому что там сейчас находятся Надя и ее новый муж Владлен. Наша семейная жизнь снова налажена, и ты не должен мешать!

Ее слова подняли в нем такую волну ярости, что Артём едва сдержался, чтобы не ударить старую женщину. Кроме матерных слов, чтобы ей ответить, на язык ничего не приходило — он задышался от гнева. А когда смог говорить, то лишь бросил:

— Пусть выйдет Надя!

Старуха ушла, и тут же появилась его жена с побелевшим от страха лицом.

— Прости, что так вышло, Тёма! Извини, ради Бога, — умоляюще произнесла она, заламывая руки. — Мы были в безвыходном положении, — нас срочно попросили съехать. Хотели тебе подыскать что-нибудь, но не успели!

— Ладно, теперь хоть я понимаю, в чем дело, — сдерживая бесполезный гнев, бросил Артём. — Даже не спрашиваю, почему вы не подыскили что-то для себя. Сейчас я уйду, но вернусь завтра — и с этим разберемся!

Он спустился вниз, вышел на улицу и из ближайшего автомата стал звонить Варе. Ему некуда было больше податься.

К счастью, долго пользоваться гостеприимством Вариной матери, Анфисы Ивановны, Артёму не пришлось. Вскоре состоялся его развод с Надей, а вслед за ним — и размен, так как вариант был уже подобран, и стороны ждали оформления документов. Однако это короткое время не оставило у него приятных воспоминаний. И из-за того, что жить и, особенно, спать им в одной комнате было очень стеснительно, но еще и потому, что их допекал отставной «жених» Леонид.

Бывшая Варина любовь оказалась чернявым вертким парнем с довольно смазливой внешностью, но грубыми и наглыми манерами. Он заявился вечером без звонка, так как квартира была коммунальной, и без стука вошел в комнату с явным намерением учинить скандал.

— Так, значит! Променяла меня на богатенького фраера? — с ходу обрушился он на Варю, в упор не замечая поднявшегося навстречу Артёма. — В интеллигенцию метишь? Начальницей хочешь стать!

— Ты чего распоясался? — счел нужным осадить его Артём. — Врываешься, как к себе домой. А ну, проваливай! — надвинулся он на него, сжав кулаки.

Варя, бледная, как мел, растерянно молчала и, наверное, не избежать бы им драки, если бы между ними не встала Анфиса Ивановна.

— Ну-ка, Лёня, успокойся! — спокойно потребовала она. — Кто ты такой, чтобы скандалить? По какому праву? Чего хочешь от Вари? Насильно мил не будешь!

— Обидно, Анфиса Ивановна! Чем я хуже этого, — он с ненавистью зыркнул на Артёма, — пижона? Подумаешь, ученый! У нас кто в стране главный? Рабочий класс!

Но Варину мать, служившую в органах в чине майора, учить политграмоте не требовалось. Она строго посмотрела на отставного «жениха» и пригрозила:

— А ну, Лёня, топай отсюда, и чтобы я о тебе больше не слышала! Надеюсь, ты понимаешь, с кем имеешь дело? Если ты только причинишь вред дочери или кому-либо из ее знакомых, — она сделала нарочитую паузу, — то пожалеешь! Не только вылетишь из таксопарка, но и привлечем тебя за левачество!

По мере того, как она говорила, Леонид сникал, как шар, из которого уходит воздух. Его воинственный пыл угас, он пробормотал:

— Да я что? Просто пришел разобраться с Варей. А ее фраерок мне

сто лет не нужен. Ладно, прощай Варюха! Ты еще пожалеешь!

Леонид ушел, и больше Артём никогда о нем не слышал. Возможно потому, что после этого в гостях у Анфисы Ивановны бывал редко, а с получением комнаты, в которую сразу же переехал вместе с Варей, приходил к ней лишь раз — на день рождения. Таким образом, с прошлым у них было покончено.

По размену Надя, вместе с бабушкой и пятилетней дочкой получила две комнаты в малонаселенной квартире, в хорошем доме, в самом центре Москвы. Артёму же досталась крошечная комнатка, узкая, как пенал, на пятом этаже без лифта, но зато в его родном районе, на Чистых прудах. И, несмотря на то, что в ширину она была не более двух метров, так что еле втиснули диван, устроились они с Варей в ней уютно и зажили весело. Правда, компания была уже новой и, в основном, состояла из ее друзей. Почти все они были ровесниками Вари, но он быстро с ними сошелся и разницы в возрасте не ощущал.

Все, вроде бы, устроилось и огорчало Артёма лишь то, что он не мог регулярно видеть Анечку. Причем его встречам с дочерью препятствовала не Надя, а ее сожитель, Владлен. Не имея своих детей и не став еще мужем, он проникся любовью к Анечке и ролью ее воспитателя.

— Ваши свидания наносят вред психике ребенка! Их необходимо свести до минимума, — заявил он как-то по телефону и стал нудно перечислять доводы, ссылаясь на научные источники.

— Много ты понимаешь в детях, — резко перебил его Артём. — Сначала заведи своего! И не лезь в мои отношения с дочерью, у меня тоже есть на нее права!

— Ты поступаешь, как эгоист! - назидательно произнес Владик. — Если бы любил свою дочь, то заботился бы о ее моральном здоровье!

— Это ты, что ли, позаботился о ее моральном здоровье, оставив без отца? — вспылил Артём. — И еще толкуешь о любви к ней, лицемер!

— Только не надо взаимных оскорблений! — парировал отчим. — Думай, что хочешь, но я полюбил Анечку, как родную дочь.

Он повесил трубку и, хотя Артём все же добился от Нади обещания строго соблюдать их договоренность, Владлен в дальнейшем всячески препятствовал его свиданиям с Анечкой. Если бы не это, можно было бы считать, что жизнь Артёма вошла в нормальную колею. Варя проявила себя отличной хозяйкой и избавила его от бытовых забот. Окончив училище с красным дипломом, она поступила на работу, но успевала все делать по дому.

В Тёме вновь проснулось честолюбие и стремление к научной карьере.

Он энергично взялся за свою диссертацию, и подготовка к защите пошла ускоренными темпами. Финал ее был уже не за горами.

* * *

Неприятности, которые Владлен причинял Артёму, препятствуя его свиданиям с дочерью, окончились сами собой и довольно неожиданно. Сожитель Нади позвонил ему, и срывающимся голосом сообщил такое, что он несколько минут не мог придти в себя от изумления.

— Нам необходимо безотлагательно встретиться! Речь идет о здоровье и счастье Анечки! — ошарашил он Артёма. — Если ты любишь дочь, то должен, — голос у него сорвался на крик, — нет, просто обязан, забрать ее у Надежды!

— Может, ты все же объяснишь, что случилось? В чем заключается угроза для Анечки? — недоверчиво отозвался Артём. — И вообще, ты в своем уме?

— Объясню при встрече! Это не телефонный разговор, — возразил Владлен. — Можешь не сомневаться, я еще из ума не выжил! Буду ждать тебя в вестибюле вашего метро через полчаса. Не придешь — пеняй на себя!

Артёму совсем не хотелось встречаться с этим красавцем, к которому ушла жена. Но на такое сногшибательное сообщение он не отреагировать не мог, и вовремя прибыл в назначенное место. Владлен его уже ждал, нервно прохаживаясь по вестибюлю. Выглядел он весьма импозантно. Баскетбольного роста, элегантно одет. Увидев Артёма, с мрачным видом направился к нему.

— Не я сошел с ума, а твоя бывшая жена. После всего, что было, велела мне убираться! — сразил он его другой сенсационной новостью. — Но мне пока деваться некуда, и я временно живу у ее бабушки.

— Так ты пригласил меня, чтобы я вас помирил? Или тебя пожалел? — придя в себя, насмешливо спросил Артём. — А при чем здесь Анечка?

— Очень даже при чем, — гневно объяснил Владлен. — Надежда влюбилась в цыганского певца Светина, и он живет с ней в нашей комнате. С ними же находится Анечка, — от ярости он аж задохнулся. — Теперь тебе все понятно?

— Более-менее, — недоумевая, ответил Артём. — А кто этот Светин? И почему Анечка не с бабкой?

— Так я теперь у старухи живу. А Светин, говорят, второй после

Сличенко, — как-то сникнув, объяснил Владлен. Он помолчал и вновь, вспыхнув гневом, добавил: — Но я пришел с тобой говорить не о Надежде. Я о ней не жалею, и тебе не стоит. Предлагаю отобрать у нее Анечку! Что с ней будет в такой обстановке? Ведь она уже все понимает! Подавай в суд, а я буду свидетелем. Надежда недостойна воспитывать ребенка!

«А что? Может, и впрямь, отобрать Анечку? — заманчиво мелькнуло в голове у Артёма. — Если Влад говорит правду, это реально. И Варя будет только рада. Она добрая». Но он тут же отбросил эту мысль.

— Вот что, Владлен! Не буду кривить душой, — сказал Артём, жестко глядя на красавца, доставившего ему столько неприятностей. — Я рад, что Надежда тебя выставила, и ты больше не будешь стоять между мной и дочерью. — Он хотел было уйти, но, подумав, добавил: — Хоть ты и начитался научной литературы, но ничего не смыслишь в воспитании детей! Я понимаю, что Анечка попала в скверные условия, но даже самый лучший отец не заменит ребенку мать. И зная, что Надя ее любит, я никогда Анечку у нее не отберу. Потому что тоже очень люблю свою дочь!

Не желая больше ни слушать, ни видеть Владлена, Артём ушел и вскоре уже от самой Нади узнал, что все сказанное им — правда. Она позвонила и без малейшего смущения пригласила их с Варей в гости. Видно, бывший хахаль об их встрече в метро не сообщил, потому что Надя сказала:

— Ты будешь удивлен, но я прогнала Владика. Он оказался слишком нудным. Представляешь? Ему мало было, что замучил наставлениями нашего ребенка, он и меня пытался воспитывать! — она сделала паузу и продолжала довольным тоном: — Думаю, ты тоже рад, что я от него избавилась. Теперь можешь встречаться с дочкой сколько душе угодно. И вообще, пора нам наладить нормальные отношения. У каждого сейчас есть любимый человек, и мы можем спокойно встречаться. Твою пассию Варей зовут?

— А ты откуда знаешь? — удивился Артём. — Тебе же сейчас не до меня.

— Напрасно так думаешь. Я все знаю. Нас ведь связывает дочь, — уже серьезно сказала Надя. — Приходите вместе с Варей, и я вас познакомлю со своим Ромой. Он очень веселый, вы не пожалеете!

— Ну, что ж, я передам это Варе. Может, и придем, — неуверенно пообещал Артём. — Хотя бы посмотреть, в каких условиях растет Анечка.

Он, разумеется, не стал передавать ей того, что сказал ему Владлен. «Надо все же пойти, взглянуть на все своими глазами, — решил он. — Наверное, Варе тоже будет небезынтересно познакомиться с Надей и

взглянуть на этого знаменитого цыгана, — подумал он, недоумевая. — В общем, начинается какая-то странная полоса в нашей жизни».

Глава 3. ОБЕЩАНИЕ КОММУНИЗМА

Эйфория от успехов в космосе и производстве вооружений, по-видимому, вскружила головы кремлевскому руководству. Вопреки суровой реальности, официальная пропаганда всю трубила об успехах, основанных на преимуществах социалистического строя, и о грандиозной программе партии, выполнив которую мы перегоним даже Америку. А Хрущев вполне серьезно пообещал, что к 1980 году в стране будет построен коммунизм. И хотя мало кто ему верил, по его инициативе начали осуществляться авантюрные проекты, гигантские как по размаху, так и по затратам материальных средств.

Началось повсеместное расширение посевов кукурузы. Даже там, где не позволяли природные условия. По приказу сверху ее сажали повсюду, взамен того, что выращивали веками. «Кукуруза — это палочка-выручалочка! Кукуруза — это хлеб, это мясо и паштет!» — настойчиво внушала пропаганда всем, даже детям. И хотя очень скоро стал очевиден полный провал этой затеи, шумная кампания продолжалась.

А еще раньше была целина. Официально это была программа освоения «целинных и залежных земель», якобы пропадающих зря, использование которых даст невиданные урожаи зерна. На деле же задумали распашать обширные степи на севере Казахстана, служившие пастбищем для скота, в надежде решить острую проблему с хлебом. Как выяснилось позже, и этот проект оказался провальной авантюрой. А пока велась шумная пропаганда и, под бравурные марши духовых оркестров, все новые комсомольско-молодежные отряды отправлялись на освоение целины.

Однако трескучая пропаганда этих кампаний и восторженные репортажи в прессе и кинохронике не слишком волновали Артёма и Варю, — у них и своих дел было по горло. Она только приступила к работе в престижной правительственной поликлинике, а все его мысли занимала подготовка к защите. Кроме того, им надо было обставить свою каморку, так как из мебели при разезде Тёме достался лишь один шкаф. Не было ни стола, ни стульев, а спали на старом матрасе, поставленном на кирпичи.

Несмотря на то, что догоняли Америку, хорошую мебель в то время можно было достать только по знакомству и «из-под полы». Знакомств в торговле у них не было, и Артёму пришлось изрядно побегать, пока не сумел договориться с директором одного мебельного магазина. За немалую

мзду тот согласился разрознить импортный гарнитур, который прятал в подвале, и Артём увез домой прекрасный раскладной диван, стол со стульями, и одно кресло.

— Какая прелесть! — пришла в восторг Варя. — Теперь у нас есть все, что нужно.

Вдвоем они стали соображать, как лучше расставить мебель и нашли удачный вариант, поместив диван к окну так, что комната стала выглядеть покороче. Наведя красоту и уют, начали принимать у себя гостей, чего раньше не делали. А в друзьях у них недостатка не было. В числе первых, само собой, пригласили Володю и Нину Царевых.

— Мы у них чаще всего бываем и пора принять у себя, — просительно глядя на Артёма, предложила Варя. — Ведь теперь мы можем это себе позволить, правда?

Нина была ее ровесницей, а Володя ненамного старше. Несмотря на молодость, у них уже был шестилетний сын. Оба работали в закрытом НИИ, а в каком, в ту пору расспрашивать было не принято. Нина была отлично сложена, и они с Артёмом лучше всех танцевали модный тогда твист.

— А у вас очень мило, хотя комнатка, конечно, маловата. Развернуться негде, — заключила Нина, когда они уходили. — И лестница уж очень крутая. Небось, тяжело по ней каждый день бегать вверх-вниз?

— Ничего страшного! В тесноте — не в обиде, — не согласился Володя, выражая поддержку друзьям. — А по такой лестнице бегать — отличная физзарядка. Они молодые — выдержат!

У Нины с Володей была роскошная по тем временам квартира. Недалеко от центра, в кирпичном доме, из двух смежных комнат. Там обычно и собиралась их компания по случаю семейных торжеств Царевых и по праздникам.

После этого к ним на Чистые пруды зачастили подруги Вари и те из приятелей Артёма, кого не шокировал его развод. Среди них были, конечно, Нехода и Чижевский, также ведший холостяцкую жизнь после первого неудачного брака.

Верная своему правилу осуществлять задуманное, Надежда позвонила снова, пригласив Артёма и Варю придти в субботу.

— Мы будем только вчетвером и хорошо проведем время, — заверила она бывшего мужа. — Роман — очень компанейский человек. И ты держись с ним дружески! Это просто необходимо, если хочешь чаще видеть Анечку.

— Не беспокойся, я это понимаю, — успокоил ее Артём. Он был

настроен миролюбиво. — У меня нет к нему никаких претензий.

Роман Светин оказался огромным детиной с лицом, сплошь заросшим буйными волосами, сквозь которые сверкали белки его черных глаз. Несмотря на такую «зверскую» внешность, он сразу располагал к себе искренним радушием и простотой. После первых же тостов Роман взял гитару и не только исполнил несколько романсов своим чудным баритоном, но заставил всех подпевать. И вскоре, на почве возлияния и хорошей закуски, образовался небольшой, довольно слаженный цыганский хор. Впрочем, возможно, это им только казалось.

Надя не обманула. Время они провели весело и возвращались домой в хорошем настроении. Особенно довольна была Варя.

— А мне Роман понравился, — весело заявила она, когда на остановке такси ждали свободную «Волгу» с шашечками и, помедлив, добавила: — и Надя.

— Мне она тоже понравилась, иначе бы не женился, — пошутил Артём. — Рома совсем неплох и, похоже, не собирается донимать своим воспитанием Анечку. Как я понял, у него своих детишек навалом.

Он умолк, захваченный какой-то мыслью, и уже серьезно добавил:

— Но хороводиться нам, наверное, не стоит. Очень уж противоестественная получается компашка. Если честно, то меня временами от этого коробило!

На этом разговор оборвался: подкатила долгожданная машина с зеленым огоньком.

* * *

Карьера Семена Бандурского продолжала развиваться все также успешно. Став главным редактором городской молодежной газеты, он завоевал еще больший авторитет и вскоре был назначен заместителем в одну из самых влиятельных в столице. Но и в этой должности задержался недолго. Произошло событие, весьма характерное для того времени. Его шеф, широко известный журналист Богачев, совершил политическую ошибку. Он не поместил в свежий номер газеты поступившее в последний момент сенсационное сообщение о полете первой женщины-космонавта Валентины Терешковой.

— Тираж уже отпечатан, и ничего не случится, если дадим все материалы о полете в следующем номере. Слишком велики убытки, — после небольшого колебания решил Богачев на редакционной^ «летучке».

Все поддержали его, кроме заместителя.

— Надо пойти на убытки! Такую информацию нельзя откладывать до завтра, — твердо заявил Бандурский. — Газету надо переверстать! Пусть выйдет с опозданием, но сегодня. Иначе будут неприятности.

Но заслуженный деятель печати, старый большевик Богачев, награжденный высшими орденами государства, с ним не согласился и, в отличие от остальной прессы, сообщившей о выдающемся событии в тот же день, в их газете никакой информации об этом не было.

И гроза грянула! Главный редактор был вызван «на ковер» в ЦК партии, к самому Суслову. Расследование было недолгим. Опытнейший журналист был снят с должности, по сути, с волчьим билетом: без права работать в печати.

На его место был назначен Бандурский, пользовавшийся благосклонностью высшего политического руководства. Привилегии, связанные с этой должностью, относящейся к номенклатуре ЦК, не заставили себя ждать* Ему незамедлительно предоставили отдельную квартиру, персональную машину с водителем, новую дачу, спецобслуживание и многое другое, то, что было доступно лишь большим партийным сановникам.

Все бы хорошо, но взлет его карьеры негативно повлиял на личную судьбу Викочки. Удочеренная Бандурским с малолетнего возраста, она была единственным ребенком в семье и носила его фамилию. Собиралась замуж за парня, с которым дружила еще со школы. Дело шло к свадьбе, но его отца, директора крупной торговой базы, арестовали — и это совпало с повышением Бандурского. Отцу жениха грозил большой срок, и Семен с Лёлей потребовали от дочери отказаться от этого брака.

— Не подумай, доченька, что- мы печемся лишь о себе, хотя для отца это будет означать конец карьеры, — мягко уговаривала ее Лёля. — Нас заботит твое будущее! Что хорошего тебя ожидает? Ведь для сына такого преступника скорее всего повсюду будет зажжен красный свет.

Привыкшей к положению дочери партийного работника, Вике все это было понятно. Брак с парнем, которого она любила, не состоялся, и вскоре она все же вышла замуж за другого, более перспективного. Сергей Дашков работал в министерстве и собирался поступить в Академию внешней торговли. Все были ошеломлены, когда на свадьбе свекровь преподнесла Вике фамильные драгоценности баснословной стоимости.

— Сережа русский, но я — из старинного княжеского рода татарских корней, — с гордостью заявила она, протягивая невестке ювелирные украшения, сияющие бриллиантами. — Эти серьги и ожерелье по нашей

традиции вручаются жене старшего сына. Прими их и носи с достоинством!

В Сереже, и правда, чувствовалась порода. Он всегда держался со сдержанным достоинством. Похоже, что он без памяти был влюблен в молодую жену, поскольку не отходил от нее ни на шаг. Однако Вика вышла замуж без любви и, как часто бывает в таких случаях, их брак оказался недолговечным. Артём на свадьбе племянницы был один. Его родные любили Надю и Анечку и все еще надеялись на их примирение. Варю они пока не признавали.

Однако, он сам не форсировал события. Они с Варей жили дружно, и все его помыслы были заняты кропотливой подготовкой к защите, так как необходимые отзывы, наконец, уже поступили, и его поставили на очередь в Ученом совете. Варя о регистрации даже не заикалась, казалась всем довольной, и Артёма это устраивало. Правда, изредка он испытывал укоры совести, когда ловил косые взгляды или слышал реплики, осуждающие его и Варю.

«Ничего, все правильно. Нам нужно лучше проверить свои чувства и друг друга. Хватит одной осечки, — говорил он себе, стараясь успокоить свою совесть. — А как это сделать, если не живешь вместе? Надя тоже не сразу проявила свой нрав. Поначалу была, как шелковая».

Между тем время шло, а Варя во всем была безупречна. Даже в отношениях с соседями. Уравновешенная и немногословная, она была очень работающей и всегда готовой помочь. Ее любили и уважали подруги, ценили на работе, она ладила и с коллегами, и с капризными высокопоставленными клиентками. Хотя была молода и не слишком опытна, все соседи обращались к ней за советом и медицинской помощью.

В компании она тоже была на высоте. И одной из самых веселых, и очень деятельной. Это ценное качество ярко проявилось, когда на встрече Нового года у Царевых произошла форменная катастрофа. Гостей пришло так много, что не хватило двух столов. Их пришлось удлинить, немного раздвинув и положив чертежную доску. Но когда все расселись, чтобы проводить старый год, и подняли первый бокал, кто-то неловко подвинулся, доска рухнула, а вместе с ней все, что было на столах! Мужчины инстинктивно успели подхватить бутылки, но почти вся закуска погибла в посудном бое.

Все были в шоке. Настроение ужасное. Решили, что встреча Нового года безнадежно испорчена. Не растерялись только двое. Хозяйка Нина и Варя. Они и спасли положение.

— Ну, что носы повесили? — придя в себя, прикрикнула хозяйка на

скисших гостей. - Устроили этот бедлам, так хоть помогите все убрать! Иначе не успеем встретить.

— Как же, встретишь теперь, когда нечего на зуб положить, — проворчал кто-то. — Все ведь пропало! И даже в магазин сходить не успеем.

— Никуда идти не надо. Сейчас чего-нибудь сварганим на скорую руку, — деловито заявила Варя. — Нин! Говори, где у тебя что есть. Я этим займусь, а завтра мы тебе все восстановим!

— Ну вот, хоть один стоящий человек нашелся, — обрадовалась Нина. - Там на кухне осталось горячее, в шкафу найдешь хлеб, консервы и отварную картошку, а в холодильнике — масло и овощи. Видя, что Варя, не мешкая, устремилась на кухню, она крикнула ей вслед: — Если не справишься, возьми в оборот этих бездельников! А я пока приберусь.

И в то время, когда Нина с мужем убирали осколки и наводили порядок в комнате, Варя на кухне развернула бурную деятельность. Ойа привлекла к готовке еще двух подруг и, за пять минут до наступления Нового года, на столе уже появились блюда с овощным салатом, вареной картошкой, солеными огурцами и жареными котлетами. К этому добавились яйца под майонезом и рыбные консервы. Хозяева были запасливы.

Все восхищались самообладанием и предприимчивостью Вари. Артёму это приятно было слышать, и он подумал: «А что? Все верно. С такой, как Варя, не пропадешь!»

Отзывы на кандидатскую диссертацию Артёма Наумова были сплошь положительными и почти не содержали критических замечаний. Оставалась лишь проблема первого оппонента. Им должен был быть непременно профессор, видный специалист по поточному производству. Но в гражданской и военной авиации такового не было, а научный руководитель Малахов — бывший военный — связей в авиационной промышленности не имел. Выручил МАИ.

Лекции по технологии производства там читал профессор Тихомиров. Из-за того, что профессор был приземист и сутуловат, студенты прозвали его «кротом». У него было простое мужицкое лицо, да и речь под стать. После каждого из основных положений лекции, он задавал вопрос с деревенским акцентом: «А почаму?» Но это был известный организатор потока на авиационных заводах.

Профессор помнил Артёма еще с попытки поступить в аспирантуру МАИ, и на этот раз, познакомившись с диссертацией, согласился оппонировать.

— Ну, теперь можно надеяться, что мне удастся на защите собрать нужное число голосов членов Ученого совета, — радостно сообщил Артём Варя. — Мой профессор не только самый большой авторитет в этой области, но убедительно говорит и умеет вызвать симпатию аудитории!

— А почему ты опасаясь, что не доберешь голосов? — непонимающе посмотрела на него Варя. — У тебя же все отзывы положительные, и диссертация внедрена в производство. Да еще с большим экономическим эффектом!

— Ты наивный человек, Варенька, — улыбнулся Артём. — Если бы работы ученых у нас оценивали по достоинству, наука двигалась бы вперед семимильными шагами! Но, к сожалению, подходят с другими мерками.

— Не могу этого понять! — возмутилась Варя. — С какими еще мерками? Как можно забраковать работу, если она представляет ценность для науки?

— Очень просто! Бросят черные шары и все! — нахмурил брови Артём. — Среди членов Ученого совета много таких, кто оценивает не работу, а ее автора. И как внешне им нравится, будет ли конкурентом, его партийность, характер и даже происхождение.

— Но это же — форменное вредительство! — гневно воскликнула Варя. — Таким не место в Ученом совете! И в науке тоже!

— Я тоже так считаю, — повеселел Артём. — Но ты не волнуйся! У меня все будет в порядке. Конкурентом ни для кого я не являюсь, врагов у меня пока нет, и оппоненты очень авторитетные. Вот увидишь, скоро стану кандидатом, и мы разбогатеем!

Но Варя это не воодушевило.

— По-моему, ты и без кандидатской хорошо делаешь свое дело, и на работе все тебя уважают, — сочувственно сказала она, глядя на него своими ясными серыми глазами. — Не стоит тебе из-за этого волноваться! А денег на жизнь нам хватает. Я ведь не твоя бывшая жена, и мне не так много надо для счастья.

Сказанное Варей шло от ее бескорыстной души, и она верила в то, что говорила. Работая в привилегированной правительственной поликлинике всего лишь акушеркой, она зарабатывала больше Артёма, и для скромной жизни им этого было достаточно.

— На будущий год поступлю на заочный и, когда стану врачом, буду получать еще больше, — бодрым тоном произнесла Варя. — Так что ты спокойно занимайся своей наукой. Проживем не хуже других!

Слушая ее, Артём лишь посмеивался, так как привык рассчитывать на свои силы, но это было приятно, это его поддерживало. Чувства любви и

благодарности к ней росли, но неожиданно возникли новые осложнения из-за бывшей жены. От нее ушел Роман Светин, и она решила восстановить свой прежний брак.

* * *

В достижении поставленной цели Надежда была упорна и изобретательна. Чтобы добиться успеха, действовала сразу по двум направлениям. Через старшую сестру Артёма, с которой сумела сохранить хорошие отношения, и через дочь Анечку. Она была хорошим психологом, сразу использовала слабое место в характере Лёли — преувеличенное тщеславие.

— Девушка, с которой сейчас живет Артём, его не стоит! Внешне она очень привлекательная, но совершенно неинтеллигентная. Суцья деревенщина! Она ему не пара, — убеждала Надежда. — Я это знаю! Специально их приглашала к себе, чтобы на нее посмотреть.

— А зачем? — удивилась Лёля. — Ты же сама оставила Тёму. И он мне говорил, что ты счастлива с этим... цыганом. Разве не так?

— Конечно, нет! — без зазрения совести соврала Надежда. — Я бы не ушла, если бы твой брат не подал на развод. Это верно, — призналась она, чтобы не сильно погрешить истиной, — сошлась потом с певцом Светиным. Он хороший мужик, но слишком дорожит семьей. Вот ничего и не вышло.

— Но почему ты думаешь, что у тебя получится с Тёмой? — усомнилась Лёля. — Брат самолюбив, и сама знаешь: разбитый вдребезги кувшин не склеить!

— Так то — если вдребезги. А нас по-прежнему связывает маленькая дочь, которую мы назвали в память о вашей маме, — прочувствованно произнесла Надежда. — Я знаю, что Тёма обожает Анечку и страдает от того, что лишен возможности ее растить и воспитывать!

Но умную Лёлю не так-то просто было сбить с толку.

— Допустим, он тебя простит, хотя это маловероятно, — недоверчиво покачала она головой. — А как же быть с тем, что он мало зарабатывает? Сама же говорила, что из-за этого постоянно вы ссорились. Неужели ты в таком безвыходном положении?

— Вовсе нет! За мной ухаживает один очень приличный мужичок, — самодовольно усмехнулась Надежда. — Он кандидат наук, и я подумала: а на кой хрен мне тот, с кем неизвестно, что ждет, когда есть свой кандидат, а

в будущем — не сомневаюсь — доктор?

— Но ведь Тёма еще не получил степень, — возразила золовка. — Его могут и прокатить на Ученом совете. А потом еще ВАК должен утвердить.

— Он вот-вот успешно защитится. Теперь в этом сомнения нет, — откровенно призналась Надежда. — Это меняет дело, и я буду Тёме верной женой!

— Ну что же, такое возможно, — задумчиво протянула Лёля, — если у вас будет материальный достаток. Попробую тебе помочь, хоть я и не уверена, что у нас это получится. Ради Анечки!

Соответствующую работу Надежда провела и с дочерью. Это было очевидно, так как при каждой встрече с отцом на его вопрос, чего ей хочется, Анечка твердила одно и то же:

— Мне, папочка, ничего не надо. Хочу, чтобы вы с мамой были вместе!

— Но это невозможно! — объяснял ей Артём, как взрослой. — Ведь у мамы есть другой муж.

— Нет! — упрямо, со слезами на глазах твердила дочь. — Мама прогнала дядю Рому. Она хочет, чтобы ты вернулся, папочка!

Артём утирал ей слезы, и сердце его обливалось кровью. Он несколько не сомневался, что это Надежда настраивает дочь и таким образом ищет с ним примирения. Ему было безразлично, по какой причине она дала задний ход, так как уже осознал, что бывшее чувство к ней умерло и воскресить его не удастся. Однако слезы дочери поселили в душе сомнение в том, правильно ли он поступает.

«Ведь очень многие ради счастья своих детей идут на компромисс, — с горечью думал, он, сознавая, что не способен на такое самоотречение. — Почему же я не могу простить Наде ее временной слабости? Если она и впрямь поняла свою ошибку и раскаялась. Я ведь сам далеко не безгрешен!»

Соблазн восстановить семью ради счастья Анечки был так велик, что Артём готов был позабыть и свои обиды, и справедливую уверенность в том, что Надежда способна предать его вновь. В тот критический момент останавливало его лишь одно — боязнь потерять Варю.

* * *

В том, что накрепко привязался к Варе, Артём убедился на встрече Нового года, проходившей в только что отстроенном здании Центрального

аэровокзала. Она была устроена для работников гражданской авиации, но присутствовали и гости. Нижний этаж был превращен в огромный зал, уставленный столиками, а на временной эстраде выступали артисты. Столик Артём заказал на пару с Ивановым, с которым дружил еще до института, и сидели за ним шестером. Кроме Вари и жены Иванова с ними были Нина и Володя Царевы.

Обстановка была веселой и непринужденной. После концерта начался бал-карнавал, и провели конкурс, на котором неожиданно отличилась Варя. Разыгрывали очень красивую куклу и, чтобы ее получить, надо было угадать имя. За ведущим вереницей шли участницы встречи, выкрикивая разные имена. Но выиграла Варя — единственная, кто назвал правильное: Аграфена.

«Как же вы смогли вспомнить такое редкое имя?» — удивленно спрашивали у нее, когда Варя, прижимая к груди драгоценную куклу, возвращалась на свое место.

— Так звали мою бабушку, — простодушно повторяла она всем любопытным. — Вот ее имя и пришло мне на ум.

С куклой в руках, Варя была так весела и прелестна, что у разгоряченного обильной выпивкой Артёма сразу просветлело в мозгу. Когда Надежда начала кампанию по примирению, ему захотелось убедиться, действительно ли, кроме Вари его не влечет к другим женщины. И вот случай представился. За соседним столиком оказались его знакомые — летчик Валера с женой Машей, весьма сексапильной брюнеткой. Валера плохо танцевал, и Маша, невзирая на то, что Артём не один, сразу же его ангажировала.

Видно, он очень нравился Маше, потому что, танцуя, она тесно прижималась к нему пышной грудью и жарко шептала на ухо комплименты. А после томного танго вообще откровенно предложила встретиться у нее дома, когда муж будет в полете. Все это отдавало пошлостью, но она была привлекательна, и Артёму захотелось проверить себя. Возможно, он и согласился бы, но тут сделали перерыв и стали разыгрывать куклу.

Само собой, Варя давно заметила его флирт с женой летчика, но до поры терпела. Но теперь, видно, решила, что с нее хватит. Она положила куклу на свой стул и направилась к ним.

— Если эта б... от тебя не отлипнет, я немедленно уйду одна, — глядя мимо Маши, словно это пустое место, бросила она Артёму и круто повернувшись, с решительным видом взяла свою сумочку и куклу.

От такой неожиданности он растерялся, а наблюдавшие эту сцену

Нина и Володя, вскочив, загородили ей дорогу.

— Не надо горячиться, Варька! — в свойственной ей манере, остудила ее пыл Нина. — Не порть себе и нам настроение! Ты же понимаешь, что это несерьезно, — видя, что Варя не в силах успокоиться и еще тяжело дышит, она постаралась перевести все в шутку. — Ты что, забыла, что с мужиком надо обращаться как с хорошим псом? — не ожидая реакции Вари, она изобразила веселый смех. — Ну да, именно так: поить, кормить и отпускать — ха-ха... погулять!

— Старый анекдот, — проворчала Варя, но все же немного успокоилась и положила свои вещи на место.

Тут опомнился и Артём. «А что? Может, пусть лучше уйдет, раз диктует мне как себя вести. Какие она имеет на меня права, чтобы скандалить? — мелькали в голове хмельные мысли. — Я ей не муж, и волен встречаться с кем захочу. Силком ее не держу!» Не желая себе признаться, он искал предлог, чтоб хотя бы на время расстаться с Варей. Но она была так хороша по сравнению с соблазнительной, но вульгарной Машей, что его сердце не выдержало.

— Извини, сама видишь, моя девушка нервничает, — небрежно бросил Артём, оставляя свою партнершу.

Он подошел к своему столику, где все еще в нерешительности стояла Варя, удерживаемая Царевыми.

— Ну что ты, право, обиделась? — он миролюбиво взял ее за плечи. — По-твоему, мне уж нельзя немного поухаживать за другими красивыми бабами? Хотя бы, — пошутил, — чтобы не потерять сноровку!

— Ладно уж, не оправдывайся! Мы все видели, — полушутя укорила его Нина. — Сноровку ты не потерял! И хотя эта черная ворона сама к тебе лезла, поощрять ее у всех на глазах не следовало!

— Нет, пусть оправдывается, — уже не очень сердито потребовала Варя. — Пусть не думает, что ему это сойдет с рук! Тогда надо было придти сюда одному.

— Ну, прости! Я виноват, но исправлюсь, — решил погасить инцидент Артём. Он шутливо поднял руки: — Сдаюсь на милость победителя.

— Пусть будет так, ведь Новый год все-таки, — похоже, охотно сдалась и Варя. — Мы с тобой еще поговорим дома.

* * *

Под давлением Надежды и Лёли, но еще больше под влиянием детских

жалоб Анечки, у Артёма периодически возникало желание на время расстаться с Варей, но на это он так и не решился. И вовсе не по слабости характера. Им слишком хорошо было вместе, слишком много у них было общего. Особенно тесно их объединяла любовь к природе, к лесным походам в грибной сезон.

В своем пристрастии к «тихой охоте» они были настоящими фанатиками. Ну кто еще мог совершать такое? Просыпаться и вставать среди ночи. Наскоро перекусив, с корзинками в руках пешком проделывать путь от Чистых прудов к Курскому вокзалу и затем, на первой электричке, до станции Лопасня, знаменитой своими белыми грибами. И с поезда, наперегонки с такими же любителями, бежать к автобусу, который доставлял их к излюбленным местам.

В удовлетворении этой страсти им ничто не могло помешать. Ни загруженность работой, ни неотложные домашние дела. Общению с природой в этот период они отдавали предпочтение перед любыми, самыми заманчивыми, явлениями культурной жизни столицы. Понять их мог лишь такой же заядлый грибник! Только для того, чтобы не таскать потом тяжелые корзины с дарами леса, Артём решил стать автомобилистом.

В отличие от своих товарищей, он раньше даже не мечтал о собственной машине. Но они с Варей собирали в лесу так много грибов и ягод, что, несмотря на молодость, обратная дорога для них была очень тяжелой, и это омрачало радость от удачного похода. И хотя приобрести машину в то время было делом непростым, Артём все же решил сдать на водительские права.

— Зачем тебе сейчас эта дополнительная нагрузка? Да и денег на машину нам пока не собрать, — пыталась отговорить его Варя.— Защити сначала диссертацию!

— Все знаю. И что денег нет, и что машину можно достать лишь по блату, — парировал Артём, — Но я хочу пока получить только права.

— Но зачем они тебе без машины? Только станет обидней, что ее у тебя нет.

— Ничего ты не понимаешь! — рассердился он. — Машину можно одолжить или взять напрокат. Но для этого надо иметь права...

— ...И еще научиться водить машину, — с иронией продолжила Варя.

— За этим дело не станет, — заверил ее Артём. — Я немало погонял по Москве на мотоцикле. Пересесть на машину мне будет нетрудно. И одолжить ее, думаю, можно. Хотя бы у моего кузена Лешки. Он почти не ездит.

Из его родни только у двоюродного брата Лешки была своя машина, и

та, большей частью, стояла в гараже, так как хозяин постоянно находился в служебных командировках.

— Сама подумай, как будет здорово, если у нас появятся колеса! До лета еще далеко, и я могу успеть.

— Хорошо бы, но Лешка, конечно, свою не даст, — усомнилась Варя. — Она у него новая, и он над ней аж трясется.

— Уговорю! — Артём был полон оптимизма. — А не даст, — возьмем напрокат. Хрущев отобрал у чиновников персоналки, и теперь получить машину будет не трудно.

Неугомонный Первый секретарь решил напомнить всем обюрократившимся чиновникам о коммунистических принципах всеобщего равенства, и повелел забрать у них персональные авто. «Пусть выкупают и ездят сами, раз так любят удобства. А содержать парк машин, да еще водителей, для государства слишком накладно!» Понятно, это вызвало ярое недовольство партбюрократов, но они до времени затаились. Кое-кто выкупил свои персоналки, но большинство от них отказалось. Эти подержанные машины и пополнили московские пункты проката.

Таким образом вопрос был решен, и Артём поступил на курсы автовождения, организованные в его НИИ. Получить права в то время было очень трудно, так как купить их никто не рисковал, и экзамены, особенно по вождению, принимали строго. Тем не менее он сдал их, в числе немногих, с первого захода.

— Ты не слишком хорошо освоил рычаги грузовика, но ведешь себя уверенно, и за тебя я спокоен, — сказал ему инструктор, принимавший экзамен. — Наверное, раньше имел права или водил машину без них?

— Водил только мотоцикл, — честно признался Артём. — Но к большому движению привык и поэтому не волновался.

Так получилось, что уже к лету он неплохо водил легковушку, хотя обучался на грузовике. Сначала его хорошо потренировал Лешка на своем новеньком «Москвиче». Потом они с Варей стали брать напрокат старую «Победу», всякий раз опасаясь, что она развалится по дороге. И лишь тогда, когда пришла уверенность, что не подучает, Артём обратился к кузену с просьбой.

— Твоя машина стоит в гараже без дела, а мне она очень нужна, — убеждал он Лешку, заранее подобрав веские аргументы. — Я знаю, как ты ею дорожишь. (Еогласен и с поговоркой, что никому нельзя передавать две вещи — жену и машину. Но все же, я прошу давать ее мне, когда понадобится, так как тебе от этого будет прямая выгода.

Кузен хотел было запротестовать, но Артём по-братски его обнял и

горячо заверил:

— Знаю, что машина — это большая ценность, но я обещаю ее очень беречь, и беру на себя заправку и оплату на станции техобслуживания. А главное, если что случится, полностью компенсирую возможный ущерб!

— У тебя же ничего нет, — укоризненно глядя на него, вздохнул Леша.

— Тут ты, братишка, ошибаешься, — улыбнулся Артём. — У меня еще от папиного наследства осталось на полмашины. И не забывай, что скоро, как кандидат наук, я буду прилично зарабатывать.

— Неужто тебе удалось сохранить столько денег? — удивился кузен. — Зная тебя, я был уверен, что все промотаешь.

— Денежки сохранились только потому, что я разошелся с Надей. Моя бывшая половина им быстро бы нашла применение, — с усмешкой объяснил ему Артём. — И я все равно бы потом все промотал, если бы не повстречал Варю, — добавил он уже серьезно. — Она очень хозяйственная.

Видя, что Лешка колеблется, Артём поспешно добавил: — Я у тебя машину буду брать только летом, и мою ответственность мы оформим у нотариуса.

Но все его усилия оказались бесполезны. Кузен ему отказал.

— Прости, Тёма, но машину я тебе не дам, хотя твои условия и выгодны. Мне, и правда, не хватает денег, чтобы ее эксплуатировать. И все же рисковать не могу. Где я возьму другую, если ты ее угробишь?

Его возражения были резонны, и Артём вынужден был сдаться. Они с Варей еще пару раз брали машины напрокат, но старая техника отказывала, и им вновь пришлось совершать вылазки в лес пешком. Собственные колеса оставались недостижимой мечтой.

* * *

В начале лета у Артёма состоялся серьезный разговор со старшей сестрой. Лёля позвонила ему и попросила приехать к ней в Серебряный бор. Их новая дача была намного лучше прежней, — та, по сути, являла собой загородную коммуналку. Теперь же они занимали весь верхний этаж прекрасного бревенчатого дома, в котором можно было жить и зимой.

— Хочу знать, что все-таки ты решил по отношению к Наде и Анечке? — без предисловий начала Лёля, когда они уселись в беседке на ее половине обширного сада. — Еще немного, и ничего поправить будет уже нельзя.

— Что-то изменилось? — спокойно спросил Артём, догадываясь о чем

пойдет речь. От дочери он уже знал, что за Надей ухаживает какой-то «дядя Сережа». — Ты говоришь по просьбе моей благоверной?

— И да, и нет. Надя прозрачно намекнула, что пора тебе чего-то решить, но я и сама собиралась поговорить с тобой об этом, — у Артёма вопросов больше не было, и он молча ждал, что она еще скажет: — Наде сделал предложение один из ее новых сослуживцев, — озабоченно сообщила Лёля и пояснила: — Мы случайно встретились на вернисаже, и она нас познакомила. Он еще молод, но уже помощник главного архитектора Москвы.

— Очень рад за нее, — равнодушно отозвался Артём. — Совет да любовь! Но меня это не колышет. Ничего хорошего от нее не жду.

— Ты ведь любишь Анечку? Неужели хочешь ее пйте-рять? — укорила его старшая сестра. — Надя интересная молодая женщина, она хочет воскресить вашу семью и протягивает тебе руку. Неужели не используешь этот шанс?

— Да, я очень люблю Анечку. И понимаю, что могу ее потерять, — не выдержав, повысил голос и Артём. — Но что мне делать с Надей? У меня к ней ничего не осталось, кроме обиды за предательство!

— Что делать? Исполнять супружеские обязанности! — рассердилась Лёля. — Не зря ведь говорят: стерпится — слюбится. Нужно уметь прощать!

Но Артёма уже захлестнул гнев.

— Легко судить со стороны! Чего же ты сама не простила Марка? — дал волю он своим чувствам. — Собственную жизнь губить не захотела, почему же тогда тебе не жаль мою?

Старшая сестра всегда славилась своей выдержкой, и на этот раз восприняла его упрек хладнокровно.

— Тоже сравнил! Марк полез в бутылку и исчез с горизонта, а Надя сама ищет примирения, — возразила Лёля. — Не горячись! Семья стоит жертв.

Она сделала паузу и неодобрительно добавила:

— И ты нехорошо поступаешь по отношению к девушке, с которой живешь вместе уже более года!

— Так! Час от часу не легче, — окончательно вышел из себя Артём. — Решила читать мне нравоучения? Но я уже взрослый!

— Какие нравоучения? — осадила его Лёля. — Кто же тебя образумит, как не старшая сестра? — Это подействовал о, Артём сник, и она продолжала: — Твоя девушка, видно, очень хороша собой, раз у вас такая долгая связь, но ты поступаешь с ней нечестно. Ведь ты не женишься на ней — не совершишь еще одну роковую ошибку? Насколько я знаю, по

своему уровню — она тебе не пара.

Артём снова вскипел, но сдержался и сердито спросил:

— Почему же нечестно? Я ей ничего не обещал.

— А ты считаешь порядочным то, что она тратит на тебя свои лучшие юные годы? И все лишь для того, чтобы ты потом выставил ее за порог? — не обращая внимание на то что брат злится, продолжала взывать к его совести Лёля. — Была бы жива мама, она вправила бы тебе мозги!

Упоминание о матери сразило Артёма. «А ведь Лёля права. Я поступаю с Варей как последний эгоист! Ничего не поделаешь, придется поставить точки над і, — с горечью подумал он. — Надо к чему-то придти. Очень жаль ее потерять, но я еще не готов снова жениться».

— Ладно, ты меня убедила. С Варей, наверное, я расстанусь, — опустив голову, мрачно согласился он с сестрой. — Но моей бывшей передай: на меня пусть не рассчитывает! Надеюсь, ее новый муж не будет разыгрывать из себя строгого папашу, и у нее хватит совести не мешать мне видеть свою дочь.

Весь обратный путь Артём провел в расстроенных чувствах. Мысль о том, что ему необходимо порвать с Варей ранила его в самое сердце

Глава 4. ПОЛИТИКА БОТИНКА

Приземистый и округлый, как шарик, не скупящийся на улыбку, глава КПСС и государства Хрущев производил впечатление добродушного человека. Однако в политике проявлял жесткость и крайнюю дерзость. Он, не задумываясь, послал войска подавить венгерское восстание, во время международного столкновения из-за Суэцкого канала помог Египту его отстоять, пригрозив французам и англичанам, что ударит по ним ракетами, чем поставил мир перед угрозой атомной войны. А приняв участие в работе ООН, когда ему не понравилось выступление какого-то делегата, снял ботинок и так стучал им, что едва не сорвал заседание.

«Хрущевская оттепель», означавшая улучшение отношений с капстранами, закончилась новым витком ожесточенного противостояния и балансирования «холодной» войны на грани «горячей». Вновь усилились разорительные гонка вооружений и помощь всем потенциальным союзникам. При этом идеология была отброшена в сторону. Хрущев пожаловал звания Героев Советского Союза лидеру Алжира Бен-Белле и президенту Египта Насеру, которые в своих тюрьмах гноили коммунистов. Наградил только за то, что те враждовали с Западом.

Дух конфронтации, враждебная пропаганда и нагнетание военной истерии против передовых демократий мира создавали в стране обстановку нервозности и неуверенности в будущем. Раздраженное настроение провоцировало стрессы и никак не способствовало прочности человеческих отношений в семье и на работе.

В такой обстановке никого не удивило, что распался брак Вики с Сережей Дашковым. Их разрыв произошел, когда Сергею не удалось с первого раза поступить в Академию внешторга, и он обвинил в своей неудаче родителей жены.

— Я все сдал на одни пятерки, по секрету узнал, что был лучшим, но меня все же обошли те, кто имел за спиной высоких покровителей, — вне себя от злости высказал он Вике свою обиду. — За меня же слова никто не замолвил. Почему не мог это сделать твой отец? С ним бы посчитались!

— Папа никому не оказывает протекции. Это — его принцип, как партийного работника, — парировала Вика. — Ему нельзя делать то, за что он критикует других в своей газете!

— Да брось ты демагогию разводить! — махнул рукой Сергей. — Он, что же, откажет своему начальству, если ему велят посодействовать их

родственникам? Как бы не так! Просто я для него ничего не значу. Он у тебя перестраховщик!

— Не смей так говорить о папе! — возмутилась Вика. — Не забывай, что живешь в его доме. Нечего на нем зло срывать. Поступишь в следующий раз. Хотя, вряд ли, потому что ты — неудачник.

— Вот, значит, как ты обо мне думаешь? Хотя, наверное, ты права, — с горечью произнес Сергей. — Удачливым меня не назовешь, раз мне досталась жена, от которой не только поддержки, но сочувствия не дождешься! Да и родственники такие же.

Но Вика осталась равнодушной к его упрекам.

— Мы такие, какие есть. И если не устраиваем, то никто насильно тебя здесь не держит! — воинственно заявила она мужу. — Не слишком большое сокровище!

— Ты меня совсем не любишь, — насупился Сергей. — Зачем тогда замуж выходила? Это нечестно!

— Только не надо упреков, Сережа! Забыл, как бегал за мной и уговаривал? Ведь все тебе было ясно насчет любви. Дура я была, потому и вышла! А теперь жалею об этом.

— Тогда давай разойдемся! — набравшись мужества, выпалил Дашков.

— Делай, как знаешь, я не возражаю, — равнодушно бросила Вика: — Все равно жизни у нас не будет.

Она была даже рада, что они объяснились, и теперь будет положен конец постылому браку. Сразу после их свадьбы ей стало ясно, что позабыть своего Гришу и полюбить мужа не сможет. Вскоре Вика, тайком от него, вновь стала встречаться с прежним возлюбленным и в душе мечтала о разводе. Но даже не заикалась об этом, боясь гнева родителей. Теперь же облегченно вздохнула.

* * *

После долгих и мучительных колебаний Артём принял наконец решение на время расстаться с Варей, чтобы проверить свои чувства и понять, готов ли он навсегда связать с ней свою жизнь. В обычных домашних условиях, видя, как она хозяйничает, он не смог бы заставить себя объясниться. Поэтому пришел к выводу, что лучше всего это сделать в нейтральной обстановке. В институте ему дали три месяца для подготовки и защиты диссертации, Варе тоже положен был отпуск, и Артём попросил

сестру достать им две путевки в дом отдыха.

— Там мы оба хорошенько отдохнем, укрепим нервишки и, под занавес, я с Варей обо всем поговорю, — высказал он свои соображения Лёле. — Думаю, она меня поймет и согласится какое-то время пожить отдельно.

— Ты решил устроить «прощальную гастроль»? — понимающе взглянула на него Лёля. — Я вижу, эта девушка взяла над тобой большую власть.

— И даже очень, — честно признался он, стараясь не выказать своего волнения. — Потому, как Варя — кладезь достоинств, и я шибко сомневаюсь, сестрица, что найду такую же.

— Выходит, ты еще не решил подумать насчет альтернативы? — разочарованно произнесла Лёля. — Я считала, что у тебя крепче характер!

— Да решил я, успокойся! — заверил ее Артём. — Поживем мы с Варей отдельно. Подумаю всерьез над альтернативой. Проверю свои чувства. Но боюсь, что я себе не прощу, если ее потеряю!

На дворе стоял июль — пора отпусков, и срочно раздобыть две путевки было не так-то просто. Но четвертая власть у нас в почете, и Лёля через мужа сумела быстро решить эту проблему. Путевки были в скромный пансионат одного из московских заводов, зато он находился в излюбленных местах Артёма и Вари — по Курской железной дороге, близ станции Лопасня, тамошние леса славились белыми грибами.

Первая неделя ушла на безмятежный отдых. С утра ходили в лес за грибами. Днем хозяйственная Варя жарила, мариновала и сушила дары леса, а Тёма играл в шахматы или на бильярде, в чем, по-прежнему, был силен. Ближе к вечеру они вместе шли на волейбольную площадку, где у него успехи были скромнее, зато Варя там блистала. После ужина на крытой веранде устраивали танцы. Было весело, поскольку отдыхала преимущественно молодежь. В общем, время шло, а он никак не мог собраться с духом, чтобы объясниться с Варей.

Помог случай. В воскресенье Вале из Москвы позвонила мать. На пару дней приехала показаться врачам ее сестра Шура, растившая Варю до семи лет, как родную дочь. Она тут же отправилась повидать любимую тетю и, когда вернулась, Артём решился начать разговор, который так долго откладывал.

— Вот что, Варенька, — как можно мягче постарался он. преподнести ей эту горькую пилюлю. — Я очень люблю тебя, но все же... — он замялся, — как вернемся в Москву, нам нужно будет на время расстаться. Ты поживешь у мамы, а я — один.

— Но... почему? — опешила Варя. — Что случилось?

— Ничего. Но так, как есть, у нас продолжаться не может, — решительно заявил Артём. — Мы уже два года...со-жительстваем, и с этим пора кончать!

— Но почему, Тёмочка?— ясные серые глаза Вари наполнились слезами. — Разве нам не хорошо вместе? Разве я тебе мешаю?

— Да ты что? Нисколько. Наоборот, лучше и не надо, — честно признался он. — Только благодаря тебе я смог завершить диссертацию и, уверен, сумею теперь стать кандидатом наук.

— Тогда в чем же дело? - переспросила Варя. — Ничего не понимаю...

Артём понурил голову и тяжело вздохнул, набрав в грудь побольше воздуха.

— Ну, как ты не понимаешь? Пришла пора оформить наши отношения, а я к этому не готов.... Не могу допустить, чтобы и повторный брак оказался таким же неудачным. Нам необходимо пожить отдельно и проверить, действительно ли не можем... друг без друга...

Теперь опустила голову Варя.

— Но почему, Тёмочка? Ты же любишь меня, я знаю... Да и я... все для тебя... — она всхлипнула, — чего уж больше? Ты чем-то недоволен?

— Да всем я доволен, — раздраженно ответил он, поскольку знал, что поступает с ней не только несправедливо, но и во вред себе. — Но ведь я Надю тоже любил, а что из этого вышло? И, к тому же, мы слишком разные. Мне все об этом твердят...

— Вот оно что... — оскорблено подняла голову Варя. — Считают, что я тебе не пара. И ты думаешь так же? Тогда... нам надо расстаться!

«Ну вот я и добился своего», — мелькнуло в голове у Артёма, но его сердце пронзила такая боль, что он смешался, не зная, что сказать, и не смея посмотреть ей в глаза.

Они вернулись из дома отдыха утром, и Артём сразу отправился в Ученый совет, узнать о дне защиты диссертации. Когда же вечером приехал домой на Чистые пруды, Варю там не застал. Она ушла, забрав свои вещи и не оставив даже записки. Это ожесточило Артёма. «Ну что ж, Рубикон перейден, — уныло подумал он, мирясь с переменой в своей жизни. — Обиделась, и ладно. Лучше сейчас через это пройти, чем жениться, а потом опять — развод. Попробую привыкнуть к холостой жизни».

Однако привыкать к ней, после того, как был полностью освобожден Варей от всех бытовых забот, Артёму было очень трудно. И особенно угнетало непривычное одиночество по вечерам, не говоря уже о ночах. С Варей он делился всеми своими текущими заботами, а теперь не то, что

посоветоваться, словом перемолвиться было не с кем. И понимая это, Лёля, не мешкая, стала знакомить брата с подходящими, на ее взгляд, претендентками.

У Артёма к этому не было никакого стремления. Все его помыслы занимала предстоящая защита. Но вечера были свободны, и он не устоял. «А почему бы и нет? Что я теряю? — резонно рассудил он. — Вот и проверю таким образом, насколько Варя лучше других».

Первой оказалась хорошая знакомая Лёли, вдова известного кинорежиссера-документалиста.

— Ты ведь с ней знаком, вид St ее у меня в гостях пару раз вместе с мужем, — агитировала брата Лёля. — Она привлекательная и очень милая женщина. С мужем жила душа в душу, а это говорит о хорошем характере. Как она тебе? Это была бы блестящая партия!

— Мне она понравилась. Красивая и общительная, но ведет себя скромно, не кичится известностью, — с интересом отозвался Артём. — А почему ты решила, что я ей подхожу? Она постарше меня, и я вряд ли соответствую ее требованиям. Наверняка привыкла к уровню жизни, который мне не по зубам.

— Вот и ошибаешься. Я с ней о тебе говорила, и ты ей нравишься, — возразила Лёля. — Те, кто ее окружает, несмотря на известность и положение — порядочное дерьмо. Она почти твоя ровесница, и ей нужен надежный спутник жизни, а не известность и богатство. Этого у нее хватает. Все есть — прекрасная квартира, машина, дача и денег куры не клюют.

По-видимому, сестра была права, так как через пару дней вдова режиссера пригласила их с Лёлей к себе в гости. Жила она в высотном доме, и квартира поражала своими размерами и великолепием. Хозяйка была одета изящно, но скромно, что только подчеркивало окружающую роскошь. Приняла она их по высшему разряду. Стол был сервирован старинным фарфором. Напитки были сплошь заморские, и застолью предшествовали аперитивы.

За ужином сватовство стало еще очевидней. Вдова бросала на него горячие взгляды и без стеснения расспрашивала его обо всем, что ее интересовало. Было очевидно ее желание найти нового друга сердца и снова выйти замуж. Когда же выяснила и о его работе, и о предстоящей защите, — многозначительно заключила:

— По тому, что вы о себе рассказали, мне представляется, что вас ожидает большое будущее. Можете мне поверить, — она обворожительно улыбнулась, показав два ряда ровных зубов. — Лично я талантами не

обладаю, но распознавать одаренных людей умею. Так было с моим дорогим Ромой. И если мне, — добавила с явным намеком, — Лёлочка, доведется взять шефство над вашим братом, перед ним откроется путь в большую науку.

После ужина вдова так же любезно проводила их. На остановке, где ждали такси, сестра удовлетворенно сказала:

— Ну как, убедился? Я же говорила, что ты ей нравишься. Она откровенно дала это понять. А как мила! И ничуть не кичится своим богатством. Жаловалась мне, что теперь некому водить машину, а она к ней привыкла. — Лёля требовательно взглянула на брата. — Подумай серьезно о своем будущем! С ней у тебя есть шанс сразу решить все житейские проблемы.

— Кроме одной, — покачал головой Артём, — но самой главной..

— Ты что имеешь в виду? Давай без загадок, — насторожилась Лёля, чувствуя, что ее миссия провалилась. — Боюсь, братик, что снова сваляешь дурака.

— Проблему, как сохранить свое достоинство, — серьезно объяснил ей Артём. — Не желаю я быть принцем-консортом при королеве, и быть всем ей обязанным. А эта перспектива просматривается весьма отчетливо.

— Глупо и непрактично мыслишь, — рассердилась Лёля. — Умерь свою гордыню! Ну что плохого в том, если тобой будет руководить умная и очаровательная женщина? Ведь был когда-то на земле матриархат?

— Но мне матриархат не подходит. И правильно сделали, что его упразднили, — с улыбкой возразил он. — Нет слов, вдовушка умна и соблазнительна. Но мне по душе другие. Те, кого хочется защитить. Такие, как Варя. Далее, если она ей во многом уступает.

Лёля собиралась продолжить спор, но тут подкатило свободное такси, и Артём, усадив в него сестру, зашагал к метро.

* * *

Несмотря на Лёлины уговоры, развивать отношения с богатой вдовушкой Артём не стал. Но от намерения удачно женить брата она не отступилась. И буквально накануне его защиты устроила второй тур сватовства. Поскольку новые знакомства он отвергал, ссылаясь на занятость, она воспользовалась тем, что Артём сам ей позвонил и попросил о встрече.

— Только пойми меня правильно, — озабоченно сказал он Лёле. — С

работой все, вроде бы, в порядке. Все отзывы положительные. Оппоненты — известные и уважаемые специалисты. Диссертация отвечает требованиям ВАКа, внедрена в производство, а я хорошо подготовлен. И все же гарантии от провала нет!

— Но почему же, если твоя работа такая хорошая? — удивилась далекая от науки Лёля. — Может, ты преувеличиваешь опасность? У страха глаза велики.

— Ты не знаешь околонучных интриг, — терпеливо объяснил Артём. — Много хороших работ провалили только из-за того, что членам Ученого совета не понравилась личность диссертанта. Или из-за происков его врагов и завистников.

— Но ты говорил, что у тебя нет врагов ни на работе, ни по месту защиты, — напомнила сестра. — И почему ты думаешь, что не понравишься членам Ученого совета?

— К сожалению, враги умеют маскироваться, а завистников у меня на работе хватает. Ученых со степенью мало, и кандидаты наук имеют преимущество при назначении на руководящие должности.

— Ладно, я понимаю, что тебе не сочувствие нужно, а помощь моего мужа, — Лёля уже догадалась в чем дело. — Приезжай к шести. Сегодня он будет дома пораньше. Сеню вызвали с работы в горком партии, — с нотками тщеславия в голосе добавила она. — Он ведь член бюро горкома.

В назначенное время Артём уже был у сестры, но его шурин домой еще не явился. Зато на диване в гостиной сидела молодая блондинка с тонкой талией и соблазнительно пышной грудью. Лёля заметила, как по-мужски внимательно брат посмотрел на ее гостью, и удовлетворенно усмехнулась.

— Извини, Тёмочка, но Сеня задерживается. Он звонил из горкома, — сказала она, делая ударение на последнем слове. — Зато, ты можешь воспользоваться советом Лиечки, — кивнула на гостью. — Она недавно защитила докторскую по медицине, но говорит, что пороки Ученых советов везде одинаковые.

— Рад познакомиться. Артём, — вежливо представился он, подходя к гостье, и присаживаясь рядом с ней в кресло. — Завидую, что у вас все уже позади.

— Лия Павловна. Можете называть меня просто Лия, — любезно произнесла молодая докторша наук, которой на вид было не более тридцати. — Расскажите, Артём, какие у вас проблемы.

— Да, по-сути, никаких, кроме одной — собрать нужное количество голосов, — охотно объяснил он. — С работой все обстоит хорошо, но вот

набросают мне черных шаров — и конец мечтам о научной карьере.

— А у вас есть враги среди членов совета, или против вас кто-то интригует? — деловито осведомилась Лия. — Если так, я могу кое-что вам порекомендовать.

Артём пожал плечами.

— Я этого не знаю. Вот и боюсь, что все выяснится только после голосования.

— Чем же вам может помочь шурин? — с сомнением посмотрела на него Лия. — Он же редактор газеты и далек от авиационной науки. Как он может повлиять на голосование Ученого совета?

— Очень верным способом. Иначе я бы к нему не обратился, — ответил Артём и тут же объяснил. — Председатель Ученого совета, Коровина — ректор этого института. Она пользуется непререкаемым авторитетом. Члены совета всегда голосуют так, как она захочет. Говорят, осечки еще не было!

— А муж Лёли с ней хорошо знаком, — понимающе кивнула Лия. — Это совсем другое дело.

— Вот и я говорю, — подтвердил Тёма. — Она из бывших партаппаратчиков. И тоже член бюро горкома. Думаю, что Сеня наверняка сегодня с ней виделся. Может, дюке сидел рядом.

— Боюсь, Тёмочка, что Сеня при всем желании этого сделать не сможет, — вмешалась в разговор Лёля. — Я знаю о ком ты говоришь. Сеня с ней в отличных отношениях и, если за тебя попросит, отказа не будет. Зато потом, — добавила она с кислым видом, — это выйдет ему боком.

— Почему же? — не поняла Лия. — Нормальная просьба подойти к работе Артёма объективно вашему мужу не повредит.

— Надо знать натуру партаппаратчиков, — объяснила ей Лёля. — Те еще лицемеры. Все время говорят друг о друге гадости, чтобы раздуть свой собственный!автори-тет. Протекцию своему родственнику Сенечке} обязательно припомнят.

Лёля собиралась сказать что-то еще, но в прихожей хлопнула дверь, и она пошла встречать мужа. Бандурс-кий поздоровался с гостьей и зятем. И сказал напрямик:

— Выкладывай свою просьбу, Тёма! Если в моих силах...

— Я уже объяснила, что ты не можешь, — перебила его Лёля. — Тёма хочет, чтобы ты попросил о нем Коровину. А ты сам говорил, что она коварная баба. Тебе могут потом это поставить в строку.

— Это верно. У нас ведь за кумовство... — замялся Семен, не зная как помягче отказать брату жены. — Так, из-за пустяка и авторитет потерять

можно...

— А потом, если бы у Тёмы плохи были дела... - словно оправдываясь, добавила Лёля. — Тогда бы, может, и стоило... Но он сам говорит, что его диссертация хорошая, и все отзывы — положительные...

— Это вовсе не гарантирует успех, — попробовала вмешаться Лия. — Я знаю...

— Вот если завалят его хорошую работу, — снова встряла в разговор Лёля, — тогда Сеня...

— Ладно, не продолжай! — прервал Артём. — Мне все ясно. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. — Стараясь сохранить спокойствие, он поднялся. — Ну, я пойду, мне рассиживаться некогда. Чао!

— погоди! — пытаюсь загладить неловкость, сказала Лёля. — Может, все же чаю попьешь?

— Мне тоже, пожалуй, пора, — поднялась Лия. — Вот и Семен усталый пришел, ему отдохнуть нужно. Артём, подождите меня! — окликнула она его, догоняя. - Пойдемте вместе. Одной мне страшновато.

* * *

Когда Артём с Лией вышли на улицу, оказалось, что она приехала на своей машине.

— Вот мой «москвичок», — сказала Лия, указав жестом на старенькую, но еще в хорошем состоянии, машину. — Приглашаю к себе попить чаю и заодно обсудить вашу предстоящую защиту. Шурин вам не поможет — однозначно. Может пострадать, — она язвительно усмехнулась, — его репутация, как принципиального коммуниста. Ваша сестра права. Таковы все партийные чиновники.

— Когда дело касается собственных благ, то они почему-то забывают об этих принципах, — заметил Артём и, как бы стараясь покончить с неприятным, махнул рукой. - А, черт с ними, с этими лицемерами! Поехали к вам чай пить. Я ведь отказался лишь потому, что мне захотелось поскорее уйти.

— Я это поняла, — сказала Лия.

В машине они почти не разговаривали, так как движение было еще плотным а Лия вела машину не очень уверенно.

— Только недавно сдала на права и ездить по центру мне тяжело, — честно призналась она. — Не женское это дело — водить машину, но обойтись без нее не могу.

Доктор медицинских наук, Лия Павловна, обитала в скромной панельной пятиэтажке. Эти похожие на бараки дома в народе прозвали «хрущевками». Их массовым строительством сумасбродный коммунистический лидер, как всегда неудачно, пытался решить жилищную проблему. В квартире было плохо прибрано и Лия, заметив, что гость обратил на это внимание, небрежно бросила:

— Катастрофически не хватает времени заниматься хозяйством. Я с утра до вечера на работе, да еще приходится ездить на конференции и симпозиумы... час|го бывать за границей.

Вместо обещанного чая, Лия организовала на скорую руку, легкое застолье.

На столе появилась бутылка армянского коньяка, к нему нарезанный лимон и закуска — рыбные консервы. Если учесть, что к тому времени они уже проголодались, эта еда им была лишь «на один зубок». И когда распили бутылку — изрядно захмелели. Под воздействием спиртного Лия разговорилась.

— Вот ты, Артём, уже столкнулся с тем, как нелегко пробиться на научный Олимп. А каково это сделать слабой женщине? — пожаловалась она, раскрывая ему душу. — Не знаю еще, как сложатся наши отношения, но скажу откровенно... Ты мне нравишься, и я чувствую к тебе доверие... — Артём молча добирал остатки шпротов, а она продолжала: — Сама я из Чувашии. Там родилась, окончила школу и институт. Всегда была первой ученицей. В Москве поступила в аспирантуру. Стала кандидатом наук, а теперь вот и доктором. Думаешь, все у меня так здорово получалось, — она горько усмехнулась, — благодаря моим выдающимся способностям?

— Ну, а чему же еще? — заинтересованно поднял на нее глаза Артём.

— Да ничего бы не вышло, если бы на меня сразу не положил глаз мой будущий научный руководитель — профессор, ученый с мировым именем. Только благодаря ему, его непререкаемому авторитету я достигла всего, хотя мне еще не исполнилось и тридцати...

— Он сделал тебя своей любовницей? — догадался Артём. — О таком часто приходится слышать. Обычная история.

— Обычная для тех, кого она не касается. А каково мне? — с хмельной горечью произнесла Лия, и в ее голубых глазах блеснули слезы. — Каково было отдать свои лучшие молодые годы старику? Да еще такому, который ревностно следил, чтобы у меня больше никого не было. Он не разрешал мне выйти замуж!

— А на тебе не женился, потому что не мог оставить свою семью? — понимающе продолжил Артём. — Опасался потерять авторитет и свое

высокое положение?

— И то, и другое, — Лия разливала по рюмкам остатки коньяка. — А я, как раба, во всем ему подчинялась.

— Да уж, бесовестный он мужик, эгоист. Но ты, все же, любила его такого? Раз пожертвовала из-за него личной жизнью.

Лия пренебрежительно махнула рукой.

— Какое там «любила». Последнее время еле его выносила, — честно призналась она. — Терпела близость с ним только из-за собственного тщеславия. Вот, и добилась своего! А теперь жаль загубленных лет... — Она подняла свою рюмку. — Давай, милый Артём, пожелаем друг другу личного счастья! Я знаю, что и ты потерпел в этом неудачу. У меня полно нерастраченных сил. Хочу любить и быть любимой! Скажи честно, разве я недостаточно хороша?

— Честно? — захмелевший Артём бросил на нее взгляд, в котором читалось желание. — Ты такая... Думаю, нет мужика, который от тебя бы отказался...

— Так оставайся *to* мной! Я хочу этого... — с жаром произнесла Лия. — Давай выпьем за нас, за то, чтобы нам было хорошо вместе!

Они допили остатки коньяка. Артём поискал, чем бы закусить, и, ничего не найдя, немного протрезвел.

— Я не ставлю никаких условий, кроме одного, — заявила Лия, вставая. — Мне нужны прочные отношения, а не легкая связь. Тебе придется переехать ко мне и больше ни с кем не встречаться.

— А не бежишь ты, Лиечка, впереди паровоза? — не согласился Артём, тоже вставая из-за стола. — Я не могу принять это условие. Совместная жизнь слишком обязывает. Для нее мало одной постели.

— Раз так говоришь, значит недостаточно тебе нравлюсь, — обиженно бросила Лия. — Ну, что же, дело твое... Можешь и не оставаться!

Артём уже немного остыл и решил объясниться начистоту.

— Спору нет, мне трудно отказаться от соблазна провести с тобой ночь. Но прочные отношения между нами вряд ли возможны.

— Это почему же? — раздраженно спросила Лия.

— Хотя бы потому, что ты — плохая хозяйка, — решив на этом поставить точку, ответил Артём. — Твои мысли заняты симпозиумами, недосуг помыть посуду, и о том, что мужика нужно накормить перед тем, как лечь с ним в постель, ты даже не думаешь. А я не из тех, кто готовит и моет посуду. Тебе нужен другой, — он решил, что высказался достаточно ясно, и попрощался: — Чао! Не обижайся на меня за прямоту. Так лучше.

Наконец-то защита кандидатской диссертации состоялась и прошла просто блестяще. Об этом красноречиво свидетельствовало голосование членов Ученого совета. Ни одного черного шара! Единогласно. Как ему потом говорили, все было на высоте. Начиная с плакатов, его доклада, выступления научного руководителя, и кончая убедительными речами обоих оппонентов и участников прений. Аудитория, в которой заседал Ученый совет, была забита до отказа, и Лёля, не преминувшая приехать на защиту брата, потом рассказала, что поздравлять его выстроилась длинная очередь.

По неофициальной традиции, после удачной защиты соискатель ученой степени был обязан устроить банкет, чтобы в дружеской обстановке отпраздновать свой успех вместе со всеми, кто ему содействовал и помогал в работе. Готовясь к решающему дню, Артём об этом и думать не мог, поручив все организовать Сереже Дашкову, который, невзирая на развод с Викой, продолжал «болеть» за своего, теперь уже бывшего, родственника и охотно взялся ему помочь.

Сделал он все с умом. В прекрасном ресторане «Прага», в открытой ложе-антресоли большого зала им был заранее заказан большой стол с обильной выпивкой и закуской. К ресторану гостей доставил специальный автобус, и застолье прошло в теплой обстановке и очень весело. Антресоль находилась на небольшом возвышении и, хотя была обособлена, отсюда было видно и слышно все, что происходило в зале, в том числе эстрадный концерт.

Сначала обсуждали прошедшую защиту, поздравляя Артёма и оппонентов. Потом перешли к научным делам и злободневным проблемам. А закончили, уже прилично опьянев, пением народных и популярных песен. При этом образовавшийся хор, руководимый заведующим кафедрой, звучал так мощно и слаженно, что ему стали подпевать в общем зале.

Это был тот редкий день, когда Артём ощущал себя вполне счастливым. Он достиг того, к чему так долго и упорно стремился. Это не только наполняло его чувством глубокого удовлетворения, но и укрепляло веру в свои силы, в способность сделать что-то еще большее.

— Я сразу увидел в Наумове большие потенциальные возможности и понял, что его ждет успех, — поздравляя его, сказал научный руководитель Малахов, — И дело не только в способностях и конструктивном мышлении. Секрет его удачи не просто в желании добиться личного успеха, а сделать

нужное и полезное дело. Это не каждому дано и очень к нему располагает, — он высоко поднял бокал, наполненный коньяком. — Предлагаю выпить за то, чтобы ты, Артём, не останавливался на достигнутом. Смелее иди вперед: тебя ждут, не сомневаюсь, новые большие достижения!

От товарищей по институту выступил Николай Иванов.

— Наумов обратил на себя наше внимание, еще когда работал на заводе. У него не только хорошие творческие задатки, но и богатая фантазия. Чего он там только не придумал! От простых приспособлений, облегчающих труд, и поточной линии до пассажирского варианта Ан-2. Вот почему мы считаем его ценным приобретением для нашего института. Я уверен, что ученая степень поможет ему полнее раскрыть свой талант.

Артём слушал эти хвалебные речи, прекрасно отдавая себе отчет в том, что многое из сказанного просто является данью его сегодняшнему успеху. И все же, они не только льстили самолюбию, но и воодушевляли на будущее. «Постараюсь, чтобы их пожелания сбылись, — думал он. — Мне очень хочется совершить что-то стоящее, и я способен это сделать».

На следующий день у них в институте была вывешена «Молния», извещающая сотрудников об успешной защите ведущим инженером Наумовым кандидатской диссертации, с поздравлением руководства. Генерал Макаров, начальник института, хоть и не имел ученой степени, был мудрым и государственно мыслящим человеком. Он всемерно поощрял разработку сотрудниками диссертаций, и ни одна успешная защита не проходила незамеченной.

— Не может головной исследовательский центр Аэрофлота иметь авторитет без докторов и кандидатов наук, — убеждал Макаров своих помощников. — Нам необходимо создать свой ученый совет и аспирантуру, чтобы самим готовить научные кадры!

Эту политику он проводил жестко. Вот почему, стоило Артёму получить диплом кандидата наук, как его вызвал к себе Дорофеев, ставший уже секретарем парткома.

— Ты, Артём, отлично знаешь задачу, поставленную начальником института по подготовке научных кадров. Нам надо создать ученый совет и организовать работу аспирантуры. С учетом полученного тобой опыта, тебе и карты в руки.

— Какие карты? Ты что имеешь в виду? — не понял Артём своего друга и однокашника. — Я веду сразу три темы. У меня нет времени на подготовку научных кадров.

— Научную работу пока придется оставить. Назначаем тебя ученым секретарем института. С твоей энергией ты быстро наладишь дело, а там

посмотрим, — тоном, не терпящим возражений, заявил Дорофеев. — Считай это партийным поручением.

Видя, что его друг и бывший партнер по домино и шахматам приуныл, он уже по-свойски добавил:

— Не горюй, Тёмка! Это — решение генерала. Завтра он официально предложит тебе эту должность. Теперь ты сам станешь генералом, только аэрофлотовским. И зарплата у тебя будет в полтора раза больше кандидатской. Ты ведь мечтал приобрести машину? Поможем!

Назавтра он был вызван начальником института, и в тот же день вышел приказ о его назначении на новую должность.

* * *

Это был тот период, когда дела у Артёма Наумова шли в гору. Вступив в должность ученого секретаря, он вошел в состав руководства своего института, и действительно, стал генералом, сменив пуговицы на аэрофлотовском мундире. Теперь на них вместо пропеллеров красовались гербы, а на погонах с крученой золотой каймой — одна широкая полоса. В институте авторитет Артёма возрос, поскольку он энергично принялся создавать ученый совет с аспирантурой и дело это успешно продвигалось.

Удручало лишь одиночество, которое он ощущал, возвращаясь в свою опустевшую после ухода Вари комнату. Спасало то, что напряженная работа отнимала все силы, и приходил он домой поздно, фактически лишь переночевать. Но, несмотря на то, что мысли были заняты только работой, Артём уже полностью осознал, какую ошибку он совершил, расставшись с Варей.

Холостое положение молодого ученого секретаря, высокооплачиваемого кандидата наук, не осталось незамеченным, и женщины стали оказывать ему повышенное внимание. Но молоденькие девицы Артёма уже не интересовали, а среди более зрелых не встретилось ни одной, кто бы пришелся ему по душе. Они даже не выигрывали в сравнении со вдовой режиссера и ученой док: торшей.

Артёму нелегко было признаться себе, что совершил непоправимую ошибку. «Не может того быть, что лишь Варя — единственная женщина, предназначенная мне судьбой», — упрямо внушал он себе. Но время шло, и его охватила тоска. У Артёма с детства был такой крепкий сон, что его не могли разбудить два будильника, а тут на него напала бессонница. «Нет, так дальше продолжаться не может! Еще немного и до нервного расстройства

дойдет, — тоскливо думал он, лежа без сна. — Что со мной творится? Словно кто-то свыше отвращает меня от других женщин. Это явный сигнал, чтобы вернул Варю!»

И Артём решился. На следующий вечер он без предупреждения отправился в коммуналку, где жила Варя с матерью и, волнуясь, нажал три раза на кнопку звонка. Дверь открыла Анфиса Ивановна.

— А, явился наконец, — не слишком любезно сказала она вместо приветствия. — Я знала, что так и будет. Ну и дурные вы, мужики. Только ты опоздал. У Вари уже кто-то другой.

— Вот значит как... — растерянно промямлил Артём, ощутив острую боль в сердце. — Быстро же она...

В эту минуту он даже не подумал о том, что сам, по сути, выставил Варю и, хоть и не сошелся, но встречался с другими женщинами. Тёма не был слишком ревнив и вряд ли так бы расстроился, если бы это касалось кого-нибудь еще, а не ее. Он ведь пришел потому, что уверовал, будто Варя предназначена только ему одному. Не скрывая, что сражен услышанным, он повернулся, чтобы уйти, но Анфиса Ивановна его остановила.

— А куда ты так торопишься? Может, все-таки зайдешь? — крикнула она ему вслед, и уже спокойнее добавила: — Не спеши расстраиваться. Поезд-то еще не ушел.

— Нет — ушел, если Варя мне изменила, — полуобернувшись резко бросил он, но все же остановился. — Если так, мне с ней говорить не о чем.

— Тебе и говорить с ней не придется, — недобро усмехнулась несостоявшаяся теща. — Ее дома нет.

— Где же она? У этого? — вспыхнул Артём. — Хотя мне теперь это уже все равно...

— Так уж и все равно? — покачала головой Анфиса Ивановна. — Не ври, я ведь не слепая. И Варьку ты извел. Ни у кого-то она, а в доме отдыха две недели отпуска догуливает. Лучше прямо скажи: если пришел помириться, тогда ее адрес тебе дам.

— А как же этот... другой — он тоже там? — довольно глупо спросил Артём.

— Никак испугался? Я думала, что ты не из робких, — насмешливо бросила Анфиса Ивановна. — Одна она там отдыхает. Но тот, кто за ней ухаживает, интересный мужик. Музыкант вроде. Ну, чего стоишь, как пень? Решай. Я бы с тобой не говорила, если б не знала, что у Варьки на сердце...

Артём молча отправился вслед за Анфисой Ивановной через темный коридор коммуналки — где, как всегда, перегорела лампочка — в ее комнату за адресом дома отдыха.

Глава 5. КРИЗИС ЛАГЕРЯ СОЦИАЛИЗМА

Неэффективная плановая экономика, неудачи построения коммунизма и развенчание Сталина породили серьезный кризис в социалистическом лагере, отвратили от Советского Союза многие народы, бывшие его верными друзьями во время войны и относившиеся к нему ранее с любовью. А утратив ее после грубого диктата и подавления силой оружия, как случилось в Венгрии, по сути, стали враждебны. Это произошло даже с чехами и болгарами, которые традиционно относились к России по-братски.

Югославия еще раньше вышла из коммунистического альянса, а теперь к ней присоединился и Китай. Усиливалось недовольство низким уровнем жизни в Румынии, Польше и ГДР, рядом с которой Западная Германия испытывала экономический бум и жила намного богаче. Беспардонный диктат партийных лидеров в «соцстранах» порождал недовольство даже в рядах соратников. Так, волевое решение Хрущева отобрать персональные машины и ряд других льгот вызвало большое озлобление партийно-бюрократического аппарата.

Первый секретарь КПСС всех наставлял, что и как надо делать и, в конце концов, полностью себя дискредитировал. О нем ходили анекдоты, и никто всерьез не воспринимал не только его обещание к 1980-му году построить в стране коммунизм, но и заверение, что СССР скоро догонит и перегонит США. На эту тему в народе сочинили и распевали знаковую частушку:

Мы Америку догнали
По надою молока.
А по мясу не сумели,
Х... сломался у быка.

Обещания Первого секретаря партии были настолько нереальны, что Артём впервые усомнился в способности партии выполнить поставленные задачи. Однако научные и сердечные дела так сильно его занимали, что на политические переживания не оставалось ни времени, ни энергии. Ему важнее было вернуть Варю.

* * *

Варин дом отдыха находился близ Городца, на высоком берегу Волги. Был теплый апрельский день. Артём вышел на железнодорожной станции и уговорил шофера попутки доставить его до места. Тёма был в своей «генеральской» форме и сделать это было не трудно. А надел ее для того, чтобы произвести впечатление на Варю. Надеялся, что служебные успехи будут способствовать их примирению.

Варю он нашел на волейбольной площадке. Играла она, как всегда, с азартом и очень здорово, была полностью захвачена игрой и не сразу его заметила. А когда увидела, то не выказала ни огорчения, ни радости. Лишь сказала что-то товарищам по команде, набросила на плечи спортивную куртку и, не подходя к нему, пошла по направлению к своему корпусу. Артём понял, что она не хочет объясняться с ним при свидетелях, и сопровождаемый любопытными взглядами, поспешил ее догнать.

— Ты чего от меня убегаешь? — мягко спросил он, поравнявшись с ней. — Неужели нам уже и поговорить не о чем? Выходит, зря я проделал такой большой путь?

— Зачем ты приехал? — остановившись, с горечью спросила его Варя. — Чтобы снова мучить меня? Былого уже не вернуть! Ты сам все разрушил...

Говоря это, она отворачивалась, но Тёма заметил, что глаза ее полны слез.

— Варенька, ты должна простить меня, — пылко произнес он, сознавая, что если не убедит ее сейчас, то расстанутся они уже навсегда. — Да, я был неправ, предложив пожить отдельно, и очень сожалею об этом. Но ты знаешь, зачем было это надо. Не мог я вновь надеть на себя хомут, не проверив себя и тебя!

— Ну и как, проверил? — по-прежнему не глядя на него, глухо отозвалась Варя.

— Да, себя я проверил, — горячо заявил, взяв ее за руки Артём. — Никто мне не нужен, кроме тебя, Варенька, и я готов идти в загс хоть завтра! — он крепко сжал ее ладони и попытался заглянуть в глаза. — Вот и приехал узнать, выдержала ли испытание ты. Твоя мать сказала, — он нахмурился, отстраняясь, — будто у тебя завелся кто-то еще...

— А ты думал, что я всю жизнь буду страдать в одиночестве? — обратила на него Варя свои дивные серые глаза, из которых двумя ручейками потекли слезы. — За столько времени ни разу не позвонил! Вот я и решила, что тебе не нужна...

— Так мне же было не продохнуть! — с жаром стал оправдываться Артём, начиная верить в удачу. — Сперва защита, потом новое назначение. Было не до личных дел! Да и должно было пройти время... — он снова

нахмурился и настойчиво спросил: — Но я так и не понял, что у тебя... с этим, серьезно? Если так, то...

— Не продолжай! Ничего серьезного, — поспешно перебила его Варя. — Но вот так, сразу... не могу тебе ответить. Знаешь, Тёма, оставайся переночевать! Здесь очень красиво. Я покажу окрестности. Погуляем вместе, поговорим. Как ты не понимаешь, — она улыбнулась сквозь слезы, — я ведь уже отвыкла от тебя.

Оформить сутки пребывания в доме отдыха оказалось несложно. Ему дали комнату, которая оказалась не нужна. Эту ночь они с Варей, разумеется, провели вместе. Нагулявшись и облепив душу, любили друг друга с такой страстью, как в самом начале их знакомства. А на утро, сразу после завтрака, Варя досрочно выписалась, и они вместе вернулись домой.

* * *

Забрав от матери свои вещи, Варя вновь принялась хозяйничать на Чистых прудах, как ни в чем ни бывало. Старушка-соседка лишних вопросов не задавала, так как знала, что уже поданы документы в загс. В их маленькой комнатке снова стало чисто и уютно. Бытовые заботы, естественно, у Артёма отпали, и он смог наконец целиком сосредоточиться на работе. Ситуация в руководстве института складывалась непростая. Возникали такие проблемы, что порой он терялся, не зная, как поступить.

Главной из них было противостояние, возникшее в руководстве института между военными: начальником, генералом Макаровым, и его замом по летной части, маршалом авиации Балобановым — с одной стороны, и гражданскими: первым замом по науке Ковачем и секретарем парткома Дорофеевым — с другой. Внешне это выглядело, как конфликт «отцов и детей», но ученый секретарь Наумов быстро убедился, что за всем этим кроется дурно пахнущая интрига.

Конфликт проявился на заседаниях президиума Научно-технического совета института. В состав президиума входили начальник, его заместители, секретарь парткома и ученый секретарь, который не только вел и оформлял протоколы, но и участвовал в голосовании. Вот как раз последнее и создавало для Артёма неразрешимую проблему.

Под огонь «молодых» попал маршал, руководивший летно-испытательным отрядом. Ковач и Дорофеев постоянно подвергали его необоснованной критике и отвергали все, что тот предлагал. Но Балобанов был не только прославленным военачальником, командовавшим в

Отечественную дальней авиацией. Это был знаток летной службы, образованный и интеллигентный человек. Макаров его поддерживал и, таким образом, все решал голос Ученого секретаря.

Только теперь Артём понял, в результате какой интриги получил высокую должность. «Дорофееву и Ковачу нужен был «свой» ученый секретарь, чтобы взять верх в президиуме совета. Это ясно. Вот друг Володя и протолкнул мою кандидатуру, — резонно рассудил он. — Они с Ковачем рассчитывают, что я буду послушно идти у них в фарватере».

Однако Артём никак не мог понять, чего они добиваются, пытаются свалить Балобанова. И лишь когда на партсобраниях стали открыто нападать на него, якобы, за развал летной службы и критиковать начальника института, который по дружбе смотрит на это сквозь пальцы, до него, наконец, дошло, какую цель преследуют Дорофеев с Ковачем. Не привыкший кривить душой, Артём пришел в партком и выждав, когда они с секретарем остались одни, спросил его напрямик:

— Скажи честно, Володя, почему вы хотите свалить Макарова? Ведь именно этого вы с Ковачем добиваетесь, хотя кампания, вроде бы, ведется против маршала. Чем плох наш генерал? Неужто ты считаешь, что Ковач или кто-то другой лучше.

— Почему ты так решил? В отряде непорядок, а он — лицо нашего института. Пора освободиться от этих замшелых пней, несмотря на их прежние заслуги, — попытался уйти от прямого ответа секретарь парткома, прикрывшись обычной демагогией. — Их должны сменить молодые кадры.

— Брось, я же все вижу, — прервал его Артём. — Только не пойму идеи. Если хотите сменить Макарова, почему гоните маршала? Кто лучше него будет руководить летной службой? Объясни, если тебе нужна моя поддержка.

— Ну, ладно, — неохотно согласился Дорофеев. — Объясню, хоть и считаю, что ты меня и так обязан поддерживать. Мы же друзья, разве не так? — он сделал паузу и коротко объяснил: — Не убрав маршала, Макарова не свалить. Крепко держится, и у Балобанова сильные связи. А так мы убиваем сразу двух зайцев, — по-свойски подмигнул он Артёму. — Убираем из-под генерала эту подпорку и дискредитируем его в глазах коллектива и начальства.

— Каким же образом? — не понял Артём. — Он поддерживает маршала по делу.

— Это не имеет значения, — усмехнулся Дорофеев. — Все знают, что Макаров командовал дивизией в воздушной армии Балобанова, и их связывает фронтовая дружба. Генералу не спустят, что покрывает приятеля

в ущерб работе. Об этом уж я позабочусь. Не забывай — у нас всем командует партия!

— Но тебе-то какая корысть от этого, Володя? — недоуменно воззрился на него Артём. — Чем для тебя лучше Ковач? Он же нечестный и наглый. Вспомни, что о нем говорили в МАИ!

— А что о нем болтали на самолетном факультете? — с любопытством спросил Дорофеев. — Ты же знаешь, я кончал моторный.

— Он учился старше меня на курс, и их, парней, было там всего пять человек. Все — сынки больших людей, спасавшиеся от фронта. Те еще жеребцы. А про него говорили, что расковырял себе ухо, чтобы не забрали в армию, — Артём рассказывал то, что помнил. — Да и сейчас, как ты знаешь, он назначен замом лишь потому, что женат на дочке какого-то кремлевского деятеля. — он недоверчиво посмотрел на секретаря парткома. — Неужели, Володя, ты хочешь, чтобы институт возглавил такой скользкий тип? Он же его развалит... А генерал Макаров приносит пользу.

— Ну, что ж, давай тогда на прямоту, — решил сбросить маску Дорофеев. — Не хуже тебя знаю, чего стоит Рудольф Ковач. Не годится он в начальники института, хотя спит и видит себя в этом кресле, а его тесть вовсю копает под нашего генерала. Я в курсе. Рудик со мной делится, — он усмехнулся, — как с другом.

— Но как ты можешь с ним дружить, Володя, если знаешь ему цену! — не выдержав, воскликнул Артём. — И тем более помогать в достижении грязной цели!

Большой и тучный Дорофеев снисходительно усмехнулся.

— Зеленый ты еще, как стручок, Тёма. Пора бы тебе поумнеть, если хочешь сделать карьеру. В политике нет друзей, есть лишь интересы! Это не я сказал, а кто -то из великих. И моя дружба с Рудиком — чистая политика.

— Так объясни мне, зеленому, в чем ее смысл, — обиженно бросил Артём.

— А сам не догадываешься? Ты же шахматист, — с шутливым укором взглянул на него Дорофеев, — даже меня иногда обыгрываешь. — Артём промолчал. Секретарь парткома опасливо посмотрел на дверь, как бы проверяя не подслушивают ли их, и открыл ему свой замысел. — Наш генерал неплохо рулит институтом, но он стар и не способен поднять его на более высокий уровень. Рудик слаб в коленках. Нужен молодой, но более сильный начальник, — Дорофеев откинулся в кресле, выпятив грудь. — Теперь ты догадываешься, кто должен сменить Макарова?

— Вот оно что. Не хило задумано, — до Артёма, наконец, дошел

смысл интриги. — Ты хочешь руками Ковача и тех, кто за ним стоит, свалить генерала, а затем отвести его кандидатуру, чтобы самому возглавить институт. Разве не так?

Дорофеев широко улыбнулся.

— Я тебе этого не говорил, так что выводы сделай сам. Но советую крепко держаться меня и дорожить нашей дружбой. У Козьмы Пруткова есть полезная мудрость. Точно не помню, но смысл такой: чтобы сделать карьеру, важно не таланты иметь, а принадлежать к влиятельной клике. Усек? Тогда иди и крепко подумай над тем, что я тебе сказал.

* * *

Настоящим отдохновением от тягостной обстановки на работе стала их поездка к Вариной тетке Шура, которая растила ее до семи лет вместо матери, когда та несла службу в армии на Кавказе.

— Раз уж мы решили пожениться, тебе надо познакомиться с моими самыми близкими родственниками, — сказала ему Варя за две недели до регистрации. — Тетя Шура для меня — вторая мама. Я просто обязана, — полушутя добавила она, — предъявить ей своего будущего мужа.

— Ну что ж — приглашай тетю в гости, — предложил

Артём. — Остановится она у твоей матери, а мы оплатим ей проезд и устроим хороший прием.

— Тёмочка, а не сможешь ты взять недельку в счет отпуска? — попросила Варя. — Мне хочется повидать и ее мужа, Алексея Федоровича, и другую мою тетю — Маню, двоюродных сестер и братьев.

— А сколько их у тебя? - улыбнулся Артём. — И разве они живут там все вместе?

— Тетя Шура живет на станции близ города Красный Холм. У нее две дочки и сын. Алексей Федорович — директор тамошнего льнозавода. А младшая мамина сестра, тетя Маня, с сыном и дочкой — в нашей родной деревне, это неподалеку. Ездить к ним не придется. Они сами придут, — с тобой познакомиться.

Артём свой отпуск использовал не полностью и договориться с начальством оказалось нетрудно. Тем более, что все знали о его женитьбе. Сборы были недолгими, и на следующий день они с Варей уже прибыли в маленький заводской поселок, скорее напоминавший деревню. Да и ветхие цеха льнозавода больше походили на сельские мастерские.

Встречали их тетя Шура и ее дочери, старшеклассницы. Алексей

Федорович был на работе, а маленький сын гонял с ребятами мяч на соседней лужайке. Варина тетка Артёму понравилась. Встретила она их очень тепло, и по всему чувствовалось, что это искренняя и сердечная женщина. Одета она была просто, и речь вела с характерным местным выговором.

— Ты сказала, что тетя Шура — домохозяйка. Это понятно — трое детей. А что она делала раньше? Работала в колхозе? — спросил Артём, когда они с Варей устраивались в отведенной им комнате.

— Тетя Шура никогда не работала в колхозе. Она учительница, — обиделась за тетку Варя. — А тетя Маня, и правда, работает дояркой в колхозе. Хотя, в свое время, выучилась на зоотехника. Но так уж вышло...

«Да уж, мало похожа тетя Шура на учительницу», — подумал Артём, а вслух сказал:

— Какую печать накладывает деревенская жизнь! Она и выглядит, и говорит, как простая колхозница.

Вскоре пришел с работы и глава семейства. Дядя Леша, как его звала Варя, был невысок, худощав и немногословен. Его простое мужицкое лицо оживляли большие добрые глаза. Придя уже к накрытому столу, он крепко пожал руку будущему родственнику, сказав с чувством всего несколько слов:

— Рад, что Варя сделала достойный выбор. Это — сокровище. Береги ее!

По торжественному случаю Алексей Федорович, умывшись и причесавшись, надел парадный офицерский мундир с капитанскими погонами, и таким иконостасом правительственных наград, что в деревенской горнице, казалось, стало светлее от сияния орденов и медалей.

— Я ведь, считай, всю Отечественную прошел. Исключая лишь то время, когда в госпиталях валялся после ранений, — охотно рассказывал он Артёму, когда приняв грамм по триста под соленые рыжики и квашеную капу-стку, они сидели в ожидании домашнего жаркого из крольчатины. — Довелось и отступить, и гнать фашиста с нашей земли, и пол-Европы прошагать, освобождая поляков, чехов и братьев-болгар. Вон как, — ткнул себя в грудь, — меня разукрасили.

— А что толку от твоих наград? — сердито осадил его Шура. — Лучше бы денег больше платили. На еду хватает лишь потому, что живем в деревне. А одеться не на что. Дети ходят разутые и раздетые.

— Ну вот, опять заладила. Гостя бы постеснялась, — добродушно пожурил ее Алексей Федорович. — Страна еще переживает послевоенную разруху. Это временные трудности.

— Этих временных трудностей нам хватит до конца дней, — проворчала Шура. — Хорошо бы хоть дети дождались лучшей жизни.

— Так ведь Хрущев обещал, что уже в 80-м у нас будет коммунизм, — шутливо успокоил ее муж. — Так что, напрасно беспокоишься. Ждать-то осталось всего чуток.

— Я этими обещаниями сыта по горло. Наш отец, — сказала она, обращаясь к Артёму, — организовал колхоз в родной деревне и тоже всем обещал, что скоро построят коммунизм. Он умер в нищете, и все по-прежнему бедствуют. А вы как думаете, Артём? По-моему, дурят нам головы...

— Мне кажется, лучше жить с верой. И, главное, хорошо делать свое дело, — уклонился от прямого ответа Артём. — Тогда и жизнь наладится. Давайте за это выпьем!

Не успели они выйти из-за стола, как пришла тетя Маня с дочкой-школьницей и маленьким сыном. На столе вновь появилась выпивка, деревенские закуски, и праздник в честь Вариного приезда продолжался. Простые и душевные люди, они очень ее любили. Эти несколько дней пролетели быстро. Они с Варей и ее сестрами много гуляли, любовались сельскими окрестностями, дышали чистым лесным воздухом. Правда, и пили слишком много, но несмотря на это, им удалось хорошо отдохнуть.

* * *

Оставалась всего неделя до регистрации брака, когда снова возникли осложнения. Стараясь избежать противодействия, Артём не оповещал об этом своих родных, решив поставить перед фактом. Но ничего не вышло. Началось с того, что его пригласила к себе Лёля.

— Братик, для тебя есть очень важная новость, — сказала она, позвонив утром ему на работу. — Ты можешь заехать ко мне по дороге домой?

— Сразу не смогу. У меня встреча с академиком, согласившимся войти в наш ученый совет, — ответил Артём. Ты лучше сообщи мне эту новость по телефону.

— Это не телефонный разговор. Это касается твоей дальнейшей судьбы.

— Тогда, если можно, я заеду к восьми, — предложил Артём. — Тебя устроит?

«Наверное, затеяла очередное сватовство. Надо было сказать, что

женюсь на Варе», — подумал он, поднимаясь в лифте на пятый этаж дома, в котором жила сестра. Но то, что он услышал от Лёли, повергло его в изумление.

— Вчера здесь была Надя и просила передать, что горько обо всем сожалеет, — сообщила она таким тоном, словно собиралась осчастливить брата, — Предлагает восстановить вашу семью, если ты на это согласен.

— С чего это вдруг? У нее же был архитектор, — удивился Артём. — Значит, и с ним ничего, не вышло... Но зачем ей я? Она же высоко метит!

— Надя говорит, что готова порвать с этим... Сергеем. Ее прельщало стать супругой видного московского чиновника, но она не испытывает к нему того, что к тебе, отцу ее ребенка, — объяснила Лёля.— С тобой рассталась лишь потому, что не хотела, чтобы Анечка испытывала лишения.

— А сейчас у нее обо мне уже другое мнение? Потому, что стал кандидатом наук? — недоверчиво усмехнулся Артём. — Для Надежды — это не тот масштаб. Тут что-то не так.

— Надя говорит, что была у тебя на работе, и на нее произвело впечатление, какой у тебя там авторитет. Она и не думала, — Лёля одобрительно посмотрела на брата, — .что ты так быстро войдешь в руководство института.

— А что она там делала? — возмутился Артём.

— Была в бухгалтерии, узнавала, сколько ты сейчас получаешь, — ответила Лёля. — Ей порекомендовали подать на алименты.

Артём нахмурился. Эта новость его покорибила.

— Зачем? Я всегда даю ей на Анечку больше, чем положено. Неужели не понимает, что сотрудники теперь плохо обо мне подумают?

— Вот Надя и говорит, что можно обойтись без этого. Если вновь сойдется. Ради вашего общего блага и счастья дочери, — явно сочувствуя этой идее, сказала Лёля. — Соглашайся, Тёма! С такой женой поднимешься еще выше. Ты любишь Анечку, а она мечтает, чтобы вы снова были вместе.

— Да, я очень люблю дочь, но не Надю. И она любит не меня, а того цыгана, который ее бросил. Ты, что же, — упрекнул он сестру, — хочешь, чтобы мы с ней заключили фальшивый компромисс? Считаешь, это сделает нас счастливыми?

— Вся наша жизнь состоит из компромиссов, — убежденно ответила Лёля. — Только они создают прочный фундамент и сохраняют брак. Любовные страсти проходят, но остаются взаимное уважение и общее стремление достичь успеха в жизни. Не упускай шанс восстановить свою семью!

Возникла напряженная пауза. Артём пытался справиться с бурей, бушевавшей в его душе. Слова сестры заставили его вновь испытать всю горечь крушения первого брака и разлуки с дочкой.

— Не желаю даже говорить на эту тему. Никогда не прощу ей предательства! — решительно заявил он сестре. — Подумай, на что ты меня толкаешь? Чтобы снова лег с ней в постель после всего, что она вытворяла, чтобы вновь сошелся с женщиной, которая меня не любит!

— Да любит она тебя! Неужто ты сам этого не видишь? — возразила Лёля. — Стала бы она приглашать тебя с Варей и по полчаса болтать с тобой по телефону, если бы любила этого цыгана? — Артём промолчал, и она поддала жару. — Да ты ей на дух был бы не нужен! Поэтому верю, что у вас все получится. А матери своего ребенка стоит простить ошибки, в которых она раскаивается. Ради детей всем жертвуют, а не только оскорбленным самолюбием! — аргументы были столь вескими, что Артём растерялся и не сразу нашел контрдоводы. Понимая это, Лёля усилила нажим: — Сейчас, когда тебе светит научная карьера, особенно важна помощь умной жены, умеющей в качестве хозяйки принять нужных людей и добиться их расположения, — продолжала она. — А Надя это умеет.

— И все же, — наконец, вышел из шока Артём, — я не смогу снова жить с Надей. Умерло у меня к ней здесь, — он ткнул себя в грудь, — чувство. А может быть, оно и не было таким сильным, как... к Варе.

— При чем тут Варя, когда речь идет о счастье твоей дочери? — раздраженно перебила Лёля. — Люди жизнь готовы за это отдать!

Но Артёма уже нельзя было сбить с толку.

— И я всем бы пожертвовал, если бы речь шла о здоровье Анечки, — возразил он. — А Варя очень даже причем, так как на следующей неделе мы с ней расписываемся. Вот и передай Наде, что поезд ушел!

Этого Лёля никак не ожидала. Поначалу она будто потеряла дар речи, а потом взорвалась.

— И ты от меня это скрыл? Не прислушался к совету единственной родной сестры, — гневно набросилась она на Артёма. — Ну, кто у тебя еще есть ближе меня?

— Не сообщал, чтобы ты не испортила нам настроения, — честно признался он. — А женюсь я на Варе потому, что очень люблю, и только с ней буду счастлив. '

Однако Лёля не отступила:

— Разве ее можно равнять с Надей? Вот кто — достойная супруга ученого, способная помочь подняться еще выше. А Варя — простушка. Она мало образована, чтобы тебе соответствовать. Опомнись, пока не

поздно!

— Ошибаешься! — счел нужным защитить Варю Артём. — Она именно та подруга жизни, которая нужна мне для счастья. Ей не достаёт образования, но это поправимо. Варя хочет быть и станет — врачом. А главное — всем она по душе, в том числе и моим коллегам.

Но Лёля ничего не желала слушать. Ее досада перешла в гнев. Она встала, положив конец их разговору. Поднялся и Артём.

— Я вижу, что ты просто невменяем. Сам себя губишь, — махнула она рукой. — Соверши тогда хоть один разумный поступок.

— Какой поступок? — насторожился Артём. — Говори яснее.

— Не озлобляй Надю! — настойчиво потребовала сестра. — Встреться с ней и поговори по-хорошему. Скажи, что женишься, но как-нибудь помягче.

— Но зачем это надо? — не понял Артём. — И чего ты с ней так носишься?

— Только ради тебя и твоей малышки, — раздосадованно бросила Лёля. — Неужели не понимаешь, что иначе ты больше не увидишь дочь?

— Да все я понимаю, — расстроено буркнул Артём, и уже в дверях обернулся. — Хорошо, передай Наде, что я ей позвоню.

По дороге домой его терзали мрачные мысли. Радость от предстоящего бракосочетания померкла. Слишком велико было искушение восстановить разрушенную семью ради Анечки, названной им в память о покойной маме.

* * *

Верно говорят, что беда не ходит одна. Случись неприятность, непременно жди следующей. Так вышло и у Артёма на следующий день в институте. С утра заседал президиум Научно-технического совета, и мнения снова разделились. Инициатором раздора выступил партийный секретарь, предложив снять с должности командира летного отряда, друга маршала Балобанова.

— Пора покончить с разложением среди личного состава отряда. И, прежде всего, надо заменить командира. Рыба, как известно, гниет с головы, — заявил вдруг Дорофеев, когда повестка дня, казалось, была уже исчерпана. — В партком поступила «телега» от его жены. Безобразно ведет себя в семье.

— Она у него порядочная стерва. Я ее знаю, — вполне предсказуемоотреагировал маршал. — Другой бы от нее давно сбег. Не стоит лезть в их

семейные дела.

— Это почему же? Он нарушает моральный кодекс коммуниста! — с деланным негодованием изрек Дорофеев. — Вы что же, товарищ маршал, не признаете требований партии к поведению ее членов?

— А ты вздумал учить меня коммунистической морали? — вскипел Балобанов. — Да я вступил в партию, когда ты, Володя, под стол пешком ходил!

— Попрошу вас говорить корректнее с секретарем партийной организации института, — сразу же поддержал своего единомышленника Ковач, провоцируя маршала на новую вспышку. — Зря вы ссылаетесь на прежние заслуги, покрывая своего друга. Командира отряда надо заменить. Так мы оздоровим обстановку в коллективе.

— Ишь ты какой скорый, Рудольф! Он же прекрасный специалист, уважаемый всем коллективом, — осадил Макаров своего первого зама. — А кого предлагаете вы с Дорофеевым? У вас есть достойная кандидатура?

— За этим дело не станет. Незаменимых у нас нет, — ответил Ковач, уклонившись от прямого ответа. — Необходимо принять принципиальное решение. Я за то, чтобы снять командира отряда, не разбирая его на парткоме. Чтобы не выносить сор из избы. Прошу проголосовать мое предложение!

— Считаю, что сначала нужно рассмотреть этот поклев на хорошего человека и ценного работника, — резко возразил Балобанов. — Не то мы его незаслуженно замараем! Тем более, что еще неизвестно, кем вы его собираетесь заменить.

— На хорошего человека жена не пожалуется. В летном отряде непорядок, и командира следует заменить, — упрямо стоял на своем Дорофеев. — Давайте проголосуем предложение Ковача. Я выражаю мнение членов парткома.

— Не всех. Я тоже член парткома, — немного поколебавшись, не согласился с ним начальник института. — Но раз вы с Рудольфом настаиваете, давайте проголосуем.

Артём, как всегда, вел протокол заседания, и в споре участия не принимал, поскольку был недостаточно в курсе дела. Поэтому при голосовании он воздержался, не взирая на выразительные взгляды Дорофеева. Обычно это сходило ему с рук, и начальники, не добившись перевеса, заканчивали «партию» вничью. Но на сей раз его не оставили в покое.

— А почему ученый секретарь уклоняется от голосования по этому важному вопросу? — резко высказал недовольство Дорофеев. — Ты ведь,

Артём, отлично знаешь обстановку в летном отряде.

— Неужели, Наумов, вы боитесь высказать свое мнение? — строго посмотрел на него Ковач. — Ученый секретарь не писарь, а равноправный член президиума совета.

— Ну, чего вы насилуете парня? — решил защитить его начальник института, отлично понимая, что им нужно. — Он не уклоняется, а воздерживается при голосовании. Это его законное право.

Однако интриганы не оставили Артёма в покое.

— Выходит, Наумов, у вас нет мнения по поставленному мной вопросу? — недовольно взглянув на него, спросил Ковач. — А мне-то вас рекомендовали как самостоятельно мыслящего человека.

Если он хотел побудить ученого секретаря принять их сторону, то добился этим обратного результата. Артём рассердился и отбросил дипломатию.

— Отчего же? У меня есть свое мнение. Я считаю, что у нас хороший командир летного отряда. А воздержался, поскольку не знаю, — добавил он, поймав злобный взгляд Дорофеева, — кого партком рекомендует на его место. Допускаю, что новая кандидатура может оказаться лучше.

Естественно, после такого демарша, Ковач с секретарем парткома на своем предложении больше не настаивали, и по враждебным взглядам, которые они на него бросили, уходя с заседания, Артём понял, что не оправдал их надежд, и пребывать на руководящей должности ему осталось недолго.

* * *

К разряду неприятных можно было отнести и его свидание с Надей. Встреча состоялась «на нейтральной полосе», в кафе, и выдержки ей хватило лишь до того, как им подали кофе.

— Я уже знаю от Лёли, что ты решил жениться на этой... Варе, — презрительно скривила губы Надя. — Ты совершаешь непоправимую ошибку. Погубишь этим свою карьеру!

— Боюсь, что роковую ошибку, как раз, могла снова совершить ты, Надя, — дипломатично возразил Артём, который уже придумал способ самозащиты. — Моя блестящая научная карьера, похоже, не состоится.

— Это почему же? — недоверчиво глянула на него бывшая жена. — У вас в бухгалтерии все считают, что несмотря на молодость, ты был бы лучшим замом по научной работе. Чем этот, который сейчас... Куроч, что

ли? Я не запомнила.

— Ковач. Но, к твоему сведению, он крепко сидит в своем кресле. Даже метит на место начальника. Ты даже не представляешь, какие он и секретарь парткома плетут интриги, и мне, — Артём нарочно сделал паузу, — претит в них участвовать, — он опустил голову, изобразив тихую грусть. — Так что генеральская должность и все, что ей сопутствует, мне не по плечу. Придется с ней расстаться и вернуться к рутинной научной работе. В зарплатке я здорово потеряю, но зато смогу активно заняться докторской диссертацией. Ну, как ты смотришь на такую перспективу?

— Сугубо отрицательно. Не только потому, что потеряешь в зарплате, — Надя явно была сбита с толку. — Интриги и подсиживание — это обычная карьерная практика. У умного человека должно хватить мозгов, чтобы приспособиться к такой обстановке. Ведь игра стоит свеч! А ты, Тёма, умен, — польстила она ему, — и, конечно, хочешь иметь хорошую квартиру, машину, дачу и все то, что сопутствует высокой должности. Разве не так?

— Отчего же, хочу, — не стал отпираться Артём. — Машину мне уже обещали. Хотя теперь, — грустно добавил он, — вряд ли дадут, если уйду из ученых секретарей.

— Но почему ты должен уйти? Ты что, не справляешься с работой?

— Справляюсь, но не хочу участвовать в интригах Ковача и партийного босса, Дорофеева, — объяснил Артём. — Они мне многое сулят. Убеждают, что выгодно принадлежать к влиятельной клике. Даже привели афоризм Козьмы Пруткива, — криво усмехнулся он. — Это те еще цыцки и проходимцы!

— А ты не будь чистоплюем! Иначе ничего не добьешься, — осуждающе произнесла Надя. — Этот афоризм очень меткий и подходит к нынешним временам.

— Да уж, кругом достаточно мерзости, — согласился Артём, но твердо заявил: — Однако я до нее не опущусь. Не желаю принадлежать ни к какой клике!

У Нади был явно расстроенный вид. Очевидно, услышанное ее разочаровало. Артём отметил это без особого торжества и, не удержавшись, сказал:

— Ответь мне на такой вопрос. Только честно. Вот Лёля передала мне, что ты хочешь снова со мной... сойтись. Как же так... без любви?

— Почему же без любви? Разве нам было плохо вдвоем, Тёма? Легли бы в постель, и все бы наладилось, — уверенно ответила Надя. — А ты сомневаешься?

— Да, сомневаюсь. Ведь разбитый вдребезги кувшин не склеишь! То, о чем ты говоришь, это секс, а не любовь, — высказал убеждение Артём. — Я даже теперь сомневаюсь, а была ли она у нас вообще.

— Ладно, можешь философствовать сколько угодно. Вижу, ты нисколько не поумнел, — как-то сразу погасла Надя. — А я, признаться, рассчитывала на другое.

— Я так понимаю, что теперь твои предложения отменяются? — осторожно спросил Артём, стараясь не выказать радость, охватившую его при мысли, что все благополучно улажено.

— Можешь со спокойной совестью жениться на своей Варе, — снисходительно произнесла Надя. — Уверена, что она-то будет всем довольна и не причинит тебе хлопот. И зная тебя, я рассчитываю, что ты не забудешь свою дочь и не допустишь, чтобы она нуждалась.

— Это само собой, — искренне заверил ее Артём. — По правде сказать, уходя с руководящей должности, я не намерен потерять в зарплате. И машину куплю обязательно. У нас хорошо платят за летные испытания.

— Но ведь это — рискованное дело, — с беспокойством заметила Надя. — Самолеты часто падают.

— Все под Богом ходим. От судьбы не уйти, как ни берегись, — беспечно ответил Артём, чтобы как-то закончить разговор. — Но я постараюсь не оставить вас без алиментов. В автоавариях народу погибает больше.

Глава 6. ЗАГОВОР ПАРТБЮРОКРАТОВ

В том, сколь коварной и могущественной может быть клика заговорщиков-единомышленников, Артём Наумов убедился на примере внутривнутрипартийного переворота, в результате которого был внезапно свергнут Хрущев, и его место занял новый коммунистический лидер — Леонид Брежнев. Этот заговор партбюрократов, сплотившихся вокруг первого любимчика Хрущева, который лебезил перед ним и притворялся самым преданным его другом и сторонником, назревал уже давно. Его причиной послужило недовольство волюнтаризмом Хрущева и лишение партбюрократов ряда льгот и привилегий.

Как «проворонил» роковой для него заговор старый лис, поднаторевший во внутривнутрипартийных интригах, остается загадкой. Скорее всего, он слишком уверовал в преданность своих молодых выкормышей, которых он привез с Украины и посадил на ключевые посты в силовые ведомства, но которые, как Артёму показали происки Ковача и Дорофеева, тайно мечтали о том, чтобы взять власть в свои руки.

Тем не менее, казавшийся несокрушимым Никита Хрущев был смещен со всех своих постов, по сути отправлен под домашний арест и полностью сошел с политической арены. И теперь уже славословие партбюрократов и послушной им прессы устремилось по новому адресу, кружа голову триумфатору, ничем доселе не отличившемуся ни на поле брани, ни в мирной жизни.

Происшедшая смена коммунистического лидера и перестановки в высших органах власти мало кого взволновали, так как авторитет Хрущева в последнее время, особенно после выхода подхалимского фильма «Наш дорогой Никита Сергеевич», сильно упал, и никто уже не ждал от его правления ничего путного. Удивляло лишь то, что с «молодыми» заговорщиками каким-то чудом спелась старая кремлевская гвардия, в том числе партийный идеолог Суслов и даже считавшийся лучшим другом бывшего главы государства Микоян.

Артёма Наумова эти перемены, пожалуй, волновали меньше других, так как, наконец, они с Варей расписались в загсе и отпраздновали скромную свадьбу с самыми близкими друзьями и свидетелями в ресторане «Птичий полет» — одном из наиболее любимых москвичами. Там играл популярный эстрадный оркестр, и с седьмого этажа гостиницы «Москва» открывался прекрасный вид на Кремль и Манежную площадь.

На многолюдную свадьбу денег Артём с Варей не накопили, и в ресторан приехали сразу после регистрации вместе со всеми, кто был в загсе. Из близких родственников присутствовала лишь Анфиса Ивановна. Лёлю они пригласить не решились. За столом в уютной кабинке собрались их друзья во главе со свидетелями Царевыми. Все наперебой желали молодоженам здоровья и счастья. Выпили и закусили вволю, танцевали до упаду и разошлись по домам лишь с закрытием ресторана.

Варя была так красива и очаровательна, что Артём просто не замечал других женщин. О Наде и не вспоминал. «Неужели я мог связать свою жизнь с кем-то еще?» — недоумевал он, восхищаясь своей женой, и не находя ей равных. Нежность к Варе переполняла его. По ее сияющим глазам чувствовалось, что она испытывает то же самое.

— Тёмочка, я так счастлива! — призналась она в такси, когда возвращались домой. — Никогда в жизни еще не испытывала такой радости. Я тебя не подведу. Верю, что нас с тобой ждет удача. Мы больше никогда не расстанемся!

Вместо ответа Артём только крепче обнял и прижал к себе жену. Будущее рисовалось ему в самом радужном свете.

* * *

Однако жизнь у Артёма с Варей складывалась так, что долго радоваться им не пришлось. В институте неприятности начались после того, как он отказался поехать с Дорофеевым и Ковачем на выходные дни в подшефный дом отдыха.

После памятного президиума Научно-технического совета отношение к нему с их стороны было прохладным, но все же, вызвав за чем-то в партком, Дорофеев сделал последнюю попытку привлечь ученого секретаря на свою сторону.

— Вот что, Артём, — с деланным добродушием сказал он, когда они остались наедине. — Мы старые друзья и должны держаться плечом к плечу. Я надеялся на твое содействие, а ты подводишь. Мне — будет жаль, если я в тебе ошибся.

— Не могу идти против совести, Володя, — честно признался Артём, хотя и понимал, что излишняя откровенность ему повредит. — Не могу поддерживать решения, подрывающие работу института.

— Надеюсь все же, что благоразумие у тебя возьмет верх. Я знаю — ты умный малый, — вкрадчиво говорил Дорофеев. — Сейчас, как никогда,

нам с Рудиком необходима твоя помощь. Не плюй в колодец! Подумай о том, что тебя ждет, если мы победим.

— И что же меня ждет? — не удержался от любопытства Артём.

— А ты не догадываешься? — Дорофеев откинулся в кресле, очевидно решив, что сумел заинтересовать Наумова. — Станешь начальником отделения института. Это по меньшей мере!

Предлагаемая приманка была весьма соблазнительной. Институт состоял из нескольких отделений по видам деятельности Аэрофлота. Возглавив группу научно-исследовательских отделов по своему профилю, Артём получал возможность осуществить самые грандиозные планы. Немного растерявшись от такой заманчивой перспективы, он молчал, и Дорофеев, решив, что «рыбка клюнула», тем же дружеским тоном предложил:

— Вот что, Тёмка. Кончай из себя целочку строить! Пора тебе с нами теснее держаться и с Рудиком надо отношения наладить. Мы на выходные едем в наш дом отдыха, вот и присоединяйся. Он любит преферанс, а ты, когда еще учились в МАИ, неплохо играл. Пообщаемся, — он выразительно щелкнул себя по горлу, — в теплой дружеской обстановке.

— Не знаю, право, — промямлил Артём, так как понимал, что отказываться, в любом случае, было бы неблагоразумно. — Я же, Володя, молодожен. Не знаю, кау: на это посмотрит Варя.

— А ты ей объясни, что к чему, — широко улыбаясь, подмигнул Дорофеев. — Ведь не дурочка она у тебя? Отпустит по такому случаю.

Артём не нашелся, что ответить. А придя домой, поделился всем, что у него было на душе, с Варей, не без волнения ожидая, как она к этому отнесется. «Женщины намного прагматичнее нас, мужчин, — думал он вспоминая, как уговаривала его Надя примкнуть к интриганам ради собственной карьеры. — Неужели и Вареньке придется доказывать, что я не смогу на это пойти?»

Но честная натура Вари не признавала и не оправдывала подлости ради чего бы там ни было. Она сразу же заняла солидарную с Тёмой позицию. Выслушала его очень внимательно и, не колеблясь, заявила:

— Тут и думать нечего! Может, они и выполняют то, что обещают, но тебе с такими людьми не по пути. Ты и без них многого добьешься, Тёмочка. А так, — добавила она, — даже заняв высокую должность, сам не будешь себя уважать, не говоря уже о других.

— Но тогда мне не удержаться в кресле ученого секретаря, — объяснил Артём. — Я потеряю больше трети зарплаты. Придется оставить пока мечты о машине...

— Ну, и что? Жили мы и без этого, — спокойно ответила Варя. — Будет у нас еще машина. А чистая совесть — дороже! Займешься снова научной работой. Или тебе так нравится быть в начальстве?

— Не в этом дело, Варенька. Жаль бросать начатое на полпути, — терпеливо объяснил Артём. — Я уже почти сформировал ученый совет и организовал аспирантуру. Хотелось бы довести дело до конца, — он немного помолчал и неуверенно произнес: — Вот секретарь парткома предложил поехать вместе с ним и первым замом Ковачем на выходные в дом отдыха. Якобы дружески пообщаться, сыграть в карты и, разумеется, поддать. Может, мне стоит все же присоединиться, чтобы не обострять отношения?

— Нет, Тёмочка, этого делать нельзя, — замотала головой Варя. — Такое братание тебя крепко с ними свяжет. После этого, если пойдешь против, наживешь в их лице врагов. По-моему, лучше уйти, не ссорясь.

Возникла пауза, во-время которой Артём удрученно размышлял, но ее прервала Варя, сообщив новость, которая еще больше осложняла их житейские обстоятельства.

— А я ушла с работы. Передумала переводиться на вечерний, — объявила она извиняющимся тоном. — Ты уж прости меня, но совмещать учебу в медицинском с работой слишком тяжело. И на мне же еще дом.

— Ну, что же, ушла так ушла. В другое время я бы это приветствовал, но сейчас, — Артём вздохнул, не скрывая, что огорчен, — нам придется туго. В своей «кремлевке» ты акушеркой имела вдвое больше, чем будешь получать, когда станешь врачом.

— Что поделаешь? Но, учаь на вечернем, я бы не смогла получить нужные знания, — оправдывалась Варя. — И потом, надеюсь, твоя партия когда-нибудь покончит с этими привилегиями и установит для всех справедливую оплату?

Крыть Артёму было нечем и оставалось лишь примириться с тем незавидным положением, которое ожидало их в ближайшем будущем.

* * *

Как следовало ожидать, отказ Артёма пообщаться с Дорофеевым и Ковачем на лоне природы был ими расценен соответствующим образом, и его участь на посту ученого секретаря была решена. Об этом, как ни странно, ему объявил сам начальник института.

— Ты неплохо поработал, но понимаешь ли, — генерал замялся. —

Тут появилась другая кандидатура. Нам спустили ее сверху, из министерства. Ковач тоже на ней настаивает. Ученый совет — это ведь его епархия.

Генерал сделал паузу, видимо, ожидая протеста Наумова, но Артём молчал, опустив голову, и Макаров решил его подбодрить.

— С порученным делом ты справился отлично. За это тебе будет объявлена благодарность. Проект приказа уже подготовлен, — он жестом указал на бумагу, лежащую перед ним на столе. — Осталось только выяснить, где ты предпочитаешь дальше работать. Мы пойдем тебе навстречу в этом вопросе.

— Я хотел бы работать у Гальчука в отделе ресурсных испытаний, — высказал Артём то, что уже решил на случай такого поворота событий. — Там надо создать сектор самолетных агрегатов, этого давно добивается начальник отдела.

— Можешь считать этот вопрос решенным, — подвел итог разговору Макаров. — Съездишь от института на конференцию в Ригу, потом сдашь дела новому ученому секретарю и приступишь к работе в отделе Гальчука. Сектор под тебя там будет создан. В Риге неплохо отдохнешь, — он доброжелательно посмотрел на Артёма. — На взморье сейчас — лучший сезон.

Теперь, когда все решилось, Артём испытал огромное облегчение. Переход в отдел ресурсных испытаний и создание в нем агрегатного сектора сулили не только интересную работу, но и компенсацию за потерю в окладе. Благодаря летним испытаниям сотрудники Гальчука зарабатывали больше, чем в других отделах института. Довольна была его переходом на научную работу и Варя.

— Наконец-то тебя перестанет мучить проблема дворцовых интриг и ты, Тёмочка, сможешь спокойно заниматься тем, что тебе по душе, — обрадовалась она. — И на взморье хорошенько отдохнешь. Как я тебе завидую! Никогда не была в Прибалтике.

Конференция в Риге по проблеме подготовки научных кадров проводилась, как тогда говорили, «для галочки». Никого всерьез эти вопросы не волновали и запланировали ее в курортной Юрмале скорее для того, чтобы дать научным работникам возможность отдохнуть там за счет государства.

В этом Артём убедился на второй день после приезда. Лишь на открытии конференции он видел всех ее участников. В остальные же дни зал наполовину был пуст. Стояла чудесная погода, и большинство предпочитало пляж скучной повестке дня. Артём тоже с утра до обеда

проводил там время в теплой компании с соседом по номеру, коллегой из НИИ «Аэропроект», и интересной дамой из отдела кадров министерства гражданской авиации.

С этой яркой брюнеткой они встречались еще в Москве, но близко знакомы не были и компанию составили в день приезда, оказавшись за одним столиком в ресторане гостиницы. Ее звали Лариса Витальевна, и она явно положила глаз на Артёма, хотя он держался с ней индифферентно, а сосед усиленно ухаживал. У Ларисы была очень пикантная фигура, высокая полная грудь, и на пляже она на них обоих действовала возбуждающе.

Вечером они втроем пошли в ресторан, хорошо поужинали и, как водится, крепко выпили. Когда начались танцы, выяснилось, что шансы соседа равны нулю, так как он умел лишь наступать на ноги, тогда как Артём был кавалером экстра-класса. Лариса его ни на минуту не отпускала и после танцев увела к себе, невзирая на обиженный вид «третьего лишнего», оставшегося за столиком в одиночестве.

Разгоряченный выпитым, танцами и близостью красивой женщины, Артём послушно дал затащить себя в номер. Но он был не настолько пьян, чтобы потерять голову и, когда начались жаркие объятия, все же опомнился. Сумев совладать с собой и мягко отстранив от себя Ларису, он извиняющимся тоном пробормотал:

— Считаю тебя дураком, обманщиком, кем хочешь, Лара, но я не могу с тобой остаться, — он покаянно опустил голову. — Надо было тебе сразу это сказать, что..

— Ты болен? — испуганно отшатнулась Лариса, тоже успев придти в себя после страстного возбуждения. — Чем же? Хотя теперь, — она как-то поникла, — это уже не имеет значения..

— Да ничем я не болен, — раздраженно сказал Артём, злясь больше на себя за то, что оказался в таком глупом положении. — Просто очень люблю свою жену и... не хочу ей изменять. Мне жаль, что так вышло. Чуть не потерял из-за тебя голову.

— А я считаю, что ты просто фиговый мужик, раз в такую минуту думаешь о своей жене, — презрительно скривила губы Лариса. — Между прочим, у меня тоже есть муж.

И уже вслед ему выплеснула остаток досады.

— Что ж не взял с собой жену, раз без нее не способен?

— А что, хорошая мысль! Как мне самому не пришло это в голову? — искренне удивился Артём. — Спасибо, что подсказала. А чтобы ты не горевала одна-одинешень-ка, — добавил с усмешкой, — сейчас пришло к

тебе своего соседа.

* * *

Когда Артём позвонил из Риги и неожиданно предложил прилететь к нему, чтобы провести несколько дней на взморье, Варя даже растерялась.

— Тёмочка, дорогой! Неужели ты это серьезно? - недоверчиво переспросила она. — Конечно, я с радостью! Мне здесь так скучно одной и... искупаться в море хочется.

— Ну, так бери билет и лети ко мне. С гостиницей проблем не будет, — весело прокричал в трубку Артём. — Мой сосед проводит дни и ночи с одной любвеобильной дамочкой, так что номер в нашем полном распоряжении.

Поскольку до начала занятий в институте у Вари еще было свободное время, в тот же вечер Артём встречал ее в аэропорту Риги. Сосед по номеру, роман которого с Ларой был в самом разгаре, разумеется, ушел к ней, и они провели незабываемую ночь, полную любви и страсти.

Следующий день, отоспавшись, посветили знакомству с Ригой: погуляли по старому городу, послушали знаменитый орган в Домском соборе. А все оставшиеся дни провели на пляже, купаясь и загорая.

Компания у них была та же плюс Варя. Коллега Артёма, видно, Ларисе пришелся по сердцу, так как она отнеслась к его жене дружелюбно, и ничем не показав, что имела на него виды.

— Ты знаешь, я ведь поначалу здорово обиделась, — призналась она Артёму, когда они на какое-то время остались вдвоем. — Но как только увидела твою половину, все сразу прошло. Должна признать — вкус у тебя, что надо.

О конференции Артём вспомнил лишь в последний день, приняв участие в заключительном пленарном заседании. А Варя использовала это время для похода по магазинам. Зато они с удовольствием примкнули к организаторам прощального банкета в «Лидо», самом лучшем ресторане Юрмалы. Этот вечер тоже оставил яркое воспоминание. Столики там спускались амфитеатром к круглой площадке перед эстрадой. Под потолком вращался зеркальный шар, осыпавший свод звездными бликами. Оркестр исполнял модные шлягеры.

Когда начали танцевать, Лариса попыталась было завладеть Артёмом. Варя же, чтобы поддержать компанию, послушно приняла ухаживания его соседа. Но после того, как он отдал ей ноги, решительно восстановила

статус кво.

— Извини, Ларочка, но я не для того прилетела к мужу, чтобы уступать его другим, — полушутя заявила она в перерыве между танцами. — Так что заберу его до конца вечера. А ты пока, — улыбнувшись, кивнула на соседа, — подучи своего кавалера танцевать. Не то захромаешь.

...Возвращались в Москву тоже самолетом. Еще в пути Варя сообщила Артёму важную вещь. Теща, Анфиса Ивановна, согласилась дать им займы денег на покупку машины.

— Вот уж не ожидал. Откуда они у нее? — удивленно посмотрел он на Варю. — Она же всегда отказывала тебе и себе в самом необходимом.

— Потому и накопила. Мама давно уже мечтает об отдельной квартире, — объяснила ему Варя. — В коммуналке она со всеми перессорилась.

— Да, характерец у нее еще тот. Благодаря ей я стал воспринимать анекдоты о тещах, — шутя, заметил Артём. — Первая у меня была нетипичной. Выходит, она скопила денежки на кооператив, — добавил он уже серьезно. — Почему тогда одалживает их нам? Ей, вроде, дают квартиру на работе.

— Нет, там ей ничего не светит. Комната в коммуналке слишком большая, — ответила Варя. — Кооператив, как ты знаешь, сейчас можно достать либо по блату, либо за крупную взятку. Матери это недоступно.

— Но как это она, при ее прижимистости, решилась вдруг одолжить столько денег? — все еще удивляясь, спросил Артём. — Ты ее уговорила? Мать, наверное, потребовала гарантии? '

— У нас был разговор о квартире. Никаких шансов купить кооператив у нее нет, — ответила Варя. — Помочь ей в этом можем только мы. Вот я и обещала.

— Чего ты ей обещала? — удивленно уставился на нее Артём. — Чем же мы ей можем помочь?

— Не смотри на меня так, Тёма, я не сумасшедшая. Лучше выслушай, — мягко осадила она его. — Маме не дадут кооператив, а вот тебе его добиться легче.

— Допустим, — до Артёма сразу дошел замысел Вари. — Ты хочешь, чтобы мы эту квартиру отдали твоей матери. Но разве нам самим она не нужна?

— Ты же говорил мне, Тёмочка, что больше хочешь машину, — напомнила Варя. — А когда у мамы будет кооператив, мы тоже сможем ее и нашу комнаты обменять на отдельную квартиру.

— Уж больно у тебя все просто, — с сомнением прищурился Артём.

— Если мы выкупим кооператив, нам не на что будет приобрести машину.

— А тебе что, его дадут завтра? — резонно возразила Варя. — Ты же сам говорил, что на летних испытаниях сможешь хорошо заработать. И премии за увеличение ресурсов большие. Вот к тому времени, как понадобится, у нас и будет что внести за однокомнатную кооперативную квартиру. — Она немного помолчала и мечтательно добавила: — Теперь мы можем купить машину, не откладывая. Представляешь, дорогой, грибной сезон только начинается, а у нас будут четыре колеса! Только и тещу тебе придется возить в лес. Я ей это тоже пообещала.

* * *

Даже при наличии денег купить машину оказалось нелегко. В комиссионном за подержанными авто была очень длинная очередь. И вряд ли Артёму с Варей удалось бы так скоро осуществить свою мечту, если бы не помог один ловкий знакомый, решивший избавиться от своего подержанного «Москвича». В то время покупку машины оформляли только через магазин, и был лишь один обходной путь — дарственная, которая разрешалась только близким родственникам. Им и воспользовался этот ловкач.

Он подкупил нотариуса, и Артём получил свою машину, за которую заплатил намного больше, чем стоила новая, как бы в подарок от своей тети — незнакомой ему женщины, на чье имя был записан «Москвич». И несмотря на неприглядность и несправедливость этой истории, они с Варей были безмерно счастливы и горды своим приобретением. Цвета «белой ночи», с салоном из красной искусственной кожи, их «407-й» казался красивее всех других машин.

Естественно, первые поездки были в лес за грибами. Среди друзей в то время собственная машина была только у них. И всякий раз они брали кого-нибудь с собой, соблюдая очередность. По этому поводу у Артёма с Варей возникали даже споры.

— Ну почему мы должны брать с собой Гальчуков, а не Володю с Ниной? — недоумевала Варя, когда он пригласил своего начальника с женой. — Царевы нам ближе, и дружим мы с ними намного дольше.

— Как же ты не понимаешь? Борис с Ритой заядлые грибники, приятная пара. Он мой начальник и для меня вдвойне ценна наша дружба, — убеждал ее Артём. — А у отца Нины своя «Волга», и они могут поехать с ним.

— Мне странно слышать от тебя такое, — в голосе Вари слышалось порицание. — Тебе ведь чужд подхалимаж. Гальчук и так высоко ценит твою работу. Сам говорил, что она уже принесла большой экономический эффект.

— В нашей с ним дружбе нет ничего корыстного. Разве я бы дружил, если бы он мне не нравился? - пытался разубедить ее Артём. — И дружба с начальником вовсе не помеха в моей работе. Она дает большую свободу действий.

— Тогда я позвоню и приглашу Царевых на следующую субботу. Хорошо?

— Ты забыла про Юру Гордона. Он давно просится съездить с нами в лес, — напомнил Артём. — Он сейчас работает над докторской и ему просто необходимо немного расслабиться и подышать чистым воздухом.

Варя скривилась.

— Но они же не грибники. С ними в лесу не интересно.

— Это с ними-то не интересно? Да остроумнее Юрки я никого не знаю. Вспомни, как в прошлый раз было весело. Как на привале он затеял футбол, а ты стояла в воротах. То, что они плохо ищут грибы — это их проблема.

С Гордоном у Артёма возобновилась дружба только после оформления брака с Варей. Его старый друг, педантичный в вопросах морали, не признавал свободной любви. И, когда по его меркам Артём вернулся в лоно благопристойности, возобновил с ним прежние отношения.

Но особенно выручала машина при проведении летных ресурсных испытаний. По программе Артём находился в составе экипажа самолета, проверяя работу испытываемых агрегатов. Возвращались из полета часто в ночное время и, если бы его не ожидала около диспетчерской своя машина, то добираться до дома было бы нелегко. Благодаря собственным «колесам» они с Варей вышли на более удобный уровень жизни и уже стали подумывать об автопутешествиях.

* * *

Первое большое путешествие на своей машине Артём и Варя совершили из Москвы в Ленинград. Это произошло в ноябрьские праздники по приглашению его тети Инны. Она, наконец, удачно вышла замуж и поселилась в окрестностях северной столицы, в знаменитом Петродворце. На старости лет тетка обрела спутника жизни в лице мужа

своей лучшей подруги: та умерла после долгой и тяжелой болезни, приковавшей ее к постели. Инна очень заботилась о больной подруге и помогала ухаживать за ней мужу. Может быть, уже тогда у них возникли более близкие отношения.

Евгений Михайлович носил звучную фамилию Даль, и объяснял это своим дворянским происхождением. В нем и внешне чувствовалась «порода», это был дородный осанистый мужчина. Всю жизнь он провел на гигантских стройках, где успешно работал и в последние годы был главным инженером.

У него была еще одна страсть — живопись. Потому, выйдя на пенсию и поселившись в Петродворце, он целиком посвятил себя этому занятию. Писал маслом вполне профессионально, и его картины уже выставлялись.

Артём не раз уже бывал в «Северной Пальмире», в том числе в Петродворце с его знаменитыми фонтанами, но приглашение Инны принял. Тетку надо было поздравить с замужеством. А еще ему очень хотелось доставить удовольствие Варе, никогда не бывавшей в Ленинграде.

— Это просто здорово, Тёмочка, прокатиться туда на пару дней! — просияла Варя. — По правде сказать, устала я от занятий с непривычки, прогуляемся по Невскому, сходим в Эрмитаж!

— Ну, конечно. Приедем, поздравим молодоженов, и в первый же день вместе с ними осмотрим красоты Петергофа. А второй день целиком посвятим Ленинграду. Вернемся лишь переночевать, а наутро — в обратный путь.

— А не слишком мы их стесним? И потом, — Варя замялась, не решаясь высказать то, что ее смущало, — я боюсь, что...

— Чего ты боишься? У них там, хоть и небольшая, но двухкомнатная квартира, — не понял Артём. — Не стесним, раз приглашают.

— Боюсь им не понравиться, — честно призналась Варя. — Ты же говорил, что тетя Инна такая талантливая, играет на рояле, свободно владеет английским. Ее муж — художник, из бывших... из дворян. Думаю, и они, — как твоя Лёля..

— Не волнуйся, Варенька! Лёля же тебя просто не знает. А когда познакомлю, — уверен — отнесется к тебе очень хорошо. Тетя Инна с мужем вовсе не снобы. Иначе не смогли бы ужиться на стройках, где работали столько лет. Все будет о'кэй!

И, действительно, приняли их тетя Инна и Евгений Михайлович очень тепло. Умная Инна сразу сдружилась с Варей, которая, как всегда, даже не передохнув после утомительной дороги, стала помогать готовить на стол. Моложавый и еще крепкий хозяин галантно ухаживал за гостьей.

В тот раз их машина вела себя безотказно и не подвела ни по дороге туда, ни обратно.

* * *

Этот период в их жизни можно было бы назвать счастливым, если бы не постоянная забота о том, как заработать больше денег у него, и изматывающая необходимость считать каждую копейку — у нее. Приходилось экономить на всем, отказывать себе в самом необходимом. Так получилось, что надо было срочно собрать нужную сумму для первого взноса в кооператив на однокомнатную квартиру для Анфисы Ивановны.

Естественно, эту квартиру Артёму выделили не на работе, хотя в профкоме ему обещали и даже поставили на очередь. Получить ее помогла Лёля. Она еще не сменила гнев на милость, но сделала к этому первый шаг. Со времени последнего разговора они встречались раза два на кладбище у могилы родителей. Общались изредка по телефону. Вот и теперь, позвонив брату, чтобы сообщить о том, что Вика против их воли вышла замуж за Гришу и уже беременна, Лёля сказала:

— Невыносимо сознавать, что ты ютишься в своей каморке. Хочу помочь вам поменяться, используя комнату твоей тещи.

— Спасибо за заботу, но мы не желаем с ней съезжаться, — сухо ответил Артём. — У нее такой стержневой характер, что у нас дома будет сущий ад.

— А я и не предлагаю вам жить вместе, — в голосе Лёли послышалась усмешка.

— По моей просьбе Сеня договорился, что ей, как заслуженному работнику органов, дадут квартиру в кооперативе. Правда, район отдаленный и дом так себе, но зато, — подчеркнула она, — и первый взнос совсем небольшой.

Это было как раз то, о чем они мечтали, и Артём от души поблагодарил сестру, — теперь у них с Варей появилась реальная перспектива самим получить сносную жилплощадь. Однако денег на первый взнос не хватало, а взять займы удалось бы лишь на короткий срок. Вся надежда была только на оплату за летные испытания, но для этого нужно было форсировать выполнение программы по налету часов.

И Артём в ущерб остальным делам принялся набирать налет часов, летая без передышки «по кольцу» па самолетах «Ил-18» и по дальнему маршруту Москва— Хабаровск на четырехмоторных гигантах «Ту-114».

Он работал в составе экипажа, фиксируя на взлете и посадке работу агрегатов, ресурс которых надо было продлевать. На «ИЛак» пересаживался с борта на борт, отдыхая вместе с летчиками в профилакториях, а на «Тушках» летал туда и обратно.

Эти турбовинтовые гиганты были переделаны в пассажирские из дальних стратегических бомбардировщиков. Они считались самыми комфортабельными благодаря просторным салонам и наличию купе, в которых за восемь часов непрерывного полета можно было хорошо выспаться. Но именно на «Ту-114» один из полетов едва не закончился для Артёма трагически.

Тот памятный для него полет с самого начала проходил негладко. Пролетая над Сибирью они попали в обширную полосу грозовой деятельности, и экипажу пришлось обходить ее по резервной трассе, с большим отклонением на юг от основной. Это вызвало не только задержку в пути, но большой дополнительный расход горючего. И на подходе к аэропорту Домодедово в топливных баках его было в обрез.

Артём, как всегда при посадке самолета, находился в кабине экипажа, ведя наблюдение за работой своих агрегатов, и заполняя карту испытаний. Экипаж лайнера был очень опытным. Даже второй пилот Сидоров уже переучился на командира корабля и после этого полета должен был перейти в аэропорт Шереметьево на международные авиалинии. Но именно он их всех чуть не погубил.

Все произошло из-за очень низкой облачности, нависшей над летным полем Домодедова. Видимость была не более ста метров и, когда огромный лайнер вынырнул из облаков, обнаружилось небольшое отклонение от направления посадочной полосы. Выправить такой гигант рулями в считанные секунды было очень тяжело, но оба пилота были крупными сильными мужиками, и командир приказал второму пилоту:

— Будем садиться! Уклончик небольшой, довернем.

— Ты что, рехнулся? А если не справимся? — категорически возразил Сидоров.

— Делай, что приказано! — крикнул ему командир. — У нас горючки мало.

Но из-за пререканий время было упущено, и оба пилота одновременно взяли на себя штурвалы, поднимая лайнер для повторного захода на посадку. Командир, не оборачиваясь, зло бросил Сидорову:

— Разберемся с тобой на земле! Если... сядем.

Слепая посадка по приборам из-за их ошибок всегда таит в себе большую опасность. Во второй раз вынырнули из облаков не только под

углом, но над серединой посадочной полосы. Поэтому оба пилота сразу же, без разговоров, пошли на третий заход. О крайней опасности создавшейся ситуации свидетельствовали лишь их покрасневшие, взмокшие от напряжения лица, и ругань командира, адресованная диспетчерам, руководившим с земли посадкой самолета.

— Ну что, доигрался? Горючее почти на нуле, — бросил командир Сидорову, сопроводив упрек свирепым взглядом. — Тебе что, холостяку? А мои дети из-за тебя, мудака, сиротами станут!

И правда, на этот раз самолет вышел из облаков под еще большим углом к посадочной полосе. И теперь второй пилот уже безропотно налег на штурвал, помогая командиру выправить положение самолета в воздухе и правильно приземлиться. Катастрофы вряд ли удалось бы избежать, если бы пилоты не были столь сильны физически. Видно, они сами не очень надеялись на успех, так как побагровев от усилий, командир проронил:

— Простите, если можете, братцы! Виноват...

«Неужели это конец? Сейчас будет удар и... все, — с ужасом подумал Артём, не в силах поверить, что через несколько мгновений настанет небытие. — Жаль, что так мало удалось сделать в жизни. А ведь мог бы. Я нужен Варе... людям...»

Наверное там, где вершатся человеческие судьбы, тоже решили, что Артём нужен, так как пилоты, ценой невероятного напряжения, сумели выправить самолет по отношению к посадочной полосе и, плавно приземлившись, он побежал по ней, тормозя и постепенно теряя скорость. Обессилев, оба пилота сидели молча, пока не пришли в себя. Потом командир бросил Сидорову:

— Хорошо, что уходишь! Я не только бы с тобой летать не стал, а добился бы, чтоб тебя выгнали с волчьим билетом.

Но Артёму Наумову уже было не до их ругани. Его охватила такая радость, такой душевный подъем, словно он вновь родился на свет. У него было ощущение, что ему не просто подарили жизнь, но и обязали сделать то, к чему он стремится. И Артём дал себе слово, что не пожалеет для этого ни сил, ни способностей.

**Часть вторая. ПЕРЕРОЖДЕНИЕ (70-е
годы)**

Глава 7. МОРАЛЬНОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ

Если Хрущев пытался еще соблюдать «мораль строителей коммунизма», предъявляя эти требования даже к высшим чиновникам, из-за чего они его и скинули, то пришедший ему на смену Брежнев дал им полную свободу жить в свое удовольствие. Разумеется, за счет остального народа. При новом партийном лидере восторжествовала двойная мораль руководителей: одна — показная и другая, тщательно скрываемая, — для получения незаконных привилегий. Это стало повсеместным явлением, и, по сути, нормой жизни.

Перерождение руководства, его фальшивая идеология через средства массовой информации призывающая следовать принципам коммунистической морали, а на деле допускающая обогащение и роскошную жизнь сановников при всеобщей бедности, породили неверие в достижение высоких целей КПСС и моральное разложение в самой партии. Карьеристы по-прежнему рвались к высоким должностям, изображая из себя высокоидейных, а народ выплескивал свое недовольство в разговорах с друзьями и близкими на кухне.

Артём Наумов с юного возраста проникся благородными идеями всеобщего равенства и братства, свято верил в правое дело построения коммунистического общества и вступил в партию не из корыстных побуждений, а желая быть активным участником исторической миссии, которую взяла на себя партия. Но теперь, видя как бездарно она руководит страной, как ее лидеры думают лишь о своем благе, а народ бедствует, он испытывал глубокое разочарование.

— Не понимаю, что делается, — поделился он своими сомнениями с Варей. — Партийное руководство за счет народа создало себе такую жизнь, что им никакого коммунизма не надо. Не очень-то верится в их желание его построить. То, что у остальных ничего нет, по-моему, им до лампочки.

— И пыжатыя от гордости, что живут лучше других, — согласилась с ним Варя. — Работая в «кремлевке», я насмотрелась на жен высоких руководителей. Ты бы видел, как они задирают нос, — добавила она с обидой. — Думают, будто мы перед ними — ничто. Да и мужья такие же. Какие они коммунисты?

— Да, в руководстве партии явно засели перерожденцы, — согласился Артём. — Если так пойдет и дальше, загубят они великое дело, за которое пролито столько крови. Все доходы государства бездарно разбазариваются

на бесполезную гонку вооружений и помощь всяким псевдореволюционным движениям. Средств гробится уйма, и это ничуть не ослабляет мощь капиталистических держав. И ничуть не меньше ухлопывают на безумные проекты «великих строек»! Нельзя из своего народа вытягивать все жилы. Надо сперва навести порядок у себя, а потом уже учить других. Мы так плохо живем, что вряд ли наш пример кого-то прельщает. Нужны перемены там, наверху.

- Ты оптимист и мечтатель, Тёмочка, — с улыбкой возразила Варя. — Не верю я в это. Бессовестные все твои руководители. Таких вот в партшколах готовят безбожников! Откуда же возьмутся другие?

— Нет, в партии найдутся здоровые силы, — не слишком уверенно высказал надежду Артём. — Не может так бездарно потерпеть крах великая идея марксизма, за которую отдали жизнь целые поколения революционеров и принесено столько жертв нашим народом.

— Ну, что ж, говорят, надежда умирает последней, — сказала Варя. — И все-таки, политика — это не твое, Тёмочка. Может быть, ты прав, и что-то изменится. Ведь должны же быть в партии честные люди!

* * *

Но слишком переживать из-за негативных явлений в партии Артёму было некогда. Он успешно завершил большую программу летных испытаний агрегатов гидросистемы, и надо было составить отчет, чтобы наконец-то расплатиться с долгами. Тем более, что Варя сумела подобрать подходящий вариант обмена. Распалась очередная молодая семья, и мужа устроила их маленькая комнатка, а жена с ребенком согласилась на коммуналку, ради большой и светлой комнаты Анфисы Ивановны.

Квартира была на первом этаже, и дом — панельный, но она сразу им приглянулась. Этот многоподъездный девятиэтажный дом местные жители прозвали «хрущевским», так как он был первым среди таких зданий, и на сдачу приехал сам Хрущев, повелевший отдать его работникам близлежащего завода. Дом имел удобную планировку квартир со встроенными шкапами и антресолями, и главное — все квартиры были обставлены финской мебелью.

Как потом рассказали соседи, из-за этого между строителями и работниками завода возник конфликт, дошедший до суда. Жильцы

отказались платить за мебель, мотивируя тем, что имеют свою. Рассчитывали импортную получить на халяву. Но суд согласился оставить бесплатно лишь встроенные полки на кухне. Остальную мебель у тех, кто не заплатил, строители тут же забрали, реализовав, скорее всего, своим желающим.

— Ну и что с того, что первый этаж, — убеждала его Варя, когда привела его посмотреть квартиру. — Окна выходят во двор, и под окном есть место, где можно поставить нашу машину. Все спокойнее за нее будет.

— А не боишься, что к нам в окна будут заглядывать? — на всякий случай предупредил Артём, хотя дом и квартира ему тоже понравились. — Могут и влезть, когда нас не будет дома.

— Не залезут, если даже будут открыты фрамуги. Они узкие, — возразила Варя. — Но мы для верности можем завести собаку.

— А что, это мысль! — одобрительно отозвался Артём. — Но учти, Варенька, она свяжет по рукам и ногам.

Поскольку Анфиса Ивановна уже внесла деньги в кооператив, и смогла туда переселиться, обмен произвели очень быстро и, вскоре, они уже праздновали новоселье в своей отдельной квартире. Их «Москвичок» нашел пристанище под окном, выходящим во двор, и имеющейся у них мебели вполне хватило, чтобы обставить комнату. Пришлось приобрести только шторы и кухонные занавески.

Новоселье справили в кругу друзей. Хотя мир с сестрой у Артёма уже восстановился, Лёли не было. Они с мужем отдыхали в Карловых Варах, в Чехословакии, куда они выезжали каждый год для лечения. Зато пришли Юра Гордон с Адой. Юра стал уже доктором наук, и у него появилось новое увлечение — совершать дальние путешествия и делать о них любительские фильмы.

Неизвестно каким способом, но ему удалось то, что тогда было запрещено: выехать в составе тургруппы в Италию вместе с женой, так как вдвоем супругов в капстраны не выпускали. Это замечательное путешествие он снял на слайды и узкую пленку, снабдил остроумным комментарием и устроил интереснейший киносеанс. После фильма у всех осталось впечатление, будто побывать в Риме и Ватикане довелось им самим.

— Но если вы думаете, что нас влечет лишь загранка, то ошибаетесь, — заявил Юра, принимая заслуженные поздравления. — С не меньшей силой нас с Адочкой притягивают красоты Сибири и Дальнего Востока.

— И куда собираетесь? — полюбопытствовал кто-то. — Уже решили?

— Еще не окончательно. Хотим во Владивосток и на Камчатку. Если

не получится, тогда прокатимся на теплоходе по одной из сибирских рек. В любом случае, — пообещал он, — сделаем об этом фильм и непременно вам покажем.

* * *

Проведенные Артёмом летные испытания помогли рассчитаться с долгами, но изрядно его вымотали. За год он налетал больше половины той предельной санитарной нормы, которую нельзя было превышать рейсовым экипажам, а не только испытателям. Варя успешно окончила первый курс, но тоже чувствовала себя уставшей, так как к этому добавились обмен и хозяйственные заботы. Им очень хотелось махнуть на машине к морю, но подержанный «Москвич» начал часто отказывать и, не имея достаточно опыта, Артём на это не решился.

Выручило то, что Анфиса Ивановна сумела у себя на службе достать для них две путевки в «милицейский» дом отдыха в Анапе, славившейся прекрасными песчаными пляжами. Выбирать не приходилось, сборы были недолгими, и вскоре поезд уже мчал их в Крым, поскольку им захотелось переправиться в Анапу через Керченский пролив на пароме. Артём даже не стал использовать свои аэрофлотовские льготы, так как был сыт по горло полетами; он всегда любил поездки по железной дороге.

Уже в купе скорого поезда они с Варей выбросили из головы все заботы и стали наслаждаться отдыхом. За окном тянулись нескончаемые степи юга Украины. А когда их поезд заехал на паром, и паром вышел в море — они почувствовали истинное блаженство..

— Нет, ты посмотри, Тёмочка, какое море, какой простор! Здесь так легко дышится, — не уставала восторгаться Варя, видевшая море лишь в детстве, когда мать брала ее с собой в Одессу.

Денек выдался на славу. Пассажиры вышли из вагонов и находились на верхней палубе парома. Обдуваемые теплым морским ветерком, загорали, любуясь водной гладью, покрытой лишь небольшими барашками. Там, на палубе, они и познакомились с капитаном милиции Семеновым и его женой Оксаной. Оказалось, что Семеновы едут в тот же дом отдыха. Оба голубоглазые и белокурые, они были похожи словно брат и сестра. Оксана была беременна, на седьмом месяце, Володя ее трогательно оберегал, и этим сразу вызвал к себе симпатию. А когда, уже в доме

отдыха, обнаружилось, что он, как и Артём, большой любитель бильярда, они еще больше сдружились и на пляже все время проводили вместе. Тем более, что у Вари и Оксаны была интересная для обеих тема — рождение ребенка.

Вскоре к ним примкнула еще одна молодая семья. Салтановы только вернулись из заграницы, где прожили три года в одной из африканских стран и сразу обратили на себя общее внимание «фирменной» одеждой и престижным в то время транзистором.

На первых порах они держались замкнуто. Муж, не снимая пестрой рубашки, солидно покуривал трубку, а супруга, кудрявая и черноглазая, в шикарном «заморском» купальнике, неумоимо воспитывала маленькую озорную дочурку. Они лишь с любопытством посматривали в сторону своих соседей, но разбитной милицейский капитан Володя не удержался и, от нечего делать, все же подошел к ним.

— Извините за нескромность, но интересно знать, — поинтересовался он у мужчины с трубкой, — почему вы не снимаете рубашки? Боятесь солнечных ожогов?

— Не угадали. Совсем наоборот, — вопреки ожиданиям словоохотливо ответил сосед. — Я сижу в рубашке потому, что мне здесь прохладно. Мы приехали из Африки, где жара, как понимаете, намного сильнее. Моя жена Даша, — указал он на супругу, которая приветливо улыбнулась, показав великолепные белые зубы, — и наша дочка больше времени проводили в тени, а мне приходилось работать на солнцепеке.

— Как интересно, — больше из вежливости произнес Володя, присаживаясь рядом на песок.

— Интересного в нашей тамошней жизни, к сожалению, было не так много, — раскуривая погасшую трубку, ответил сосед. — Невыносимая жара, влажный климат от близости океана, сущий ад. Мы еле дождались возвращения на родину.

Он на секунду умолк и, поймав быстрый взгляд жены, добавил:

— Хотя рассказать, конечно, есть что. Если вам и вашим друзьям это интересно, приглашаю вечером к нам на огонек. Угощу вас виски, — посулил он криво усмехнувшись. — Это самогонка, но мы к ней там привыкли. Она нас только и спасала.

— А я спою под гитару цыганские песни, — отозвалась Даша. — Заходите к нам, не пожалеете. Нам одним здесь скучно.

— Ну, тогда нам прежде нужно познакомиться, — сказал Володя, галантно протягивая руку даме, чтобы помочь ей встать. — Пойдемте, я вам представлю наших!

— Нет уж, я останусь здесь, — отрицательно качнула головой Даша, жестом указав на дочь, плескавшуюся с другими детьми на мелководье. — Нашу озорницу ни на минутку нельзя оставить без присмотра. С вами сходит Игорь.

Игорь тут же отложил трубку и поднялся. Вместе с ним Володя вернулся к своей компании и, познакомившись со всеми, Игорь пригласил их в гости.

Вечером они не только хорошо познакомились друг с другом, но и от души повеселились. Игорь оказался почти коллегой Володи, так как был в той стране охранником при советском резиденте.

Даша, и правда, была цыганкой. И пела замечательно, аккомпонируя себе на гитаре. По случаю знакомства все, кроме Оксаны, крепко выпили; кроме виски в ход пошел и принесенный коньяк. У Оксаны тоже оказался неплохой голос и, когда начали петь, у них образовался такой «цыганский» хор, что сумел заглушить громкие песни подвыпивших милиционеров в соседнем номере.

За время отдыха их теплая компания так хорошо «спелась», что расставаясь, они твердо решили продолжить свое знакомство в Москве.

* * *

С У валовыми из соседней квартиры более тесная дружба завязалась перед ноябрьскими праздниками.

— Слушай, Артём, дай машину съездить за капустой, — уходя, сказал сосед Николай, когда забежал в субботу утром, чтобы забрать свою дрель.

— А зачем тебе столько капусты, что потребовалась машина? — вопросом на вопрос ответил Артём, не желая ее давать и не зная, как помягче отказать. — Ты ведь знаешь, у нее аккумулятор сел и потом...

— Знаю, знаю! Жену и машину никому не одалживают, — с улыбкой перебил его Коля. — Ты прав, я бы тоже не дал. Тогда поедем вместе. Пора купить для засолки. А машину я заведу от ручки.

Но Артёму никуда ехать не хотелось.

— Легко сказать. А если по дороге у светофора заглохнем? Создадим затор, погода-то какая! — попытался он отбиться. — Снег с дождем лепит, не переставая.

— А тебе-то что? Будешь сидеть в кабине, — отрезал Коля. — Это мне крутить заводную ручку на холодрыге. Поедем! Целый мешок мне на себе не дотащить.

— Куда тебе так много? — сделал последнюю попытку отбиться Артём. — Вот Варя, например, никогда больше одной кастрюли не шинкует.

— Тоже сравнил. Вас двое, а нас, считай, шестеро, — с упреком напомнил ему Коля. — Мы и раньше, когда пацаны были маленькими, квасили целую кадку.

Его старший сын, придя из армии, успел обзавестись семьей и родители ему помогали. Артёму ничего не оставалось, как согласиться.

— Хорошо, едем, — сдался он, — хоть ты и нарушаешь мои планы. Чего не сделаешь для друга. Жди меня у машины!

Съездили они в магазин без приключений и привезли столько капусты, что рубили ее Николай с женой и рано пришедшая с занятий Варя до самого вечера. Артём этого делать не умел, и ему выпало тереть морковь, что тоже было делом нелегким. Зато закончив работу, они для восстановления сил устроили знатную попойку, во время которой многое поведали друг другу и это очень их сблизило.

— Вот что, ребятки, присоединяйтесь к нам на 7 Ноября, — предложил Коля. — У нас будут еще только моя сестренка с мужем и Саблины, с третьего этажа. Мы с ними давно дружим. Встретим праздник весело!

— Мы бы с удовольствием, но уже сговорились пойти к друзьям, с которыми познакомились на юге, — ответила ему Варя. — А то, конечно, предпочли бы встретить праздник у вас. Они живут у черта на куличках.

С Семеновыми, по приезде они не виделись, так как Оксана собиралась уже рожать и говорила лишь с Варей, советуясь, по телефону. Зато Игорь и Даша побывали у Наумовых в гостях и пригласили на праздники к себе в Ховрино, отдаленный район, расположенный у самой кольцевой автодороги. Салтановы жили там у Дашиного отца, музыканта-вдовца, круглый год гастролирующего со своим ансамблем.

На праздники ее отец, Александр Иванович, оказался дома. Внешне он, в отличие от дочери, мало походил на цыгана. Его волнистые волосы были светлыми и только глаза такими же, ярко-синими. Но играл на гитаре и пел он, как истинный цыган. Рядом с ним Даша стусеивалась. Только он один солировал, а остальные ему лишь подпевали.

Погоуляли они на славу, но Артёму и Варе не понравилось, что веселье было чрезмерно хмельным и разухабистым, и то, что хозяйка и их друзья слишком много пили. Удручающее впечатление на них произвела и бедность обстановки. По тому фасону, с которым держались Салтановы в Анапе и по их заграничным вещам этого трудно было ожидать, и

увиденное шокировало.

— Мне кажется, они все пропивают, — шепнула Варя мужу, когда собирались уходить. — Неужели Игорь и Даша — алкоголики?

— Похоже на то, — так же тихо согласился Артём. — Я заметил еще в Анапе, что они заводятся после одной рюмки, а когда трезвые, то оба мрачнее тучи. Это характерный признак. Насмотрелся когда-то на своего тестя.

То, что Варя оказалась права, выяснилось, когда Салтановы их провожали.

— Ну как, неплохо повеселились? Я вижу, вы довольны, — поцеловав Варю на прощанье, сказала Артёму Даша. — Мы тут живем, не тужим, но это... есть проблема..

Она чуть замялась, и с важным видом объяснила:

— У нас все на валютном счету, но обмен по курсу очень невыгодный... В общем, вы не могли бы одолжить нам приличную сумму, пока., обернемся?

«Если дадим, скорее всего, пиши пропало, — резонно рассудил Артём, в то же время испытывая неловкость перед Дашей после такого теплого приема. — Но и отказать нельзя. Друзья все же. И наверно, в самом деле нуждаются..»

— Если вы попали в трудное положение, мы одолжим, сколько сможем... на короткое время, — промямлил Артём, лихорадочно соображая, какие может потребовать гарантии. — Но нужен... залог, — наконец, придумал он. — Такой, чтобы можно быстро реализовать, если нам срочно потребуются деньги..

— Ну, конечно, я понимаю, — обрадовалась Даша. — Надеюсь, наш «Грюндик» тебя устроит? Такой транзистор дорого стоит. На днях позвоню и привезу его. Готовь деньги.

* * *

Вот из-за этого транзистора и произошел у них разрыв, причем очень скоро.

Даша привезла «Грюндик» и получила от Артёма взаймы столько, сколько стоил этот транзистор. Но не прошло и двух недель, как она заявила к ним снова. Артёма в тот день не было дома. Решив, что подруга привезла долг, Варя обрадовалась:

— Быстро же вы обернулись. Ведь продажа валюты из-под полы —

дело опасное. Ваш «Грюндик» в порядке, — добавила она, доставая из шкафа транзистор. — Мы им почти не пользовались.

Даша молча проверила, как работает «Грюндик», и только тогда сказала:

— К сожалению, пока еще поменять нужную сумму не удалось, но мы нашли желающего. Через недельку, Варенька, отдадим вам долг. В любом случае, если даже не выйдет с обменом валюты. Поэтому я должна забрать «Грюндик». На него у нас есть покупатель.

— Но мы так не договаривались, — растерялась Варя. — Ведь Тёма дал вам столько, сколько «Грюндик» стоит. Сначала верните нам деньги!

— Сначала надо его продать! — нахально ответила Даша и сунула транзистор под мышку. — Нам дают за него двойную цену. Тогда и получите свои деньги.

Но Варя уже опомнилась и, вскочив, решительно загородила выход.

— А я думаю, что тогда мы вас больше не увидим. Поставь транзистор на место! — сердито приказала она обманщице. — Получишь его тогда, когда вернете нам долг.

Варя была крепкого сложения, но и Даша — высокой и сильной. Она без колебаний попыталась оттолкнуть хозяйку от двери, но у нее ничего не вышло, — мешал транзистор. Тогда она поставила его на пол и с кулаками подступила к Варе, истерично выкрикнув:

— Дай выйти, не то убью!

Но Варя не отступила и, сцепившись как борцы на арене, они упали на пол, продолжив схватку «в партере». Неизвестно, как бы закончился их поединок, если бы в этот момент не пришел Артём.

— Что у вас тут происходит? — поразился он, увидев их, катающимися по полу.

— А то, что эта мерзавка, хотела унести «Грюндик», не отдав долга, — сразу выпустив противницу и неохотно поднимаясь с пола, объяснила Варя. — Я ей помешала, а она полезла драться.

— Это что еще за цыганские штучки? — нахмурившись, сурово спросил Артём у вставшей и молча оправляющей платье Дарьи.

Но та очевидно решила, что терять уже нечего, и пошла напролом.

— А то, что мы решили забрать у вас свой транзистор. Если сумеем выгодно продать, вернем вам долг, — с наглой ухмылкой заявила она, попытавшись взять его с пола.

Однако Артём помешал ей это сделать. Он первым взял «Грюндик» в руки и, передав Варе, твердо сказал:

— Получите его, только вернув нам деньги! А если не отдадите, то

можете с ним проститься! Таков был уговор.

— Не хотите отдать по-хорошему, заявим, что вы у нас его украли, — завопила Дарья. — С милицией придем! У Игоря там друзья. Расписки-то нет!

— Ничего не выйдет! Деньги вам даны при свидетелях, — спокойно парировал Артём. — А теперь убирайся! — он указал ей на дверь, ставя последнюю точку в отношениях с Салтановыми. — Вот уж не думал, что вы такие негодяи.

* * *

С Уваловыми, соседями по лестничной площадке, Наумовы встретили Новый год.

Кроме них, в числе гостей были только сестра хозяина Таня с мужем Сергеем, подруга хозяйки Зинаида и супруги Саблины, с которыми Уваловы тесно дружили. Только за праздничным столом Артём и Варя вспомнили, что уже видели Саблиных раньше, столь скромно и неприметно они выглядели. Это было неудивительно, так как большинство соседей по своему многоквартирному дому за годы жизни в нем они так и не запомнили.

Маленького роста и молчаливые, Саблины и одевались неброско, хотя были очень состоятельными, — муж, Афанасий Петрович, работал начальником деревообрабатывающего комбината, выполнявшего заказы Кремля. В его ДОКе можно было сделать буквально все. Поэтому в нем нуждались самые высокопоставленные сановники. С виду невзрачный, он был умен, имел влиятельных друзей и обширные связи. Его миниатюрная жена, Клава, за весь вечер не произнесла и двух слов, зато когда по русскому обычаю затянули песни, у нее оказался замечательный голос, и она сразу сделалась запевалой.

Запомнилось это гулянье Артёму также интрижкой «по пьяной лавочке» с подругой хозяйки Зинаидой. Яркая, эффектная, с теплым взглядом карих глаз, она обладала таким пышным бюстом, к которому ни один мужчина не мог остаться равнодушным. С Артёмом, танцевавшим-лучше других, она сразу стала кокетничать, прижимаясь к нему так, что у того мурашки пробегали по телу.

Известно, что мужчины сильно различаются по последствиям опьянения. Одни, самые безобидные, соловеют и отправляются спать.

Другие становятся агрессивными, задираются, затевают ссоры, а то и драки. Но есть и такие, у которых выпитое вызывает повышенный интерес к женскому полу. Артём относился к этой последней категории и, в хмельном состоянии, был способен совершить легкомысленный поступок.

Самым привлекательным в их компании был свояк Увалова, Сергей. Долговязый и стройный, он был красив, как киноактер. Но плохо танцевал и, к тому же, его не отпускала от себя жена. Поэтому, пользуясь тем, что Варя с соседками были заняты обсуждением какой-то

острой медицинской проблемы, Зина полностью завладела Артёмом, чему он, по правде сказать, не противился. Ничего о ней не зная, он все же поддался ее чарам.

- **Я** вижу — нравлюсь тебе. Разве не так? — горячо прошептала ему на ухо Зина, когда они медленно танцевали томный блюз. — Я это хорошо чувствую, — прижимаясь до неприличия тесно, добавила она, бросив на него лукавый взгляд.

Артём ничего не ответил, но обнимал все так же крепко, и она осмелела..

— Давай встретимся на днях. Дадим друг другу немного счастья, — предложила Зина, призывно глядя ему в глаза. — наших... «самоваров», — кивнула она в сторону Вари, — от этого не убудет. Ну как, согласен?

От нее аж полыхал жар, и в хмельной голове Артёма шевельнулись озорные мысли. «А что, может и впрямь, с ней встретиться? Уж больно горяча, — упорно нашептывал ему какой-то бес. — Она, видать, тоже замужем. Это приключение никому не принесет вреда. Еще крепче буду любить Варю».

— А у тебя есть где встретиться? — спросил он вместо ответа.

— К сожалению, нигде. Дома муж и дети, — с кислой миной призналась она и жарко шепнула. — Но ты придумай, что-нибудь. Пожалуйста..

— Если только... в машине... у меня в гараже, — нерешительно предложил Артём, движимый скорее инерцией, чем желанием.

— Хорошо, пусть... так, — не задумываясь, согласилась Зина. — Давай завтра, сразу после работы.

— Ладно, жди меня у метро. В шесть, — быстро произнес Артём. — Плюс-минус пятнадцать минут.

Разумеется, на это свидание он не пришел. Вспомнив обо всем на следующее утро, Артём сначала подумал, что такое могло произойти только в дурном сне. Целые сутки он промучился, не зная, каким бы образом связаться с Зиной, чтобы дать отбой. Передать ей через Валентину

он резонно побоялся. Наконец, терзаемый совестью, так как никогда не обманывал женщин, принял решение на встречу не ходить.

«Ну, что же, подождет впустую четверть часа, и поймет, что дал задний ход, — думал Артём, ругая себя последними словами. — Может, это отобьет у нее охоту изменять мужу. Я-то себе не прощу, если такое повторится».

С Зинаидой он потом еще не раз виделся у Уваловых, и она ни словом, ни взглядом не выказывала свое недовольство. Вела себя так, будто ничего и не было, охотно с ним танцевала, но больше не кокетничала. По пристальным взглядам Валентины, которые ловил на себе Артём, ему стало ясно, что Зинка рассказала ей о его вероломстве. Но умная соседка держала язык за зубами и Варе провинившегося мужа не выдала.

* * *

Остаток зимы и весна прошли у Артёма в столь напряженной работе, что ему было не до любовных интриг. Проведенные ресурсные испытания самолетных агрегатов позволили ему разработать и научно обосновать методику прогнозирования их отхода в ремонт. Без нее нельзя было эффективно организовать массовое восстановление отработавших свой ресурс и отказавших агрегатов. Поточные линии надо было обеспечить достаточным ремфондом, рассчитать который позволяла методика Наумова, основанная на теории вероятностей и результатах испытаний.

— Теперь, пожалуй, можно попытаться организовать у нас цех поточного ремонта дефицитного спецоборудования самолетов, — сказал Артёму главный инженер киевского завода, присутствовавший на научно-техническом совете, где он доложил свою методику. — Если будет обеспечена непрерывная работа, мы сможем быстро окупить все затраты.

— Но экспериментальные данные получены только по агрегатам гидросистем и высотного оборудования, — усомнился Артём. — Прежде чем внедрять у вас поток, надо бы проверить их на образцах спецоборудования.

— Нет у нас на это времени, дорогой, — горячо возразил киевлянин. — Мы ведь просто горим, не успевая ремонтировать спецоборудование! Из-за этого может встать весь парк самолетов! Министр пригрозил снять все руководство завода. Помогите нам организовать поточный ремонт!

Такое положение не оставило Артёма равнодушным.

— Вообще-то, найденные закономерности отхода агрегатов в ремонт мало зависят от типа оборудования. Я уверен, что можно с большой достоверностью спрогнозировать ремфонд этого цеха на перспективу. Но твердо гарантировать это не могу.

— И я, познакомившись с методикой, уверен, что мы не ошибемся, — заявил главный инженер. — Мы официально направим письмо в министерство, чтобы тебя подключили к нашей работе. Если нам удастся наладить поточный ремонт, он даст колоссальный экономический эффект!

Вскоре, по указанию министерства, на заводе в Киеве была начата экспериментальная работа по созданию цеха поточного ремонта спецоборудования самолетов, которую от института вел сектор Наумова, и Артём теперь снова много времени проводил в воздухе, летая между Москвой и столицей Украины. К Первомаю новый цех пустили на полную мощность, и его производительность уже в первый месяц работы повысилась в шесть раз.

Острая проблема недостатка спецоборудования была решена, о достижении заводчан много говорили и, по решению министерства, участникам работы, в том числе всем сотрудникам сектора Наумова, выдали крупную премию.

— В министерстве сочли, что экономический эффект от увеличения объемов ремонта спецоборудования так велик, что нашу работу следует представить на ВДНХ, — сообщил Артёму главный инженер завода, с которым он за это время крепко подружился. — Нам светит золотая медаль и, если все так и будет, тебе она гарантирована.

— Медаль ВДНХ — дело хорошее, но я предпочел бы вашу поддержку моей методики организации поточного восстановления запчастей для самолетов, — высказал свое желание Артём. — Хочу оформить разработку научных основ этой методики в качестве темы своей докторской диссертации.

— Неужели боишься, что не утвердят? — удивился киевлянин. — Всем известно, как эффективно она внедрена на нашем заводе. Об этом и в приказе министра сказано.

— Все это так, но ты не знаешь, какие интриги плетутся в нашем ученом мире, — удрученно пояснил ему Артём. — Особенно, когда дело касается соискания докторской степени.

— Черт-те что творится! Да если бы все научные диссертации были такие, как у тебя, нам работать было бы куда легче, — возмутился заводчанин. — Говори, в чем тебе нужна поддержка, и мы ее окажем.

Если бы не успешное внедрение методики Наумова на киевском заводе, то вряд ли ему удалось бы стать докторантом. К этому времени Дорофеев и Ковач сумели-таки спихнуть генерала Макарова из насиженного кресла. Но и мечты коварного секретаря парторганизации не сбылись. Хитрый Рудик разгадал его тайные замыслы, благодаря связям тестя сам стал начальником института, и сразу избавился от своего, друга-соперника, устроив переизбрание парткома.

Артём не ждал от этого ничего хорошего, так как знал злопамятность Ковача и то, что он ценит в сотрудниках не талант, а личную преданность. В том, что новый начальник ничего ему не простил, он убедился, когда пришел для утверждения разработанной им методики.

— Ты, говорят, решил сказать новое слово в науке о ремонте авиатехники, — криво усмехнулся Ковач, ставя размашистую подпись на документе. — Иванов считает, что твои разработки вполне тянут на докторскую. А что ты сам об этом думаешь?

— Да, многие так считают, но методику сначала надо проверить на практике, — почувствовав его недоброжелательность, уклонился от прямого ответа Артём. — Потом, сами знаете, какие требования сейчас предъявляет ВАК. У соискателя докторской должна быть своя научная школа, а мной подготовлено только три кандидата наук.

Артём знал, что его привлекли к работе в аспирантуре и присвоили ученое звание старшего научного сотрудника вопреки Ковачу, который был против. Но генерал Макаров его не послушал — научных руководителей для аспирантов института не хватало.

— Вот и правильно, что не спешишь. Для тебя, Наумов, сейчас это нереально, — со скрытой издевкой произнес Ковач. — Ты уж извини, но я тебя вычеркнул из плана подготовки докторов наук. У нас слишком велика очередь тех, кто более достоин этого.

— Разве докторскую степень присваивают не за вклад в науку, а за личные достоинства? — не удержался Артём. — Не так много у нас тех, кто может претендовать на нее более реально.

— Позволь уж мне судить об этом, — отрезал Ковач. — У нас еще среди начальников отделений института нет ни одного доктора. Не говоря уж о руководстве. Ишь, как тебе не терпится! Раньше меня решил защититься? Твой друг Иванов еще не стал доктором, а он — мой заместитель по научной работе.

— Вам и ему мешает руководящее положение, — дипломатично ответил Артём, чтобы не обострять отношений с начальником института. — Выходит, из-за этого все остальные должны ждать, пока вы защититесь? Это несправедливо.

— Ладно, советую тебе, Наумов, поменьше о себе воображать, — неожиданно смягчив тон, заключил Ковач, протягивая ему утвержденную методику. — Лучше займись всерьез реализацией своей работы, поскольку к ней сейчас привлечено внимание министерства. А там видно будет...

Положив документ в папку, Артём встал, собираясь выйти, но начальник жестом его задержал.

— Вот еще что, — сказал он уже совсем доверительно. — В нашу аспирантуру поступил главный инженер авиапредприятия Левин. Это мой однокурсник. Да ты его должен знать еще по МАИ. Младшие всегда знают старших, — впервые за весь разговор Ковач улыбнулся. — Разве не так?

— Да, я всех помню, — улыбнулся в ответ Артём. — Вас, парней, там можно было по пальцам пересчитать.

— Так вот. Я просил Иванова быть его научным руководителем, но он наотрез отказался. Не хочет, — выразительно взглянул на него Ковач, — получить в его лице конкурента. Видно, тебя, — усмехнулся он, — не слишком опасается.

— Иванов не такой! — вырвалось у Артёма. — Тут, наверное, другая причина.

— Ладно, замнем для ясности, — приказным тоном отрезал Ковач. — Возьми над ним шефство и сделай из него кандидата! Левин — способный мужик и мне нужен. Тебе это зачтется. Согласен?

«Не думаю, что он прав насчет Иванова. Но в любом случае, я против научных интриг, — резонно рассудил Артём. — Если же Левин, и правда, способный, надо ему помочь».

— У меня нет возражений, — ответил он. — Я считаю, что наша наука слишком нуждается в способных людях, и недопустимо препятствовать им из низких побуждений.

— Ну да, ты ведь у нас чистоплюй, — пренебрежительно бросил начальник. — Но думаю, сможешь помочь Левину стать кандидатом. Ты в этом заинтересован.

Так закончился тогда у них разговор. Но после шумного успеха на заводе в Киеве, отмеченного в приказе министра, при рассмотрении на парткоме плана подготовки научных кадров Артёма Наумова включили все же в число докторантов, а затем на ученом совете утвердили и тему диссертации. Что сыграло тут роль: его согласие оказать помощь протеже

Ковача, или поддержка министерства, так и осталось неизвестным.
Ясно было одно: перед Артёмом открывался путь в большую науку.

Глава 8. ГОСПОДИН ДЕФИЦИТ

Как бы ни трубила пропаганда об очередных достижениях народного хозяйства, какие бы новые задачи по ускорению экономического развития страны не ставила правящая партия, советское общество все глубже засасывала трясина всеобщего дефицита. Простые люди на заработанные деньги не могли купить даже продукты первой необходимости. Дефицит и все самое лучшее обычно распределялись по месту работы, но доставалось лишь руководству и наиболее шустрым.

На этом фоне большим почетом стали пользоваться не герои труда и деятели искусства, а люди, как тогда говорили — «умеющие жить», в основном, ловкачи-торговцы. Перед ними заискивали, с ними старались заводить дружбу, ибо от них «с черного хода» можно было получить нужное. Их, благополучных и самодовольных, можно было встретить в самых элитарных местах, и сидели они в первых рядах партера.

Эту зависимость от владеющих дефицитом талантливо высмеял на сцене Аркадий Райкин. «Пусть всегда чего-нибудь, да не хватает!» — такую мечту лелеял его персонаж. Тогда, мол, у них сохранится и почет, и достаток.

Самое плохое было в том, что приспособленчество и заискивание перед распорядителями дефицита входило в норму и усиливали моральное разложение советского общества. Под давлением обстоятельств ему поддавались вполне достойные люди, поскольку, отовариваясь с черного входа, отлично понимали, что имеют дело с нечистоплотными, а подчас, и с откровенно криминальными личностями.

В этом Артём и Варя убедились, когда познакомились с Коршуновыми. Ей, целиком поглощенной зубрежкой в своем медицинском, недосуг было бегать по магазинам в поисках съестного, а он, мотаясь все время между Москвой и Киевом, не мог даже думать о хозяйственных заботах. Питались они как попало и где придется, в основном, в рабочих и студенческих столовках, не придавая этому слишком большого значения.

Что-нибудь из полузабытых деликатесов Артёму перепало лишь изредка, когда забегал навестить старшую сестру. Ее муж по-прежнему занимал видное положение в партийной иерархии столицы, которая снабжалась на «довоенном» уровне и не испытывала ни в чем недостатка. Лёля, хоть и задавалась перед братом, но все же любила его и старалась угостить получше.

— Откуда у вас эта роскошь? — изумлялся Артём, уплетая за обе щеки свиную вырезку, которую давно не видел в магазинах. — Я думал, что теперь выпускают лишь одну колбасу, и то, разбавляя мясной фарш белковыми добавками.

— Мы получаем спецпак, нам доставляют его на дом, — с важным видом объяснила Лёля. — Это привилегия номенклатуры горкома партии, — она с сожалением на него посмотрела и добавила: — И зачем только тебя, братец, потянуло в науку? Ты же был, помнится, секретарем комсомольской организации целого завода. Вполне мог бы сделать партийную карьеру.

— Так уж получилось. Как говорится, не хлебом единым жив человек, — отвечал Артём, наслаждаясь сочным куском, который просто таял во рту. — Надеюсь, что когда-нибудь это будет доступно не только партийно-хозяйственной верхушке.

— Ты — неисправимый идеалист, — вздохнула Лёля. — Никогда такого не будет. Хотя бы потому, что лучшего на всех не хватит.

Это звучало убедительно, и Артём спорить не стал. Но вскоре, когда они с Варей познакомились в доме отдыха с семьей Коршуновых, он убедился, что не только партийной элите могут быть доступны все возможные блага.

* * *

В доме отдыха они очутились во время весенних каникул Вари. Занималась она добросовестно, не пропуская ни одной лекции, и порядком устала. Артёма тоже измотали научные баталии в институте и бесконечные командировки на завод в Киев. Поэтому, когда в профкоме в очередной раз оказались горящие путевки, он даже обрадовался кратковременному и, тем более, бесплатному отдыху.

Артём и Варя были контактными людьми и поэтому быстро сошлись там с молодой парой из соседней палаты, приехавшей отдыхать вместе с маленьким сыном. Супруга Катя оказалась ровесницей Вари, а ее муж, Олег, был ненамного старше, хотя, полнотелый и рослый, выглядел очень солидно и старше своих лет. Он оказался вполне компанейским человеком и большим жизнелюбом.

Уже во время первого дружеского застолья Артём был очень удивлен,

когда Коршуновы, придя в гости, добавили к их скромному угощению, в основном, состоящему из рыбных консервов, полбатона финского сервелата, банку югославской ветчины и кусок копченого палтуса.

— Я не фокусник, и это все натуральное, — весело объяснил Олег, перехватив удивленный взгляд, которым обменялись их новые знакомые. — Мой пример доказывает, что скромные медработники вполне могут быть хозяевами жизни и пользоваться всеми ее благами.

Артём и Варя уже знали, что Коршунов, несмотря на молодость, довольно известный хирург, доцент крупной клиники, самостоятельно делающий сложные операции. Он был кандидатом наук и даже стал членом Дома ученых.

— Вот уж не думал, что у нас так ценят и хорошо снабжают медработников, — не удержавшись, выразил недоумение Артём. — Неужто в вашей клинике такие роскошные условия?

— Правда, Олег, что за чудеса у вас там происходят? — с любопытством присовокупила Варя. — Когда я работала в «кремлевке», ничего такого мы не видели.

— Ладно, давайте сначала пожелаем друг другу хорошего отдыха, а потом открою вам «секреты мастерства», — добродушно пообещал Олег. — Так и быть, проконсультирую, как надо жить в нынешних непростых условиях.

Они больше этого вопроса не касались, но Коршунов сам, после того, как обменялись дружескими тостами и хорошо закусили, вспомнил о своем обещании и, как говорится, «раскрыл карты».

— Секрет мой прост. Разумеется, никакой заботы о медработниках нет, — откровенно признался он. — Но, как известно: спасение утопающих — дело рук их самих. Поэтому, — он посмотрел смеющимися глазами на новых приятелей, — нужно заставить поделиться благами тех, кто их незаслуженно имеет.

— И ты знаешь, как это сделать? — невольно вырвалось у Артёма. — Шантажировать их, что ли?

— Можно действовать тоньше и не нарушая закона, — самодовольно объяснил доцент. — Изучая историю болезни, я первым делом смотрю, кто такой пациент. И если торгаш или какая-нибудь «шишка» — он у меня уже не увернется!

— Неужели ты так прямо с них... это... требуешь, — немного замялся Артём, смутившись неловкостью вопроса. — Ведь тебе может и не поздоровиться.

— Да за кого ты меня принимаешь? — искренне обиделся Олег. — Что

я, по-твоему, взяточник? Мой метод — в воздействии на их совесть, которая обостряется во время болезни. А в этом, дорогой мой, ничего противозаконного нет.

И видя, что Артём с сомнением покачал головой, пояснил:

— Во время обследований я, не стесняясь, сетую на трудности жизни, и они сами тотчас предлагают мне все, что только могут. Сечешь?

— Но разве это не взятка? — с укоризной бросил Артём.

— Ни в коем случае! — решительно возразил Коршунов. — Конечно, кое-кто, не поняв, предлагает деньги и всякие подарки, но я с возмущением это отвергаю! Другое дело — когда помогают приобрести необходимое для жизни.

— Тогда понятно, — кивнул Артём, не скрывая, однако, что ему это не нравится. — Значит, ты потом обращаешься к ним — после операции?

Олег посмотрел на него, как на маленького.

— Вот еще! Эти люди умны и догадливы. Они еще при обследовании дают команду, кому надо «отоварить доктора». После выздоровления с них уже мало что получишь.

«Это ужасно, когда такие талантливые люди, как Коршунов, ради получения житейских благ вынуждены идти на компромисс со своей совестью, унижаться перед проходимцами всех мастей, — слушая его, думал Артём. — Наверное, он и сам это чувствует, но не хочет признаться».

* * *

Получив крупную премию за летные испытания, Наумов смог, наконец, рассчитаться со всеми долгами. Казалось, теперь они с Варей вздохнут свободней, но не тут-то было. Недаром говорят, что природа любит равновесие. И если выиграешь в одном — непременно потеряешь в другом. Так и произошло. В какой-то анкете Варя указала зарплату мужа, он попал в категорию высокооплачиваемых, и ее лишили стипендии, хотя была она в числе лучших по успеваемости среди студентов своего курса.

Разумеется, это их огорчило, однако, намного меньшее того, когда от врачей Варя узнала, что у нее серьезные осложнения по женской части, и она вряд ли сможет родить. Они долго не хотели этому верить. Варя дополнительно консультировалась и лечилась, но когда отец Юры Гордона, известнейший профессор-гинеколог, тоже дал отрицательное заключение, смирилась. Варя впала в депрессию. Она сразу как-то погасла, замкнулась и однажды сказала:

— Боюсь, Тёмочка, что ничего хорошего нас с тобой не ждет. У тебя со мной нет перспектив. Какая же это семья без ребенка? — она подняла на него глаза. Свои чудесные серые глаза, полные слез. — Ты потерпишь, потерпишь, а потом меня бросишь.

— Так это еще когда произойдет? — зная ее состояние, попробовал перевести разговор в шутку Артём. — Вот надоедим друг другу, тогда и разбежимся. Или я уже тебе надоел?

Но Варя была не в состоянии воспринимать юмор.

— Не понимаю, когда и от чего у меня произошло осложнение, — жалобно произнесла она. — Может, от того, что усиленно занималась спортом? Говорят ведь, что после некоторых видов спорта женщины не могут рожать..

— Не мучай себя понапрасну, — серьезно посоветовал ей Артём. — Нам ребенка сейчас заводить нельзя. Забот и так выше горла. А лечиться продолжай, — добавил он, чтобы ее подбодрить. — Медицина не стоит на месте. Там будет видно.

Если у будущего врача-гинеколога Вари — по принципу «сапожник всегда без сапог» — с деторождением было не все в порядке, то у племянницы Артёма, Вики — это получилось как нельзя лучше. Без каких-либо проблем она сделала папашей своего любимого Гришу, родив ему отличного мальчугана. Жили они в прекрасном кооперативном доме, но квартира состояла всего из одной комнаты и, с появлением ребенка, ее потребовалось поменять на большую.

Несмотря на высокое положение Бандурского, сделать это было непросто. Для того, чтобы купить кооперативную, нужно было много денег, а получить взамен государственную — запрещал закон. Муж Лёли был членом бюро горкома партии и прославился своей принципиальностью. Поэтому, несмотря на все ее настояния, упорно отказывался употребить для этого свое влияние.

— Не знаю, что и делать. Ни уговоры, ни скандалы не помогают, — жаловалась Лёля брату. — Представляешь, Тёма? Для решения квартирного вопроса Викочки достаточно одного его звонка, а он отказывается. Уж слишком щепетилен!

— Он прав. Нельзя, борясь за законность, делать исключение даже для дочери, — поддержал ее мужа Артём. — Его просьбу выполняют, но потом тайные враги это «лыко» поставят ему в строку. В верхах постоянно идет подковерная борьба.

— Будто я этого не знаю. Я же не враг своему мужу, и самой себе, — обиженно поджала губы Лёля. — Мы придумали ход, который позволит

ему сохранить свою репутацию.

— И что же вы изобрели? — с интересом взглянул на нее Артём.

— Викочка сдаст свою квартиру в кооператив, а деньги пожертвует детскому дому, — объяснила сестра. — Ведь ее жилищные условия, и правда, требуют улучшения. А красивый жест снимет обвинение в корысти!

Такая комбинация выглядела безупречно. Бандурский вынужден был с этим согласиться, и вскоре Викочка с мужем и маленьким сыном, которого назвали Вадиком, получили новую просторную квартиру в ведомственном доме Академии наук. Но тут же возникла еще одна трудноразрешимая проблема: куда девать собачку Чапу, которую они завели с Гришей сразу после женитьбы.

Чапа была породистым щенком жесткошерстного фокстерьера. В ее родословной числились сплошные чемпионы, и досталась она Вике за приличные деньги по большому знакомству. Однако эта порода норных охотничьих собак отличалась повышенной злобностью и держать ее рядом с несмышленным ребенком побоялись.

Об этом Викочка пожаловалась Варя по телефону. Она раньше Лёли установила с ней добрые отношения и, хотя Варя еще была студенткой, часто советовалась.

— У меня аж сердце болит, как подумаю, что надо расстаться с Чапой, — призналась Вика. — Нам дают за нее большие деньги, ее отец — знаменитый чемпион Горн! Но я не хочу никому ее продавать, а взять на время, пока не подрастет Вадик, никто не соглашается.

— А мы, между прочим, уже почти решили завести собачку. Поэтому можем, чтобы приобрести опыт, взять Чапу к себе, — сказала Варя. — Если она к нам привыкнет, и вы не возьмете обратно, мы охотно ее купим.

— Ладно, тогда сделаем вам большую скидку, — не скрывая радости, пошутила Вика. — Хотя о продаже и думать даже тошно, так я к ней привыкла, — уже серьезно добавила она. — Вы очень нас выручите, но должна предупредить: она принадлежит к элите и находится под контролем кинологов.

— Что значит: «элита» и «под контролем»? — не поняла Варя.

— Элита — это лучшие представители породы, и общество кинологов, следя за ее воспроизводством, держит под контролем потомство чемпионов, — объяснила Вика. — Те, кто берет таких щенков, обязаны растить их должным образом, — от такого сообщения Варя немного растерялась, и Вика поспешно добавила: — Да ты только не пугайся! Нужно лишь правильно кормить, изредка возить на охотничью тренировку,

и раз в год на собачью выставку. Это несложно, у вас уже есть машина, — заверила она. — А вам такие поездки доставят удовольствие. Возможно и призы, потому что Чапа — одна из лучших.

Вот каким образом в однокомнатной квартире Наумовых вскоре появился третий жилец — очаровательный курчавый трехцветный щенок, беленький, с черными и коричневыми пятнами. Мордочка у Чапы была подстрижена квадратиком, а стоячие ушки она вскидывала, загнув кончики треугольничком, навстречу звуку.

— Это сейчас самая модная порода, — прослезилась Вика, оставляя у них Чапу. — Отважная и умная, только очень кусачая. Берегите от нее посторонних — особенно маленьких детей. Своих она не тронет.

* * *

В том, что Чапа — кусачая собака и создает из-за этого серьезные проблемы, Артём и Варя, к сожалению, убедились очень скоро. И первой жертвой ее недружелюбного нрава стал Лева Чижевский, только что приехавший из-за границы и зашедший к ним, чтобы повидаться и похвататься приобретенными там «фирменными» шмотками.

Красивый, как голливудовский киногерой, Чижевский, будучи на холостом положении, после того как Артём и Варя поженились, у них почти не бывал. Он учился в аспирантуре факультета журналистики МГИМО, и семейная компания его не устраивала. А последний год провел в ФРГ, посланный туда в порядке обмена для завершения диссертации, поскольку как журналист-международник специализировался по германоязычным странам.

Чижевский явился к ним во всем блеске престижной в то время заграничной одежды. Но особенно хороши были его новенькие джинсы, которые тогда называли «техасами». В них щеголяли лишь отдельные счастливицы, побывавшие в Западной Европе или в США. Потому Левка, идя в гости, надел их, несмотря на то, что на улице был лютый мороз.

И вот, не успел он еще сказать слова приветствия, как вырвавшаяся, словно фурия, из кухни, где ее временно закрыли, Чапа, рыча схватила гостя за ногу. К счастью, она его даже не поцарапала. Но из новеньких джинсов выдрала-таки клочок. Хозяева, выйдя из шока, оттащили и изолировали маленькую террористку, а с Левой чуть не сделался сердечный приступ.

— Прости нас, ради Бога! Не досмотрели, — повинился перед ним

Артём. — Это ведь ковбойские штаны, и штопка не должна их испортить, — сделал попытку он поднять у гостя настроение. — Если не захочешь носить, я у тебя их возьму. А тебе куплю новые.

Но Чижевский был неутешен.

— У тебя денег не хватит. И валюты нет, чтобы купить мне новые, — с убитым видом зло бросил он Артёму. — Да и в «Березке» их не достать. Когда бывают, сразу расхватывают.

— Ладно, что уж теперь поделаешь, Левушка, — постаралась смягчить его гнев Варя. — Нам их, конечно, не достать, а ты сможешь. А мы оплатим, сколько бы это ни стоило. ,

— Пойдем, отметим встречу и выпьем за то, чтобы у тебя не было больших огорчений, чем это, — в свою очередь, предложил ему Артём.

Однако Чижевский был уже не расположен к дружескому общению.

— Нет, ребята, у меня сегодня нет для этого времени, — вежливо, но с явным холодком отказался он. — Мне еще надо забежать кое-куда.

— Дай я хотя бы зашью тебе эту дырку, — остановила его Варя, видя, что он шагнул к двери. — Неужели, так и пойдешь?

— Естественно! Так хоть поверят, что только что их порвал, — сердито буркнул Левка. — А то ведь подумают, что я купил их на барахолке.

Джинсы Чижевскому починили, да так хорошо, что прорыв стал незаметен, но обижался на них он еще долго и амнистировал лишь ближе к лету. Умная Чапа, понимая, что провинилась, ходила с поджатым хвостом и старалась реже попадаться на глаза. Они стыдили ее почти целую неделю, и она больше так с ходу на гостей не бросалась. А вскоре полностью себя реабилитировала, когда спасла их машину от угона.

Произошло это зимней ночью, в отвратительную вьюжную погоду. Артём, верный себе, спал беспробудным сном, и лишь Варя сумела услышать, как беспокойно ведет себя Чапа, потягивая и рыча возле окна, выходящего во двор. С трудом растолкав мужа, она обеспокоенно сказала:

— Тёмочка, что-то там во дворе происходит. Надо бы выйти посмотреть.

— С чего ты взяла? — с трудом сообразив спросонья о чем речь буркнул Артём.

— Чапа... сама не своя, — объяснила Варя. — На кого-то там ярится.

— А ты встань и посмотри, — не желая вставать, проворчал он, и снова закрыл глаза.

— Да окно заиндевело. Ничего не видно, — продолжала трясти его Варя. — **Я** уже подходила.

Тут Чапа залаяла во весь голос, высоко подпрыгивая, будто пыталась забраться на подоконник, и только тогда Артём очухался и встал с постели. Быстро натянув брюки и сунув голые ноги в ботинки, он набросил на плечи меховую летнюю куртку и выбежал из подъезда. Увиденное его просто потрясло. Капот у его «Москвича» был поднят, дверка водителя открыта, и двое дюжих парней спокойно и деловито пытались завести мотор рукояткой.

— Вы чего делаете, оглоеды? — еще не полностью придя в себя, завопил Артём, совершенно не думая о последствиях. Сгоряча ему и в голову не пришло, что негодяи запросто могут с ним расправиться.

Но рискованная схватка явно не входила в планы угонщиков. Как по команде, не глядя на него, они устремились к стоявшей неподалеку машине с включенным двигателем, которую Артём впопыхах не заметил. В ней сидел третий, так как она двинулась раньше, чем эти двое в нее вскочили. В горячке Артём за ней погнался, но поскользнулся и упал, успев однако запомнить номер.

Закрыв свой «Москвич» и вернувшись домой он, конечно, позвонил в милицию, сообщив номер машины преступников. Однако позже выяснилось, что она также была ими угнана и ее нашли уже в полуразобранном состоянии. И хотя негодяи не были пойманы, Чапа получила заслуженное вознаграждение — отличный кусок говядины, который не отказались бы съесть сами хозяева.

* * *

Варя так привыкла к Чапе и так ее полюбила, что однажды сказала Артёму:

— Что хочешь со мной делай, Тёмочка, а я ее Вике не отдам! Так и передай своей племяннице.

— Я и сам так к ней привязался, что уже не представляю, как будем жить без нее, — признался и он. — И не отдать нельзя. Это будет нехорошо.

— Нехорошо было со стороны Вики отдавать Чапу другим людям, все равно кому, — горячо возразила Варя. — Это же, как друга предать. А собачка — не просто друг. Она, член семьи, только что говорить не умеет.

— Ну ладно, чего попусту волноваться? Никто у нас пока Чапу не

отбирает, — резонно заметил Артём. — Вполне может быть, что все и обойдется. Викочка ни словом даже не намекает на это. Наверно, им без собаки жить удобнее.

— Думаю, так и есть, — успокоенно отозвалась Варя. — На днях она в разговоре по телефону высказала благодарность за то, что Чапе у нас хорошо. А когда я спросила, почему ее не навещает, ответила: «Чтобы не волновать собаку», — она помолчала и добавила с надеждой: — Если бы скучала по ней, так бы не говорила. Не нужна им больше Чапа, и я ее не отдам!

— Допустим, ты права, Варенька. Ну, а подумала о том, что и для нас, если оставим, она сильно осложнит жизнь? — мягко затронул Артём то, что последнее время его беспокоило. — Кто же присмотрит за Чапой во время нашего отпуска? Твоя мать вряд ли согласится, да я бы и не доверил ей нашу собачку.

— Я бы тоже ей не доверила, — согласилась с ним Варя. — Впрочем, другим тоже.

— Что же делать?

— Как что? Отдыхать всем вместе, — без колебаний ответила Варя. — Нам обоим будет спокойней, если Чапу возьмем с собой.

— Да ты в своем уме? Нас с ней не пустят ни в один дом отдыха, не говоря уже о санатории.

Но у Вари на это уже готов был ответ:

— Ну, и что? Поедем с ней путешествовать на машине. Если не к морю, то куда-нибудь недалеко, поближе к воде, чтобы можно было купаться.

— Пожалуй, ты права, — не очень уверенно согласился Артём. — Вот только, как бы наша машина в дороге не развалилась.

А ты приведи ее в порядок за оставшееся время. Возьми с собой нужные запчасти, — стояла на своем Варя. — Представляешь, как будет хорошо? Выберем красивейшее местечко, поставим палатку и...

— Можешь не продолжать. Я согласен, — повеселел Артём. — Не то разбередишь душу и работать больше не захочется. Так и сделаем.

Вот почему, когда пришло время подумать об отпуске, так кстати пришлось предложение, которое сделали им Коршуновы. Позвонил Олег.

— Хотите провести с нами летний отпуск? Мы едем на машине к морю в маленький пансионатик Дома уче-ных. Он расположен в ущелье близ Геленджика. Место дивное! Путевки я достану.

— А ты не забыл, что мы завели собачку? — напомнил ему Артём. — Нас с ней туда не пустят, а оставить ее не на кого.

— Да уж, в пансионат не пустят, хоть и директорша — моя бывшая пациентка, — задумчиво сказал Коршунов, но тут же нашел выход. — Но вы сможете расположиться поблизости дикарями, а питаться вместе с нами. Это я устрою!

Варе идея отправиться к теплому морю вместе с ними понравилась, и они договорились, что Коршуновы, когда прибудут на место, сообщат по телефону, можно ли выезжать. Олег с семьей на своей «Волге» двинулся в путь, И :Артём, засучив рукава, стал готовить машину в непривычно дальнюю дорогу.

* * *

На юге, как сообщил Олег по телефону, стояла отличная солнечная погода, а в Москве было пасмурно, и шел проливной дождь.

Бывалые туристы, Артём с Варей уже собрали все необходимое. Для «дикого» образа жизни они располагали палаткой, походной лампой, бензиновой плиткой и прочим, вплоть до складного столика и стульев. С трудом удалось запастись и провизией. Мобилизовав друзей и знакомых, они раздобыли даже полдюжины бутылок водки, которую достать было особенно тяжело.

С учетом огромного расстояния от Москвы до Черноморского побережья Кавказа, двинулись в путь с рассветом. Машина была тщательно проверена на станции, и полдня они ехали без приключений. Досаждал лишь дождь, ливший не переставая. Шоссе было залито водой, и Артём остерегался развивать большую скорость. Они уже преодолели более трехсот километров и приближались к Ельцу, когда произошла беда.

Дорога, петляющая среди зеленых колхозных полей, в этом роковом месте делала не слишком крутой поворот, и, казалось, ничто не предвещает опасности. И, хотя скорость машины не превышала и сорока, на повороте ее занесло и на грязной от дождя обочине закрутило.

Все произошло в доли секунды. Артём не сумел удержать тяжело груженную машину, и она, кувыряясь, полетела в кювет. Побив сначала об его склон крылья, перевернулась на крышу и, ударившись о землю багажником, на котором были чемоданы, вновь встала на колеса. Корпус их «Москвича» был сильно помят и сплюснен, лобовое стекло вылезло, но мотор продолжал работать.

Все произошло так молниеносно, что до Артёма не сразу дошел весь ужас случившегося. «Удержу или нет? — мелькнула тревога, когда его

занесло и крутануло. — Не вышло! Что же будет? — и первой мыслью побле удара было: — Вроде, живой. А что с Варей и Чапой?» В горячке он даже не ощутил боли от удара по темени, который нанес ему продавленный багажником потолок.

К счастью, и Варя, и собачка были невредимы. Неожиданность и испуг вызвали у Вари недолгий шок, но она быстро оправилась и раньше Артёма сумела выбраться из машины. Он же никак не мог открыть заклинившуюся дверцу водителя. Даже вдвоем они не сумели ее выбить, но зато удалось открыть противоположную и Артём, наконец, вылез наружу.

Дождь продолжал лить, как из ведра. Они с Варей сразу промокли до нитки, но даже не обращали на это внимания, так как картина была удручающей. Их «Москвич» был безобразно изуродован. Крыша не только смята, но и пробита опорами сорванного при ударе багажника. Видимо, благодаря тому, что он спружинил, машина вновь встала на колеса. Сам багажник валялся неподалеку, а рядом были расброшены чемоданы.

Артём, с поникшей головой, растерянно наблюдал эту картину, стараясь сообразить, что же теперь делать. В этой тяжелой обстановке проявились лучшие Варины качества, о которых он потом не раз с гордостью рассказывал друзьям. Многим была знакома картина дорожной аварии, когда разъяренная супруга при всем честном народе отчитывала бедолагу-водителя, часто в самой грубой форме. Но Варя, несмотря на такие последствия и явный крах желанного отдыха, не высказала ни слова осуждения и сразу принялась действовать.

— Собери пока вещи и сложи их в машину, — сказала она. — А я попробую организовать нам помощь.

— Погоди, может, я смогу выбраться на шоссе, — немного придя в себя, предложил Артём. — А там на буксире нас кто-нибудь дотащит до ремонтных мастерских.

— Даже не думай! — сказала Варя. — Посмотри на себя, Ты ведь и в машину забраться не сможешь.

Она ушла в сторону шоссе и, не успел Артём подобрать разбросанные вещи, как Варя вернулась с каким-то мужиком в дождевике, оказавшимся местным трактористом.

— Тут, неподалеку, оказывается, есть колхозная мастерская, — обрадованно сообщила она Артёму. — Вот он, — кивнула на мужика, — сейчас подгонит свой трактор, вытащит машину из кювета и доставит туда. Я обещала ему бутылку.

В те времена бутылка водки была самым желанным видом оплаты, и за нее делали то, что за деньги никогда бы не согласились. Не прошло

получаса, как их искалеченная машина и они сами оказались уже в мастерской по ремонту сельхозтехники. Четверо слесарей, забивавшие козла, сразу бросили домино и предложили выправить кузов «Москвича», уверяя Артёма, что тогда он сможет сам проехать оставшиеся десять километров до Ельца, где имелся автосервис.

Артём согласился, и они, уперевшись спиной в сидения, стали со зверской силой бить сапожищами по крыше, пытаясь хоть немного оттянуть ее вверх. Они окончательно загубили бы машину, но им помешал вернувшийся с обеда старый механик. Узнав у Артёма и Вари, что они ехали отдыхать, он проникся сочувствием к пострадавшим.

— Вот что ребята, не слушайте моих варваров, — дал им дельный совет старик. — Пока они не вывели машину из строя и пока еще светло, отправляйтесь в Елец к моему другу — завгару. Он жестянщик от бога! И машину вам выправит, и возьмет намного дешевле, чем в автосервисе.

— Но как я поеду без ветрового стекла и пригнув;:: шись? — усомнился Артём. — Вдруг встану по дороге? Может, переночевать здесь и двинуть туда с утра?

— Не трухай, парень, и не теряй зря времени, — возразил механик. — Сегодня пятница, и у моего друга будет два выходных дня. Вот он и согласится помочь. А моя братва, — он с усмешкой покосился на слесарей, — ничего не сделает. Даже стекло не вставит. А вот разбить может. Где его потом достанешь?

Этот аргумент оказался самым сильным. Механик проверил у «Москвича» мотор, тормоза, переключение скоростей и, убедившись, что он может передвигаться, горе-путешественники решили продолжить свой путь. Они с трудом забрались в салон, и в полусогнутом состоянии, на малой скорости двинулись под ^прекращающимся дождем в сторону Ельца.

* * *

В Ельце произошло настоящее чудо. Они с Варей были уверены, что отпуск у них пропал, машину, коли удастся, отремонтируют нескоро и потом, несолоно хлебавши, придется вернуться домой. И если бы кто-то сказал, что через пару дней она уже будет в порядке и они продолжат свое путешествие на юг, никогда бы не поверили. Однако, случилось именно так, хотя и пришлось поволноваться.

— Нет, я бросил это занятие, — поначалу отказался приятель механика, когда поздним вечером Артём позвонил в дверь его квартиры и

обратился с просьбой о помощи. — Годы уже не те, да и старая рана мешает, — показал он поврежденную кисть левой руки.

Коренастый, с широким добрым лицом, испещренным морщинами, он хотел было закрыть дверь, но взглянув на убитое выражение лица и измученный вид Артёма, на котором была аэрофлотовская форма с погонами, спросил:

— Ты летчик, что ли? Я ведь тоже в авиации служил. Технарем.

— В Аэрофлоте работаю. Налетал в этом году немало, — ответил ему Артём и тяжело вздохнул. — Вот, хотел отдохнуть с женой на юге. Не получилось...

— Да ты заходи, чуток обогрейся, — смилостивился зав-гар. — Расскажи, как это вышло. Может, что и придумаем.

— У меня там жена в машине. Она тоже продрогла. Разрешите и ей зайти, — попросил его Артём и находчиво предложил: — Мы бы вместе поужинали и распили бутылку «Столичной». Нам это просто необходимо, чтобы не заболеть.

По заблестевшим глазам ветерана было видно, что предложение пришлось как нельзя кстати. Вскоре они уже сидели за столом в его похолостячки плохо прибранной и бедно обставленной комнате. Несмотря на усталость, Варя энергично соорудила горячий ужин, а бутылка водки и московская закуска окончательно закрепили успех.

— Ну что ж, можете считать, что вам повезло, — уже после второй стопки, разомлев от вкусной еды и общества молодой красивой женщины, сказал хозяин. — Так и быть, за выходные сделаю вам машину. А вы это время поживете в красном уголке гаража.

— Но вы не видели, что стало с машиной, — удрученно сказал Артём. — За два дня это не получится.

— Ты же на ней приехал и, говоришь, все стекла целы, — успокоил его хозяин. — А жестянку я тебе сделаю и покрашу. Машина будет выглядеть, как новая! — видя, что они смотрят на него с недоверием, пояснил: — Ведь не один буду делать, а вместе с племянником. Он у меня в гараже механиком работает. Давно просит, чтобы научил править такие «плюшки», как ваша. Вот пусть и перенимает опыт, пока я жив.

Переночевали они у гостеприимного хозяина, а наутро перебрались в гараж. Ремонт был очень сложным. Когда старик вместе с племянником, здоровенным детиной, вытянули крышу, то все дверцы оказались в полтора раза короче. Но — «дело мастера боится». К исходу воскресенья их машина была не только выправлена и заново покрашена, но у нее отремонтировали даже ходовую часть.

Сотворению чуда способствовали дружеские отношения, установившиеся между ними, благодаря прекрасной кормежке, организованной Варей там же, в красном уголке гаража и, разумеется, распитию в конце дня «Столичной». На это ушел весь запас водки, но зато сделано было, казалось, невозможное, и плату с них взяли чисто символическую.

— Вам еще нужны деньги для отдыха, — сказал им зав-гар, взяв лишь столько, чтобы покрыть расходы. — Мы с Василием, — кивнул на племянника, — приедем еще в столицу и зайдем в гости.

Вечером Артём с Варей устроили для новоявленных друзей прощальный «банкет», а в понедельник, когда только начало светать, «Москвич» уже мчал их к Черному морю.

* * *

Этот летний отдых запомнился Артёму Наумову не только автомобильной аварией под Ельцом. Будто какая-то злая сила посылала им все новые испытания, угрожая жизни. Длинный путь к морю прошел без особых приключений, если не считать трудности с заправкой бензином. Их семьдесят второго, как правило, на колонках не было — пришлось пользоваться более низким сортом, что сказывалось на работе двигателя. Из-за этого особенно трудно оказалось преодолеть последний отрезок пути.

За Геленджиком дорога пошла вдоль моря, и для того, чтобы добраться до места, надо было преодолеть два горных перевала. Не говоря уже о том, что щебеночная дорога была непривычно крутой и узкой, на плохом бензине мотор хуже тянул и работал с перебоями. Из-за этого Артём не раз попадал в критические ситуации: мотор глох, и машина начинала сползать, удерживаемая тормозами. Вот когда они с Варей помянули добрым словом ельчан, которые хорошо отрегулировали тормоза.

Новая беда случилась, когда уже спустились в ущелье, и переезжали вброд маленькую горную речку. «Москвич» ее благополучно форсировал, но на берегу у него вдруг провалилась педаль тормоза. Осмотрев машину, Артём обнаружил, что лопнула трубка. Запасной у него не было, и оставшиеся два километра он проехал очень тихо, тормозя ручником. Лишь на погранзаставе, около которой находился пансионат Дома ученых, удалось запаять лопнувшую трубку.

Коршуновы встретили их в полном составе и сразу повели показать место в кустах у самого пляжа, где можно было укрыть машину и поставить палатку. Вскоре с их помощью Артём и Варя прекрасно там устроились, благо среди густого кустарника их предшественниками уже были вырублены подходящие полянки, и все уселись отпраздновать начало совместного отдыха.

— С вашим питанием все улажено, и деньги я уже внес, — с довольным видом сообщил Олег. — Курсовок у них нет, но мне пошли навстречу. Кормят здесь так себе, зато у Вареньки будет меньше забот.

Он оказался прав, но скудость кормежки в пансионате они компенсировали фруктами, которых здесь было в избытке. В глубине горной долины имелась деревня Праско-веевка, основанная переселенцами — греками. Они выращивали дивный виноград, который продавали почти задаром прямо на плантации. В сельской лавке очень дешево стоило вино, и только не было водки. Приходилось довольствоваться более слабым «Мужиком с топором», как прозвали из-за картинки «Стрелецкую», которая появлялась там изредка и раскупалась в тот же день.

Но все испукали чудесная солнечная погода и теплое ласковое море. Видно, из-за труднодоступности, на пляже было малоллюдно, а вода в море — чистая и прозрачная, даже на глубине. В пансионат и небольшой дом отдыха на другой стороне ущелья очередную смену привозили морем. Все дни отдыхающие проводили купаясь и загорая, что Артёму и Варе, после того, как намучились из-за ненастья в дороге, доставляло истинное наслаждение.

По вечерам тоже скучать не приходилось. Оставляя Чапу в палатке сторожить вещи, они отправлялись вместе с Коршуновыми к соседям в дом отдыха либо смотреть кино, которое показывали под открытым небом, либо на танцплощадку. Возвратившись потом к себе, довольные времяпровождением и полные очарования от ласковой южной ночи, они устраивали в своей тесной палатке подлинный пир любви.

Время отпуска пролетело весело и незаметно. Коршуновы, у которых он закончился раньше, уже укатили в Москву. Хорошенько проверив свою машину в мастерской погранзаставы, собрались в обратную дорогу и Артём с Варей. Приобретя опыт езды по горной дороге, они благополучно преодолели оба перевала до Геленджика, выехали на основную автотрассу, и покатали по ней, от души надеясь, что все трудности остались позади. Но, как оказалось, напрасно!

Неведомая вражья сила вновь решила подвергнуть их Жизнь опасности. По побережью вблизи Сочи пронесся мощный смерч, вызвав

большие разрушения. До них он не добрался, но погода резко ухудшилась, и снова весь обратный путь пришлось проделать под непрекращающимся дождем. Нельзя было ни переночевать на природе, ни остановиться, чтобы приготовить горячую еду. Спали, не выходя из машины, и перекусывали во время езды.

Но главная беда заключалась в том, что вести машину в таких условиях было не только тяжело, но и очень опасно. Шоссе, по которому они возвращались в Москву, шло среди черноземных полей, с которых трактора и другие сельхозмашины наволакивали на асфальт скользкое месиво. В попутном направлении двигалось много большегрузных машин, которые надо было обгонять, так как летящая из под их колес грязь забрызгивала легковушку по самую крышу.

— Ну сколько можно тащиться за этим грузовиком? — ворчала Варя на мужа, который никак не мог решиться обойти очередной трейлер. — Он ведь нам залепил грязью все лобовое стекло!

— Обойти такую длинную фуру и по сухой дороге проблема, из-за встречных машин, — терпеливо объяснял ей Артём. — Но тогда можно поддать газку, чтобы проскочить или свернуть на обочину. А в такую погоду лучше не рисковать.

И все же однажды он не выдержал. Убедившись, что впереди никого нет, выехал на встречную полосу и начал медленно обгонять грузовик, памятуя, что если будет газовать, машину может развернуть и бросить в кювет или, что еще хуже, под трейлер. Это его и спасло! Неожиданно перед ним на шоссе вскарабкался трактор и преспокойно двинулся навстречу.

«Обогнать не успею. Вернуться в свой ряд тоже. Съехать на обочину — снова оказаться в кювете! Что делать? — мелькнуло в голове у Артёма, и он принял единственно правильное решение. — А, где наша не пропадала! Один раз остались живы — повезет и во второй!»

Собрав в кулак всю свою выдержку, он как можно более плавно затормозил и, перед самым носом трактора, который, как ему казалось, сознательно идет на таран, свернул на левую обочину, крепко сжимая руль, чтобы не развернуло. На этот раз «Москвич» его послушался, и все кончилось благополучно. Варя, поняв, что произошло, была бледна от испуга, но не сказала ни слова. Спустя какое-то время, понадобившееся, чтобы прийти в себя, Артём снова вывел машину на шоссе, и они покатали дальше.

За оставшуюся дорогу он больше судьбу не испытывал, ибо, проехав всего несколько километров, они с Варей стали свидетелями жуткой автокатастрофы. Обогнавший их незадолго до этого «Жигуль», в котором

сидела веселая компания, при обгоне трейлера попал между тягачом и прицепом. Его закрутило и смяло, как консервную банку. Все, кто в нем находился, погибли, и извлечь останки из искореженной груды металла было невозможно.

— Поблагодарим Бога, Тёмочка, за то, что это произошло не с нами, — неумело перекрестившись, печально произнесла Варя. — Как жестоко поступила судьба с этими людьми, которые в прекрасном настроении возвращались домой после отпуска. Ведь на их месте могли оказаться мы!

«Да уж, неисповедимы пути господни, — думал Артём, пристально глядя на дорогу. — Вот почему, пока тебе отпущено время, надо постараться в этой жизни сделать как молено больше».

Глава 9. ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Упадок производства в стране продолжался, хотя сообщалось, что заводы и фабрики регулярно выполняют план. Объяснялось это тем, что большинство из них отстало в техническом отношении и выпускало продукцию, не пользующуюся спросом. А на новых предприятиях и тех, которые сумели переоснаститься и делали то, что было нарасхват, руководство в корыстных целях занижало данные об объемах производства, реализуя часть продукции «налево».

Таким образом советская экономика становилось все более «теневой», и на этой благодатной почве резко возросла экономическая преступность. Теперь уже спекулировали не фарцовщики-одиночки, продавая дефицитные вещи в темных закоулках и подъездах домов «из-под полы», а нелегально торговали большими партиями ходового товара, который официально нигде не числился. И крупные сделки совершались не в конторах предприятий, а за столиками шикарных ресторанов.

Эта тяжелая болезнь насквозь поразила советскую экономику и получила такое широкое распространение, что с ней, по сути, перестали бороться. За сбыт «левой продукции» руководителей предприятий так редко привлекали к уголовной ответственности, что они перестали ее бояться, и получить у них требуемое, за определенную мзду, не составляло особого труда. Артём с этим столкнулся самолично, когда ему пришлось заняться строительством гаража.

Построить гараж они с Варей решили сразу после попытки угона машины.

— Знаешь. Тёмочка, давай вступим в гаражный кооператив! Я предпочитаю снова влезть в долги и считать каждый рубль до получки, но спокойно спать, — решительно заявила она. — Ты слышал, сколько по городу угоняют машин?

Артёму не хотелось снова занимать деньги, и он не очень уверенно возразил:

— Нашу не угонят! Ее завести не смогут, да и Чапа всегда на страже.

Но Варю не так легко было сбить с толку:

— А вот возьмут и заведут. Что тогда будем делать?

— Ну что ж, можно попытаться, — понимая, что жена права, сдался Артём. — Тем более, что пока будем хлопотать, может., мне самому удастся заработать на его постройку.

Получить место в гараже в то время было очень трудно, так как их строили мало и, чтобы включили в список избранных, требовалось быть либо героем труда, либо известным артистом, но лучше всего, близким к городской власти. Списки рассматривали специальные комиссии по ходатайствам предприятий и организаций, и Артём добился в профкоме, чтобы ему дали бумагу, в которой, не жалея красок, расписывалось, какой он светоч авиационной науки.

Без особых надежд на успех он отвез это письмо в райисполком, чтобы его поставили на очередь, и дело бы еще длилось неизвестно сколько, если бы не случайное знакомство Вари с женщиной-кинорежиссером, которая жила в их доме. Вместе с престарелой больной матерью она занимала квартиру выше этажом и однажды, прослышав что Варя врач, обратилась к ней за помощью.

— Ты и не знаешь, кто живет над нами, — вернувшись от нее, блестя глазами, сообщила Варя. — Режиссер телесериала, который мы сейчас смотрим! И это она поставила фильм «Под тополем на Полянке».

Артёма это приятно удивило, но то, что она рассказала дальше, заинтересовало его еще больше.

— У нее тоже есть машина. Она недавно получила новую «Волгу» и временно держит ее на студии. Но говорит, — Варя многозначительно округлила глаза, — что поблизости будут строить гаражи для артистов, и она включена в список членов кооператива.

— Неплохо бы и нам туда пробиться, но как? — загораясь надеждой, сказал Артём. — Попросить сестрицу, чтобы Сеня выдал звонок в райисполком? Он ведь, наверняка, откажет, — у него сразу погас пыл. — Я ведь не имею отношения к артистам.

— Давай лучше я попрошу соседку, — предложила Варя. — В кооперативе будут не только артисты. Она даже пошутила, что их будет меньше прочих. Говорит, что видела в списке начальника отделения милиции.

— А станет ли она нам содействовать? — усомнился Артём. — И послушают ли ее?

— Попытка не пытка, — резонно ответила Варя. — Когда помогла ее матери, так меня благодарила, что вряд ли откажет. И она сейчас очень популярна.

Соседка им действительно помогла, хотя потом и стала использовать Варю, как домашнего врача. Артёма приняли в члены гаражного кооператива на двадцать мест и он даже внес требуемую сумму, согласно смете на строительство. Но оказалось, что радоваться рано. Каких только

интриг и темных дел не творилось тогда вокруг строительства гаражей! Неожиданно членов кооператива оказалось больше, чем мест, а он и милиционер были перемещены в самый конец списка, с явным расчетом на «выброс».

Так бы и произошло, но на этот раз ему помог Бан-дурский. Махинация была явной, и вступился он не только за родственника, но и за начальника милиции. Стараясь замять назревавший скандал, вероятно, уже получившие мзду чиновники райисполкома нашли выход из положения.

— Мы можем перевести вас и начальника милиции в уже строящийся, — после звонка Бандурского, предложили Артёму в райисполкоме. — Но они остались без председателя, и вы должны им стать. Иначе не примут. Начальник милиции возглавить кооператив не может по своему положению.

— Но разве, кроме меня, некому? — попытался отбиться Артём. — Я мало смыслю в строительстве и бухгалтерии. И очень загружен по работе.

— Все члены кооператива в таком же положении, и никто не хочет тянуть этот воз. Вот дело и застопорилось, — объяснил чиновник. — Соглашайтесь, если хотите побыстрее получить гараж. С артистами вряд ли что-то получится. Сами видите, какие они фокусники.

«Вы еще большие фокусники», — глядя на его хитрую лоснящуюся физиономию, сердито подумал Артём, но все-таки вынужден был согласиться и вскоре ему пришлось столкнуться с тем, из-за чего подал в отставку его предшественник, и почему не нашлось желающих занять его место. Как оказалось, несмотря на то, что подряд выполняла строительная организация, достать многие необходимые материалы можно было только «левым путем».

* * *

Вот когда неоценимую помощь советом и делом оказал Артёму его сосед Саблин. Узнав, что ему пришлось взвалить на себя бремя строительства гаражей, он неодобрительно покачал головой и высказал опасение:

— В грязное дело тебя впутали, ученый. Запросто можешь потерять доброе имя, а по неопытности, боюсь, вляпаешься и еще хуже!

— Это почему же? — непонимающе посмотрел на него Артём. — На что ты намекаешь? Думаешь, что проворуюсь, как мой предшественник? — оскорбился он. — Низкого же ты обо мне мнения.

— Напрасно обижаешься. Это только подтверждает то, что в строительных делах ты ничего не смыслишь, — снисходительно усмехнулся сосед. — Если бы твой предшественник был вор, то его бы посадили, и дело с концом. А я думаю, что ему просто вменяют растрату.

— Ну да, растрату общественных средств. А ты откуда знаешь? — удивился Артём.

— Знаю, как сейчас строят, — сердито ответил Саблин. — По госцене можно достать только кирпич и цемент. А за все остальное надо переплачивать. Вот на это у вашего бедолаги и ушли собранные денежки, — он немного помолчал. — Уж коли ты влез, прими дружеский совет. Не трать лично ни одного рубля и не заключай сомнительных сделок. Иначе, даже если все закончится благополучно, тебя ославят, как вора.

— Но это невозможно, — упал духом Артём. — Мне придется вести переговоры и платить за выполненные работы. Лучше уж я откажусь. Доброе имя дороже, чем гараж.

— Это ты зря. Машина должна стоять в гараже, — не согласился с ним Саблин. — Тем более, что тебе пора сменить ее на новую. С тобой стало страшно ездить, — пошутил он. — Боишься, что она вот-вот развалится.

— Ты посоветуй, что делать, а не запугивай, — сердито сказал Артём. — А еще лучше — пособи! У тебя ведь наверняка есть связи со строителями.

Саблин снисходительно усмехнулся.

— Разумеется, есть. Я же новый цех строю. Но у меня нет проблем, так как ДОК работает на Кремль, — с важным видом пояснил он. — Но, само собой, тебе помогу. Разве мы не друзья? Прежде всего — обезопась себя от подозрений и вредных пересудов. В состав правления кооператива введи хозяйственника, которому поручишь заключать сделки. Платить по ним должен казначей. А ревизионную комиссию пусть возглавит твой мильтон. Это будет самое лучшее.

— Но сам говоришь, что сомнительных сделок не избежать, а за материалы и оборудование придется переплачивать, — напомнил ему Артём. — Отвечать за это все равно ведь придется мне.

— Если сделаешь, как говорю, все будет в ажуре, — весело заверил его Саблин. — Дополнительные расходы вынесешь на решение собрания. Оно же утвердит доклад ревизионной комиссии. Главное — лично ты будешь вне подозрений, так как к общественным деньгам даже не прикоснешься. Теперь усек?

Как показало дальнейшее, его опытный сосед оказался совершенно прав. Строители выполнили земляные работы, возвели фундамент,

кирпичные стены и завезли батареи отопления, но ни плит перекрытия, ни ворот и магистральных труб отопления достать не могли. Помог все это получить Саблин, который «сосватал» с нужными людьми, но занимался этим не Артём, а его заместитель. Он и доложил на собрании о необходимости дополнительных расходов.

«Что поделаешь, другого пути нет. Все на это идут, — убеждал себя Артём, стараясь заглушить укоры совести. — Вот и начальник отделения милиции это понимает, раз одобрил и согласовал дополнительные расходы».

И все же то, что делалось, претило его честной натуре, и на душе было тяжело. «Когда-нибудь все же управление производством наладится. Доберутся и до теневых дельцов! — с надеждой подумал он и тут же упрекнул себя: — Как же, доберутся, если мы все будем вот так закрывать глаза на нарушения закона. Да уж, зря мы кого-то виним в неблагополучии и беспорядках, царящих в нашем обществе. Сами их и порожаем своим непотребием, приспособленчеством, — с грустью констатировал он и всякий раз заключал: — Все же, слаб человек!»

* * *

Гаражные заботы, отнимавшие у Наумова не только время, но и много энергии, серьезно мешали его научной работе и тормозили завершение докторской диссертации. Немало помех приходилось преодолевать и у себя в институте. Не в силах повлиять на его научные результаты, ему создавали дополнительные трудности, чтобы он как можно дольше не мог выполнить все требования, предъявляемые к соискателям высшей ученой степени.

Видимо, с целью ограничить число докторов наук, эти требования были просто драконовскими. Не только сама диссертация должна была содержать новое слово в науке и иметь доказательство своей практической ценности. Еще требовалось, чтобы ее основные положения были опубликованы в монографии автора и у него была своя научная школа, представленная подготовленными им кандидатами наук.

— Не понимаю, в чем смысл такой политики? — недоуменно спросила Варя, когда Артём посетовал на свои трудности. — Докторов наук почти всюду не хватает. Неужели препятствия чинят, чтобы сэкономить на заработной плате?

— И мне непонятно. Лучше бы не разбазаривали так много средств на всякие авантюры. От них один вред, — с горечью ответил Артём. — Ну

зачем, если сделан большой вклад в науку, еще требовать подготовку пяти кандидатов и издания книги? Ее публикация и защита учеников не зависят от докторанта. Не говоря уже о том, что это отвлекает от научной деятельности.

Тем не менее всем этим необходимо было заниматься, и как раз тут возникли дополнительные трудности. Артёму удалось получить для научного руководства достаточно аспирантов, однако к нему прикрепили самых слабых, не имевших ни задела, ни даже темы диссертации. А против Левина, которого навязал Ковач, был настроен его заместитель по научной работе, Иванов.

Если с публикацией книги дело обстояло благополучно, — ее приняло солидное издательство «Транспорт» — то работа с аспирантами отнимала слишком много сил и времени. Чтобы форсировать их защиту и обеспечить ее успех, Артём роздал им для конкретной разработки часть своих идей, претворяемых в жизнь на заводе в Киеве.

— Не слишком ли щедро ты делишься с ними творческими находками, — усомнилась Варя, которой он рассказал о своих планах насчет аспирантов. — Тебе так никто не помогал. И не присвоили бы они их потом?

— А что оставалось делать? Они не в состоянии были ничего предложить, а мне нужно «выдать на гора» пять кандидатов наук, — объяснил ей Артём. — Без этого, если и пройду защиту, меня не утвердит ВАК. А что касается авторства, то я его застолбил совместной публикацией статей.

Некоторые из его подопечных так слабо владели пером, что ему приходилось не только редактировать, но и переписывать текст их диссертаций. Артём тратил на них несколько часов ежедневно и, чтобы это не шло за счет работы, попытался взять часть творческого отпуска, положенного ему, как докторанту института, но натолкнулся на почти неприкрытое противодействие со стороны руководства.

— Взятся за гуж, не говори, что не дюж. Сам на себя взвалил непосильную ношу, и нечего теперь скулить, — с грубой прямоотой отказал ему Ковач. — Куда так торопишься, твоя очередь еще далеко! Левиным занимайся, а другие подождут.

— Но они тогда не уложатся в сроки, — попытался слухавить Артём. — Закончат аспирантуру, не защитившись.

— Только не надо вешать лапшу на уши, — строго взглянул на него Ковач. — У тебя работы невпроворот, а ты тратишь время на этих бездарей. И все для того, чтобы поскорее самому выйти на защиту. Кого хочешь

провести?

Еще более откровенно отказал ему в поддержке Иванов, после чего их отношения, когда-то бывшие дружескими, сильно охладились.

— Ты чего лезешь «поперед батьки в пекло»? Хочешь стать доктором раньше меня? — напрямик спросил он, холодно глядя своими прозрачными голубыми глазами. — И чего проявляешь столько прыти, остепеняя этих говнюков? Они же тебя потом сожрут! — от такой резкой отповеди Артём даже смешался, а Иванов еще добавил: — Я думал, ты мне друг, а теперь разуверился. Зачем тащишь за уши этого еврея Левина? Будто не знаенн?, что Ковач спит и видит как посадить своего прихвостня на мое место. Мало тебе, что они и так русских повсюду оттесняют?

— Мое отношение к тебе, Николай, всегда было дружеским. И изменится только в том случае, если ты всерьез делишь людей по национальности. Ведь, как понимаю, дело не в том, что Левин — еврей, а в том, что приятель Ковача. Но он как раз поспособней остальных, и я не лишу его помощи из-за интриг в руководстве института.

— Красиво говоришь, — Иванов мрачно усмехнулся. — А я-то считал тебя своим. Выходит, ты тоже из этих...

— Можешь считать и так, если тебе хочется, — с вызовом ответил Артём. — Есть во мне эта кровь. Расисты бы, наверное, меня не пощадили. Как, впрочем, и Пушкина.

Сознавая, что продолжение разговора лишь вконец испортит их отношения, он повернулся, чтобы уйти, но приостановившись, всё же добавил:

— А в том, что я спешу с защитой, вы с Ковачем упрекаете меня напрасно. Просто мне хочется сделать все, что для этого требуется. Но потом согласен ждать, пока не подойдет моя очередь. Ваш приоритет для меня неоспорим.

Несмотря на неприятности, коих хватало, жизнь шла своим чередом, Артём с Варей были молоды и, когда выпадало свободное время, весело проводили его со своими друзьями: Ядро их компании оставалось прежним, но неисповедимая судьба постоянно преподносила сюрпризы, и состав ее обновлялся. Так, весьма неожиданно они расстались с Коршуновыми, хотя последний год встречались с ними чаще других.

Ссора у них произошла по пустячному поводу, который запомнился Артёму, скорее, из-за предшествующих ей обстоятельств. В тот раз они поехали на двух машинах в лес за опятами. Отправились с ночевкой, чтобы вечерком посидеть у костра и насладиться шашлыком, который, как всегда, сумел заготовить Олег. Вечер был чудный, но ночью грянули заморозки. В

машинах было тепло, спали они с комфортом на надувных матрасах, но наутро оказалось, что все вокруг заиндевело.

Опять было, хоть пруд пруди. Ими были усыпаны все пни, но они замерзли, нож их не брал, и пришлось отламывать, как сосульки. Все же, набрав полные корзины, удачливые грибники вернулись к месту стоянки, попили чайку и собрались уезжать. Тут и случилась неприятность, положившая конец их дружбе. Артём, первым ставший выбираться с поляны на шоссе, резче, чем надо, подал машину назад, погнув при этом хромированный бампер «Волги» Коршунова.

Свою машину Олег просто лелеял. Увидев, что произошло, он с горя онемел, а когда вновь обрел дар речи, вне себя крикнул:

— Ты что же наделал, идиот? Нечего садиться за руль, раз не умеешь ездить!

Подбежав к машине, он опустил на колени и, чуть не плача, стал руками ощупывать помятый и поцарапанный бампер, жалобно приговаривая:

— Теперь с ног собьешься, чтобы достать новый, в магазине делать нечего — на завод надо ехать...

Еще агрессивней повела себя Катя. С перекошенной от злости физиономией она заявила:

— Вот уж, верно говорят, что беречься надо не врагов, а друзей. И не стыдно тебе, Артём? Сделать нам такую подлянку за все хорошее!

— Да ты что, Катюша? Он ведь не нарочно, — попыталась урезонить ее Варя. — Успокойся, мы хоть и в долгах, но оплатим все, чего это будет стоить.

— Ну да, не нарочно. Уверена, что из зависти, — бросив уничижающий взгляд на Артёма, возразила Коршунова. — Само собой, заплатите все до копейки. А кто возместит Олегу хлопоты?

Это было уж слишком. Стоявший все это время с виноватым видом Артём не выдержал.

— Я, конечно, виноват и безусловно все возьму, но такое услышать от вас не ожидал. Выходит, вы считаете меня не только идиотом, но и завистливым пакостником? Зачем же тогда с нами дружите?

— И правда, зачем? — поднявшись с колен, и еще пылая негодованием, злобно бросил Коршунов. — Толку от вас никакого. Один вред.

— Тогда считай, что наше знакомство окончено, — хмуро заключил Артём. — Пусть кто-нибудь из вас сообщит Варе, сколько с нас причитается, и она сразу заплатит.

Как известно, природа не любит пустоты и вместо Коршуновых у Артёма с Варей вскоре появились новые, не менее интересные, друзья из числа тех, кто вместе с ними строил гараж.

На собрании гаражного кооператива Варя встретила свою школьную подругу. Та на людях бывала редко — сидела дома с годовалыми двойняшками, а ее муж Аркадий, замечательно игравший на гитаре, стал душой их компании. Но более тесно они сошлись с Жарковыми — любителями пикников и автопутешествий. Марина оказалась дальней родственницей Артёма, а балагур и весельчак Вадим сразу покори́л их всех.

О слишком самодовольных Коршуновых никто не сожалел.

* * *

Варя пользовалась большим авторитетом у студентов своей группы. Будучи самой старшей, она серьезнее других относилась к занятиям и не пропустила почти ни одной лекции. Только у нее имелись полные конспекты, и она давала всем ими пользоваться. Молоденькие подружки любили ее за то, что понимает их желание погулять вместо скучных занятий, нисколько не осуждает и всегда готова помочь словом и делом.

При приближении очередной экзаменационной сессии Артём, приходя с работы, всякий раз заставлял полный дом этих «прилипал», которые готовились вместе с Варей по ее конспектам.

— Они что, прописались у нас? Ты их даже кормишь, — недовольно ворчал он из-за создаваемых ими неудобств. — Я ни в ванну, ни в туалет попасть не могу.

— Потерпи, Тёмочка, после экзаменов они испарятся, — мягко уговаривала его Варя. — Девчонки хорошие, но без меня не сдадут. А продукты они свои приносят.

— Понимаю, на твоих конспектах паразитируют. Небось, все лекции прогуляли?

— Ты себя вспомни! Сам рассказывал, как в общеаге по чужим конспектам готовился, — смеясь, упрекала его Варя. — Нормальное дело. Им замуж пора — ну, и гуляют. А мне уже не надо. Вот и сижу на лекциях.

Однако от девчонок-прилипал была и прямая польза. Благодаря им Артём почти все годы, пока Варя училась, зимние каникулы проводил вместе с ней в подмосковных домах отдыха. Поочередно кто-нибудь из них

отдавал ему свою путевку, а с дополнительным отпуском, благодаря летным испытаниям, у него проблем не было.

В тот год, после сдачи Варей зимней сессии, они провели эти чудесные две недели в снежном царстве среди лесов близ Каширы. Поместили их отдельно. Варю — с ее институтской подругой, а Артёма — вместе с симпатичным молодым парнем, который оказался председателем завкома одного из московских предприятий. Как и все профсоюзники, Василий был очень контактным, так что они коротко сошлись уже после первой рюмки.

Коренастый и упитанный, с уже заметной плешью, он не блистал красотой, но был очень охоч по женской части. Ему перевалило за тридцать, а женат еще ни разу не был. Жил с престарелой матерью и, как говорится, не тужил.

— Жениться мне нельзя. Слишком непостоянный характер, — откровенно объяснил он Артёму, почему предпочитает оставаться холостяком. — Уж больно я влюбчив. Казалось бы, всем хороша баба, лучше и не надо. Ан, нет! Стоит на меня взглянуть другой красотке, и я сам не свой. Готов бежать за ней, позабыв обо всем. В общем, не создан для семейной жизни.

Василий сразу «положил глаз» на одну из подруг Вари, и довольно быстро добился взаимности. Видимо потому, что не открыл своего отношения к браку. Он был спортивен, и после завтрака они обычно вчетвером отправлялись на лыжную прогулку. В лесу делали привал. Бывалый турист, Василий, подложив лапника, умело р'азводил на снегу костер, и на нем подогревали вчерашние котлеты, которые всегда подавали на ужин. Лучшей закуски им и не требовалось.

Вскоре у Василия со студенточкой возник такой пылкий роман, что вторую неделю они провели уже попарно. Артём перешел к жене, а подруга Вари — к Василию. У профсоюзного босса с собой был хороший запас спиртного, так что, пропустив после ужина по рюмашке, они отправлялись на танцы всегда в приподнятом настроении.

Это знакомство с Василием оказалось для Наумовых подлинным подарком судьбы. Когда пришла пора расставаться, председатель завкома неожиданно заявил им:

— Между прочим, могу помочь вам улучшить жилищные условия. Наверное, хреновато в однокомнатной? — посочувствовал он. — Да еще на первом этаже. — Видя, что Артём и Варя изумленно на него уставились, он объяснил: — Мы в вашем районе дом построили. Он так себе, блочный, но зато кухни большие. Думаю, что смогу устроить вам двухкомнатную. Это ведь, — весело взглянул он на оторопевших друзей, — то, что вам надо?

— Само собой, — выйдя из оцепенения, подтвердил Артём. — Но мы же не имеем никакого отношения к вашему заводу.

— Ничего ты не знаешь, хоть и кандидат наук, — снисходительно пояснил ему Василий. — В ведомственных домах часть квартир отдается районной власти.

— Но я же никак не связан с районным начальством, — покачал головой Артём — Мне там не пробиться.

— Зато я с ними крепко связан, — с самодовольной усмешкой подмигнул Василий. — Единственно, что от тебя требуется — это ходатайство с места службы. Будет еще лучше, если они дадут гарантийное письмо.

— А что это такое? — проявил полную неосведомленность Артём.

— Это — обещание вернуть дополнительно предоставленную тебе площадь, скажем, десять метров, если будет построен собственный дом, — просветил его Василий. — Совершенно пустая бумажка, о которой потом забывают. Но мне пригодится, чтобы решить твой вопрос, — и немного подумав, добавил: — Ты скажи у себя в профкоме все, как есть, о наших отношениях. В общем, это дело верное. Тогда не откажут. Им же это выгодно.

— В чем же их выгода? — на этот раз удивилась Варя.

— Твой муж — ученый и имеет право на дополнительную площадь, — просветил ее председатель завкома. — Вот у них и будет одним претендентом меньше. По принципу — баба с возу...

* * *

Василий оказался прав. Гарантийное письмо Артём получил в институте без особого труда и, еще до наступления лета, они с Варей переехали в новостройку его завода. Квартира была из двух смежных комнат с крохотной прихожей, но зато очень большой кухней. Единственное, что омрачало радость от переезда в более удобное жилье, это отдаленность гаража, до которого теперь надо было добираться на метро или троллейбусе.

Разумеется, Артём с Варей, как только обустроились, справили веселое и многолюдное новоселье. Наряду с их постоянными друзьями, в нем участвовали Гальчу-ки, соседи по прежнему дому Уваловы и Саблины, Жарковы, танцор Аркадий и, конечно, Василий со своей студенточкой, с которой он продолжал, как ни странно, встречаться. Не обошлось и без

сюрпризов.

— А мы ведь знакомы с твоим благодетелем, — сказал Артёму Вадим, указывая на Василия, который танцует с Мариной, о чем-то увлеченно с ней разговаривал. — Они знакомы еще со школы и, похоже, — понизил он голос, — у них были шуры-муры, хотя и не признаются.

— Вот уж, действительно, тесен мир, — удивился Артём. — А я-то думаю, чего это она с ним так любезничает. Не такой уж красавчик, да и простоват.

— Маришка любезничает с ним по другой причине, — с ехидной усмешкой объяснил Вадим. — «Нужный» он человек! Ее папаше требуются плиты, чтобы выложить дорожку на даче, и Вася обещал это устроить на своем заводе, притом по дешевке.

— Неужто он и это может? Плиты — фондовый товар, их стройкам не хватает, — удивился Артём. — Если прихватят, по головке не погладят.

— Не прихватят. Эти друзья — те еще ловкачи. Большие партии плит «налево» сплавляют, — презрительно произнес Вадим. — Оформляют как заводской брак.

Артём неодобрительно покачал головой.

— По-моему, здесь пахнет уголовщиной. Не стоят эти плиты того, чтобы нарушать из-за них закон и заигрывать с Василием.

— Брось заниматься демагогией! — обиделся Жарков. — Прикажешь на даче в грязи утопать из-за того, что плит нет в продаже? Мы заигрываем с ним, а ты нет? Как же, тогда, получил эту квартиру?

— Квартиру я получил совершенно законно, — парировал Артём. — Конечно, с дружеской помощью Василия, но без каких-либо махинаций.

— Но, все равно, ни к чему мораль разводить, если сам используешь нужных людей, — сердито сказал Вадим. — Вот он, — кивнул на Саблина, — разве не помог получить для вашего гаража материалы «левым» путем? Разве смогли бы вы тогда закончить стройку?

Ответить Артёму было нечего, и он виновато замолчал: «А ведь правда, что бы мы делали без его содействия? Если б не достали металлоконструкции для кровли и ворот? На зеркало нечего пенять, коли рожа крива!» Хорошего настроения у него после этого разговора поубавилось.

— У меня тоже на душе кошки скребут от того, что иной раз, чтобы чего-то добиться, приходится на некоторые вещи закрывать глаза, — поддержала мужа Варя, выслушав его сомнения в правильности их поступков. — Ненавижу ловкачество! Хорошие друзья и Саблины, и Василий, благодаря которому у нас теперь новая квартира. И все же,

Тёмочка, нам с ними не по пути!

— Это как же? Не понимаю, — недоуменно посмотрел на нее Артём, хотя в душе уже догадался о том, что она хотела сказать.

— А так, что не стоит нам продолжать с ними дружбу, — спокойно объяснила Варя. — Несмотря на то, что они еще не раз могут в чем-то помочь. Иначе сами перестанем себя уважать.

* * *

Очевидно судьба была согласна с Варей и помогла избавить им свою совесть от искушения. Ее подружка-студентка забеременела от Василия и, спасаясь, этот женолюб сам порвал с ними связь. Что касается дружбы с Саблиными, то она закончилась из-за трагических обстоятельств, лишней раз показавших, как слаба была советская медицина.

— Тёма, произошло ужасное! — с порога сообщила ему Варя, вернувшись после того, как заезжала на старую квартиру, чтобы забрать кое-какие вещи, оставленные у соседей Уваловых. — Скоропостижно умер Саблин! А вернее, его угробили мои коллеги.

— Не может того быть! — Артём ошарашенно смотрел на нее. — Что же с ним случилось? Он ведь такой крепкий мужичок! Как гриб-боровик.

— Внешне — да, — согласилась Варя. — Это его и погубило.

— То-есть, как? — не понял Артём.

— Он с виду такой физически крепкий, что когда у него начались боли в нижней части живота, этому не придали большого значения, — возмущенно сообщила Варя. — Слишком поспешно поставили диагноз аппендицита. Какая вопиющая безответственность!

— Выходит, ошиблись? Это в «кремлевке»? Он же к ней был прикреплен, — недоуменно произнес Артём. — А что же оказалось?

— Очень тяжелая болезнь. Аневризма аорты, — удрученно ответила Варя. — Вот тебе и гриб-боровик, — она тяжело вздохнула. — Приступ произошел на даче, и соседи отвезли его в ближайшую больницу. Там его и угробили из-за того, что неправильно поставили диагноз. И все же, слишком винить тамошних врачей нельзя. Очень уж плохое у них медицинское оборудование.

— Значит, ты думаешь, что его можно было спасти? — с сомнением

спросил Артём. — Аневризма — это ведь что-то вроде инфаркта.

— Думаю, что да, — убежденно ответила Варя. — Болезнь очень опасная, но если бы Афанасия сразу доставили в Москву, то его бы поместили в реанимацию и лечили лучшие врачи.

— Вероятно, так бы оно и было. Он сам говорил, будто выполнял заказы по отделке квартир многим знаменитостям, в том числе светилам медицины. Он всем был нужен.

То, что это было именно так, показали пышные похороны Саблина. Проводить в последний путь скромного начальника деревообрабатывающего комбината пришли высокие сановники. Видно, Афанасий был полезен многим, поскольку в траурных речах чувствовалась искренняя скорбь о понесенной утрате. Сочли необходимым присутствовать на похоронах и те, кто явно напоминал тeneвых дельцов. И, словно в подтверждение Теминой догадки, — многочисленную процессию на всем пути до кладбища сопровождали милицейские машины.

— Этот человек сам умел жить и помогал жить другим, — уважительно отзывались о Саблине провожающие. — Он был без предрассудков и хорошо понимал людей. Такого терять жалко.

Слушая эти речи, Артём, который тоже пришел отдать последний долг бывшему другу, подумал: «Конечно, Афанасий был хорошим человеком. И все же, относиться к происходящему без предрассудков, понимая под этим примирение с беззаконием, аморально. Так жить нельзя!»

Глава 10. КРАХ ИДЕОЛОГИИ

Моральное разложение в правящей партии, а также провал экономического развития СССР и, напротив, рост благосостояния в странах, где господствовал капитал, привели к краху идеологии коммунизма. Неизмеримо более низкий уровень жизни в странах с коммунистическими режимами по сравнению с передовыми демократиями Запада и утрата веры в обещания своих лидеров вызвали глубокое брожение в «социалистическом лагере».

Нарыв зрел исподволь, пока его не прорвало в, казалось бы, одной из самых благополучных стран «социалистического лагеря» — Чехословакии. Пришедший там к власти Дубчек решил придать коммунистическому режиму «человеческое лицо», что означало открытое неповиновение диктату КПСС. Он хотел сделать это мирно, но задуманная им «бархатная революция» не удалась.

Брежнев понапрасну обвиняли в мягкотелости. Решительность и мертвую хватку он показал еще скинув Хрущева. Советские танки вошли в Чехословакию, Дубчек был смещен с занимаемых постов, и Чехословакия покорно вернулась в «социалистический лагерь».

Однако, невзирая на неудачу чехов, брожение в стане союзников СССР продолжалось, и особенно активно боролись за свое право на лучшую жизнь поляки. Там не прекращались стачки шахтеров, а в последнее время центром борьбы против коммунистического режима стал город Гданьск, где был создан оппозиционный власти профсоюз «Солидарность», повсеместно поднимавший против нее недовольное население.

В Советском Союзе крах идеологии КПСС нашел выражение в развитии диссидентства — объединения инакомыслящих в борьбе за права человека. С диссидентами Брежнев расправлялся решительно и жестоко. Их заключали в тюрьмы и психушки, более известных высылали из страны. Были отправлены в изгнание популярные художники, писатели и поэты, не согласные с господствующей идеологией. Особенно много шума наделала высылка писателей Синявского и Даниэля, которые осмелились критиковать власть.

Но подлинным шоком для всех явилось преследование крупного ученого, творца советской водородной бомбы, академика Сахарова, решившего на закате лет вступить в борьбу за права человека. Поскольку изгнать из страны всемирно известного физика было нельзя, его сослали в

закрытый для иностранцев город Горький под бдительный надзор КГБ.

Другим, особенно ярким и раздражительным проявлением краха коммунистической идеологии, требующей от своих вождей высоких моральных качеств и скромности, явилось маразматически-льстивое восхваление Брежнева и частое награждение его за несуществующие заслуги. За него сочинялись «мемуары», воспевающие якобы имевшие место военные и трудовые подвиги генерального секретаря КПСС. Однако было известно, что их не существовало, поскольку имелось много свидетелей, знавших истинную правду.

— Такое впечатление, что в центральных органах партии одни маразматики, — удрученно сказал Варе Артём, когда после ужина они смотрели по телевизору награждение Брежнева очередной медалью Героя. — Неужели они не понимают, что этим только роняют авторитет и самого генсека, и ЦК партии!

— И правда, за что его награждать? Какие успехи, когда без того, чтобы выстоять длинную очередь, не купишь самого необходимого, — согласилась с ним жена. — Это славословие вызывает лишь раздражение. Неужели они там, наверху, не знают, как живет народ? Может, когда едут на своих «членовозах» в сопровождении милиции, нигде не останавливаются? А может, от них скрывают правду?

— Нет, Варенька, они обо всем прекрасно осведомлены, — ответил Артём. — Просто там собрались льстивые проходимцы и обманщики, старательно изображающие из себя коммунистов. Они давно уже не верят в дело партии и сознательно обманывают народ, заботясь лишь о собственном благе.

— Но как же ты можешь состоять в партии, которой руководят обманщики? — непонимающе посмотрела на него Варя. — Сам-то ты веришь в возможность построения коммунизма? Может, это утопия, раз даже руководство разуверилось?

— С такими, как они, коммунизма не построишь, — с горечью ответил Артём. — Даже не создашь хорошей жизни для своего народа. Вот, если бы, в партии, — мечтательно протянул он, — к руководству пришли честные люди, не утратившие совести и веры, вот тогда... может быть.. Хочется на это надеяться, Варенька!

* * *

Надо сказать, что существовавшая система назначения на руководящие

должности не способствовала выдвижению наиболее способных и честных. Для успешного продвижения по службе требовались не талант и высокие человеческие качества, а знакомства и связи. Немаловажным фактором была также личная преданность своему начальнику. Характерным примером явилась бурная карьера Левина благодаря его приятельским отношениям с Ковачем.

Как научный руководитель, Артём немало сил положил на то, чтобы Левин успешно защитил кандидатскую диссертацию. На этой почве произошло охлаждение между ним и Ивановым, который раньше относился к нему по-дружески. Заместитель Ковача по научной работе, он видел в Левине своего соперника и, как выяснилось, не напрасно.

— Ну вот, я оказался прав, — с мрачным видом объявил Иванов Артёму, вызвав к себе для доверительной беседы, чего уже давно не делал. — Зря ты не послушал меня насчет Левина. Теперь сам об этом пожалеешь.

— О чем пожалею? — не понимая, к чему он клонит, спросил Артём.

— Об отделе, дурила! — не сдержавшись, зло бросил Иванов. — Теперь Ковач назначит Левина начальником моего бывшего отдела, а мог бы им быть ты!

— Я даже не думал об этом, Коля, — честно признался Артём. — Ты знаешь, моя цель — защита докторской. Мне нужен творческий отпуск, а не отдел и связанные с ним заботы.

— Неужели ты не понимаешь, что скорее стал бы доктором, если получил бы отдел? — раздраженно бросил Иванов. — А теперь, с моим уходом, боюсь, у тебя совсем не будет шансов. Думаешь Левин тебе поможет? Держи карман шире!

От такого сообщения Артём даже растерялся.

— Ничего не понимаю. Может объяснишь, что происходит. Ты что, уходить собрался? У тебя же защита на носу.

— А мне теперь уж точно не защититься раньше Ковача. Если решусь, то он провалит, — мрачно объяснил

Иванов. — Да и потом, когда меня вновь столкнут на отдел, ситуация для защиты будет неблагоприятная. Так что придется уйти. Все ясно, как Божий день. Ковач хочет своим заместителем вместо меня сделать Левина. Во мне он видит угрозу своему положению, особенно, если защищусь. А этот еврей ему не опасен.

— Ты это серьезно, Коля? Неужели такое возможно? — поразился Артём. — Тебя же все знают! Как можно равнять, — он даже запнулся от возмущения, — тебя и Левина? Я знаю, Ковач на такое способен, но у него ничего не выйдет!

— Еще как выйдет, — мрачно возразил Иванов. — Стал же Ковач начальником института? У него огромные связи. Бороться с ним я не буду. Себе дороже.

— И куда же ты... теперь? — растерянно спросил Артём

— А Ковач уже все предусмотрел. По его просьбе ректор нашего учебного института предложил мне возглавить у них кафедру, — безрадостно сообщил ему Иванов. — Хитрый Рудик обещал даже помочь мне с защитой докторской. Знает, что там я ему буду не опасен.

— Думаешь, он сдержит свое обещание? — усомнился Артём.

— Не думаю, а уверен. Не хочет, чтобы я стал его врагом, — невесело усмехнулся Иванов. — Видно, у меня все же есть кое-какой авторитет, — он оценивающе взглянул на Артёма. — А тебе я хочу предложить участвовать в конкурсе на замещение должности начальника отдела, и гарантирую, что на ученом совете мы прокатим Левина, — сообщил он ему, наконец то, для чего позвал. — Голосование-то тайное! Не могу допустить, чтобы этот прихвостень получил мой отдел, да еще как трамплин для следующего прыжка. Хватит и одной бездари в руководстве института!

Но Артём уже разгадал замысел Иванова, и категорически отверг его предложение.

— Не сомневаюсь, что все бы у тебя получилось, Коля, и благодарен тебе за доверие, — дипломатично ответил он. — Но ведь ты сам не решился бороться против Ковача, хотя тебе и неохота переходить на учебную работу. Чего же ты хочешь от меня? Ну, выиграю я конкурс у Левина, а что потом буду делать? — Артём выдержал паузу, чтобы Иванов привел дополнительные аргументы, но тот молчал, и он, сознавая, что отбил, добавил: — Ну вот, ты сам понимаешь, что долго мне не продержаться. Тем более, без твоей помощи. Так что мне лучше не лезть в это пекло. Не то, — чтобы снять напряжение в заключение пошутил он, — тебе придется держать для меня должность на кафедре, чтобы приютить, когда вышибут из института.

* * *

После этого разговора Артёму стало ясно, что перспективы у него неважные и форсировать докторскую диссертацию нет смысла. Разумеется, он не отступил от своей цели, но решил провести дополнительные

эксперименты, которые бы убедительно доказали эффективность его научных рекомендаций. В тот период создалась угроза остановки парка самолетов Ту-124 из-за недостатка запасных агрегатов, и ему удалось протолкнуть новую программу летных испытаний, в которой были заняты все сотрудники сектора.

Снова начались непрерывные полеты, которые не только избавили Артёма от участия в институтских дразгах, но и существенно увеличили заработок. Эти испытания он завершил только к весне и они основательно его вымотали. Летал он во все концы, в разные часовые пояса. Поэтому трудно было засыпать ночью в Сибири, когда в Москве был полдень.

Вот почему, закончив испытания, Артём предложил:

— А не махнуть ли нам на недельку в Сочи?

— Ты что, шутишь? У меня зачетная сессия на носу, — Варя не восприняла всерьез его предложение. — Хотя, погреться на солнышке хочется. Как ты думаешь, там уже купаются?

— Конечно! Море у берега уже прогрелось градусов до двадцати, — бодро заверил ее Артём. — И проблему с зачетами решить можно.

— Это каким же образом? — усомнилась Варя. — На юг очень хочется, но оставаться на второй год из-за этого глупо.

— Попроси разрешения сдать зачеты досрочно, чтобы съездить к сестре на свадьбу, — как всегда находчиво, предложил он. — Лена же собирается замуж?

— Но ведь неизвестно, когда еще эта свадьба состоится? И мы с тобой к ней ехать не собирались, — возразила Варя. — Нет, обманывать нехорошо.

— Какой же это обман? Они вот-вот распишутся, и мы к ним заскочим поздравить, — успокоил ее совесть Артём. — Только слетаем на юг, погреемся на солнышке, и сразу назад.

Это подействовало. Не прошло и двух недель, как самолет уже уносил их к Черному морю. Накануне Артём созвонился со своим однокашником Чулковым, работавшим начальником технической базы в аэропорту Адлера, куда должен был прибыть их самолет. Бывший фронтовик, Чулков, был намного старше Артёма, но с радостью обещал встретить и устроить их в местной гостинице Аэрофлота.

Если бы Артём мог предвидеть, какие неприятности доставит старому товарищу, он бы к нему не обращался. Чулков радушно встретил их с Варей у трапа самолета и на своей машине доставил в гостиницу, где забронировал люкс. Рейс был вечерним, и благодарные москвичи, само собой, пригласили его в ресторан отпраздновать встречу и начало отдыха.

Инвалид войны отказался, сославшись на здоровье, и Артём с Варей решили устроить праздник у себя в номере. Была теплая южная ночь, безоблачное небо усыпано звездами, предстоял безмятежный отдых и настроение у них было приподнятое. А когда выпили еще и коньяка, развеселились так, что устроили бурные танцы. И, хотя транзистор работал негромко, вышел крупный скандал.

Их люкс был соединен с соседним общим балконом и, как оказалось, в нем поселили какой-то ревизора из министерства. Он рано лег спать, так как наутро в аэропорту было назначено совещание. Шум в соседнем номере его разбудил и, негодуя, чиновник встал, чтобы узнать, в чем дело. Выйдя на балкон и через окно заглянув к соседям, пожилой ханжа был потрясен.

— Никогда еще не видывал подобного безобразия! — возмутился он, требуя выселения соседей — Мало того, что они устроили танцы на ночь глядя, нарушая общественный покой. Бесстыдники плясали полуголыми, как дикари! А потом упали на пол, и там, прямо на ковре... ну да, вы понимаете... — округлил от ужаса глаза старый бухгалтер, — Будто для этого не существует кровати!

— Не стыдно вам было подглядывать? Никто не имеет права вмешиваться в частную жизнь граждан. Это незаконно! — вяло защищался Артём, которому громкий скандал был ни к чему. — И порядка мы не нарушали. Не так уж поздно было. Вы бы еще днем легли спать!

Но для администратора гостиницы крупный чиновник значил больше, чем неизвестный протеже Чулкова.

— Вы нарушили режим нашей гостиницы, — заявил он Артёму, памятуя все же, кто для него забронировал люкс. — После одиннадцати нельзя шуметь даже у себя в номере. Придется вам его освободить. Вы уж извините!

Чулков, узнав о случившемся, расстроился даже больше, чем Артём с Варей. Этот бухгалтер именно у него проводил ревизию и, разозлившись, мог найти неполадки там, где их не было. Но чувство товарищества все же взяло верх.

— Ну, что теперь поделаешь. Придется принять удар на себя, — со вздохом произнес он. — Вы еще молоды, и я не виню вас за то, что немножко порезвились. Просто не повезло, что рядом оказался этот хорек, — и, подумав, предложил выход из положения: — Я могу вас устроить в гостиницу «Сочи». Это обойдется дороже, но зато она стоит на самом берегу моря. На несколько дней денежек у вас хватит?

Так они из Адлера перебрались в Сочи, где провели оставшиеся дни. Гостиница, и правда, стояла у самого моря, и позавтракав, Артём и Варя

спускались на пляж по лестнице. Был еще не сезон, и купались немногие. Но Варя, не боявшаяся холода, надев ласты и маску, подолгу плавала, любуясь рыбками и морским дном, так как вода была необычно прозрачной и чистой.

Они прекрасно отдохнули, но при возвращении вновь возникли проблемы, поскольку авиабилеты распродавали за две недели до вылета, и свободных мест не было. Снова помог Чулков, знавший об испытаниях, проведенных Артёмом на самолетах Ту-124.

— У меня есть приказ министра с фамилиями тех, кого разрешено включать в состав экипажа. Вот и улетишь, — снова нашел он выход из положения. — И Варю отправим, высадив пьяного. Им находиться на борту запрещено.

— А нельзя без скандала? — скривился Артём. — Есть же броня.

— Ее уже продали, — вздохнул Чулков, но тут же его будто осенило. — А давай, мы и твою жену отправим в составе экипажа, — предложил он. — Рейсы ведь идут один за другим. Среди твоих сотрудников есть женщины?

— Женщин нет, но у одного из них фамилия Дорфман, — сразу его поняв, ответил Артём. — Однако ее не впишут в полетное задание без документов.

— А это я беру на себя. Недаром столько лет здесь работаю, — весело заявил однокашник. — Только предупреди Варю, что ей придется сидеть у стюардесс.

Так получилось, что Артёму с Варей пришлось лететь домой на разных самолетах. Сначала в состав экипажа записали «научную сотрудницу Дорфман», а следующим рейсом, на полтора часа позже, возвратился в Москву и он сам.

* * *

Тем летом произошло еще одно приятное для Артёма событие. Надежда, наконец-то, вышла замуж за своего архитектора Сергея. Они сделали выгодный обмен и свили уютное гнездышко на любимой ею улице Горького. Новый Арбат не был еще построен, и бывшая Тверская считалась тогда московским Бродвеем. Все столичные пижоны и стилиги, приглашая своих «чувих» на прогулку, так и говорили:

— Пойдем, прошвырнемся по Броду!

К счастью для Артёма, новый муж Нади не претендовал на роль

воспитателя Анечки и, как ему показалось, мало ею интересовался. Он производил впечатление эгоцентричного чиновника, целиком поглощенного своими служебными делами и связанными с ними заботами. Было заметно, что жену свою любит и дорожит создаваемыми ею домашними удобствами.

Надежда до последнего времени через Лёлю прощупывала прочность брака Артёма и Вари и зная, как этим мучит бывшего мужа, под разными предложениями препятствовала его встречам с дочерью. Однако, выйдя замуж за Сергея, сменила гнев на милость. Она первой пошла на примирение, вызвав Артёма на переговоры, и он сразу понял, чем это вызвано.

— У нас сейчас денежные затруднения в связи с обменом квартиры и обновлением обстановки. К тому же, Анечка растёт, и ей всего нужно больше, — сходу требовательно заявила она Артёму. — Ты должен согласиться, что неправильно заботы о ней взваливать на Сережу. Это твоя дочь!

— Спасибо, что ты об этом вспомнила, — с долей иронии ответил Артём. — Я никогда не отказывался от помощи своей дочери и, по-моему, ты исправно получаешь на нее алименты. Они больше твоей зарплаты.

— Не спорю, но все же этого недостаточно. Анечка учится в английской спецшколе, и ей нельзя быть хуже других детей. Ты должен, — Надежда говорила с прежним апломбом, — больше уделять ей внимания и иногда поощрять за успехи ценными подарками.

— Положим, я ничего не должен, так как отдаю вам четвертую часть своего немалого заработка, — решительно отверг ее претензии Артём. — А если хочешь получать сверх этого, дай хотя бы возможность чаще видеться с Анечкой.

— Раньше этого делать было нельзя, чтобы ее не травмировать. Сам знаешь, как она страдала из-за того, что ты не хочешь жить с нами вместе, — не моргнув глазом, соврала Надежда. — Но теперь, когда все у нас изменилось, никаких препятствий для ваших встреч нет, — и милостиво добавила. — Если захочет, можете забирать ее хоть на каникулы.

«Скорее всего, она вам, голубкам, немного мешает», — подумал Артём, но вслух, не скрывая радости, сказал:

— Разрешите мне, хотя бы, когда будет возможно, брать дочку на выходные. Вот мы с ней и разберемся, чего ей не хватает для счастья.

На этом и порешили. Надежда на лето отправила дочь в пионерский лагерь, и Артём с Варей чаще, чем она, ее там навещали. А когда дети оттуда вернулись, и пошли грибы, они стали брать Анечку с собой в лес, и вскоре она тоже пристрастилась к «тихой охоте». За эти поездки девочка,

кстати, больше похожая лицом на Варю, чем на родную мать (так казалось Артёму), очень с ней сдружилась. Она ничуть не дичилась, хорошо слушалась, и Варя привязалась к ней всем сердцем.

Артём радовался, глядя на то, как хорошо они ладят, и ему казалось, что теперь-то между ним и дочерью установится крепкая связь. Когда он заезжал за Анечкой и привозил ее обратно, Сергей никогда не разыгрывал из себя папашу и держался вполне лояльно. Муж Нади не стремился установить с Артёмом приятельские отношения, но чувствовалось, что он доволен тем, что падчерица проводит много времени у своего отца.

Артём тоже был доволен характером сложившихся у них отношений и очень надеялся, что они сохранятся и впредь, так как по всему было видно, что Надежда и Сергей живут дружно и у них полное взаимопонимание. Ему даже показалось, что она искренне любит этого ничем не выдающегося человека и отказалась от честолюбивых планов войти в элиту столичного общества.

Но он снова ошибся.

* * *

Несмотря на то, что перед глазами Вики был пример прочного брака ее матери с Семеном Бандурским, семейная жизнь племянницы явно не заладилась. И второй брак с Гришей, несмотря на прежнюю любовь и рождение ребенка, распался так же быстро, как и первый. На этот раз винить Вику было не в чем, ибо муженек вел разгульную жизнь и часто пропадал по ночам, пристрастившись к карточной игре. В конце концов она этого не выдержала и указала ему на дверь.

Переживания Лёли можно было себе представить. Мало того, что ее дочь уже дважды потерпела неудачу в браке, но без отца остался маленький Дима, поскольку надеяться на то, что легкомысленный папаша исполнит свой долг по отношению к сыну, не приходилось. Трагедия дочери и новое замужество Надежды повлияли на непреклонную натуру сестры, и она, наконец-то, признала его жену.

— Ты знаешь, братец, после всего, что произошло, до меня наконец дошло, почему ты так ценишь Варю, — призналась она Артёму, пригласив его, чтобы поделиться своими горестями. — Она, конечно, простовата, но зато добрый и порядочный человек. Такие сейчас редко встречаются.

— Я рад, что ты это поняла, — удовлетворенно ответил он, но счел нужным добавить: — А когда узнаешь получше, то убедишься, что Варенька еще и очень одарена от природы.

— Неужели? — удивилась Лёля. — Какие же у нее таланты? Я знаю только, что она хорошо учится.

— Положим, это тоже немало. Она окончила училище с красным дипломом и в институте у нее лишь несколько четверок, — не без гордости сообщил Артём. — Но еще Варя рисует и даже сочиняет стихи. И у нее хороший вкус.

— Ну ты совсем захвалил жену, — рассмеялась Лёля. — Забыл только упомянуть, что она прекрасно готовит. Это достоинство для жизни важнее других.

— И то верно, — весело согласился Артём. — Если будешь часто у нас бывать, сможешь лично в этом убедиться.

Вскоре страдания его сестры неожиданно закончились. Вика преподнесла матери новый сюрприз, на этот раз приятный. Она в третий раз стремительно вышла замуж и, притом, очень удачно. Ее новый муж, Валентин Николаев, был молодым, но уже широко известным критиком, занимавшим высокий пост в Союзе писателей. Валентин тоже прошел через развод, и от первого брака у него был ребенок. Однако, был так влюблен в Вику, что решил усыновить и Диму.

Разумеется, Лёля тоже была за это, и смогла уговорить дочь, ставя в пример безупречное отношение к ней Бандурского. Опасались, что Гриша будет чинить препятствия «из принципа», но, против ожидания, гуляка не возражал. Вскоре Дима, как и его мама, стал Николаевым, но несмотря на это, остался точной копией своего отца. Природа — не фамилия, ее не переделаешь.

А закрепил Артём их с Варей добрые узы с семейством сестры, сделав Вике шикарный свадебный подарок — большую фарфоровую собаку из знаменитой пары, которую можно увидеть только в каталоге Мейсена. Второй собакой обладала Лёля. Эти шедевры искусства были музейной редкостью. Их Анна Михеевна приобрела во Львове, и они являлись предметом ее гордости. И вот знаменитая пара объединилась вновь, но уже в семье Николаевых, так как свою собаку Лёля еще раньше подарила дочери.

— Ну, братец, не ожидала от тебя такой щедрости, — обрадовалась сестра, когда Артём вручил Вике это подлинное сокровище. — Я знала, что ты не жмот, но чтобы... — она аж задохнулась от восторга. — Ты хоть интересовался, сколько она стоит? У антикваров приценивался?

— А зачем? Я и без того знаю, что это — шедевр, и никогда бы ее не продал, — честно ответил Артём. — Но это — пара, и собаки должны стоять вместе, как у нас в доме на Покровке. Пусть они будут у Викочки.

Спустя месяц у сестры Артёма произошло еще одно радостное событие. Семен Бандурский получил новую шикарную квартиру, да не где-нибудь, а в самом престижном в то время районе, который прозвали «тихим центром», так как он располагался в уютных улочках и переулках между Садовым кольцом и Пушкинским бульваром. До этого престижными считались «сталинские» дома по Кутузовскому проспекту и высотные здания, но они находились в шумных местах и в них жило слишком много народу.

В «тихом центре» для столичной элиты строились небольшие, как правило, одноподъездные дома с ограниченным количеством жильцов. Снаружи их вид был самым обычным, но внутренние помещения и квартиры отличались комфортом и роскошной отделкой. Кроме того, имелось много подсобок и в подъездах дежурили вахтеры, не пропускавшие в дом посторонних.

Как только в «тихом центре» сносили старую развалюху, на ее месте сразу, как по мановению волшебной палочки, вырастал такой элитарный дом, который заселялся очередной партией власть имущих, и других видных представителей, так называемой «номенклатуры». Лишь очень редко квартиры в этих домах доставались крупным ученым и известным артистам, обласканным властью.

— Квартира шик-модерн, спору нет. Я тебя от души поздравляю, — в восторге от увиденного сказал Артём, который помогал Лёле в переезде. — Но и на Кутузовском у тебя ведь была не хуже. Особенно после того, как ты ее переоборудовала, затратив уйму сил и денег. Тебе их вернули новые жильцы?

— Как бы не так. Вернут они! — с досадой ответила Лёля. — Эти хамы меня даже не поблагодарили. Настолько завидуют тем, кому посчастливилось получить квартиры в этих домах. А я на новую отделку и сантехнику истратила все наши сбережения!

— Может, не стоило тогда переезжать? У тебя та квартира была не меньше этой и выглядела не хуже, — пожал плечами Артём. — Должно быть, тебе обидно, что этим нахалам досталось то, что ты там сделала, на халяву?

— Разумеется, мне обидно, но переехать стоило, — убежденно ответила Лёля. — Не говоря уже о том, что на Кутузовском шумное движение, и в подъезде вечно мочились подонки. И потом, эта квартира —

все-таки лучше. Ты видел, какие глубокие стенные шкафы? А в подвале для всех жильцов оборудованы кладовки. Правда, это удобно?

Артём согласно кивнул, и она с важным видом продолжала:

— А над нами будет жить замминистра. Так ему дали, по сути, две квартиры.

— То есть, как? — поразился Артём. — Разве это возможно?

— Для себя все можно. Дом построен их ведомством, — с усмешкой ответила Лёля. — Квартира как бы одна, но из общей прихожей отдельный вход в комнату для гостей, при которой имеется кухонка и свой санузел. Не хило придумано!

— И ты считаешь это правильным, что чиновнику министерства, пусть даже крупной шишке, дают две квартиры, да еще в таком роскошном доме, когда, — Артём аж задохнулся от возмущения, — я уверен, большинство его подчиненных теснится в коммуналках? Нельзя транжирить средства на такую роскошь, когда не решена жилищная проблема!

— Ну вот, братец, выходит и ты нам завидуешь, — хмыкнула Лёля. — Как партийцу тебе известно, что уравниловки быть не может. Сравнил свою ответственность и заместителя министра!

Этим сестра лишь подлила масла в огонь.

— А причем здесь ответственность? — вскипел Артём. — За свою ответственность он большую зарплату получает, а вот как работает и какую пользу приносит — еще неизвестно! Может, его завтра снимут с этой должности, так за что ему такая квартира? — он сделал паузу, чтобы успокоиться, и примирительно сказал: — Конечно, я завидую тебе, сестрица, но белой завистью. Так бы всем жить! И осуждаю не тебя и Сеню, так как отказаться от такой квартиры может только идиот. Меня возмущают казнокрады и липовые коммунисты, которые тратят на эти излишества огромные средства, вместо того, чтобы строить больше жилья, и выполнить то, что обещала людям партия.

— Ты неисправимый идеалист, Тёмка, — вздохнула Лёля. — Боюсь, что у тебя никогда не будет такой квартиры.

— Зато совесть будет чиста, — возразил Артём и, чтобы сменить острую тему, предложил: — Давай-ка, я лучше помогу повесить книжные полки. Где у тебя дрель?

* * *

Иванов, как и говорил, после Нового года перешел на работу в

учебный институт и уже в начале весны защитил докторскую диссертацию в Киеве. Хотя очередь сократилась, у Ковача, насколько было известно, это дело не двигалось. Сознывая, что пока начальник не станет доктором наук, даже думать нечего о защите собственной диссертации, Артём ничего для этого не предпринимал. Но неожиданно у него появились шансы «остепениться» в ученом совете, который произвел его в кандидаты наук.

Предложение поступило от профессора Грознова, заведующего кафедрой организации производства, при которой Наумов был аспирантом.

— Это правда, Артём, что у тебя собака — породистый фокстерьер? — без предисловий спросил профессор, позвонив ему вечером домой. — Мне об этом сказал Малахов. Вроде бы, даже особенная, от чемпионов.

— Да, у нашей Чапы очень хорошая родословная, — ответил Артём. — А что вас интересует?

— Сынишка пристал, только фоксика ему подавай, — объяснил Грознов. — А ваша Чапа уже щенилась?

— Нет еще. Не давали жениха, пока не получит медаль, — улыбнулся Артём. — Для этого мы специально возили Чапу на выставку в Тулу.

— Ну и как, получили?

— Золотую, за первое место, — с гордостью ответил Артём. — Признали лучшей. Судьи сказали, что она — типичный представитель породы.

— Так у нее будут щенки? — нетерпеливо перебил профессор. — Когда?

— А от нас это не зависит. У них, в обществе кинологов, — объяснил Артём, — есть план воспроизводства элитарного потомства. Нам сообщат, когда будет свадьба. Это, — засмеялся он, — вязкой называется.

Грознов хохотнул за компанию и неожиданно предложил:

— Не мог бы ты, Артём, подскочить ко мне и немного просветить мое семейство? Мы еще никогда не держали собаки. А жена говорит, что если уж заводить, то породистую.

— Я могу и по телефону сказать все, что знаю, — попробовал уклониться от ненужной встречи Артём. — Да и зря хотите взять фоксика. Это злые охотничьи собачки и с ними много хлопот.

— Сын хочет только фоксика, — отрезал Грозное и многозначительно добавил: — Но мы поговорим не только о собаках. Ты ведь, как я слышал, уже подготовил докторскую. Почему бы тебе и не защитить ее у нас?

Это меняло дело. Артём даже немного растерялся. «И правда, почему я не брал в расчет эту возможность? Нацелился лишь на Киев, — мелькнуло в голове. — Но это не стоит обсуждать по телефону», — про себя решил

он. А вслух вежливо произнес:

— Вас устроит, если я завтра заеду на кафедру часам к трем? Помнится, в два у вас заканчивается последняя лекция.

Вот так и получилось, что совершенно неожиданно у Артёма Наумова появилась реальная возможность защитить свою докторскую в обход очереди, негласно установленной в Киеве. Но, при обсуждении этого вопроса с Гроз-новым выяснилось, что по специальности «Организация производства» их ученый совет может присваивать только степень доктора экономических наук.

— Но почему? Ведь я же стал у вас кандидатом технических наук? И бывший мой оппонент Тихомиров в вашем совете получил степень доктора технических наук по этой специальности, — недоумевал Артём.

— В нашем ученом совете для этого недостает докторов технических наук, — объяснил Грознов. — Поэтому ВАК разрешил ему присуждать только кандидатские степени. А с твоим Тихомировым был особый случай. Его можно не считать.

— Все же интересно, как ему это удалось? — любопытствовал Артём.

— По ходатайству нашей ректорши Коровиной, ВАК разрешил для приема его защиты ввести в совет нескольких докторов технических наук. У твоего «крота» оказался какой-то подход к нашей Евдохе, — он с усмешкой подмигнул Артёму. — По благу, сам знаешь, у нас все возможно. Напрасно ты зациклился на технике! Сейчас быть доктором экономических наук даже более престижно. И защититься тебе у нас будет не так сложно. Совет по составу все тот же, и с ректоршей Евдокией я хорошо лажу.

— Но у меня — явно технический уклон. И научная школа — подготовленные мной кандидаты — тоже по технике, — усомнился Артём. — Если даже защищусь в вашем совете, то меня вряд ли утвердит ВАК, — и, подумав, все же решил отказаться: — Нет уж, переqualифицировать диссертацию мне не с руки. Вот если бы и для меня, как для Тихомирова, сделали исключение, — он с надеждой посмотрел на Грознова. — Может быть, попытаться попросить об этом Коровину?

— Ничего не выйдет, — махнул рукой профессор. — Наша Евдоха для тебя и пальцем не пошевелит, да и мне откажет. Не стоит унижаться. Ей не просто это устроить, и нужен мощный стимул.

— Ну, тогда и пытаться нечего, — сдался Артём, примирившись, что этот вариант отпадает. — Но, все равно, — улыбнулся он, — щеночка от Чапы вы обязательно получите, что бы о нас плохо ни подумали. Когда-то взятки «борзыми щенками» были в ходу.

— Спасибо, — растроганно произнес профессор, видно уже не рассчитывавший на благоприятный исход своей просьбы: — Знаешь, что мы сделаем? — задумчиво протянул он. — Попробуем найти подход к Евдохе через доцента моей кафедры Зинаиду. Ты ведь ее знаешь.

— А она как может помочь? — удивился Артём. — Зина ей родственница?

— Нет, она ей вроде наперсницы. Представляешь? Это несмотря на разницу в возрасте, — в глазах Грознова мелькнул веселый огонек, и он понизил голос: — Если бы не знали о слабости ректорши к молодым мужикам, подумали бы, что они лесбиянки, — он сделал паузу и задумчиво произнес: — Попрошу-ка я Зинаиду помочь. Она сама пишет докторскую и немало от меня зависит. Попытка не пытка.

«Вряд ли у Зины что-то получится, — уходя от Грознова, с сомнением думал Артём. — Не станет Коровина пробивать в ВАКе мою защиту лишь для того, чтобы удружить приятельнице. Тут нужны козыри посильнее. Вот Бандурскому она бы не отказала! Но ни Лёлю, ни Семена просить я не буду, — твердо решил он. — Они все равно ничего не сделают».

И все же задуманная Грозновым «операция» зародила в нем робкую надежду на возможную удачу. Ведь чем черт не шутит, когда Бог спит!

* * *

Профессор Грозное сдержал слово: не прошло и недели, как Артёма пригласила приехать на кафедру доцент Зинаида Рязанкина. Сорокалетняя моложавая женщина, она выглядела довольно привлекательной, но, по слухам, ни разу не была замужем. Скорее всего потому, что слишком много занималась наукой и в институте слыла сильнее всех по применению в экономике математических методов. Однако, как говорили, это нисколько ей не мешало весело проводить свободное время.

— А вы нисколько не изменились, — любезно улыбнулась она Артёму. Они нашли свободную аудиторию, и уселись, чтобы поговорить без помех.

— Это хорошо или плохо? — отшутился он. — Надеюсь, я вас не разочаровал?

— В некотором роде, да. С учетом той трудной задачи, которую предстоит нам решить, — полушутя-полусерьезно ответила Зинаида. — Пора бы вам немного посолиднеть, а вы все выглядите, как мальчишка. Ведь Дусенька уже разменяла полтинник.

— О ком это вы? О Коровиной? — сделав вид, что плохо ее понял,

спросил Артём, до которого сразу дошло, чему мешает его не по годам молодой вид. — Она может счесть, что мне слишком рано стать доктором? Или, чтобы решить мой вопрос, я должен понравиться... — он смущенно замялся, — в этом... смысле?

— А ты догадлив. Значит, созрел для доктора, — по-свойски перешла на ты Зинаида. — Это самое и требуется. Ты прости, что я так, напрямую, хоть дело это деликатное, — усмехнулась она. — Но если ты против, то ничего не выйдет. И начинать не стоит.

От такой циничной прямоты Артём совершенно растерялся. «Значит, если она не положит на меня глаз, делать ничего не будет, — лихорадочно соображал он. — Ну и в чем проблема? Мне что, впервой иметь дело с бабой старше меня? Можно и переспать пару раз ради торжества науки, — мысленно сыронизировал он. — Ей немалых трудов будет стоить пробить у себя мою защиту».

Дьявол-искуситель потрудился вовсю и, стыдясь глядеть в глаза доцентше, Артём деланно небрежным тоном ответил:

— Наука требует жертв. К тому же, и жертва невелика. Евдокия Ильинична очень интересная женщина. Я готов ей услужить, если... — он смутился, — сочтет меня достойным...

— Вот это ответ не мальчика, но мужа, — повеселела Казанкина. — Не будем отклаивать ваше знакомство. У Дусечки как раз хандра на этой почве. Вот ты ее и развеешь, — она немного подумала и предложила: — Как ты смотришь на то, чтобы встретиться у меня дома, скажем, в четверг? Сам понимаешь: я свободна, как птица, а она — замужняя дама, да еще высокий партийный деятель.

— Пусть будет четверг, — согласился Артём. — Что мне с собой принести?

— Только цветы и шампанское, — широко улыбнулась Зинаида, давая понять, что разговор окончен.

* * *

Артём прибыл к Рязанкиной в условленное время с букетом роз, забыв и о шампанском. Обе дамы выглядели великолепно, и на столе в гостиной было накрыто на троих. Они выпили по бокалу вина по случаю встречи, и Зинаида тактично покинула их, чтобы могли обсудить дело. Очевидно, ректорша уже полностью была в курсе, так как выслушав его не перебивая, сразу заявила:

— ВАК очень неохотно идет навстречу этому. И мороки много с изменением состава совета. Однако, — она пристально посмотрела на смущенного Артёма, и в ее зеленых кошачьих глазах зажглись огоньки, — попробовать все же можно. — Весьма важно, что твоя работа дает большой экономический эффект.

Очень высокая и полнотелая, Коровина басила и, в партийной манере, была со всеми на ты. Артём уступал ей в росте и был намного моложе, но, судя по горячим взглядам, которые бросала на него ректорша, он ей понравился, и это нисколько ее не смущало. Когда за стол вернулась Зина, и появился литровый графин с водкой, они втроем его быстро одолели.

— Говорят, Артём, ты хорошо танцуешь, — изрядно подогретая выпитым, обратилась к нему хозяйка. — Покажи-ка нам свое искусство! Думаю, — хмельно подмигнула она ему, — управишься с двумя по очереди?

Не дожидаясь ответа, она вставила кассету в магнитофон и потянула за руку танцевать. Артём безропотно подчинился. «Неужели и Зинаида имеет на меня виды? — с опаской подумал он, поскольку опьяневшая хозяйка так прижималась к нему пышной грудью, словно собиралась немедленно соблазнить. — Этого еще не доставало».

Однако, следующий танец и все остальные Евдокия не уступила подруге, откровенно дав понять, чтобы та не путалась под ногами. К удивлению Артёма, несмотря на громоздкую фигуру, ректорша лихо исполняла самые сложные па и знала все модные танцы. Нарезвившись и разомлев, она перешла к активным действиям, и тут наступила роковая развязка. Артём почувствовал, что не сможет выполнить свою миссию.

Танцевали медленный блюз. Захмелевшая дама пылко прижимала его к себе; затем, расстегнув на нем ворот рубашки, сначала лизнула шею, потом мочку уха, но ответной реакции не последовало, и она жарко выдохнула.

— Не обращай внимания на Зинку, действуй!

Артёму всегда нравились крупные женщины, а Евдокия была очень видной и интересной, но ему претила ее наглая властность и беззастенчивость. Она цинично обращалась с ним, как с наложником, и это его отвращало. «Что же делать? — мучительно думал он. — Если не лягу сейчас с этой наглой бабой, то все пропало. А если лягу, то уважать себя не смогу». И чистоплотность его натуры победила.

— Прости меня, но сейчас... ничего не выйдет, — неловко потупившись, шепнул он, чтобы не слышала Зинаида. — Может быть, в другой раз...

— Как это — в другой? Это почему же? — еще крепче прижав его, резко потребовала разгоряченная Евдокия. — Никакого другого раза!

Если до этого Артём еще чуточку колебался, то приказной тон ректорши его окончательно от нее отвратил.

— Я не совсем здоров, мне... нельзя, — пробормотал он первое, что пришло на ум, не зная, куда деться от стыда. — Простите, если обидел.

— Да что с тобой? — все еще не отпуская, резко потребовала ответа Евдокия. — Ты же не импотент, ты такой... крепенький мужичок. Меня не обманешь!

Но тут у нее возникло подозрение, и она испуганно отстранилась.

— Неужели у тебя... дурная болезнь? Так это? Отвечай!

«А, пусть думают, что хотят. Так и так, все пропало», — подумал Артём, и вслух, запинаясь сказал:

— Ничего страшного, но я... не закончил курс лечения и должен... следовать предписаниям врачей...

Не сказав больше ни слова, он ушел, сознавая, что на возможности защиты диссертации в институте у Коровиной может теперь поставить крест. Неизвестно, что рассказала Рязанкина Грознову, но профессор больше этого вопроса не касался, хотя щенка Чапы от Артёма, естественно, получил. Реальный шанс ускорить получение заветной степени доктора наук был безвозвратно упущен.

Глава 11. ПРОВАЛЬНЫЕ АВАНТЮРЫ

Несмотря на удручающее положение экономики Советского Союза, которое выражалось в затоваривании никому не нужными изделиями и нехваткой всего, что пользовалось повышенным спросом, а также в повсеместном отсутствии средств для строительства дорог и жилья, провальные авантюры по осуществлению грандиозных псевдопреобразований хозяйства и природы страны продолжались.

На этот раз Брежневское руководство решило построить в Сибири новую железную дорогу и повернуть вспять течение рек. Якобы это в корне улучшило бы благосостояние народа. Байкало-Амурскую магистраль сразу же принялись строить, но натолкнулись на непреодолимые трудности, и они, к счастью для страны, затормозили осуществление другого безумного проекта, ибо надругательство над природой грозило обернуться не только разорением, но и вселенской катастрофой.

Безответственная расточительность коммунистического руководства страны питалась огромной прибылью, получаемой от торговли природными ресурсами. Вследствие высоких цен на нефть, в казну поступали крупные суммы валюты от ее экспорта. Именно «нефтедоллары» позволяли закупать за рубежом самое необходимое, чтобы накормить население — зерно, мясо, масло, даже фрукты. На них приобреталось и новейшее оборудование для оснащения предприятий оборонной промышленности.

К безудержным расходам на гонку вооружений, помощь зарубежным компартиям и авантурные проекты внутреннего переустройства добавились огромные потери казны вследствие теневой экономики, хищения государственных средств и ценного имущества.

Разложение, царившее в высших эшелонах власти, и связь ее с криминалом показывали громкие уголовные дела. Особый общественный резонанс вызвало «рыбное дело», так как оно высветило связь теневых дельцов, отправлявших контрабандой на экспорт тонны черной икры и других ценных морепродуктов, не только с высокими руководителями министерства, но и с членами семейства главы государства.

Хищения поразили многие отрасли народного хозяйства. Не миновали они и Аэрофлот. Оказалось, что министерством потрачено много валюты на покупку за рубежом под видом сувениров предметов роскоши и бытового оборудования. Везли все — от одежды и обуви до хрустальных люстр и

шикарной мебели. На одном из заводов был создан склад для хранения этого имущества, и оно распределялось между высшими чинами министерства.

Тогда в министерстве гражданской авиации «полетело много голов», и об этом преступлении Артём узнал от нового главы материально-технического снабжения Аэрофлота Казанцева. Познакомился он с ним на совещании по увеличению масштабов восстановления запчастей к самолетам и двигателям. После совещания руководитель ведомства пригласил Артёма к себе.

— Мне понравилось твое выступление, Наумов, — сказал он, усадив молодого ученого перед собой в мягкое кресло. — Недостаток запасных агрегатов — это одно из наших слабых мест.

Осанистый и довольно тучный, он был еще молод, и сразу располагал к себе простым обращением и широкой улыбкой. — Меня проинформировали, что ты хорошо готовишь аспирантов, — изучающе глядя на Артёма, продолжал Казанцев. — Я тоже последние годы урывками работаю над диссертацией. Собрал большой материал, но, — вздохнул, как бы ища сочувствия, — завершить это дело никак не удастся...

— А какая у вас тема? — отлично поняв, куда он клонит, спросил Артём в надежде найти предлог для вежливого отказа.

— Моя тема как раз — близкая тебе. Посвящена расчету запасов материально-технического имущества, — сообщил главный снабженец Аэрофлота. — Вот я и подумал, — со своей располагающей улыбкой добавил он, — может, ты подсобишь мне довести до ума диссертацию?

Перспектива заняться доработкой диссертации Казанцева никак не улыбалась Артёму. Подготовленных кандидатов ему хватало, да и в случае неудачи он рисковал навлечь на себя гнев очень влиятельного чиновника министерства.

— Я слишком слабо знаю специфику материально-технического снабжения, — попытался он дать задний ход. — Боюсь, что плохо получится.

— Зато я хорошо ее знаю. Тебе не потребуется разрабатывать предложения по существу, — решительно возразил Казанцев. — Все, что надо будет сделать — это доработать мою диссертацию так, чтобы она удовлетворяла требованиям ВАКа.

Отказать одному из руководителей своего ведомства Артём не осмелился. Из кабинета Казанцева он вышел, держа подмышкой толстую папку с материалами его кандидатской диссертации.

Работа по приведению в порядок диссертации Казанцева сблизила Артёма Наумова с влиятельным главой снабженцев. Собранные им материалы были доказательными, а конструктивные предложения отличались новизной. Однако очень много времени и труда потребовалось на то, чтобы их систематизировать, изложить и оформить в соответствии с требованиями, предъявляемыми ВАК к кандидатским диссертациям.

Обрадованный Казанцев тут же отправился в Киев, чтобы представить свою диссертацию в ученый совет и договориться с ректором института Дейнеко о защите. Он был уверен в успехе и перед вылетом с улыбкой заявил Артёму:

— Все будет тип-топ! Дейнеко от меня зависит. И отношения у нас отличные. Он сам мне сказал: «Лишь бы работа была похожа на диссертацию».

— Она не только «похожа», а отвечает всем требованиям ВАК, — заверил его Артём. — Еще ни у одного из моих аспирантов не отклонили диссертацию!

Он оказался прав, и диссертация Казанцева была встречена в Киеве «на ура». Однако то, что сообщил, вернувшись оттуда, шеф снабженцев, его огорчило.

— Ты уж не обижайся, Наумов, но надо пойти навстречу их пожеланию, — сообщив, как прошла формальная предзащита на кафедре, немного смущенно сказал тот: — Видишь ли... — замялся он, — заведующий этой кафедрой...

— Претендует на научное руководство? — догадался Артём. — А зачем ему это надо? Он что, не имеет докторской степени?

— Ну вот, выходит, ты сам понимаешь, — облегченно вздохнул Казанцев. — Он так и сказал: ему это нужно для защиты докторской. А отказать нехорошо. Его уважают в их ученом совете, и у меня голосование пройдет лучше. Неужели, тебе так важно значиться моим научным руководителем?

Артём понимал заведующего кафедрой, но его самолюбие было задето.

— Нет. У меня уже есть научная школа, а ему, видимо, не достает кандидатов наук — пожав плечами, ответил он: — Но, по-моему, нечестно, Михаил Иванович — выезжать на чужом горбу.

— Я знал, что согласишься, — дружески улыбнулся Казанцев. — Ты

прав, это нечестно. Но зато я договорился с Дейнеко, — поспешил он утешить Артёма, — что у тебя они примут защиту, даже если Ковач будет против.

— А что толку? Без поддержки Ковача мое дело — швах, — поник головой Артём. — Набросают черных шаров, а проголосуют — не пройду в ВАКе.

Но поднаторевший в преодолении подковерных интриг шеф снабженцев на это лишь пренебрежительно усмехнулся:

— Выше голову, Артём! Тебя слушаешь, то страшнее Рудика — и зверя нет! Ты делай свое дело, а роль укротителя предоставь мне!

Он откинулся в кресле и, с видом собственного превосходства, заявил:

— Я приму меры, чтобы он не рыпался. У меня в кабинете твой Ковач вовсе не грозный, а очень даже смирный. Ведь знаешь, что всем от меня чего-то надо. А в ученом совете Киева слово Дейнеко — закон. И с ВАКом у него связь крепкая. Твоему начальнику тоже у него предстоит защищаться.

«А что? Казанцев прав, — с возрождающейся надеждой думал Артём. — Не пойдет Ковач против Дейнеко. Ему это дорого обойдется, а у него на первом месте всегда собственная выгода. При поддержке Казанцева с защитой в Киеве у меня, пожалуй, может и получиться».

И эта новая перспектива получить заветную степень доктора технических наук, не откладывая до той поры, когда это сделает, наконец, начальник его института, примирило Артёма с тем, что ловкий заведующий кафедрой отнял у него плоды полугодовых трудов.

* * *

В мае подготовка к защите главного снабженца Аэрофлота была закончена, все отзывы в ученый совет поступили, и Казанцев, включив Артёма в число сопровождающих, прибыл в Киев. Важную министерскую шишку в аэропорту Борисполь встречала целая делегация работников местных служб гражданской авиации и киевского института, во главе с самим ректором. Среди встречающих был и знакомый Артёму главный инженер завода.

— Ну и грандиозная гулянка намечается! — весело сообщил он Артёму. — Наш завод уже арендовал для этого катер, украинское управление Аэрофлота дало лимиты на дефицит, а терком профсоюза перевел «гроши». Жаль, если Михайлу Иваныча завалят! Я выступаю с

отзывом от завода и меня должны пригласить.

— Не завалят, — успокоил его Артём. — Дейнеко не допустит этого. Он здорово зависит от Казанцева. Ты же видел — сам его встретил и увез в своей машине. А зачем катер понадобился? — поинтересовался он. — Разве банкет будет не в ресторане? И почему все организует ваш завод?

— А удобнее списать эти расходы на производство, — усмехнулся заводчанин.

— Мы рады услужить главе снабжения, так как воздастся сторицей. В ресторане устраивают банкеты простые люди, у нас же — случай не рядовой.

— Выходит, застолье устроят на катере? — удивился-ся Артём. — Но ведь будет тесно. Понадобится большой теплоход, — пошутил он.

— Ладно уж, открою тайну, хотя программу гульбы просили не разглашать, — дружески подмигнув, объяснил инженер. — Гостей после защиты отвезут на катер для прогулки по Днепру. На палубе будут устроены танцы, а на корме накроют стол для фуршета.

— И всего-то? — Артём был явно разочарован. — Речная прогулка — это хорошо, но все будут голодные, как волки. И с тощего фуршета перепьются.

Главный инженер посмотрел на него как на малое дитя и, похоже, обиделся.

— Плохого же ты мнения о нашем щиром гостеприимстве, — покачал он головой, — На катере устроят лишь легкий закусон, а настоящая еда будет на стоянке.

— Катер причалит в каком-нибудь живописном месте? — обрадовался Артём.

— Вот именно, в устье Десны, — подтвердил заводчанин. — Там гостей будет ждать настоящая рыбацкая уха и шашлыки. Даже артистов привезут. Лучших!

Знакомый Артёма сказал правду. Сама защита Казанцева прошла довольно бледно, так как диссертант слишком волновался. Из-за этого он скомкал доклад и говорил так тихо, что ничего не было слышно. Но все кончилось хорошо, ибо в зале появился Дейнеко. Поскольку ректор обычно не присутствовал на кандидатских защитах, это было равносильно сигналу голосовать положительно. Зато гуляние устроили великолепно!

Был теплый солнечный день. Конец мая. На городской пристани гостей ждал речной катер. Из репродуктора гремели марши. Всех пригласили на корму, где «по простому» был накрыт длинный стол. Из выпивки доминировала «горшка з перцем», а из закуски — нарезанная

крупными ломтями отварная белуга, свиной окорок и свежие овощи.

Тот памятный фуршет, в сочетании с танцами на палубе и прекрасной погодой, так подогрел гостей, что, когда выгрузились на берег и уселись за грубо сколоченные столы — округу огласили русские и украинские песни. Пировали и веселились допоздна, и лишь с наступлением темноты автобусы доставили всех в город.

Следующим вечером Артём вместе со всеми, кто сопровождал Казанцева, вернулся в Москву. Сам Михаил Иванович задержался, якобы для оформления документов по защите, а на деле, чтобы продлить празднование своего успеха в узком кругу местных руководителей. Но свое слово сдержал и днем устроил встречу Артёма с Дейнеко. Он привел его в кабинет ректора и с ходу взял быка за рога.

— Вот, Николай Викентьевич, это мой помощник, о котором вчера тебе говорил. Поверь, он очень способный парень, и нам еще пригодится. Ковач не дает ему раньше себя защитить докторскую. Наумов не спешит «поперед батьки», но тот ведь не чешется. Надо бы помочь!

Дейнеко, крупный мужчина, похожий на красавца-цыгана, бросил пронизательный взгляд на Артёма и вежливо предложил:

— Присаживайтесь, молодой человек! Я знаком с вашим трудом, — указал он на монографию Артёма, которая лежала на его столе поверх стопки новых книг. — Как видите, стараюсь не отставать от жизни. Это вы на нашем заводе помогли запустить поток по ремонту спецоборудования?

— Он самый. Его работа позволит нам широко развернуть восстановление запчастей, — за него ответил Казанцев. — Уверен, что Наумов принесет еще больше пользы, если станет доктором.

— Ну, что же, пусть представит нам свою работу, — раздумчиво произнес Дейнеко, как бы не решив еще окончательно, стоит ли ему проявлять милость. — Заслушаем ее на кафедре ремонта — и тогда посмотрим.

— Боюсь, что Рудольф Юрьевич будет этим недоволен, — осмелился все же сказать свое слово Артём.

— Об этом не беспокойся, — перейдя на ты, самодовольно улыбнулся Дейнеко. — Я с ним договорюсь, если и впрямь твоя работа так хороша, — он с улыбкой кивнул на Казанцева, — как считают руководители министерства.

Нечего и говорить, что Артём возвратился домой в прекрасном настроении. Дейнеко был не из тех, кто бросает слова на ветер, и он верил в то, что сумеет на кафедре ремонта показать достоинства своей диссертационной работы.

В то лето они с Варей решили совершить-большое путешествие на машине к морю, но уже не на Кавказ, а на юг Украины, в Одессу. Им сказали, что под Одессой есть прекрасные пляжи, и хотелось побывать в знаменитом портовом городе. Смущало лишь то, что их старенький «Москвичок», который все чаще отказывал, не выдержит такой длинной дороги.

— Боюсь, как бы он не сломался в самом неподходящем месте. Что тогда будем делать вдали от дома, да еще с собакой? — беспокоилась Варя. — Может, все же, не стоит так рисковать?

— Риск есть в любом предприятии, — подбадривал ее Артём, который всегда стремился осуществлять задуманное. — А «Москвичок» нас не подведет. Мотору сделан капремонт, сцепление стоит новое. Правда, гудит задний мост и, как всегда, может полететь полуось. Но я возьму с собой запасные части.

— Ну и что? Будем сами делать ремонт в дороге? — сомневалась Варя. — Хороший тогда получится отдых!

— Не стоит заранее пугаться. Думаю, этого не произойдет, — успокаивал жену Артём. — Путь в Одессу идет не по безлюдным местам и, в случае чего, найдем помощь. В дороге буду проверять машину сам и на станции обслуживания. Зато, — привел он решающий довод, — с нами будет путешествовать Чапа. Уж она-то ничего не побоится.

Чапа, сидевшая рядом и слушавшая их, вздернув уши, сразу выбежала в прихожую и вернулась, держа в зубах «колготки». Так они называли сшитый Варей чехол на передние лапы собачки, который надевали в дальнюю дорогу, чтобы она не царапала обивку салона.

— Ну вот, а еще говорят, что собаки не понимают человеческого языка, — повеселела Варя, отнимая у Чапы «колготки». — Они, бедняжки, только говорить не умеют. Ладно, Тёмочка, поедem!

Это большое путешествие было столь насыщено необычными событиями и яркими впечатлениями, что запомнилось Артёму и Варе на всю жизнь. Хотя их верный «Москвичок» ни единого раза не подвел за весь длинный путь, который они на нем проделали. И все началось с того, что своевольная фортуна решила полностью опрокинуть их планы на отдых.

До Одессы они добрались без всяких приключений, один раз заночевав по дороге в Киев и другой в мотеле на окраине украинской столицы. Она поразила Варю своей красотой и, полюбовавшись на

величественный простор Днепра, они поехали дальше. Однако, уже на подъезде к Одессе их ждал огорчительный сюрприз. По побережью пронесся свирепый шторм, разрушив все пляжи. Вода в море была ледяной, небо плотно затянуто тучами и даже думать о том, чтобы купаться и загорать, было нечего.

— Ну вот и приехали, — приуныла Варя. — Что делать-то будем? Ведь сам знаешь: «ждать у моря погоды» — занятие бесполезное.

— А в нашем случае даже безнадежное, — кивнул Артём. — Я звонил в метеослужбу аэропорта, и мне сказали, что непогода пробудет не меньше двух недель. Остаться здесь нет никакого смысла. — Немного поразмыслив, он предложил: — Знаешь, что пришло мне в голову? А не проехаться ли нам пока по дорогам Молдавии? Как там у Пушкина? «Цыгане шумною толпой по Бессарабии кочуют», — повеселев, продекламировал он. — А когда погода наладится, вернемся сюда. Давай используем этот шанс! Вряд ли когда-нибудь еще туда попадем.

Вот так и получилось, что они совершили незапланированное путешествие по Молдавии и затруднились бы ответить на вопрос, каких впечатлений у них осталось больше — плохих или хороших. Красота природы и дешевизна фруктов, безусловно, радовали. Но все портило постоянное ощущение страха. Прямо по Пушкину, на дорогах постоянно встречались толпы то ли цыган, то ли молдаван, похожих на разбойников. Не чувствуя себя в безопасности, даже незнакомые автопутешественники к вечеру сбивались «в кучу» для ночевки.

— Видишь, Варенька, к нам сзади пристроилась «Волга» с ленинградскими номерами? — взглянув в зеркало заднего вида, сказал Артём. — Наверное, ищут компанию, чтобы вместе заночевать.

И действительно, стоило им выбрать подходящее место и съехать на поляну возле дороги, как тут же рядом с ними остановились ленинградцы. Из машины вылез интеллигентного вида пожилой мужчина и подошел к ним.

— Мы не очень вам помешаем, если устроимся рядом? Только перекусим, а спать будем в машине.

— Нисколько, — ответил Артём, и счел нужным предупредить. — Но у нас злая собака. С ней надо поосторожней, чтобы не укусила.

— Это ничего. Мы с женой любим животных, и они это чувствуют, — поспешно согласился попутчик. — Даже лучше, что вы с собакой. Она даст знать, в случае опасности.

— Можете быть уверены. Чутье у нее отменное, — Артём вполне понимал беспокойство пожилой пары. — Сегодня можете спать крепко.

Погода так и не исправилась. Поэтому Артём с Варей, узнав благоприятный прогноз погоды на Рижском взморье, решили сделать «марш-бросок» через всю Украину и Белоруссию, чтобы провести там остаток своего отпуска.

— Мы переедем из Молдавии на Украину в Сороках. Живописное местечко, — рассматривая карту, объявил Артём. — По пути заедем в Чернигов, и до Латвии проедем всю Западную Белоруссию. Это же здорово! Когда мы еще туда попадем?

— Наверное, это самый лучший выход, — согласилась Варя. — Только у меня будет просьба. Мне хочется оттуда заехать в Ленинград, а на обратном пути — к тете Шуре в Красный Холм.

— В Красный Холмом — это я понял. А в Питере чего мы забыли? Неужто по моей тетке соскучилась?

— Тетю Инну тоже навестить не мешало бы. Но в Питер должна была перебраться моя двоюродная сестра Нина, которая жила в деревне Бабино.

— Вот как? — удивился Артём. — Она на работу там устроилась?

— Это ее мужа туда работать послали, — коротко ответила Варя. — У меня и адрес есть.

* * *

На Рижском взморье произошло парадоксальное событие. В первый же день пребывания в Юрмале, когда Артём с Варей, оставив машину с собачкой на автостоянке, направились на пляж, они нос к носу столкнулись там с Надеждой и Анечкой. Сергея с ними не было.

— Он считает, что отдыхать лучше порознь и, наверное, прав, — объяснила Надя. — Все же за год устаешь друг от друга. Разве не так?

— Может, кому-то и лучше, но только не нам, — несогласно покачала головой Варя. — Даже не мыслю свой отпуск без Тёмы. И он без меня тоже. Пусть только попробует, — добавила она с шутливой угрозой, — заикнуться об этом.

Похоже, что Надежда до них скучала, так как искренне обрадовалась их приезду и особенно тому, что могла оставить на них Анечку. Не было дня, чтобы она с утра не пристраивалась к ним на пляже, поражая своих знакомых, которых там было в избытке тем, как дружно хороводится с бывшим мужем и его женой.

— Посмотреть со-стороны, так ты выглядишь, как халиф с двумя женами, — шутили и знакомые Артёма. — Да еще с такими красивыми. Уступил бы одну!

Надежда всячески старалась угодить Варе и вскоре выяснилось почему.

— Когда ты купался, она спросила, согласна ли я, чтобы Анечка вернулась в Москву вместе с нами, — сообщила Варя Артёму, как только они ненадолго остались одни. — Ребенку, мол, будет интересно попутешествовать.

— Ну, и как ты? — вопросительно посмотрел на нее Артём.

— Сказала, что не возражаю. Анечка меня слушается, — ответила Варя. — Давай возьмем ее, Тёмочка! Думаю, что она связывает Наде руки, — неодобрительно покачала она головой. — Наверное, погулять задумала мамаша.

Разумеется, Артём обрадовался возможности побыть с дочкой, и в путь они двинулись уже «втроем, не считая собаки». Интереснее всего им показалось в Эстонии. Незабываемое впечатление оставили древний Таллин и сплошь усеянное валунами суровое побережье моря, вдоль которого шла дорога. А в северной столице России их ждал еще один сюрприз.

Кухина Вари туда еще не переехала. Зато, прибыв в Петродворец, застали не только Инну с мужем, но и их гостя — немецкого офицера из ГДР. Тетка, как всегда, встретила их приветливо, и особенно обрадовалась Анечке. Она сразу занялась внучатой племянницей, а когда узнала, что та учится в английской спецшколе, к взаимному удовольствию стала с ней «спикать».

Между тем выяснилось, что немец, назвавшийся Рей-нхардом, врач и учится в Ленинграде на курсах при Военно-медицинской академии. Инна с мужем над ним шефствуют по просьбе своих друзей из ГДР, у которых недавно побывали в гостях. Из разговора выяснилось, что Рейнхард — ровесник Вари, и к нему на зимние каникулы должна приехать семья — жена с двумя маленькими дочерьми. Он говорил по-русски, но смешно коверкал слова, и неожиданно обратился к Артёму с просьбой.

— Мои имеют желание познакомиться себя с Москвой. Побывать в Кремле, в Большом театре, цирке. А мы, — он дружески улыбнулся, — будем приглашать вас к нам на следующее лето.

«У него губа не дура. Ишь, чего захотел — попасть в цирк и Большой, туда и москвичи достать билеты не могут, — усмехнулся про себя Артём, но поездка в ГДР соблазняла, и он подумал: — Хотя через Лёлю это сделать

можно. Главная проблема — разрешат ли мне его принять в КГБ». Поэтому осторожно ответил:

— Мне и моей супруге, — Артём указал жестом на Варю, — будет приятно принять у себя вас с семьей в зимние каникулы. Думаю, мы сможем и познакомить с самым интересным, чем славится наша столица. Однако, — замялся он, — есть проблемы...

— Наверное, с квартирой? У вас есть плохие соседи? — с пониманием покачал головой немец. — Но мы пробудем не больше недели и можем жить в одной комнате.

— Нет, с этим как раз все в порядке, — ответил Артём, не зная, может ли ему открыть, в чем дело. — В общем, мне нужно получить разрешение. Такой у нас порядок. Я обязательно сообщу вам, Рейнхард, через Инну.

Они недурно отпраздновали эту встречу, переночевали у тетки, и на следующее утро двинулись в обратный путь. Аня уже была в Ленинграде со школьной экскурсией. Поэтому, на этот раз, они только проехали по городу, чтобы снова полюбоваться красотой Северной Пальмиры. Ночлег организовали на берегу озера Валдай. Пришлось поставить палатку, куда и выселили из машины Артёма. А под вечер «Москвич» прибыл в древний тверской городок Красный Холм, где их радушно приняли родные Вари.

* * *

К немногим достижениям того времени относилась постройка Волжского автозавода. Этот гигант сразу стал выпускать огромное количество машин устаревшей модели «Фиат» по лицензии итальянской фирмы. Новый автомобиль выгодно отличался от отечественных, и люди дежурили ночами для того, чтобы записаться на очередь. Так попал в список очередников и Артём. Сотрудники его сектора, дежуря без сна несколько ночей, записались на «Жигули» сами, не забыв и своего шефа.

Денег на покупку новой машины у Артёма с Варей не было. Все, что удалось скопить, ушло на строительство гаража. Однако очередь на «Жигули» двигалась очень быстро и нужно было решить, что делать. Упустить такой шанс — заменить машину на новую и более совершенную — было очень обидно.

— Придется, Варенька, снова залезть в долги, — вздохнув, заявил Артём. — Зато, в новом гараже у нас будет стоять новая машина!

— А пять с половиной тысяч на нас с неба свалятся? — отмахнулась Варя. — Никто нам не даст займы столько денег. Нашего «Москвича»

тоже не купят — он ржавый насквозь. И продать нечего.

— Положим, на «Москвича» покупатель есть. Его мы сбудем в Елец племяннику нашего механика. Они просили отдать машину им, если станет не нужна, — напомнил ей Артём. — И отремонтируют ее так, что станет лучше, чем новая.

— Ну, и сколько за него дадут? — скептически поджала губы Варя. — Они ведь нас тогда выручили, и мы не можем запросить много.

— Это верно, — согласился Артём. — Но от полутора до двух тысяч все же можно. В комисионке такие, как наш, не меньше трех стоят.

— Вот их никто и не покупает, — уныло покачала головой Варя. — И потом, все равно никто не одолжит остальные.

— Задача не из легких. Но я попробую ее решить, — упрямо произнес Артём. — Есть идея у кого занять деньги. А отдать долг за год мы сможем.

Очевидно, Варя не восприняла его слова всерьез, так как лишь покачала головой и ушла по своим делам. Но у Артёма были основания надеяться на удачу. Среди соседей по гаражу был один старик, про которого говорили, будто он дает займы под крутые проценты. «Если это так, он мне, как председателю, не откажет, — решил Артём. — А может, и скидку сделает».

Его надежды оправдались. Сосед Стрельников, представительный, с густыми лохматыми бровями, бросил на него острый взгляд и деловито сказал:

— Прежде всего, Артём Сергеевич, ответь на два вопроса: сколько получаешь и есть ли другие долги.

После того, как Артём его клятвенно заверил, что долгов нет, и сообщил сколько зарабатывает, Стрельников заметно повеселел и, с таким видом, словно оказывает исключительную услугу, объявил свои условия.

— Так и быть, только из уважения за то, что построил наши гаражи и ты честный человек — дам тебе займы три тысячи. К этому добавится моя упущенная прибыль по срочному вкладу. Оформим все у нотариуса и оплатишь его ты.

Артём готовился к худшему и, разумеется, согласился. Теперь проблема была лишь в том, чтобы продать старую машину. Однако, удачная полоса в их жизни продолжалась. Прибывшие из Ельца механик с племянником сами предложили две тысячи рублей и уехали домой на «Москвиче». Пришлось, правда, изрядно потратиться на угощение за ту неделю, что они у них жили, пока длилось оформление. Но это уже были мелочи.

И вот, незадолго до Нового года, в гараже у Артёма появился

новенький «Жигуль». В очереди царил ажиотаж, машины сразу расхватывали, и любимого цвета — белая ночь — ему не досталось. Пришлось взять палевую, но утешало то, что это очень практичный цвет, грязь на нем незаметна и нет необходимости часто мыть машину. Тут подоспело событие, позволившее им с Варей испытать свою обнову в действии.

Одна из ее подружек-прилипал вышла замуж за их же студента, родом из Моршанска. Артём знал этого увальня Ромашкина. Как-то они вместе были зимой в доме отдыха. Поэтому, когда их пригласили на грандиозную свадьбу, так как папаша жениха был одним из «отцов города», Варя предложила:

— А давай махнем туда с форсом — на новой машине! Дорога, конечно, трудная. Гололед. Но другие же ездят? — она смотрела на него с надеждой. — Ты опытный водитель.

Дорога, и правда, оказалась тяжелой. Он умел вести машину даже по голому льду, но на пути встречались заносы. Однако добрались они до Моршанска без приключений и прибыли вовремя. Эта провинциальная, порусски широкая свадьба была примечательна во многих отношениях.

Хотя папаша Ромашкин, как директор местной фабрики, занимал пятикомнатную квартиру в центре города, «удобства» были во дворе, и деревянная будка от мороза была покрыта инеем. Приезжих гостей набралось так много, что ночевали все, независимо от степени родства и возраста, вповалку на полу.

Жениха и его родителей знало полгорода. И все, желающие их поздравить, приходили без приглашения в течение тех дней, что длилось торжество. Чтобы напоить и накормить такую орду, хозяевами были заготовлены целые батареи бутылей с самогоном, бочки с квашеной капустой, солеными огурцами, и огромные чаны с самой незатейливой едой.

Зато в день регистрации брака в клубе фабрики Ромашкина было устроено застолье для двухсот избранных гостей. Угощение было изобильным, но без деликатесов, и размах гулянья выразился в том, что в зале одновременно шло эстрадное шоу, а за столами желающие пели под аккомпанемент баяна. Стоял такой шум и гам, что сидящие рядом не слышали друг друга.

— Ну зачем это? — в самое ухо мужа высказала свое недовольство Варя. — Ведь совсем не слышно артистов. Разве нельзя подождать, пока они закончат?

— Завтра все об этом скажут. Даже те, — усмехнулся Артём, — кто им

мешает.

Запомнился и смешной эпизод, когда для поездки на бракосочетание был заказан лимузин, хотя загс находился на другой стороне улицы, близко от дома Ромашкина. Несмотря на это, лимузин с новобрачными и свидетелями, а также кортеж сопровождающих машин, объехали почти весь город. К концу второго дня Артёма с Варей начало тяготить непрерывное застолье и, сославшись на домашние обстоятельства, они отправились в обратный путь.

Несмотря на крепкий морозец, их новая машина завелась, что называется, с полоборота и, что было особенно приятно, не в пример «Москвичу», за всю дорогу с ней не было никаких проблем.

* * *

Этой же зимой состоялось знакомство Артёма и Вари с семьей Рейнхарда, переросшее потом в многолетнюю дружбу. Однако, прежде чем было получено разрешение на «контакт с иностранцами», им пришлось изрядно поволноваться. Сначала даже казалось, что КГБ в этом откажет, так как, когда Артём сообщил представителю «конторы», который курировал институт, о своем знакомстве с немцем из ГДР, тот неодобрительно заметил:

— Ни к чему вам это знакомство, Наумов. Вы имеете доступ к совершенно секретным документам. Растете, собираетесь стать доктором наук. Как видите, — с усмешкой взглянул он на удивленного собеседника, — мы все о вас знаем. Так зачем же ставить под угрозу свою карьеру?

— А причем тут карьера? — поднял брови Артём. — Я умею держать язык за зубами. Или мне все равно перестанут доверять? Ведь просит меня об услуге наш немецкий друг, офицер военно-морского флота. Рейнхард, между прочим, коммунист, — напомнил он, — и не станет ли, если я откажу, хуже к нам относиться?

Этот аргумент на комитетчика видимо подействовал.

— Ладно, — неопределенно изрек он. — Разберемся, кто такой этот ваш Рейнхард Телеманн, и стоит ли удовлетворить его просьбу.

Очевидно, для выяснения личности Рейнхарда, КГБ не потребовалось много времени, так как очень скоро куратор пригласил Артёма к себе и, уже совсем другим тоном, объявил:

— Мое начальство одобряет ваши контакты с майором Телеманном. Было бы неплохо, чтобы вы установили с его семьей дружеские отношения. Это может оказаться полезным.

— В каком смысле? — вновь не понял его Артём.

— Телеманн — очень перспективный офицер. Он уже занимает полковничью должность в Штральзунде и, по нашим данным, скоро станет в ГДР важной шишкой. Начальником медслужбы военно-морского флота!

«Понятно. Надеются, при необходимости, узнать через меня, чем он дышит, — сообразил Артём. — Ну и пусть надеются. Если потребуют подписку — откажусь». Вслух же сказал:

— Ну что ж, отчего не подружиться, если хорошие люди. Рейнхард, тот мне сразу понравился. А вот найдут ли общий язык наши жены, — как бы сомневаясь, добавил он, — это еще вопрос.

— Надо, чтобы нашли, — приказным тоном порекомендовал гэбист. — И вообще, постарайтесь принять их получше.

— Постараюсь, но хотелось бы знать перспективу ответного визита, — закинул удочку Артём. — Ведь их прием нам с женой обойдется недешево.

— Невозможного в этом нет. У вас и Варвары Александровны, — снова показал свою полную осведомленность куратор, — в досье все чисто. Встречайте гостей получше! Я же сказал: начальство за то, чтобы у вас завязалась дружба.

Само собой, получив «добро» от всемогущего КГБ, Артём не замедлил дать Рейнхарду положительный ответ. Вскоре вместе с Варей он уже встречал на Белорусском вокзале берлинский поезд с семейством Телеманна. Чтобы сопроводить их, майор выезжал в Германию. Он был невысокого роста, а жена, фрау Моника, оказалась совсем худенькой и миниатюрной.

— Познакомьтесь, это мои наследницы, — подвел к ним Рейнхард двух очаровательных девочек. — Барбара в этом году только начала учиться, а Мартина уже в третьем классе.

Вшестером еле втиснувшись в «Жигули», они благополучно добрались до дома Удобно устроив гостей в спальне, где, в дополнение к спаренной кровати, поставили еще раскладушку для старшей дочери, хозяева пригласили их за стол, чтобы отпраздновать знакомство и пожелать им приятного времяпровождения в столице. Для этого были созданы все условия. Лёля, которая одобрила новое знакомство брата, помогла с билетами не только в Большой и цирк, но даже в Оружейную палату Кремля.

— Это правда, что ваш цирк — лучший в мире! — восторгались

Телеманны, вернувшись с вечернего представления. — Мы поражены не только мастерством всех артистов, но и количеством номеров экстра-класса.

Накануне они побывали в Большом на «Евгении Онегине», и их отзывы были скромнее. Поскольку Моника была хормейстром и обе девочки учились музыке, Артём выразил удивление:

— Вы любите цирк больше оперы? Считается, что наш Большой театр тоже один из лучших.

— Это так, но Берлинский оперный мало ему уступает, а миланский Ла Скала, разумеется, лучше, — объяснила фрау Моника, и вежливо добавила: — Но это ничуть не умаляет достоинств вашего Большого театра.

Зато после посещения Оружейной палаты — этой богатейшей сокровищницы русских царей — немецких гостей просто переполняли впечатления. Девочки наперебой тараторили, описывая, что им больше понравилось, а глава семейства восторженно заключил:

— Мы знали, что русские цари были баснословно богаты, и все же поражены количеством собранных там бесценных сокровищ. Только ваши дворяне, такие как граф Орлов, могли преподнести в дар государыне таз из чистого золота!

Он сделал паузу и добавил:

— Но эта сокровищница позволяет еще узнать много нового. И не только о редчайших изделиях и предметах искусства. Лишь там я узнал, где надо носить британский орден Подвязки, и что означает надпись на нем.

Насколько могли в зимнее время, Артём и Варя познакомили своих гостей с красотами подмосковной природы и дворцовыми ансамблями русских аристократов. Наибольшее впечатление на них произвело «Архангельское», бывшее имение князей Юсуповых.

В общем, несмотря на зимние холода, Артёму и Варе удалось показать гостям столицу и даже сводить их в лучшие рестораны. Ну, а едой, которой кормила их Варя, они были так довольны, что прощаясь, сказали ей:

— Мы, наверное, чаще будем вспоминать твои борщи и блинчики, чем то, что увидели в Оружейной палате!

Разумеется, это был комплимент, но не очень далекий от правды.

Из-за суеты последних месяцев, связанной с заменой машины и приездом немцев, дела с подготовкой защиты у Артёма затормозились. Кроме полезных встреч с теми, кто был заинтересован в его работе, и мог действительно поддержать или дать отзыв, он практически ничего не предпринимал. Самые крепкие связи, естественно, укрепились с начальниками снабжения предприятий Аэрофлота.

Дружеские отношения с Казанцевым способствовали этому. Изредка бывая у него в министерстве, Артём познакомился со многими из тех, кому оказала помощь его методика расчета запчастей, и с некоторыми даже подружился. Так, в кабинете у Михаила Ивановича он впервые встретил начальника снабжения отряда местной авиации Максименко. Среднего роста, улыбочивый, белозубый, он оказал тогда ему немалую помощь, и дружба с ним протянулась на долгие годы.

Благодаря Казанцеву, он познакомился и с шефом снабженцев соседнего с их институтом международного аэропорта Шереметьево Лениным, с которым у Артёма произошёл памятный трагикомический случай. Дело было в канун Международного женского дня 8 марта. По этому поводу у них с Варей собиралась компания, и он обещал жене пораньше вернуться с работы. Артём уже приготовился уходить, когда ему позвонил Ленин.

— Привет, дружище! — сказал он приподнятым тоном, по которому было ясно, что начальник снабжения успел немного «поддаться». — Поздравляю с праздником!

— Спасибо, Витя, но ты что-то путаешь, — насмешливо ответил Артём. — Ведь поздравляют сегодня женщин.

Ленин расхохотался и, отдышавшись, объяснил:

— Мы тут сидим с нашим прокурором, и он мне рассказал анекдот. Вот так же один звонит своему начальнику и поздравляет с Восьмым марта. Тот, как и ты, ему: «Я ведь не женщина». А он начальнику: «Не женщина, но б...дь поряточная!»

Снабженец снова аж зашелся от смеха.

— К тебе, конечно, анекдот не относится. И чтобы это доказать, приглашаю к нашему шалашу. У меня для тебя кое-что есть, и я пришлю за тобой машину.

Отказаться Артёму было неудобно, тем более, что знал: Ленин наверняка одарит его чем-нибудь по случаю праздника. «Ничего страшного. Приеду домой чуть позже, — успокаивая себя, подумал он. — Немного посижу с ними и смотаюсь, сославшись на то, что меня ждут

дома».

Артём не ошибся. Оленин не только преподнес ему сувениры — красочный календарь Аэрофлота и парке-ровскую ручку в футляре, но вдобавок еще свежемороженого судака, достать которого тогда было трудно.

— Бери! Сувениров тебе понадобится много, чтобы ублажить оппонентов и членов ученого совета, — пошутил снабженец. — А рыбке твоя жена обрадуется больше, чем поздравлению.

Однако, если бы Артём мог предвидеть, какой ценой ему придется заплатить за эти подарки, то наверняка бы от них отказался. Но он вовремя не почуял роковую угрозу, которая исходила от стоящего на столе графинчика со спиртом, хотя у него уже был печальный опыт, полученный в Сибири. Они тяпнули его с Оленевым и местным прокурором, запивая водой, и закусывая лишь неведомо где добытыми Виктором свежими помидорами.

Забыв о коварном свойстве спирта спустя некоторое время валить с ног, Артём отправился домой, как ему казалось, в «нормальном состоянии». Он хорошо помнил, как велел остановить машину около своего дома и попрощался с Олениным, но благополучно добравшись до дверей своей квартиры, моментально «отключился».

— Представляете картину? — чтобы посильнее устыдить его, жаловалась при нем подругам, Варя. — Открываю я дверь и чуть не падаю в обморок! Дом полон гостей, все ждут хозяина, а он едва стоит на ногах, держа в руках азерток с календарем и огромного судака. Как донес до дома, понять невозможно. Только я их у него приняла, он сразу свалился без чувств.

— А что было потом? — не без ехидства интересовались подруги.

— Полный конфуз! — с негодованием отвечала она, бросив на мужа укоризненный взгляд. — Праздновали Восьмое марта без хозяина. Общими усилиями уложили его спать, и он так и не проснулся до ухода гостей.

Артём с Варей редко ссорились, но на сей раз она долго не могла простить мужу его унижительной оплошности и, почти месяц, едва с ним разговаривала. Никогда еще она не была так сильно в нем разочарована. В общем, минувший период в жизни Артёма напоминал «американские горки». Его успехи, взлеты и радости непременно чередовались с неприятностями и головокружительными падениями.

Но самым огорчительным было то, что в достижении главной цели — защиты докторской диссертации — фортуна то приближала его к финишу, то безжалостно отбрасывала на исходные позиции.

Глава 12. РАЗОРЕНИЕ

Дряхлеющим брежневским руководством все более овладевал маразм. Мало того, что страну разоряли продолжающаяся гонка вооружений и развернутая уже вовсю «всенародная стройка» БАМ. К длящейся уже много лет «холодной войне» Брежнев добавил «горячую», решив покорить Афганистан. Он забыл, что в истории это еще не удавалось никому, в том числе Британской империи во времена ее расцвета. Преследуемые цели лежали на поверхности, ибо эта страна занимала стратегическое положение и, завладев ею, можно было диктовать свою волю странам Персидского залива — основным поставщикам нефти.

В одночасье разрушив традиционно-дружественные отношения с южным соседом, которые поддерживались даже тогда, когда там правил шах, спецназ КГБ устроил в Кабуле государственный переворот, приведя к власти местных коммунистов. Тут же официальная пропаганда объявила о вводе в Афганистан «ограниченного контингента» советских войск, якобы для оказания интернациональной помощи его новому правительству.

Однако победные реляции длились недолго. Свободолюбивый афганский народ не пожелал подчиниться «шурави», как там называли русских, и очень скоро эта авантюра захлебнулась в крови советских солдат. Кремлевские горе-стратеги не учли не только уроки истории. Они не подумали даже о том, что все ведущие страны мира, и в первую очередь США, всеми средствами помешают им добиться своей цели, и народу, объявившему «джихад» — священную войну против оккупантов — окажут действенную помощь.

После того, как оттуда самолетами стали доставлять «груз 200» — гробы с телами погибших солдат, отдавших свою жизнь неизвестно за что, настроение советских граждан стало еще более мрачным. Вкупе с растущими бытовыми трудностями это неизбежно отражалось на семейных отношениях. Даже спокойная и уравновешенная Варя все чаще раздражалась по пустякам. А поскольку еще сердилась за то, что подвел Восьмого марта, срывала плохое настроение на мужа.

- Я знаю, как важны твои научные дела, которые целиком тебя поглощают. Но я не могу управиться одна, — недовольно сказала она, вернувшись после неудачного похода по магазинам. — Всюду пусто, хоть шаром покати! Неужели последнее отправляют в Афган? И зачем затеяли эту проклятую войну? — Варя устало опустилась на стул. — Мне нечего

приготовить на обед. Ты бы хоть немного побеспокоился!

— Войну действительно затеяли зря. Она окончательно нас разорит, — согласно кивнул Артём, чертивший плакат для доклада на кафедре ремонта в Киеве. — Но чем же я могу помочь тебе, Варенька? — он оторвался от своего плаката. — Мне же некогда стоять в очередях.

— А у меня, по-твоему, есть время? — взорвалась Варя. — Как ты можешь так говорить? Я ведь тоже работаю.

— Я ничего такого не говорил и сочувствую тебе, — миролюбиво отозвался Артём. — Но чем могу я помочь? В магазинах, чтобы что-то купить, надо в очереди стоять с утра, а я кончаю работу в шесть и еще полтора часа еду домой из Шереметьева.

— Но у вас в институте есть продовольственные заказы. Почему ты их не получаешь? — не успокаивалась Варя. — Может, в них и не густо, но все-таки мне было бы, наверное, полегче.

— Их на всех не хватает, поэтому приходится разыгрывать, как в лотерею, — неодобрительно хмурясь, ответил Артём. — А среди моих сотрудников есть многодетные. Мне неудобно участвовать, тем более, что я начальник.

— Ну и ну! — Варя от возмущения даже поднялась со стула. — Выходит, если нет детей, надо подыхать с голоду? Это уж слишком!

Бездетность по-прежнему сильно травмировала ее душу. Она не прекращала лечиться, но без всякого успеха. В их отношениях явно наступил кризис, и это его усугубляло. Как медику, Варе должны были быть ясны причины ее женской проблемы. Однако психологически с этим ей трудно было примириться и легче было обвинять кого угодно, даже мужа.

— Ты бы проверился на этот счет. На всякий случай, — устав носить в себе эти подозрения, однажды попросила его Варя, — чтобы знать наверняка.

— Ну, вот, ты уже начинаешь сходить с ума, — рассердился Артём. — Не забыла, что у меня растет дочь? И потом, хоть и неприятно вспоминать, но от меня беременели женщины.

— А разве ты не мог... заболеть? — потупившись, упрямо продолжала Варя. — Ты не должен... ничего скрывать, чтобы я знала... как быть...

Она запнулась и даже покраснела, очевидно, устыдившись своих мыслей, и в голове Артёма мелькнула мрачная догадка.

— Ты это о чем? Что значит: «как быть»? — сердито спросил он. — Разве нельзя счастливо прожить до конца дней вдвоем? Неужели, — он повысил голос, — если бы, и правда, я был бесплоден, ты могла бы... ради

этого., лечь с другим?

— Тебе легко рассуждать, когда есть Анечка, — опустив голову, чтобы не глядеть ему в глаза, уклонилась от прямого ответа Варя. — Не можешь ты понять, что переживаю я... как хочу ребенка...

Ее состояние не на шутку встревожило Артёма. «Неужели из-за этого Варя может мне изменить? — удрученно подумал он. — А что? Вобьет себе в голову, будто дело во мне, и решит это... проверить. Разве я смогу простить ей такое? — лезли ему в голову ревнивые мысли. — Неужели рухнет и второй мой брак?»

Как и следовало ожидать, эти подозрения охладили его чувства к ней и, поскольку Варя тоже вела себя по отношению к нему довольно отчужденно, семейный кризис нарастал, как нарыв, готовый вот-вот лопнуть.

* * *

Кульминация кризиса произошла в майские праздники. Отмечали их на этот раз у Царевых, с которыми Артём и Варя крепко дружили и встречались чаще других. А в последний год, когда они построили дачу в ближнем Подмоскowie, вместе проводили много выходных дней. Царевых, не имевших тогда машины, это очень устраивало и, пока не наступал грибной сезон, Артём с Варей предпочитали выезжать на природу вместе с ними.

На их тесную дружбу, очевидно, сильно влияла и взаимная симпатия. Артём с Ниной, как партнеры, так «станцевались», что в компании были постоянной парой. А «особое чувство» Володи к Варе, — он отлично фотографировал, — выразалось в том, что большую часть снимков составляли ее портреты в художественном стиле. Многие снимки можно было отправлять на выставку.

Вполне возможно, что рост этой симпатии был обусловлен пресловутым притуплением супружеских чувств после долгих лет брака, которое якобы вызывает потребность в сексуальном обновлении, даже если взаимная любовь и духовная общность еще достаточно крепки. В данном случае было похоже на то: как-то Царев, заехав за чем-то к Артёму, вытащил из кармана цветастый журнальчик и, усмехаясь, бросил его на стол:

— Посмотрите с Варей! Любопытное пособие. Вы что-нибудь слыхивали о «шведской семье»? Оказывается, за бугром это — в порядке

вещей. И не только у скандинавов. Семейные пары обмениваются партнерами, а потом продолжают жить, как ни в чем ни бывало.

Журнал оказался такой крутой порнухой, что Артёма аж пот прошиб. Однако в те времена, когда не только такие журналы, но даже привозимые из-за рубежа сувениры-авторучки с порносюжетами являлись большой редкостью, это было так сногшибательно интересно, что он все же оставил журнал у себя, чтобы показать Варю.

Можно только догадываться о том, с какой целью дал им Володя посмотреть этот журнал, думал ли сам о создании «шведской семейки». Однако то, что произошло потом в первомайский праздник у Царевых, говорило в пользу такого предположения. Веселились они, как всегда, до упаду и только в третьем часу ночи улеглись спать.

Те, кто жил поближе, разошлись по домам, а остальные решили ночевать у Царевых. Нина, Артём и Варя расположились в гостиной на кушетке, приставив к ней стулья, а друзья хозяев Алла и Сева Тряпицыны, вместе с Володей, легли спать на раскладном диване. В их компании было принято немного флиртовать, и Артём, ощущая рядом с собой горячее тело хозяйки, непроизвольно, под влиянием хмеля, излишне возбуждился. Устыдившись этого, он резко отодвинулся и нечаянно столкнул лежавшую с краю Варю на пол.

Варино падение вызвало общий хохот, и Володя, смеясь, крикнул ей с дивана:

— Иди к нам! У нас просторней. Они тебе спать не дадут.

И Варя, поднявшись с пола, отправилась к ним на диван. Артём был уязвлен в самое сердце. Сбылись-таки его самые худшие опасения. «Значит, я прав, и она готова меня предать! — обожгла ревнивая мысль. — Ну уж этого я не допущу!» Нервно вскочив, он подбежал к дивану, стащил с него жену и впервые отвесил ей пощечину.

— Все, конец веселью! Одевайся и уходим! — в запальчивости крикнул он. — Ты вольна делать все, что хочешь. Можешь изменять, если я больше не нужен. Но только не в моем присутствии!

Друзья пытались замять скандал и убеждали Артёма, что нельзя принимать всерьез пьяные шутки, но он был непреклонен и среди ночи, поймав такси, увез плачущую Варю домой. Объясняться по приезду они не стали и, лишь наутро, когда она с виноватым видом подала завтрак, Артём сухо сказал:

— Я не собираюсь перед тобой извиняться, хотя и сожалею, что распустил руки. Этого больше не повторится. Но советую серьезно подумать о том, что произошло. И если ты способна мне изменить, нам

лучше расстаться. Не стоит втаптывать в грязь все хорошее, что у нас было!

* * *

Нечего и говорить, что после случившегося у Артёма и Вари началась самая трудная полоса их совместной жизни. Именно в этот период их брак находился на грани распада. Каждый, молча, переживал происшедший разлад, не желая выказывать свои эмоции, и в растерянности не зная, что делать, и чем это у них кончится. Но, видно, их союз благословили небеса. Судьба явилась к ним в лице местного почтальона и создала наилучшие условия для примирения, вручив официальное приглашение от семьи Телеманн.

Естественно, отказаться от поездки, о которой давно мечтал, было выше их сил и, позабыв обо всем, Артём и Варя энергично занялись оформлением выездных документов и сборами в дальнюю дорогу. Волнений пришлось пережить немало: выдача загранпаспортов сильно затянулась. Но кончилось все благополучно. Даже авиабилеты до Берлина и обратно им дали с большой скидкой, так как для работников Аэрофлота существовали льготы.

— Как ты думаешь, много денег нам придется внести за питание? — вздохнув, спросила Варя, пересчитывая валюту, полученную ими на весь срок пребывания в гостях, согласно приглашению немцев: — Очень хотелось бы побольше купить, говорят, в ГДР все есть. Как на Западе, у капиталистов.

— Думаю, ничего они не возьмут. Хотя, немцы — экономные, и пригласили нас на месяц, а сами пробыли всего неделю, — ответил Артём. — Но если это правда, что у них там, как на Западе, мы можем все потратить и вернуться пораньше.

Стремление Вари использовать поездку в ГДР, чтобы привезти домой хотя бы необходимое, было понятно. При тогдашнем товарном голоде заграникомандировки и турпоездки за рубеж были для советских граждан, пожалуй, единственной возможностью приобрести какие-то хорошие вещи.

Ожидания не обманули Артёма с Варей. Их первая поездка в ГДР оказалась просто сказочной! Рейнхард и Моника встретили гостей в аэропорту. Чтобы они получили представление о столице, провезли по восточной части города на машине, показали все достопримечательности.

Потом совершили пешую прогулку по знаменитой «Унтер-ден-Линден» до рейхстага и Бранденбургских ворот.

— Нам предстоит большой путь до Штральзунда. Поэтому более подробное знакомство с Берлином и поездку в Потсдам мы запланировали на день вашего отъезда. Для этого прибудем в Берлин с утра, — как бы извиняясь, сказал Рейнхард. — А теперь — «нах хауз»!

Семья Рейнхарда, главного хирурга военно-морского госпиталя, жила в старинном портовом городке Штральзунд, когда-то входившем в знаменитую Ганзу. Теперь же он был известен лишь чудными пляжами на острове Рюген, отделенным от него только узким проливом. Прием, оказанный русским гостям, отличался редкой для немцев щедростью. Рейнхард даже сводил их в лучший ресторан, а когда Артём посочувствовал ему из-за дороговизны этого заведения, гордо ответил:

— Мы тоже, как и вы, для друзей рублей не считаем!

— По всему видать, ты успешно прошел курс в нашей военно-медицинской академии, — не без иронии похвалил его Артём. — Хорошо, если все немцы такие, как ты.

— Конечно, не все, — честно признал Рейнхард. — Но и у вас есть много., таких, — он замялся, вспоминая нужное слово: — которых называют... жмоты.

Отрицать этого было нельзя и, все же, им с Варей показалось, что среди немцев жмотов намного больше. Те-леманны водили их в гости к своим друзьям, весьма состоятельным людям, но нигде угощение щедрым не было. Изобилие же продуктов в продовольственных магазинах московских гостей просто поражало.

— По-моему, Тёмочка, им незачем строить коммунизм. Посмотри, как они живут! — не переставала восхищаться Варя. — В универсамах всего полно и цены сносные. А какое качество! Ты заметил, что свиные ножки такие чистенькие, будто им сделан педикюр?

С промтоварами в ГДР тоже проблем не было. Варе удалось приобрести все необходимое. Но она быстро истратила валюту, и пришлось сократить свой визит до десяти дней. По магазинам они ходили самостоятельно — так как знания немецкого Артёму хватало на то, чтобы понять, чего они хотят. Правда, иногда возникали курьезы из-за того ломаного языка, на котором он изъяснялся. Вежливые немцы старались удержаться от смеха, но не всегда это им удавалось.

Их благодушное настроение в Штральзунде лишь однажды было нарушено: это случилось во время поездки на знаменитый пляж острова Рюген. По дороге к пляжу из-за поворота навстречу их машине шла

колонна танков. На броне сидели краснолицые от загара немецкие солдаты в касках и с лихо закатанными рукавами ненавистной формы германского вермахта. Ассоциация с минувшей войной и гитлеровцами была полной, и оставила неприятный осадок в душе.

Но прием, оказанный им семьей Телеманна, был великолепен. Они чудесно провели время и еще крепче сдружились с радушными хозяевами и их дочерьми. Старшая, Мартина, специально изучала русский язык, и собиралась на следующий год приехать в Москву со своей группой.

Несмотря на то, что валюты у них было немного, делая покупки, Артём с Варей не забыли привезти всем друзьям и близким сувениры, а Анечке и Наде ценные подарки. При этом, зная высокие запросы его бывшей жены, купили вещи в более дорогих частных магазинах, которых в ГДР имелось множество, хотя торговля была, в основном, государственной. Так, модную обувь они приобрели у широко известной западногерманской фирмы «Саламандра».

Положительных эмоций было так много, что та ссора, которая их чуть было не разъединила, сама собой улетучилась. О своей размолвке Артём с Варей даже не вспоминали, словно ее никогда и не было.

* * *

Предзащита докторской диссертации Наумова состоялась на кафедре ремонта авиатехники Киевского института сразу по окончании летних каникул. Из Москвы, чтобы поддержать соискателя, прибыли начальник его отдела Гальчук и ставший уже профессором Иванов. Иванов согласился быть оппонентом. В Киеве на заседание кафедры пришли дать положительные отзывы главный инженер завода и представитель ОКБ Антонова. На их самолетах был успешно проведен последний эксперимент по восстановлению агрегатов.

Доклад Артёма был встречен с большим интересом. Сделал он его четко, на вопросы отвечал исчерпывающе и плакаты наглядно иллюстрировали основные положения диссертации. В прениях Иванов подчеркнул ее научную новизну, заводчанин — экономическую эффективность, а представитель ОКБ — надежность восстановленных агрегатов. Гальчук охарактеризовал соискателя, его вклад в достижения НИИ и созданную им научную школу. Все считали, что предзащита прошла блестяще.

Но главным ее итогом было то, что кафедра рекомендовала ученому

совету принять диссертацию Артёма к защите и утвердила, кроме Иванова, еще двух оппонентов — докторов наук: своего профессора Мухина и видного специалиста по ремонту авиатехники из Военно-воздушной академии. Важно было и то, что Киевский завод утвердили в качестве ведущего предприятия по оценке практического значения диссертации.

Казалось бы, «лед тронулся», но произошло то, чего и следовало ожидать. Ковач воспринял успех Артёма болезненно и немедленно вызвал его к себе.

- Ну, и как ты себе мыслишь защиту без поддержки института? — напрямую спросил он. — Думаешь, что проскочишь без моего отзыва?

— Почему же без отзыва института? Ведь моя работа оценена положительно. Вы же сами недавно подписали мне характеристику, — сделал попытку уладить отношения Артём. — Разве я чем-нибудь провинился, Рудольф Юрьевич?

— И ты еще спрашиваешь? — грозно нахмурил брови начальник. — Я предупреждал, чтоб не лез защищаться прежде меня! Как же ты посмел?

— Я уже два года сижу с готовой работой, ожидая вашей защиты.. И потом, Казанцев мне сказал, что вы... не возражаете, — запинаясь от волнения, старался оправдаться Артём. — Разве он не говорил с вами?

— Ну и наивный ты человек! Как будто не от мира сего, — усмехнулся Ковач. — Давно бы пора понять, что слушать надо только своего начальника! — он сделал паузу, как бы решая, стоит ли быть откровенным, и все же сказал: — Напрасно надеешься! Понятно, я обещал шефу снабжения лично не препятствовать, если... — Ковач посмотрел на подчиненного с нескрываемой издевкой, — у тебя с диссертацией все будет в порядке.

— Но у меня с ней все в порядке! — не выдержав напряжения, воскликнул Артём. — Диссертацию признали удовлетворяющей требованиям ВАКа и рекомендовали к защите.

— Неужели? Я думаю, они в Киеве немного поторопились, — презрительно скривился Ковач. — У меня есть сведения, что кое у кого и к ней, и к тебе лично имеются претензии. Но я, как и обещал Казанцеву, — в глазах его мелькнула насмешка, — от этого дистанцируюсь.

— Какие еще претензии? Первый раз об этом слышу, — недоуменно поднял брови Артём. — Если это подлая провокация, то она будет разоблачена, и вы, Рудольф Юрьевич, не останетесь от этого в стороне.

— Это что, угроза в мой адрес? — нахмурился Ковач. — Только посмей поспорить меня с Казанцевым, живо вылетишь из института!

— Ни с кем я не собираюсь вас ссорить, — миролюбиво ответил

Артём, сдерживая гнев, чтобы окончательно не испортить отношений. — В чем же моя вина, Рудольф Юрьевич? На моем месте вы тоже не стали бы больше ждать, сами знаете, диссертация может устареть, а это большой труд.

Ковач на это ничего не ответил, но дальнейшие события показали, что ждать от него пощады не приходится.

* * *

Вскоре худшие подозрения Артёма подтвердились, и события в институте стали разворачиваться с калейдоскопической быстротой. Орудием затеянной Ковачем провокации был избран его бывший аспирант Хлебников, работавший у него в секторе. В свое время для того, чтобы тот успешно защитился, Артёму пришлось потрудиться. Молодой человек был усердным, но способностями не отличался и особенно грешил слабой грамматикой. Так что, когда удалось привести в порядок научную сторону его диссертации, профессор, который должен был стать оппонентом, решительно отказался:

— По содержанию работа отвечает требованиям ВАК, но написана корявым языком и содержит много орфографических ошибок. Хлебников настолько безграмотен, что не достоин быть кандидатом наук.

— Но он ведь претендует на ученую степень в области технических наук, а не литературы — попытался защитить подопечного Артём. — Я указывал ему на ошибки в тексте, но он, видно, самостоятельно исправить не смог.

— Ученая степень требует не только специальных знаний, — упорствовал профессор. — Нельзя допускать в большую науку малограмотных людей!

Пришлось Артёму лично отредактировать весь текст пухлой диссертации, и лишь тогда они с трудом уговорили профессора. Однако и добрая половина научных рекомендаций была разработана диссертантом совместно с научным руководителем и опубликована в соавторстве. Это давало право каждому использовать их в дальнейшей работе.

И вот, Хлебников обвинил своего начальника сектора и бывшего научного руководителя в плагиате. Дескать, не Артём с ним поделился своими научными идеями, а наоборот, использовал в своей докторской

диссертации чужие, то есть его, Хлебникова, разработки. Можно было легко догадаться, почему жалоба подана в партком, а не в ученый совет, где могли бы компетентно установить истину. На заседании парткома, члены которого мало понимали суть дела, легче было провести порочащее Наумова решение.

Эта неприглядная история наделала в институте много шума и больно ударила по авторитету Артёма. Большинство сотрудников было на его стороне и гневно осуждало предательство человека, которого он вывел в люди и взял на работу в свой сектор. Всем были ясны побудительные мотивы Хлебникова и истинные цели провокации.

— Руководство не желает, чтобы Наумов получил докторскую степень. Вот и подговорили этого подлеца. Наверняка, пообещали поставить его на место своего начальника, — таково было единодушное мнение. — Врет он про плагиат!

Однако, как и всюду, нашлись завистники и недоброжелатели, злорадствовавшие и получавшие удовольствие от подлой шумихи и тяжелого положения, в которое попал Артём. При этом удар в спину ему нанес еще один из тех, кому он помог получить ученую степень — Левин. Вот когда он вспомнил то, о чем его предупреждал мудрый Иванов.

Для разбора заявления Хлебникова партком, как тогда было принято, создал комиссию, которая, видимо по указанию сверху, стала выяснять обстоятельства этого «дела» изматываясь медленно. И на одном из заседаний ученого совета Артём сам решил внести предложение, чтобы поскорее покончить со сплетнями, подрывающими его авторитет. Речь зашла о недостатке докторов наук, и он посетовал.

— Вы знаете, как нелегко подготовить и защитить докторскую диссертацию. Мне сейчас нужна помощь, а вместо нее устроили нервотрепку. Почему инцидент с моим бывшим аспирантом рассматривает партком, а не ученый совет? — вопрошающе обвел он глазами своих коллег. — Ведь вопрос идет лишь о праве использовать в диссертации результаты, полученные в соавторстве. Я прошу ученый совет подключиться к рассмотрению кляузы, цель которой — очернить мою работу. Это и будет действенной помощью!

Члены совета одобрительно зашумели, но тут слово взял Левин, ставший к этому времени, как и предсказывал Иванов, начальником его бывшего отдела.

— Мне непонятна претензия Наумова на какое-то особое внимание к его работе. Вся необходимую помощь, включая творческий отпуск, он уже получил, — Левин заявил это таким резким тоном, что все, знавшие, что

Артём и у него был научным руководителем, недоуменно переглянулись. — Считаю ненужным втягивать ученый созет в рассмотрение кляуз. Жалоба Хлебникова затрагивает скорее этическую, а не научную проблему.

«Ну, и фрукт! Перед Ковачем выслуживается, — с горечью подумал Артём. — Какая вопиющая неблагодарность!»

Наверное, то же подумали и другие члены совета, — в институте все знали о дружбе Левина с начальником института, ибо после этого никто просьбу Наумова не поддержал. Понимая это, он и сам на ней больше не настаивал.

* * *

Вероятно, Ковачу удалось бы достичь своей коварной цели, будь на месте Артёма кто-нибудь другой. Но он недаром столько лет проработал в институте, сумев завоевать любовь и уважение своих товарищей. И друзья не позволили втоптать в грязь его доброе имя.

Полоса неприятностей в институте не помешала, однако, Артёму выезжать вместе с Варей и постоянной компанией грибников по выходным в лес для любимой «тихой охоты». Это не только доставляло им огромное удовольствие, но и успокаивало нервную систему. В том году было много грибов, и они отправлялись, обычно, в свое излюбленное место на границе Московской и Тверской областей кавалькадой из трех-четырёх машин.

С ними всегда ехали Гальчуки, а в других машинах — их друзья-сослуживцы, многолетние компаньоны по грибным походам. Чаще всего это были Рябоконт, зам Гальчука, и Антоненко из отдела прочности, вместе с женами, а «прочнист» иногда еще и с дочкой.

Ездили в лес с ночевкой, поскольку все обожали посидеть у костра, устроить небольшую пирушку и повеселиться, да еще и спеть под настроение любимые песни. А поскольку народ в большинстве был родом с Украины, где, как известно, петь не только любят, но и умеют, после нескольких рюмок хор звучал так красиво, что послушать его прибегали дети из соседней деревни. Особенно хорошо получался «Рушник», несмотря на то, что исполнители мешали русские и украинские слова:

Рідна мати моя, ти ночей не доспала,

Ти водила мене у поля край села,

І в дорогу далеку ти мене на зорі проводжала,

І рушник вишиваний на щастя, на долю дала...

Эти верные друзья грудью встали на защиту Артёма, невзирая на

давление со стороны начальника и секретаря парторганизации института. На его счастье Рябоконь был членом парткома, а Антоненко, замещавший заболевшего председателя профкома, участвовал в заседаниях. Дипломатичный и обаятельный, прочнист без особого труда добился, чтобы возглавить комиссию по заявлению Хлебникова поручили Рябоконю. Правда, секретарь парткома не преминул возразить:

— А не повлияет ли на него Гальчук? Тот ведь поддерживает Наумова.

— Вы же знаете его принципиальность. Рябоконь Галь-чуку не поддастся. Он выяснит все, как есть, — заверил секретаря Антоненко, ничуть не кривя душой: — И потом, он знает этот вопрос лучше всех. Если во главе комиссии вы поставите другого, то Рябоконь, — привел он неотразимый довод, — обидится, убедительно выступит против, и члены парткома его поддержат.

Счастье вновь улыбнулось Артёму. Выводы комиссии, подкрепленные документами, для Хлебникова были плачевными.

По настоянию Гальчука Хлебников был переведен в другой отдел, сплетни постепенно умолкли, и на работе у Артёма обстановка нормализовалась. Но все же о защите диссертации в ближайшее время нечего было и думать. «Ковач прав. Без его поддержки у меня ничего не выйдет, — пришел к выводу Артём. — Неужели, чтобы стать доктором наук, мне так же, как Иванову, придется уйти из института?»

Он уже всерьез стал подумывать о переходе на преподавательскую работу, но судьба сама решила за него эту сложную проблему. Руководство министерства, по неведомым причинам, создало вместо единого научно-исследовательского центра два института, специализировав один — по разработке требований к авиатехнике и государственным испытаниям самолетов и двигателей, а другой — по их эксплуатации и ремонту.

И вновь фортуна оказалась благосклонна к Артёму, так как Ковач остался в Шереметьево, начальником летно-испытательного института, а его перевели, вместе со всеми друзьями, в новый институт и предложили возглавить агрегатный отдел.

* * *

Казалось бы, теперь открываются благоприятные перспективы для успешной защиты в Киевском институте. Но не тут-то было! Против своей

воли он оказался втянутым в противоборство, породившее врагов, которые учинили ему новые препятствия на пути получения докторской степени. «Ну почему всюду идет вечная борьба за власть, далее в науке? — удрученно думал он, видя сколько сил и энергии тратится зря на эти распри. — Какой большой урон ее развитию наносят честолюбцы!»

А борьба эта развернулась с первых дней существования нового института. Его начальником, по одному Богу известным причинам, был назначен никому не известный ни в Аэрофлоте, ни в авиационной науке здоровенный армянин — полковник. Скорее всего, высокие покровители «устроили» ему эту должность для получения генеральского звания. И как это происходит повсюду, полковник привел с собой и назначил на руководящие должности целую команду своих друзей-военных.

У военных был собственный институт эксплуатации и ремонта авиационной техники, и специалисты-аэрофлотовцы почувствовали себя незаслуженно обойденными. Недовольство коллектива, в основном состоящего из гражданских, подогревалось и тем, что военное руководство было недостаточно компетентно из-за различных условий эксплуатации самолетов и двигателей, которая была намного интенсивнее в гражданской авиации.

Понимая это, начальник института назначил своим заместителем Гальчука, как наиболее авторитетного специалиста по срокам службы и межремонтным ресурсам самолетов Аэрофлота. Но большинство других руководящих должностей досталось действующим военным и отставникам. Этим были недовольны также в министерстве гражданской авиации. Началась отчаянная подковерная борьба за замену полковника на «своего», дошедшая до ЦК партии.

— Ты не имеешь права стоять в стороне от нашей борьбы! — убеждал Артёма Гальчук, который, как уже было известно, тоже рассматривался «наверху», как кандидат на должность начальника института. — Нельзя терпеть, чтобы нами командовали военные. Они не знают специфики Аэрофлота, они только мешают работать!

— Но ты ведь знаешь, что мне предстоит защита, и нельзя наживать врагов, — пытался уклониться от внутренних интриг Артём. — У армейцев крепкая смычка, и отставники есть в ученом совете Киевского института. Да и как я могу помочь вам скинуть нашего полковника? Говорят, он — зять аж самого...

— Вот именно! Мы уже все о нем знаем, — раздраженно перебил его Гальчук. — Поэтому и мобилизуем все силы. Дело дошло до ЦК, и надо

ожидать проверки. Важно, чтобы весь коллектив был против, и ты, пожалуйста, не подведи!

— А сколько продлится эта борьба? Братцы! Дайте мне сначала защититься, — взмолился Артём. — Мне сказали, что в совете Киева один из бывших военных тоже армянин. Уж он-то в отместку постарается, чтобы меня прокатали.

— Не трухай, все у тебя будет в порядке, — сказал Гальчук. — Знаю я этого завкафедрой. Он — вредный тип, но поперек мнения Дейнеко не пойдет. А ректор тебя поддержит. О нас же, когда придем к руководству, и говорить не приходится! Поверь, все решится очень скоро! Министерство направило в ЦК свои кандидатуры. Меня туда уже вызывали. Так что каша уже заварилась. Если не я, то все равно будет кто-то из наших.

— Ковач, например, — усмехнулся Артём. — Он ведь тоже «свой».

— Можешь не волноваться! Такого в проекте нет, — отрезал Гальчук. — Я знаю, кто еще в списке, но об этом говорить не стоит.

Действительно, очень скоро «гражданская партия» одержала победу. Однако новым начальником института назначили не Гальчука, а добродушного гиганта Цветко, известного специалиста по эксплуатации авиадвигателей. С ним Артём много лет был тесно связан по работе, и даже пару раз, будучи в командировках, жил в одном номере. Цветко, старше их с Гальчуком по возрасту, пользовался особым почетом, так как в войну партизанил в лесах Белоруссии.

— Не надо меня утешать. Сделали то, что хотели, — не выдавая разочарования, ответил Гальчук, когда Артём по-товарищески ему посочувствовал. — Мою, и еще две кандидатуры, подали в ЦК лишь для того, чтобы «пробить» Цветко.

— Это каким же образом? — поразился Артём.

— Такой хитрый тактический ход, — объяснил Гальчук. — У нашего полковника там «мохнатая лапа», и Цветко сначала отклонили. Министерство тут же выдвинуло следующего и дало понять, что будет продолжать, пока не добьется своего. В ЦК это усекли и предпочли назначить бывшего партизана.

Артём, как и все, исключая «партию военных», был доволен назначением Цветко, которого знал как очень хорошего специалиста и порядочного человека. Однако борьба между аэрофлотовским коллективом и той командой, которую привел с собой в институт бывший начальник, только обострилась и это грозило серьезными неприятностями.

В тот напряженный период интриги, встряски и передраги преследовали Артёма не только на службе. И в личной жизни довелось перенести большое огорчение, которое, в очередной раз, доставила ему бывшая жена Надежда.

Верная своей авантюристической натуре, она вновь сменила спутника жизни, да еще каким образом! Не сочтя нужным даже предупредить мужа Сергея, находившегося в полном неведении, она перебежала, как говорится, «из постели в постель» к другому мужчине, с которым познакомилась на курорте.

Правда, этот другой был значительной фигурой, из той категории, о которой Надежда долго мечтала. Академик Иван Иванович Иванов не только возглавлял закрытый международный институт, но еще входил в когорту приближенных к верховной власти людей. Несмотря на имя и фамилию, в нем не было русской крови: сын секретаря зарубежной компартии, погибшего в заключении, он вырос в специальном детдоме под опекой Кремля.

В понимании Надежды это был счастливый лотерейный билет и, несмотря на то, что их брак с Сергеем все считали удачным, собрав только то, что смогла увезти, вместе с дочерью сразу переехала к вдовому академику, совершенно не заботясь о том, как поступит ее муж, и не задумываясь о последствиях. Артёму она это объяснила так:

— Жить с Сережей мне было удобно и спокойно. Он — неплохой мужик и у него уступчивый характер. Но и только. Не о таком счастье я мечтала. Потому и решила еще раз рискнуть. Если получится — значит, моя жизнь удалась!

— Допускаю, что у академика вас с Анечкой ожидает шикарная жизнь. Но неужто совесть тебя не мучает, — покачал головой Артём, — ты же в одночасье бросила мужа, с которым безбедно прожила столько лет и который помогал тебе растить дочь? Неужели и Анечка одобряет твой поступок?

— Скажем так: она относится к этому с пониманием. Наша дочь уже взрослая и видит перспективы, которые открывает мой новый брак. Между прочим, я еще тебе не говорила, что Анечка скоро выйдет замуж.

Эта новость была еще сногшибательней.

— Ну Надя, с тобой не соскучишься! Что за спешка? Анечка только поступила в институт. И почему она сама об этом мне ничего не сказала?

— Спешка нужна, чтобы оторвать ее от одного прохвоста, в которого она влюблена, и как раз подвернулся подходящий жених, — деловито объяснила Надежда. — А сказать тебе Анечка просто не успела — предложение сделал этот Саша лишь позавчера.

— По-оиятно, — не зная, радоваться ему или огорчаться, протянул Артём. — Чем же так хорош этот Саша?

— Своим папочкой! — с циничной усмешкой ответила Надя. — Он — знаменитый тренер и постоянно выезжает за рубеж. В Саше души не чаёт.

Заметив, что Артём нахмурился, поспешила добавить:

— Ну и сам женишок не плох... Вы с Варей на днях в этом убедитесь, — Анечка приведет его познакомиться. Так что, готовьте побольше денег на свадебный подарок!

Саша, и правда, им очень понравился. Голубоглазый, улыбчивый, он ничуть не чванился своим знаменитым папашей, держался приветливо и просто. Как ни странно, любил готовить, и сразу вызвался помочь Варе подавать на стол угощение. Чувствовалось, что у него открытая и добрая натура. Казалось, будто и Анечке он пришелся по душе.

— Дай-то Бог им счастья! — искренне порадовалась за Анечку Варя. — Они, похоже, подходят друг другу. Их ждет безбедная жизнь, а отсутствие бытовых забот способствует укреплению брака.

Действительно, Саша с Анечкой были так беззаботно веселы и довольны друг другом, что невозможно было поверить каким-либо мрачным прогнозам на будущее. И свадьбу они затеяли такую грандиозную, которая бывает лишь раз в жизни. Этому, конечно, способствовали амбиции, с одной стороны — академика, а с другой — знаменитого тренера. Ее решили устроить в «Праге», на старом Арбате, и не менее, чем на две сотни гостей.

Денег это потребовало немало, так что пришлось раскошелиться и Артёму с Варей, поскольку, вместо свадебного подарка, нужно было взять на себя часть расходов. Им, все же, было непонятно стремление к такой пышности.

— Ну, зачем нужна такая помпа и такие огромные расходы? Разве не лучше потратить эти деньги на обустройство молодых? — поделился Артём с Варей своими сомнениями. — Жизнь показывает, что это — плохая примета. Чем богаче свадьба, тем менее прочен брак. И наоборот: чем скромней, тем он долговечнее.

— Я тоже считаю, что у Анечки и Саши, как у студентов, свадьба должна бы быть поскромнее. Они — не принц с принцессой, — согласилась Варя. — Куда целесообразнее было бы купить им

кооперативную квартиру.

Однако Надежда была иного мнения.

— Эти затраты окупятся, — деловито объяснила она. — Свадьба устраивается не только для молодых, но и для родителей. У отца жениха, да и у Ивана, среди коллег и знакомых много важных персон, от которых они зависят, — она сделала паузу и, немного замямвшись, объявила Артёму: — Кстати, чтобы ты знал... У отца Саши — молодая жена, и матери на свадьбе не будет. Поэтому, ты уж извини, но и рядом со мной будет сидеть Иван. Иначе наш сват не согласится. А вас с Варей посадят среди почетных гостей.

Удар был столь неожиданным, что Артём даже растерялся.

— С твоим отцом я лучше обошелся. Ты уже забыла об этом? — хмуро спросил он. — У тебя во всем расчет, а где же твоя совесть? На место отца сядет академик, хотя он Аню почти не знает, а Сергея, который по сути ее вырастил, ты даже не пригласишь?

— В отличие от тебя, Сережа — сговорчивый, — ничуть не смутилась Надежда. — Он-то сразу утешился, когда я оставила ему квартиру со всей обстановкой.

— Так почему же ты от меня не откупилась, а наоборот, еще взяла деньги на свадьбу! — вспыхнул Артём. — Наверное, будешь только рада, если мы с Варей не придем в ресторан?

— Это дело твое, — жестко сказала Надежда. — Но знай: если не придешь, то навсегда потеряешь дочь!

— Последний вопрос, — взял себя в руки Артём. — Анечка знает о том, что мое место займет этот твой... Иван?

— Да, знает и вполне меня понимает, — с некоторым даже вызовом бросила ему бывшая жена. — А тебе раньше надо было думать!

Если Надежда хотела сильнее его оскорбить и унижить, то достигла своей цели. Только теперь Артём понял, что его первый семейный опыт окончился полной неудачей. Как ни прискорбно было, но он ясно сознавал, что любимая дочь Аня унаследовала расчетливую и бессовестную натуру своей матери.

Часть третья. АГОНИЯ (80-е годы)

Глава 13. РАСЦВЕТ ЗАСТОЯ

К началу восьмидесятых брежневский застой, как шутили в народе, достиг «расцвета», то есть стал просто невыносим. Бессмысленная политика, разорившая богатейшую по природным ресурсам страну и державшая в бедности ее население, словно законсервировалась и по инерции продолжалась. Хотя США и их союзники в Европе называли СССР «империей зла», никакой угрозы от них не исходило. Было очевидно, что они озабочены только ростом военной мощи Советского Союза и экспансией коммунистических режимов, которые он упорно пытался насаждать на всех континентах, включая Америку.

Со стороны США и НАТО не было никаких провокационных акций против СССР, и их конфронтация ограничивалась противодействием подрывной деятельности у себя и поддержкой сил, борющихся с коммунистической экспансией, будь то Ангола, Афганистан или Никарагуа. Но брежневская пропаганда по-прежнему раздувала истерию о якобы капиталистической угрозе, рисуя образ США, как врага номер один, и советские атомные субмарины постоянно дежурили у берегов Северной Америки, пугая весь мир возможностью развязывания войны, означавшей конец света.

В то же время, борясь якобы за коммунистические идеалы, брежневское руководство совершенно открыто перестало им следовать. Буржуазное разложение среди высшего партийного руководства было для всех очевидным. Не только крупные чиновники и члены правительства, но и партийные лидеры любого уровня окружали себя роскошью на фоне скудной жизни простого народа, которому они были призваны служить. Ради получения «всех благ», повсеместно партийное руководство не гнушалось иметь дело с теневиками, а то и с криминальными элементами.

Практически перестали действовать законы. Обладавший властью, мог безнаказанно их нарушать, и это уже становилось нормой. Воцарилось «телефонное право», когда крупный партийный или государственный чиновник мог дать устное указание органам правопорядка нарушить закон, и оно беспрекословно выполнялось.

Вот почему за власть, за высокие посты, которые в условиях брежневского застоя давали возможность получать не только жизненные блага, но быть еще и неподсудным, повсюду шла ожесточенная борьба, — в ход шли любые средства — от очернительских анонимок, до шантажа и

физического устранения деловых конкурентов и политических противников. Так могли поступить невзирая на лица. Ходили слухи, что неугодного партийного лидера Белоруссии убрали, устроив — якобы случайную автокатастрофу.

Ожесточенная борьба за власть продолжалась и в научно-исследовательском институте Артёма Наумова. Кроме вновь назначенного начальником Цветко и его заместителя Гальчука, другие заместители, секретарь парторганизации и большинство начальников отделов были отставными военными. «Гражданский» начальник этих людей не устраивал. При нем их положение было непрочным, так как из-за слабого знания специфики Аэрофлота они определенно могли ожидать замены более компетентными специалистами. Кроме того, военным необходим был «запасной аэродром», ибо в родственном институте ВВС постоянно шло увольнение руководящего состава по возрасту.

О том, что положение совсем непростое, Артём узнал от самого начальника института. Рабочий день уже закончился, и он собирался домой, когда Цветко вызвал его по селектору. У него в кабинете сидел Гальчук.

— Присаживайся! — кивнул Цветко. — У нас будет серьезный разговор. Начинай ты, Борис! — сказал он заместителю.

— Нам нужна твоя помощь, Артём, — доверительным тоном обратился к нему Гальчук. — Наша «военная партия» атакует Ивана Фомича по всему фронту. Надеются спихнуть. Завалили министерство протестами и жалобами. Даже в ЦК пишут анонимки. В чем только не обвиняют, — его голос прервался от возмущения. — Даже аморалку шьют из-за того, что второй раз женился.

— Наверное хотят, чтобы генерала какого-нибудь поставили, — понимающе улыбнулся Артём. — А в чем нужна моя помощь? Если надо разоблачить клевету о работе Ивана Фомича, думаю, что смогу.

— Нет, этого не требуется. Подлецы не понимают, что начальников ведущих институтов так просто не назначают и так сразу не снимают, — остановил его Цветко. — Сейчас их сигналам дадут должную оценку, хотя и не выбросят, — он мрачно усмехнулся, — на всякий случай. Но на первых порах поддержка мне обеспечена.

— Ивану Фомичу дадут время, чтобы справился с обстановкой в институте, — пояснил Гальчук. — Так что год, в крайнем случае — полгода, у нас есть на то, чтобы, как говорится, пошерстить эту публику и поставить на ключевые посты людей компетентных и порядочных.

— Я объявлю конкурс на замещение всех научных должностей и

избавлюсь от этой шайки на законном основании, — с многозначительной усмешкой сказал бывший партизанский разведчик. — Культурно и без всякого шума.

— В моем отделе только два старших научных сотрудника из отставников, и оба — хорошие специалисты. Разве стоит гнать всех без разбора? — усомнился Артём, однако счел нужным заверить: — Но само собой, как член ученого совета я проголосую против ставленников бывшего начальника, они только мешают нам работать.

— Тут простой поддержки мало. От тебя требуется более эффективная помощь, — объяснил Гальчук. — В отделении ремонта начальники всех отделов — отставники, и возглавляет его бывший полковник. Оттуда, в основном, и исходят все кляузы, хотя направляет их секретарь парткома.

— Уж не предлагаете ли вы мне возглавить парторганизацию? — стараясь снять напряжение, пошутил Артём. — Вряд ли такое поймут наши сотрудники.

— Зато они поймут, если ты возглавишь отделение ремонта авиатехники, — отрезал Гальчук. — У тебя большой авторитет в нашем коллективе, тебя хорошо знают в министерстве и на ремзаводах, и ты вот-вот станешь доктором наук!

— Так дайте же сначала мне им стать! — взмолился Артём. — Я все понимаю и готов служить общему делу, но мне сейчас никак нельзя ссориться с военными коллегами. Если я займу место полковника, который к нам пришел с руководящей должности в НИИ ВВС, об успешной защите мне нечего будет и думать! Наверное, будет лучше, если по конкурсу я возглавлю ведущий отдел в отделении ремонта. Полковник меня знает с хорошей стороны и активно противодействовать не будет. Время еще есть. А как только защищусь — я в полном вашем распоряжении! Думаю, в отделении ремонта мне удастся способствовать наведению порядка.

— Ну, что же, — Наумов прав, — после небольшого раздумья заключил начальник института. — Пусть сначала перейдет туда начальником отдела. Будет меньше кривотолков. И надо помочь ему ускорить защиту, — приказным тоном сказал он Гальчуку. — А полковника пока оставим исполняющим обязанности.

* * *

Вскоре в институте был объявлен конкурс, и Артёму ничего не оставалось, как подать документы на должность начальника отдела в

отделении ремонта авиатехники. Хотя по своей научной подготовке и производственному опыту он вполне соответствовал конкурсной должности, сделал это Артём скрепя сердце. И не только из-за боязни осложнений с защитой. Слишком много труда было потрачено, чтобы организовать и наладить работу отдела самолетных агрегатов в отделении Гальчука.

— Придется все начинать сызнова, — пожаловался он Варя. — И, к сожалению, ссоры с военными не избежать.

— Это почему? — неодобрительно посмотрела на него жена. — Сам же говорил, что у отставников повсюду крепкие связи и конфликт с ними может тебе навредить.

— В отделе слишком много военных пенсионеров, а это — балласт как из-за недостаточной компетенции, так и из-за возраста, — объяснил Артём. — Мне их придется заменить более молодыми и знающими специалистами из числа своих бывших сотрудников и учеников. Иначе не с кем будет работать.

— Но тебе это не даст сделать начальник вашего отделения. У вас с ним наверняка произойдет конфликт, — резонно заметила Варя. — И потом, неужели ты снова возьмешь этого мерзавца Хлебникова, который предал тебя и причинил тебе столько неприятностей?

— Конфликта с полковником Емельяновым я постараюсь избежать, — успокоил ее Артём. — Ненужных пенсионеров удастся заменить по конкурсу, так что ко мне у него претензий быть не может. Но у них найдутся влиятельные друзья, и в этом кроется для меня опасность. Хлебникова я к себе, конечно, не возьму. Однако этот подлец, скорее всего, тоже будет работать в нашем отделении, он тоже подал документы, претендуя на один из отделов.

— Неужели он тоже получит отдел? — возмутилась Варя. — У вас ведь все знают его, как облупленного. Ты не должен этого допустить!

— Конечно, как член ученого совета, я за него не проголосую. Но и влиять на решение остальных не буду. Это и унижительно для меня, и бесполезно.

— Почему бесполезно? — возмутилась Варя. — Гальчук ведь знает, что это за фрукт, и Цветко, наверное, тоже.

— Гальчук его, конечно, хорошо знает, но он — большой дипломат, и любит цитировать знаменитое изречение, кажется, Талейрана: «В политике нет друзей, а есть только интересы». А сейчас для них с Цветко важнее всего политика.

— И какой же для них интерес представляет Хлебников? — удивилась

Варя.— Он ведь и их может предать.

— Это не исключается, хотя вряд ли возможно, — хмуро объяснил Артём. — Он же в той истории как раз и показал способность прислуживать начальству. А им сейчас важнее всего заменить как можно больше военных.

Он оказался прав. Хлебников при голосовании на ученом совете одержал победу над своим конкурентом из числа представителей, «военной партии». Его положение теперь было такое же, как и у Артёма, но он явно заискивал перед ним, как бы давая понять, что жаждет загладить прошлое. Как потом признался Гальчук, они с Цветко «амнистировали» его, взяв клятву активно проводить политику руководства института.

Полковник Емельянов, оставшись начальником отделения с добавкой «и.о.», внешне не выказывал, недовольства и, пригласив к себе вновь назначенного по конкурсу Наумова, любезно сказал:

— Поздравляю, Артём Сергеевич, хотя должен честно признаться, что мне жаль расставаться с вашим предшественником, с которым мы немало проработали вместе. Однако уверен, что у вас работа пойдет еще лучше.

Бросив на него острый взгляд из под лохматых бровей, полковник добавил:

— Кроме того, я знаю вас, как порядочного человека, и уверен, что вы не будете участвовать во внутренних дрызгах. Надеюсь, мы с вами сработаемся.

— Спасибо, Григорий Ильич, и я на это надеюсь, — вежливо поблагодарил Артём, и счел нужным добавить: — Можете не сомневаться, что меня интересует только работа, да еще, — с улыбкой признался он, — защита докторской диссертации, которой занимаюсь уже давно.

— И вы, Артём Сергеевич, не сомневайтесь, — ответно улыбнулся полковник. — Если дела у вас пойдут на лад, то я, со своей стороны, окажу вам необходимое содействие.

«Вряд ли такой многоопытный служака, как Емельянов, совсем не подозревает, что противники могут подсунуть ему «троянского коня», — подумал Артём, уходя от начальника отделения. — Но я не буду участвовать в интригах. Напротив, сделаю все, что в моих силах, чтобы они прекратились».

Благодаря сделанным перестановкам, руководству института удалось нормализовать положение, и сопротивление военных ослабло. Тем более, что их в коллективе поубавилось. Это не замедлило сказаться на результатах работы, и за полгода авторитет вновь созданного центра научных исследований в области эксплуатации и ремонта гражданской

авиации значительно укрепился.

Институтом были успешно проведены эксплуатационные испытания новых типов гражданских самолетов, и многие его работники, в том числе и Артём, были отмечены государственными наградами. На его долю выпал орден «Знак Почета», который ему, вместе с большой группой других награжденных, был торжественно вручен в Кремле, и потом, уже в узком кругу, обмыт по традиции в стакане с водкой.

Но еще большим успехом было то, что новому институту, теснившемуся во временно предоставленном помещении, выделили большой участок земли в черте города и финансовые средства для капитального строительства необходимых зданий и сооружений. С этой целью министерство направило в институт нового главного инженера и, к радости Артёма, им оказался хорошо знакомый ему Николай Максименко.

— Я вижу, нашего полку прибыло. Какими судьбами? — приветствовал его Артём, придя в кабинет, как только узнал об этой новости. — Ты знаком с Цветко или тебя Казанцев к нему сосватал?

— Бери выше! — широко улыбнулся Максименко своей симпатичной белозубой улыбкой. — С Цветко мы давно знакомы, но эта должность — номенклатура министерства, и своим назначением я больше обязан Колеснику. Ты должен его знать. Он раньше работал вместе с тобой в НИИ. Так ведь?

— Конечно. Колесника потом забрали в министерство, а теперь он уже в Совмине, помощник куратора Аэрофлота, — уважительно произнес Артём. — Ничего себе карьера!

— А мы с ним познакомились в Чехословакии, я там на заводе был представителем Аэрофлота, — сказал Николай. — Он приезжал нас инспектировать. С тех пор мы с ним друзья. Но и с Иваном Фомичом у меня очень хорошие отношения.

Успешная работа института способствовала отличному настроению его коллектива и решено было устроить совместную встречу Нового года. С этой целью сняли целое кафе «Черный лебедь», находившееся в то время на Чистопрудном бульваре. Совсем недавно построенное, оно было просторным, светлым, и из него, благодаря стеклянным стенам, открывался красивый вид на пруд.

Перейдя на работу в другое отделение, Артём отбился от старого коллектива, и его с Варей усадили за один столик с четой Максименко, у которых еще не было постоянных друзей в институте. Однако вновь образовавшийся альянс двух супружеских пар оказался столь удачным, что возникшая там, в кафе, взаимная симпатия и дружеское расположение

растянулись на долгие годы.

Жена Максименко, Валя, оказалась на редкость обаятельной и компанейской. Синеглазая и стройная, она была очень красива, элегантно и со вкусом одета. Самое главное — зная это, Валечка нисколько не задавалась и, с первых минут знакомства, держалась дружески и просто.

— Это удивительно, — довольным тоном сказала Варя, когда они с Артёмом ненадолго остались одни. — Мы видим Валечку в первый раз, всего час как знакомы, а у меня такое ощущение, что мы дружим тысячу лет. Она очень милая и ни чуточки не задаётся!

-- Да уж, хороша у Коли спутница жизни, ничего не скажешь! Меня даже не тянет ни за кем поухаживать, — честно признался ей Артём. — А ты знаешь, что я люблю в компании немного пофлиртовать. И танцует она классно.

Танцевала Валя так хорошо, что Артём, кроме нее и Вари, никого больше не приглашал, хотя на вечерах в институте никогда не оставлял знакомых сотрудниц без внимания. Но этим таланты жены Николая не ограничивались. Когда вдоволь натанцевались, оказалось, что у Валечки еще хороший слух и звонкий голосок. А поскольку все они петь в компании любили, то сначала приняли участие в общем хоре, а потом организовали свой квартет.

Выпивки и закуски было достаточно, и они вчетвером с энтузиазмом пели популярные в то время песни, причем так зажигательно, что когда грянули мушкетерскую песню из известного кинофильма, им стали подпевать все соседи:

Пора-пора-порадуемся на своем веку
Красавицам и кубку, счастливому клинку.
Пока-пока-покачивая перьями на шляпах
Судьбе не раз шепнем: «Мерси боку!»

Удивительно, но им, за все время, пока длилась встреча Нового года, вполне хватало собственного общества, было очень весело, и совсем не тянуло примкнуть к другой компании, хотя друзей и знакомых у Артёма с Варей там было много. В общем, этот новогодний праздник им запомнился, как один из лучших, хотя и не обошлось без досадного казуса.

Когда они вчетвером решили отправиться домой, в раздевалке обнаружилось, что у Николая украли новую ондатровую шапку. В то время она была модной и дорогой вещью, но главное, ее трудно было достать даже за валюту. Любая потеря сама по себе огорчительна, но еще хуже было то, что на улице стоял сильный мороз, а волосы на его голове росли не густо.

Однако молодость и здоровье позволили Максименко легко пережить этот неприятный сюрприз. Спрятав голову в шалевый воротник дубленки, он рысью, вместе со всеми, пробежал по аллее до станции метро и, как бывший снабженец, благодаря сохранившимся связям, очень скоро раздобыл себе новую шапку, еще лучше утраченной.

* * *

В ту пору их дружеская компания обновилась не только супружеской четой Максименко. Варя, приступив к работе в женской консультации, очень быстро обрела закадычную подругу в лице молодого врача-гинеколога Полины Телегиной. Поля тоже выросла без отца, детство провела в деревне и закончила институт уже в зрелые годы. Ее муж, красавец Виталий, был намного моложе. Он не так давно демобилизовался из армии и работал на крупном оборонном заводе.

Страстный любитель футбола, мощный и очень активный, он быстро там выдвинулся, несмотря на отсутствие высшего образования. Очевидно, обладая организаторскими способностями, Виталий вошел в завком профсоюза и, судя по всему, успешно подвизался на общественной ниве. Артём в этом убедился, когда муж Полины пригласил его с Варей на выходные в зимний пансионат своего завода.

Популярность Виталия просто бросалась в глаза, — не было ни одного отдыхающего, который с ним бы не поздоровался.

— Уважают, — коротко объяснил он Артёму с Варей, ничуть не кичась этим. — Думаю потому, что приношу всем немалую пользу.

— Так уж и всем? — усомнился Артём. - Всегда ведь найдутся те, кто чем-нибудь да недоволен.

— А у меня таких нет, — с веселой улыбкой ответил активный, общественник. — Молодежь меня любит за то, что отгрохал отличный стадион, и сам неплохо стою в воротах заводской команды.

— Ну, а старые ворчуны тебя за что так любят и уважают? — поддел его Артём. — Пару в баньке для них не жалеешь?

— Ты смеешься, а это почти так, — серьезно объяснил Виталий. — Я отвечаю за условия труда и работаю, не щадя сил. Все это видят, и вы с Варенькой тоже, надеюсь, оцените, — и с гордостью добавил: — и в цехах условия лучше стали, и на территории больше порядка. Ну, а таких вот

пансионатов, где в выходные отдохнуть может каждый, у нас не меньше десятка. Вот если бы я распределял жилье, — подмигнул Артёму, — тогда бы меня живьем сожрали.

В первый же вечер они с Варей убедились, что гордился собой Виталий не зря. После ужина он пригласил их в крытый бассейн, но прежде, молча поманив пальцем, провел на второй этаж, где в небольшой комнате, оформленной под старинную горницу и украшенной коваными деталями, за дубовым столом его ожидали двое молодых людей. На столе стояли бутылки с водкой и пивом, а рядом блюдо с легкой закуской.

— Это Олег и Слава — мои гости из отраслевого профсоюза, — представил их Виталий — А это — наши с Поленькой друзья, — указал он на Артёма и Варю, и бодро объявил: — Согласно разработанной мной программе, сейчас отметим наше знакомство, а потом пойдем в бассейн, и устроим матч по водному поло. Девушки будут вратарями.

— А все остальные — зрителями? — пошутил Артём. — Не знаю, как вы, а я боюсь опозориться. Плавать умею, но играть в поло еще не пробовал.

— Вот и попробуешь, — ухмыльнулся рыжий Олег. — Так и быть, беру тебя с женой, — игриво покосился он на Варю, — в свою команду. Надеюсь, она выручит.

— Могу тебя успокоить, — хлопнул его по плечу Виталий. — Зрителей не будет. Через полчаса всех выпроводят.

И действительно, когда они пошли в бассейн, правда, — просидев за столом не меньше часа, — там уже никого не было. Стоя под душем в отлично оборудованном санузле, Артём еще раз оценил благодатные плоды деятельности Виталия. А потом был памятный матч изрядно подвыпившей компании. И хотя он с Варей уступали поднаторевшим в этой забаве друзьям, спортивный талант, помноженный на хмельной задор, позволил им проиграть с почетным счетом.

— Телегин — мировой парень. Далеко пойдет, — одобрительно отозвался о гостеприимном хозяине Олег, когда они с Артёмом, оставшись вдвоем после душа, обтирались махровыми простынями. — Всего себя отдает работе, и делает это, — он удивленно поднял брови, — совершенно бескорыстно. Виталику политикой бы заниматься — он всем мил. И большому начальству, и простым работягам.

Его слова оказались пророчеством, хотя Артём тогда и не принял их всерьез, резонно рассудив, что при всех очевидных достоинствах, Виталию без образования высоко не подняться.

Хорошо начавшийся для Наумова год так же успешно продолжался. Его отдел, в котором имелась лаборатория совершенствования технологических процессов, разработал ряд новых методов восстановления дефицитных деталей. Эти работы дали большой экономический эффект и принесли отделению ремонта авиатехники не только почет, но и крупные премии. Емельянов был доволен работой Артёма и не уставал его нахваливать.

Организация защиты в Киеве успешно продвигалась. Не без содействия Емельянова удалось получить прекрасный отзыв НИИ ВВС. Уже были собраны все отзывы по диссертации, в том числе и от ведущего киевского завода, когда произошло событие, грозившее вновь сорвать всю эту работу, стоившую Артёму огромных затрат духовных и физических сил.

— Пришла пора тебе принять на себя руководство отделением, — вызвав к себе, объявил ему начальник института. — Твой авторитет в коллективе еще больше вырос, все знают, что скоро станешь доктором наук, и с утверждением в министерстве затруднений не будет.

— Но зачем это сейчас нужно? — пытался протестовать Артём. — Емельянов управляет отделением неплохо и, по-моему, никаких интриг против вас больше не ведет. А мне сейчас надо все силы отдать предстоящей защите.

— Это только по-твоему он ведет себя тихо. Ваш полковник вместе с парторгом института продолжают против меня свою подрывную работу, — хмуро объяснил Цветко. — К сожалению, выгнать секретаря парторганизации не в моей власти. У него большие связи наверху, он — опытный политработник и тертый калач. Сумел-таки добиться поддержки наших коммунистов, — и решительно добавил. — А от его ближайшего соратника Емельянова избавиться можно. И тянуть с этим больше нельзя!

— Но почему? — Артём сделал последнюю попытку отбиться, уже сознавая, что это ему не удастся. — Может, лучше подождать переизбрания парткома? Сами понимаете, как тяжело мне придется, если наш секретарь настроит против меня коммунистов отделения. Начнется такая склока, что я не смогу работать!

— Разумеется, я это понимаю, — вздохнул Цветко. — И все-таки тянуть нельзя. Емельянов не может больше оставаться «и.о.», и на меня оказывается давление сверху. Если же я поддамся, и его утвердят в

должности, можешь не сомневаться, они сразу выпустят когти!

Понимая, что дело оборачивается хуже некуда, Артём удрученно молчал, и Иван Фомич, чтобы поднять ему настроение, решил «позолотить пилюлю».

— Жизнь, дорогой мой, — сплошная борьба, и побеждает в ней тот, кто не боится трудностей и идет им навстречу. Знаю, что тебе не с руки сейчас становиться на место Емельянова. Но, так надо! Да, придется нелегко. Зато наградой будет, если мы вместе выстоим, не только руководство отделением ремонта. Я вижу тебя в недалеком будущем своим заместителем по научной работе. Подумай, какие перспективы это открывает для реализации твоих творческих возможностей! Такой шанс ведь может и не повториться.

Однако Артёму было не до посулов начальника института. Он ясно отдавал себе отчет в том, какие осложнения на службе, — а главное, на уже подготовленном завершающем этапе защиты докторской диссертации, — последуют за его новым, казалось бы почетным, назначением. И они не заставили себя ждать.

* * *

Удары «из-за угла» последовали сразу же после выхода приказа о назначении Артёма на должность начальника отделения. И «первой ласточкой», возвещающей грозу, была поступившая в ученый совет Киева письменная кляуза. В ней за подписью двух профессоров института утверждалось, что в диссертации Наумова имеются принципиальные математические ошибки, и она не может быть допущена к защите. Об этом Артёму сообщил Иванов, один из трех его официальных оппонентов.

— Положение скверное, — сказал он, не скрывая тревоги. — Эти профессора не имеют отношения к технической эксплуатации самолетов, так как преподают общие дисциплины. Но один из них, Амбарцумов, известен тем, что на защитах задает каверзные вопросы. Его надо во что бы то ни стало утихомирить!

— Мне говорили о нем, и предупреждали, что будет мутить воду, если поспорю с военными. Он из их же касты, — упавшим голосом ответил Артём. — А кто этот второй? И какие они нашли ошибки? Математический

аппарат проверен, и по моей книге не было никаких замечаний.

— Так ты поссорился с вояками? Не надо было этого делать, — недовольно произнес Иванов.— Придется теперь попотеть, чтобы выправить положение. Главный закоперщик, конечно, — армянин. А второй, с кафедры математики, его подпевала. Он-то и написал этот поклеп. Сам Амбарцумов, говорят, двух слов по-русски правильно написать не может.

— Но у него есть опубликованные труды, — удивился Артём, — Даже толстый учебник по динамике, правда, в соавторстве.

— Вот именно — в соавторстве. Будто не знаешь, что некоторые только ставят свою фамилию, — презрительно усмехнулся Иванов. — Этот Амбарцумов как раз из таких «соавторов».

О том, что книги за профессора Амбарцумова пишут «негры», и тот не пренебрегает плагиатом, вскоре подтвердил старший научный сотрудник из отделения Артёма, доктор технических наук Мелоян. Тоже армянин и отставной полковник, когда-то друживший с киевским профессором, он сказал так:

— Я знаком с вашей диссертационной работой и возмущен подлой инсинуацией Амбарцумова. Мне известно, что он это делает с подачи Емельянова. Но за вами нет никакой вины. Вы под него не копали, и для нашего отделения лучше, что назначили вас, а не кого-то другого, — после недолгого колебания Мелоян неожиданно предложил: — Лучше всего для вас будет, в данной ситуации, если в Киев на имя ректора Дейнеко поступит анонимка о неприглядных поступках Амбарцумова, которой он даст ход.

— Но зачем мне опускаться до ответной клеветы? — брезгливо поморщился Артём. — Я и без этого могу опровергнуть их вымыслы.

— Вы только уроните себя, если начнете оправдываться, и они будут продолжать на вас клеветать, — возразил Мелоян. — Пусть этот сукин сын оправдывается сам! Поверьте, ему тогда уже будет не до вас, — и дружеским тоном добавил, — сочинять вам ничего не придется. Анонимку напишу и отправлю я. У меня есть неопровержимые факты плагиата, допущенного им в последней книге. Это будет сильнейшим ударом по Амбарцумову!

Как ни удивительно, к предложению Мелояна одобрительно отнесся и Юра Гордон, к которому Артём обратился за советом. К тому времени Юра заведовал крупнейшей лабораторией, был одним из лидеров в области вирусологии и уже поднаторел в научной борьбе.

— Очень толковое предложение. Это сейчас обычный и очень эффективный контрприем, — лаконично объяснил Юра. — Важно, чтобы

анонимка не содержала явной чепухи. Если обвинения будут серьезными, армянин непременно выйдет из игры! Лучше всего послать ее в солидную газету, обосновав документально.

Это звучало убедительно, но совесть у Артёма решительно протестовала и, недолго поколебавшись, он отказался последовать их совету. «Ну, допустим, анонимка мне здорово поможет, — удрученно думал он, — но я же потом не смогу себя уважать». И ему предпочтительней показался другой путь Противодействия Амбарцумову, который рекомендовал Гальчук.

— Пожалуй, есть способ укротить этого подлеца, — недолго думая, предложил он. — Кафедра Амбарцумова заключила хоздоговор с нашим Шереметьевским НИИ, и его оплата зависит от заказчика — отдела Дронова. Сечешь?

— Думаешь, Олег Дронов сможет на него повлиять? — усомнился Артём. — Ты, Боря, недооцениваешь смычки военных.

— Почему же? Знаю об этом. Но денежные интересы сильнее, — усмехнулся Гальчук. — Этот хоздоговор совершенно ничего не дает нашему НИИ, но для Амбарцумова это хорошая кормушка. Он сразу же отступит, если Дронов будет на твоей стороне. А вы с ним, помнится, в один год окончили МАИ?

— Да, мы с одного выпуска, с одного факультета и даже из одной группы, — подтвердил Артём, — но Олег Дронов к нам поступил уже на пятом курсе, оставшись на второй год. А до того учился вместе с Ковачем. Они до сих пор дружат.

Послушав Гальчука, он встретился с Олегом, однако и здесь его ждало разочарование. Однокашник, с которым вместе не раз готовились к экзаменам и далее одно время на пару ухаживали за девушками, по сути, тоже его предал.

— Сочувствуй/ тебе, Тёма, — сказал он, всем своим видом показывая, что дела бывшего сокурсника ему до лампочки. — Но оказывать давление на уважаемого профессора отказываюсь. И начальник института меня по головке не погладит за то, что использую служебное положение, и... — в его голосе прозвучала скрытая насмешка, — с твоей диссертацией что-то... не все в порядке...

— Что ты имеешь в виду? — еле сдерживая гнев, спросил Артём.

— Да так... — замылся Дронов. — То тебя обвинял твой аспирант, а теперь вот этот профессор...

«Все ясно! Они с Ковачем уже успели обо всем узнать и, наверняка, позлорадствовали над моей неудачей, — с горечью подумал Артём, решив

больше перед Дроновым не унижаться. — Не удивлюсь даже, если это они и науськали на меня Амбарцумова. Кажется, Фридрих Великий сказал: «Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак».

* * *

Друзья морально поддерживали Артёма и всячески старались повысить его боевой дух. Несмотря на неблагоприятно складывающуюся для защиты обстановку в ученом совете Киевского института, все они были уверены в его успехе. Сам Артём не сомневался, что его диссертация отвечает всем требованиям, и был уверен, что сумеет хорошо ее доложить. Но особенно обнадеживала поддержка, обещанная ректором.

— Тебе нечего беспокоиться, — уверял его Казанцев. — Дейнеко всегда держит данное слово. Стоит ему лишь цыкнуть на Амбарцумова, и тот сразу заткнется!

— Вот увидишь, — вторил ему завкафедрой технической эксплуатации Мухин. — Нашего армянина побаиваются, но не любят. Его мнение на членов совета не повлияет, тем более, что Амбарцумов не специалист в нашей области.

— Выходи на защиту без боязни, — подбадривал Артёма Гальчук. — Наша поддержка будет решающей. Иван Фомич прилетит в Киев, чтобы выступить на ученом совете. И само собой, Казанцев от министерства.

Но, когда Артём наконец-то решился и согласовал с ученым секретарем киевского института дату своей защиты, как гром среди ясного неба грянула новая беда. Из-за каких-то хозяйственных Нарушений сняли с должности ректора Дейнеко. Этот сокрушительный удар деморализовал не только Артёма, но и его руководство.

— Вот теперь и я говорю: в Киеве тебе сейчас ничего хорошего не светит, — сочувственно сказал Гальчук, сообщив эту новость. — Надо будет выдержать паузу. Мы им направим письмо с просьбой отложить твою защиту на полгода по производственной необходимости.

* * *

От срыва защиты в Киеве Наумов совсем было приуныл, и выручило лишь сообщение о скором приезде семейства Телеманиов, которое в полном составе направлялось с туристической группой через Москву в

Узбекистан, собираясь посетить Ташкент, Бухару и Самарканд. Поэтому горевать было некогда, ибо немецкие друзья сообщили, что придут к ним на десять дней раньше остальной группы, чтобы погостить и вместе провести время.

— А ты знаешь, что я придумала? — азартно блестя глазами, предложила никогда не унывающая Варя. — Давай-ка, и мы слетаем в Ташкент, а может, и в Самарканд! Как ты на это смотришь? Погостим недельку у Оксаны и Дарвина, они ведь нас давно приглашали. А тебе необходимо развеяться и запастись положительными эмоциями!

Оксана Семенова, с которой Варя сдружилась, когда они отдыхали в Анапе, после рождения дочери развелась со своим милиционером. Причина была самой банальной — муж пил, во хмелю распускал руки и не желал лечиться. Но толчком к разводу явилось то, что в нее влюбился молодой хирург из Узбекистана, приехавший в Москву защищать докторскую диссертацию. Этот узбек, носивший необычное имя Дарвин, вскоре увез Оксану, вместе с дочкой, в Ташкент, где она родила ему еще двоих детей.

Артём познакомился с ним во время очередного приезда в Москву на даче у матери Оксаны и сразу проникся глубокой симпатией. Когда они с Варей вошли на приусадебный участок, их аппетит сразу раздражил ароматный дымок, струившийся из уголка сада. Там, устроив самодельный очаг, хлопотал над котлом крупный черноволосый мужчина, приготавливая какое-то восточное блюдо. При виде гостей, он оторвался от своего занятия, вышел им навстречу и, протянув сильную руку хирурга, приветливо улыбнулся.

— Рад видеть старых друзей Оксаны! Она мне много о вас говорила, — мягко произнес Дарвин и сделал приглашающий жест в сторону дома. — Добро пожаловать! Оксаночка уже накрывает на стол. А я еще немножко задержусь. Хочу угостить вас нашим национальным блюдом. Пальчики оближете!

Его большие карие глаза смотрели весело, широкое добродушное лицо сразу вызывало симпатию и он, разумеется, им понравился. Ну, а за столом Дарвин проявил себя не только хлебосольным хозяином, но остроумным, компанейским человеком. Поэтому Артём с удовольствием откликнулся на предложение Вари погостить у них в Ташкенте и, заодно, слетать в Самарканд — эту жемчужину Средней Азии, где они никогда не были.

Телеманны прилетели в середине мая. Стояла теплая сухая погода, цвела сирень, и Артём с Варей свозили гостей на экскурсию в Троице-Сергиевскую лавру, не забыв по дороге заехать в знаменитое Абрамцево. По просьбе будущей учительницы русского языка Мартины съездили и в

Мелихово, музей-усадьбу Чехова и, само собой, в Пирогово — на одно из подмосковных водохранилищ, являющееся излюбленным местом отдыха москвичей.

Разумеется, все увиденное немецких друзей просто очаровало, но особый восторг у них вызвало посещение Троице-Сергиевского монастыря.

— Мы вновь были поражены тем, до чего же богата была ваша страна, даже ее духовенство, — выразил их общее мнение Рейнхард. — Не говоря уже об одеяниях священников, сплошь усыпанных драгоценными камнями, нас удивило то, что этот монастырь, оказывается, в прошлом был одним из самых крупных землевладельцев России.

— Оказывается, даже такие цари, как Иван Грозный и Петр Первый заискивали перед этим монастырем, — добавила Мартина, — который был одновременно и их банком, и оплотом при нашествии врагов. — Она осуждающе посмотрела на Артёма и Варю. — Ваша история почему-то умалчивает о том, что было умерщвлено все семейство Бориса Годунова. Но это же очевидно! В монастыре похоронены все его близкие, включая малолетних детей, и умерли они почти одновременно!

Но программа приема немецких гостей в этот раз не ограничилась осмотром достопримечательностей и посещением театров. Накануне их вылета в Ташкент Артём с Варей устроили прощальный вечер в ресторане «Новый Арбат», одном из немногих, где в то время работало варьете. И хотя эстрадный концерт, стилизованный на лубочнорусский манер, был далеко не из лучших, Телеманны, особенно девочки, остались очень довольны.

В тот же вечер они присоединились к своей туристической группе и, расставаясь с Артёмом и Варей, пригласили приехать к ним в гости следующим летом уже в Росток. Рейнхарда повысили в должности, и его семья переехала в этот портовый город, поскольку там базировался военноморской флот ГДР.

* * *

Дарвин Рустамов, став доктором медицинских наук и профессором, заведывал отделением грудной хирургии и делал наиболее сложные операции. Недалеко от клиники ему предоставили, с учетом большой семьи, пятикомнатную квартиру такой большой площади, что младшие дети разъезжали по ней на велосипеде.

Всеми миру известно русское хлебосольство и широта русской природы,

но в гостях у Рустамова Артём с Варей убедились, что узбеки никому в этом не уступают. Причем, даже бравируют своей щедростью. Не только у Дарвина, но и у его друзей на стол не только подавалось все самое лучшее, но демонстративно выставлялись ящики с напитками и корзины с фруктами. Этим хозяева как бы подчеркивали, что их гости могут ни в чем себя не ограничивать.

— Я вас вожу к друзьям, которых пригласил отметить ваш приезд,— объяснил им Дарвин, когда, устав от чревоугодия, они хотели уклониться от очередного визита. — Таков у нас обычай. Иначе друзья на меня обидятся.

И каждый старался перещегоолять другого. Но лучшее празднество устроил для гостей Дарвина один из его благодарных пациентов, организовав выезд на «Ташкентское море». Для москвичей совершенно необычным было то, что по дороге они заехали в чей-то двор и купили живого барашка, прихватив его с собой. Эта поездка была чудесной!

В мае там уже царило жаркое лето. Их привезли на берег огромного водохранилища, где находился загородный домик друга Дарвина. Гости сразу отправились купаться. Как разделали молодого барашка, они не заметили, потому что не вылезали из воды, а коньяк в пиалах и шампуры с шашлыком им подавали с берега. Такого лаг-мана и плова, как здесь, Артём и Варя больше не ели нигде и никогда!

Пиршества не прекращались всю декаду и, лишь сидя в салоне маленького Як-40, летящего в Самарканд, они облегчённо вздохнули, хотя с ними летели и Дарвин с Оксаной, решившие составить им компанию и вместе полюбоваться на шедевры архитектуры этого древнего города.

— Неужели мы теперь сможем нормально питаться? — улыбаясь сказал Артём Дарвину. — Ну, и обжираловка была! Никогда столько не ел. С такой жратвой человеку нужна, согласись, — он понизил голос, чтобы не слышали женщины, — вторая ж...па.

— Ну, ты и скажешь! — захохотал Дарвин. — Никто тебя не заставлял столько есть. А мы привыкли. У нас считают: тот не мужчина, кто ест меньше десяти шампуров шашлыка.

— Выходит, — шутливо развел руками Артём, — и я не мужик, так как мне и двух хватает.

Однако, в Самарканде они уже питались скромнее, и к излишествам можно было отнести лишь вкуснейшую самсу и манты, которые они поглощали с огромным удовольствием и в большом количестве. Налюбовавшись на знаменитое медресе и обсерваторию Улугбека, друзья в тот же день распрощались, так как Артём с Варей сразу летели в Москву.

— Это правильно, Артём, что в сложившейся ситуации ты решил взять

тайм-аут. Тебе необходимо сейчас передохнуть и собраться с новыми силами для решающего рывка, — сказал ему Дарвин, когда они в аэропорту ожидали регистрации рейса. — Только не вздумай отступать! Это на первый взгляд у меня все прошло гладко. Было немало преград, но все решило мое упорство, — и сочувственно добавил. — У меня было то же самое. Здесь работу не принимали, не желая плодить конкурентов. Пойди я напролом, набросали бы черных шаров. Пришлось ехать в Москву. Вот и ты, плюнь на Киев, раз у тебя там завелись враги.

«Наверное, так и сделаю. Как начальнику отделения, мне нельзя рисковать потерей авторитета. На киевском институте свет клином не сошелся!» — думал Артём, твердо решив, что пройдет весь этот тернистый путь до конца.

Глава 14. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРАХ

Экономический крах советского государства стал очевидным. Цены на нефть упали, и дефицит основных продуктов питания усилился. С мясом положение было просто катастрофическим, с маслом тоже. Если раньше страна еще как-то перебивалась за счет ввоза зерна, мороженого мяса и мясных продуктов из-за рубежа, то в связи с уменьшением валютных поступлений и разбазариванием «нефтедолларов», объем импорта значительно сократился.

В магазинах мясо отсутствовало повсеместно. Колбасу, как тогда говорили — «выбрасывали» только в столице. Отпуск в одни руки был строго ограничен, и за ней выстраивались длинные очереди. Чтобы как-то сократить спрос, лживая пропаганда из кожи вон лезла, внушая населению, будто эти главные продукты питания вредны для здоровья. Дескать, сливочное масло содержит холестерин, а мясные продукты полезно разбавлять белковыми добавками.

Однако, несмотря на то, что колбаса и сосиски больше содержали примесей, чем мяса, из ближайших городов за ними в Москву хлынул народ, а увозившие его домой поезда метко звали «колбасными». Для простых людей главным были харчи, а не их качество, хотя оно и не выдерживало никакой критики. А для партийно-чиновничьей элиты, по-прежнему, выпускались продукты строго «по ГОСТу», но они были доступны только ей.

Артём ещё не совсем забыл вкус настоящей колбасы и сосисок, и то, что Варя удавалось иногда купить в магазине, не лезло в горло. Не мог он заставить себя есть и серые эрзац-сосиски, которые продавали в буфете у него на работе. Но хорошее мясо можно было купить только на рынке, и стоило оно безумно дорого.

— Поневоле станешь вегетарианцем, — угрюмо пошутил Артём за обедом, не слишком довольный постными щами из кислой капусты, хотя Варя готовила их очень вкусно. — Может, и впрямь, полезно обходиться без мяса?

— А что? Еще Лев Толстой утверждал это, — охотно поддакнула его неунывающая жена. — Но все же непонятно, почему у нас так мало его производят. Как ты это объяснишь? Что, уже пасти скот негде?

— В чем причина, спрашиваешь? — Артём зачерпнул ложкой остатки щей и отодвинул тарелку. — Вообще-то, причин много. И в числе их,

кстати, сокращение пастбищ для скота. Ведь при строительстве гигантских ГЭС загубили большую часть заливных лугов, на которых веками пасли скот. Но главная причина в том, — с горечью заключил он, — что не оправдывает себя наша система ведения хозяйства. Бесхозная она!

— Это как же? — удивленно воззрилась на мужа Варя.— И это говоришь мне ты, борец за построение коммунизма? Что же, по твоему, у капиталистов система хозяйства лучше?

— Выходит, что так, Ничего у нас не получается из-за коллективной собственности. Из-за того, что на земле нет настоящего хозяина. Вот Финляндия — вроде капстрана, а какое у нее сельское хозяйство! Она сама-то крошечная, а даже нас кормит.

— И правда, снабжает нас своим сервелатом и «Виолой». На Олимпиаде всех только и кормили финскими продуктами.

На прошедших в Москве Всемирных Олимпийских играх общественное питание осуществлялось только за счет импорта. Очевидно, власти опасались претензий к низкому качеству отечественных продуктов.

— Если так и дальше пойдет, придется всем перейти на натуральное хозяйство,— мрачно заключил Артём. — Недаром сейчас народ так стремится заполучить шесть соток земли, чтобы хоть что-то выращивать самим.

— Слушай, Тёмочка, а почему бы и нам не взять садовый участок? — не очень уверенно предложила Варя. — Если бы только можно было поближе. Уж больно далеко их дают, аж за сто километров от Москвы.

— Нашему институту как раз выделили неподалеку. Бывший полигон для бомбометания, — ответил Артём и тут же усомнился: — А стоит ли нам брать на себя столько новых забот и расходов? И мне некогда этим заниматься.

Но Варя уже зажглась этой новой идеей.

— Но ведь ты отложил пока защиту диссертации, и сможешь уделить этому немного времени, — напомнила она. — От тебя потребуется только все оформить, закупить материалы и нанять рабочих. А прослежу за всем я сама.

— Легко сказать! Попробуй достать сейчас стройматериалы, — не согласился Артём. — Дача свяжет нас по рукам и ногам, да еще придется там постоянно вкалывать.

— Нет, нельзя упускать такой благоприятный случай! — запротестовала Варя. — Люди берут участки за сотни километров, далее на болотах, а тут, ты говоришь, совсем рядом. Возьми, Тёмочка, если можно! Мы с этим справимся.

— Но там же был полигон, и он весь в воронках от бомб. Ты не побоишься? — попытался охладить ее пыл Артём. — И потом, если даже построим там дом, работать в саду мне будет некогда.

— Об этом не беспокойся, — отрезала Варя. — Если бы там было опасно, полигон не передали бы под садовые участки. И не забывай, что я росла в деревне. Работа в саду и на огороде для меня не в тягость.

Возможно, Артём бы и не послушался жены, так как ему совсем не хотелось связываться с садовым участком. Но когда он выяснил, что бывший полигон находится в их излюбленных грибных местах, среди березовых рощ, которые простирались от Лопасни до Михнева, это решило дело. «Наверно, и правда, нам с Варей пора занять загородную базу для отдыха, — убеждал себя он. — Уже возраст не тот, чтобы спать в машине или ночевать в палатке».

Было и еще одно обстоятельство, способствовавшее решению взять садовый участок. Артём уже не рассчитывал на тесный контакт и добрые отношения с дочерью. Но у него зародилась слабая надежда на то, что имея дачу, сможет все нее иногда на лето забирать туда внуков, если они у него появятся.

* * *

Садовый участок Артёму, разумеется, дали и до самой весны все свободное время уходило на поиски строительных материалов. Они с Варей хотели поставить утепленный дом, чтобы в нем можно было жить и зимой. Но купить необходимый для этого бревенчатый сруб или хотя бы несколько кубометров бруса в то время было невозможно. Но свойственные ему энергия и предприимчивость помогли решить и эту архисложную задачу.

— А мне удалось-таки нащупать способ получить нужные для сруба бревна, — объявил он Варе, вернувшись домой после очередного поиска стройматериалов. — В Сокольниках сносят старые бараки.

— Но из-за них же там будет драка. Неужто ты в нее полезешь? — усомнилась Варя. — И потом, их построили еще в прошлом веке. Бревна-то наверняка гнилые.

— Может, и так, но их много, и можно выбрать, — Артём был преисполнен оптимизма. — И никакой драки не будет. Я получу материалы с разборки на законном основании, оплатив их стоимость.

— Но как тебе это, Тёмочка, удалось? — поразилась Варя. — Пришлось

дать кому-то «на лапу»?

— Дал бы, да не умею, ты же знаешь. Просто повезло, — весело ответил Артём. — Я во время подвернулся начальнику ЖЭКа, на чьей территории эти бараки. Он один из них обещал отдать районному прокурору.

— А причем здесь ты? — удивилась Варя.

— Прокурору не нужен весь двухэтажный барак и неохота этим заниматься. Вот он и предложил мне половину, если я возьму на себя разборку и, естественно, все оплачу.

— Почему же это «естественно»? — возмутилась Варя. — Выходит, что прокурор получит столько же, сколько и ты, на халяву?

— Получит, потому что — прокурор, — и начальник ЖЭКа, не зря, наверное, хочет ему угодить, — сердито ответил Артём. — Может, мне поэтому отказаться?

Но упускать такой случай было нельзя, и он энергично занялся разборкой барака. В ближайшую субботу, предварительно заказав в трансагентстве два трейлера, с самого утра пригнал с соседней стройки экскаватор с бульдозером и приступил к делу. Прокурор, высокий тучный старик, стоя в сторонке, лишь наблюдал за происходящим.

Мощная техника в два счета разворотила барак, но массивные бревна его стен оказались сплошь гнилыми и, хотя из разрушенной торцевой стены образовалась огромная груда отборного кирпича, и было много другого ценного для строительства материала, прокурор тут же дал задний ход.

— Для меня представляли интерес только бревна, — уходя, объяснил он несостоявшемуся партнеру. — Прохвост из ЖЭКа уверял, что они в хорошем состоянии. Ничего, он мне найдет бревна получше.

Формально все принадлежало Артёму и, огорчившись по поводу негодных бревен, он дал команду грузить все остальное на прибывшие трейлеры и продолжать разборку. Вскоре обнаружилось, что прокурор напрасно поторопился уйти. Длинный барак посередине во все два этажа был перегорожен капитальной стеной из тесаных бревен, которые отлично сохранились. Они были восьми метров длиной, и их с избытком хватило бы на два сруба.

Таким образом, разборка барака, доставив много треволений, завершилась вполне успешно. Загрузив трейлеры доверху всем необходимым для постройки добротного зимнего дома, включая даже аккуратно демонтированные изразцы и детали печей, Артём отправился сопровождать их до своего садового участка. Начало строительству было

положено.

Господь Бог не обделил Артёма здоровьем. Он очень редко болел и то, в основном, простужался в жаркое время года из-за охлажденных напитков. А тут в канун Первомая лег в больницу с двусторонним воспалением легких. К этому, очевидно, привели частые поездки на садовый участок, где приходилось зимой работать по колено в снегу, а ранней весной — в половодье и не всегда удавалось вовремя просушиться.

Лежал он в ведомственной клинике Аэрофлота. Условия там были хорошие, Варя и сестра Лёля о нем постоянно заботились, но все же он сильно переживал из-за того, что теряет зря много времени. Погода стояла чудная, и его тревожили не дела в отделении, которые шли своим ходом, а то, что застопорилось строительство дома на садовом участке.

Стремясь поскорее выйти из больницы, Артём выполнял все предписания врачей и даже, по их рекомендации, бросил курить. В других обстоятельствах это вряд ли бы произошло, так как он никогда не верил, что табак приносит вред, если курить его в меру. «Ведь человек — не лошадь, которую убивает капля никотина, — рассуждал Артём, ибо знал курильщиков, доживших до ста и более лет. — Если бы это было вредно, они так долго не протянули бы».

Однако все равно, его выписали только спустя месяц. И когда Варя приехала с вещами к нему в клинику, то с порога ошеломила Артёма новостью, которая заставила его сразу отложить свои дачные планы.

— Ты даже не представляешь, кто ждет тебя дома, — как-то загадочно объявила Варя, когда он одевался. — Твоя вторая дочь! Почему ты, — добавила она с укором, — о ней мне раньше ничего не говорил?

— Что еще за «вторая дочь»? Ты шутишь? — опешил Артём, вовсе не уверенный в том, что произошло недоразумение, и лихорадочно перебирая в уме грехи своей молодости.

— Какие уж тут шутки! — печально произнесла Варя. — Зовут ее Лена, приехала из Сибири. Говорит, даже не знала, что ты — ее отец.

— А как же узнала? Ведь прошло столько времени, — уже догадавшись, чья это дочь, неуверенно произнес Артём. — Она уже, должно быть, совсем взрослая.

— Приехала поступать в университет. Симпатичная девушка и, — Варя грустно вздохнула, — на тебя похожа. Мать, пока была жива, ничего ей не говорила.

— Она что, недавно умерла? — взгляд у Артёма затуманился. — И эта девушка считает, конечно, будто мать сказала ей правду.

Варя взглянула на него в упор, ее глаза сузились:

— Ты, что же, собираешься отрицать свое отцовство? Человек перед смертью лгать своей дочери не будет.

— Не собираюсь я ничего отрицать, — растерянно сказал Артём. — Хотя у меня и есть серьезные основания для сомнений. Но, в любом случае, этой Лене мы поможем и принять ее нужно хорошо. Ее матери я многим обязан.

— Не подумай, что я на тебя сержусь. Все это было до меня, — сказала ему Варя, когда они сели в такси. — И Лена симпатичная. Если поступит в университет, я согласна, чтобы она жила с нами, — немного помолчав, она тихо добавила: — Мне кажется, я могла бы заменить ей мать.

Лена оказалась невысокой привлекательной брюнеткой с голубыми глазами. На свою мать она была не похожа, но и с собой сходства, за исключением глаз, Артём тоже не нашел. По виду девушке нельзя было дать ее двадцати лет, но самостоятельности и смелости ей было не занимать.

— Выходит, вы и есть — мой фатер? Вид у вас моложе, чем я думала. Наверно, не рады, что я появилась? А я так очень! Мне всегда было завидно, что у сестры есть отец, а у меня нет.

— Как там она? Вышла замуж? — смущенно поинтересовался Артём. — Я ведь знал ее совсем маленькой.

— Замужем. За Ахметом. Он — татарин, но человек хороший. Работают вместе на одном заводе, — лаконично сообщила Лена, и задала вопрос в лоб: — А почему вы никогда не интересовались мной?

— Не знал, что у меня есть еще одна дочь, — так же коротко ответил Артём. — Мы ведь с твоей мамой уже не жили вместе, и у нее были другие друзья.

— Выходит, мать сказала неправду? — вспыхнула Лена. — Не думайте, что я вам навязываюсь! Я пришла лишь посмотреть на того, кого она назвала моим отцом.

— Не надо только обижаться! Наверное, мама не лгала. Не буду отрицать, что раз или два ночевал у нее, по старой памяти, когда поздно было возвращаться в аэропорт, — искренне поведал ей Артём. — Поэтому во всем тебе помогу, как своей дочери. Я лишь просто ответил на твой вопрос.

Лене они уступили свою маленькую спальню, так как ей предстояло сдавать экзамены, и их надо было сдать хорошо. Она поступала на факультет журналистики, там был огромный конкурс. Но девушка была преисполнена надежды на успех, хотя в прошлом году не сумела поступить

в своем городе.

— Весь год я внештатно проработала в молодежной газете и представила много своих работ, — с гордостью объяснила Лена. — Мне сказали, что это имеет большое значение. Но, конечно, и сдавать надо получше.

«Напрасно ты на это рассчитываешь. Все решает блат, — с горечью подумал Артём, но разочаровывать ее не стал. — Надо срочно принять меры. Познакомить с Лёлей, чтобы Бандурский ей помог поступить. Сеня не откажет, — решил он, — так как есть основание — корреспонденции Лены».

Он не ошибся. Сначала Лёля была шокирована происшедшим, но новоявленная племянница ей очень понравилась, она прониклась к ней сочувствием, и это решило дело.

— Я показала Сене ее работы, и он нашел их совсем неплохими, — с важным видом сообщила она брату. — Декан факультета ему хорошо знаком, так что все будет в порядке. Но ты пока Лене ничего не говори. Лучше приоденьте ее с Варей. Чтобы не выглядела такой провинциалкой.

Варя и сама об этом же твердила Артёму, и к тому времени, когда начались экзамены, «сибирская дочь» обрела внешний вид, не отличающийся от других абитуриенток.

* * *

Лена успешно сдала экзамены в Московский университет и была зачислена на первый курс престижного факультета журналистики. До начала занятий она уехала домой, и тогда в дорогу собрались Артём с Варей. Выездные документы по приглашению семьи Телеманн уже были оформлены, но их задерживало получение новой машины, на которой они и намеревались совершить большое заграничное путешествие в ГДР через Польшу.

Их старей «Жигуль» был еще в порядке, но Артёму для дачи нужен был «Универсал» с длинным кузовом, в котором помещалось больше грузов. Ему удалось на него записаться, очередь подошла быстро, и деньги тоже уже были внесены, так как продать поддержанную машину в то время было несложно. И тут приключилась загвоздка: всю партию «Универсалов» отправили на экспорт, а очерединикам объявили, что следующая поступит

лишь через полгода!

Правда, в извещении предлагалась взамен более мощная и комфортабельная модель «03», но она стоила намного дороже и, главное, для Артёма терялся весь смысл обмена машин. Но делать было нечего, пришлось примириться с очередной неудачей и излишней тратой денег.

— Ничего, как говорится: «пережили войну, переживем и изобилие», — утешая его, пошутила Варя, — Жаль, естественно, переплачивать, но зато какой комфорт! Сиденья плюшевые, снабжены подголовниками. И молдинги очень украшают машину. А мощный двигатель позволит нам быстрее преодолеть такое огромное расстояние.

И вот, с трудом запасшись продуктами, необходимыми в дальней дороге, и изучив по карте маршрут, Артём и Варя двинулись в путь на новенькой машине. Тот автопробег запомнился тем, что наряду с приятными впечатлениями были и негативные. А некоторые эпизоды врезались в память на всю жизнь. Так, при пересечении границы в Бресте, пожилой солидный таможенник конфисковал у них единственный батон сырокопченой колбасы.

— Это провозить через границу запрещается, — строго объявил он, мертвой хваткой зажав в кулаке заветный деликатес. — Остальное можно.

— Но почему? — взмолилась Варя. — Нам еще ехать двое суток через Польшу и ГДР. Все остальное быстрее испортится.

— Эта продукция дефицитна и ее экспорт запрещен, — не глядя в глаза, хмуро объяснил таможенник. — Ее не хватает для внутреннего потребления.

— Нам это известно. Еле достали, чтобы взять в дорогу, — пришел на помощь жене Артём. — Мы же не торговать, а съесть ее собираемся!

Но таможенник был неумолим и удалился, унося «запрещенный» продукт.

— Ладно, обойдемся. Фактически он у нас ее украл, но скандалить не стоит, — удрученно заключил Артём. — Еще, чего доброго, не пропустят.

— Какая вопиющая наглость! — разъярилась Варя. — Я этого так не оставлю!

И она бросилась вдогонку за таможенником, — тот уже успел скрыться в дверях. Через пару минут Варя вернулась, победно улыбаясь, со спасенной половиной батона.

— Представляешь? Вхожу вслед за ним в кабинет, а он уже прячет колбасу в ящик своего стола, — не удержавшись фыркнула она. — Увидав меня, молча достал нож, отрезал себе половину батона и лишь сказал: «Не журишь, дочка, всем есть хочется».

— Ладно, что поделаешь, Варенька. Как-нибудь перебьемся, — повеселел Артём. — Видно, у них здесь еще хуже, чем у нас.

За дорогу они убедились, что в Белоруссии жили «без излишеств», но когда переехали в Польшу, то были просто поражены, так как не ожидали, что и там плохо с продуктами питания. Эта «соцстрана» тоже потерпела экономический крах, ибо в магазинах было пусто, и население, чтобы хоть что-то купить, с утра томилось в очередях. Люди были озлоблены и враждебно косились на машину с советскими номерами. И хотя их настроение было объяснимо, у Артёма с Варей произошла ответная реакция и, покидая Польшу, они распевали известную с детства песню:

Помнят псы атаманы, помнят польские паны

Конармейские наши клинки!

Польша Варе показалась очень бедной, ничего из того, что хотела, там она не купила, и понравились ей лишь костелы и Вавель — королевский дворец в Кракове. Однако, когда приехали в ГДР, ее также ждало разочарование. В приграничных городах было полно поляков, и они скупали все лучшее. «Мы можем что-то купить, лишь когда играют польский гимн», — недовольно шутили немцы. Но это было лукавство, поскольку продавцы для своих припрятывали нужный товар.

Телеманны встретили Артёма и Варю очень тепло и обрадовали их тем, что решили вместе с ними совершить поездку в Дрезден, чтобы не только показать знаменитую картинную галерею, но и коллекцию лучшего в мире фарфора, заехав в старинный городок Мейсен. Варю Моника утешила тем, что необходимые покупки она сможет сделать по дороге.

— Лучшие вещи сейчас можно найти только в маленьких городках, где не бывают поляки и... — Моника неловко замялась, — русские. Если бы не наплыв тех, — она снова запнулась, подбирая нужное слово: — кто все скупает, нам бы товаров вполне хватало.

Моника Варю не подвела. С ее помощью в пути Варя и Артём купили все, что хотели, в том числе кожаные пальто и даже сервировочный столик. Средневековый Мейсен их просто очаровал, не говоря уже о всемирно известной картинной галерее. Правда, не обошлось без неприятностей. В Дрездене произошло наводнение, и их машины ночью, пока спали в гостинице, наполовину затопило.

— Кто бы мог подумать, что такое случится! Вы уж нас извините, — сокрушались Рейнхард и Моника. — Мы оплатим все, что потребуется, чтобы привести вашу машину в порядок.

К счастью, после просушки, обе машины оказались исправны. Тепло простившись с Телеманнами, которые проследовали дальше в Тюрингию,

чтобы навестить родителей Моники, Артём и Варя пустились в обратный путь.

* * *

Проведенная Артёмом реорганизация отделения ремонта авиатехники дала свои результаты, и оно уверенно заняло первое место среди других коллективов института. Вопреки ожиданиям, секретарь парторганизации Чернецов противодействия этому не оказал. Понимая его бессмысленность, умный политработник на время надел маску доброжелателя. И, затаив зло, постарался провести награждение победителей так, чтобы вызвать у остальных сотрудников чувства обиды и зависти.

— Посмотри, что делает этот лицемер,— раскусив его двуличие, сказал Артёму Гальчук. — Так рахваливает и ставит в пример другим твои успехи, что натравит на тебя коллег — начальников отделений. Расчет его прост: если они взревнут, то начнут перед всеми чернить и в конце концов сожрут.

— Выходит, зря мы завоевали Красное знамя, и мне это повредит? — опешил Артём. — На что же тогда соцсоревнование? Я же не мог скрывать достигнутое!

— Так уж и не мог, — несогласно покачал головой Гальчук. — Но сейчас чего об этом говорить? В другой раз будь умнее, не то наживешь кучу врагов.

Он помолчал и, бросив теплый взгляд на Артёма, добавил:

— Ты ведешь себя неразумно. Смотри, как бы и я тебя не приревновал!

— Этого еще недоставало! — Артём даже растерялся. — Чем тебе-то я не угодил?

— А тем, что объединился против меня с Полуниным, — без обиняков открыл причину обиды Гальчук. —

И не отрицай! Я знаю, что вы с Варей меня осуждаете так же, как и он со своей Дусей.

Поняв в чем дело, Артём промолчал, соображая, что должен сказать в ответ. Михаил Полунин работал вместе с ним и Борисом, потом ушел в ракетное НИИ, но снова вернулся и возобновил с ними тесную дружбу. Он тоже любил «тихую охоту» и влился, вместе с женой, в их постоянную компанию. Но Борис совсем недавно, после рождения младшего сына, порвал со своей семьей, и Полунины его осуждали.

— Не стану отрицать, мы с Варей солидарны с Полуниными. И дело не в том, что ты ушел от жены, с которой мы столько лет дружили, — откровенно ответил Артём.— Ты бросил ее с грудным ребенком! Зачем было заводить второго, раз не мог с ней жить?

Гальчук недовольно нахмурился, йо все же открыл душу другу.

— Верно сказано про «невидимые миру слезы»! Не хотел ни с кем, кроме матери, говорить об этом, но тебе, Артём, скажу. Это была видимость, что у нас с Машей лады... А на самом деле все висело на тонкой нитке. Долгие годы! — в его словах сквозила горечь. — Как ни пытался, не смог я простить ей измены, после того, как «оба-рахленные», мы вернулись из загранки с маленьким сыном. Маша сошлась с тем, кого любила прежде, а меня они с тещей выгнали из дому, как собаку!

— Но ты же потом вернулся?..

— Мне хотелось сохранить семью! Но ничего не получилось, — признался Гальчук. — Маша меня не любила, они с тещей создали мне дома суший ад, а я, сжав зубы, терпел. А решился уйти от них, когда у меня случился сердечный приступ из-за того, что высокое начальство хотело сделать меня козлом отпущения за катастрофу «Ан-10». Помнишь?

Эта тяжелая катастрофа произошла совсем недавно. У самолета отвалилось крыло, а комиссию по увеличению его межремонтного ресурса возглавлял как раз Гальчук. Его и обвинили в гибели самолета и людей.

— Еще бы не помнить. Но ведь потом выяснилось, что ошиблись в расчетах прочности, — ответил Артём. — Причем же здесь Маша?

— Это потом. А тогда я свалился от переживаний, и она, хотя подозревали микроинфаркт, выставила меня на кухню. Да-да! И не смотри на меня так! Выставила, потому что я поссорился с тещей. Там я и пролежал, пока не отвезли в больницу. Это и переполнило чашу терпения!

Он умолк, и возникла неловкая пауза. «Да уж, легко судить со стороны. А чтобы понять человека, надо побывать в его шкуре, — с грустью думал Артём. — Наверное, допекла его Маша, раз решился уйти, после того, как столько лет прожили и родили малыша».

— Ладно, бывшее не вернуть, — нарушил тяжелое молчание Гальчук. — Значит, вы теперь с Полуниными хороводитесь?

— Да ты, я вижу, и правда нас к ним ревнуешь. А мы всего один раз съездили с Полуниными на Истру — отдохнуть на «даче Геринга».

— Вот, я об этом и говорю. Он мне давно предлагал поехать на Истринское водохранилище. Там вроде рыбалка знатная. А что это за «дача Геринга», да еще под Москвой?

— Не знаю, правда ли это, но так называют офицеры свою загородную

базу отдыха на Истре. Это роскошная бревенчатая вилла — из тех, что строят в горах Австрии и Швейцарии. С черепичной крышей, высокими трубами каминов и цветными витражами веранд. Говорят, что это был один из охотничьих домиков Геринга.

— Но как он оказался на Истре? — поразился Гальчук.

— Об этом тоже ходит любопытная легенда,— недоверчиво усмехнулся Артём. — Будто маршалу Балобанову, командовавшему дальней авиацией, после победы боевые товарищи решили преподнести в подарок эту дачу. Аккуратно разобрали, переправили на самолетах, и поставили на высоком берегу Истры.

— Тогда, почему там теперь охотничий дом офицеров? Неужели Балобанов не принял подарок? По тем временам это было делом обычным.

— Как говорят, маршал вынужден был отказаться, — объяснил Артём. — Кто-то капнул на него Сталину. И хотя Балобанов ходил в любимчиках, ему грозило разжалование в рядовые. Отец народов требовал скромности в быту и был беспощаден к тем, кто беззастенчиво обогащался.

Понимая тяжелое душевное состояние Гальчука, Артём стал уделять ему больше внимания и, в один из выходных, по его просьбе, свозил подышать свежим воздухом в любимую березовую рощу. Несмотря на то, что был уже октябрь, им удалось набрать полную корзинку белых грибов. Сто; ти последние дни бабьего лета. Солнце светило, но не грело. В их отношениях тоже заметно сквозил холодок.

* * *

Дальнейшее ухудшение отношений с Гальчуком произошло из-за польской килевой яхты. Это гоночное судно с отделанными красным деревом каютами, при которых имелась даже кухонка и гальюн, было приобретено аж за сорок тысяч долларов министерством гражданской авиации для спортивных целей. Хотя формально оно не принадлежала институту, распоряжался яхтой ее капитан Зябкин, работавший в отделении ремонта авиатехники. Он стал яблоком раздора.

Зябкин был фанатиком этого вида спорта и жаждал участвовать во всех, без исключения, соревнованиях. Начальник отдела, в котором тот скорее только числился, а не работал, мечтал от него избавиться и добился бы этого, если бы хитрый яхтенный капитан не сумел заинтересовать Артёма. В один из погожих летних дней он пригласил институтское начальство прокатиться на своей яхте и научил Артёма и Гальчука ловить

ветер, управляя парусами.

Превратившись в усердных матросов, они с увлечением травили шкоты и по достоинству оценили этот азартный вид спорта.

— Как жаль, что учась в институте, я им не заинтересовался, — с сожалением вздохнул Артём. — Ведь чем только не занимался. И свои яхты у МАИ были.

— И у нашего института были яхты, на которых ребята гоняли по Днепру. Но у них из-за этого плохо было с учебой. Я побоялся, а теперь жалею, — вторил ему Гальчук. — На яхте можно провести целый день, а на пляже лежать надоедает.

Вскоре к Артёму явился Зябкин с жалобой на начальника отдела.

— Он запрещает мне уходить с работы, когда этого требует Гальчук. И угрожает увольнением, — заявил он, нахально глядя на начальника отделения: — Вы уж вправьте, пожалуйста, ему мозги, чтобы меня не трогал!

— Боюсь, что мозги надо вправить вам обоим. Почему мне не доложили об этом? — нахмурился Артём, его задело, что Гальчук распоряжается его подчиненным через его голову. — Для содействия спорту я дал вашему отделу лишнюю штатную единицу. Но это не значит, что ты можешь уходить с работы, когда тебе, — он повысил голос, — г или еще кому-то, потребуется!

Ушлomu Зябкину не требовалось дважды напоминать, кто им командует.

— Я все понял, — заверил он Артёма и послушно ретировался.

Но, вскоре после этого, Гальчук вызвал его к себе по какому-то вопросу и, закончив деловую часть, пожурил:

— Ты что же, запретил Зябкину выполнять мои распоряжения? Неправильно поступаешь, Артём! Так ведь можно и поссориться.

— А ты правильно поступаешь, отдавая их через мою голову? — решившись не отступить, возразил Артём. — Зябкин мой сотрудник, и это я регулирую его увольнительные с начальником отдела.

— Но это же не служебные указания, — попробовал слукавить Гальчук. — Яхта нам не принадлежит и, по сути, я обратился к нему с личной просьбой.

— Тогда сам и улаживай с начальником отдела его отлучки, раз я не при чем, — сердито заявил Артём. — Но боюсь, что он выгонит Зябкина, и будет прав!

— Ладно, понимаю. Сам хочешь распоряжаться, поскольку он твой работник, — миролюбиво закончил разговор Гальчук. — Ну что ж, может,

ты и прав.

Однако после этого, отношения у них стали еще прохладнее. «Жаль с ним ссориться из-за этого Зябкина, но он должен уважать мои Права и не подрывать авторитет, — думал Артём. — Яхтой командует мой сотрудник. Поэтому приоритет должен принадлежать мне».

Не злоупотребляя своим преимуществом, в дальнейшем он все же несколько раз обращался к Зябкину с просьбой о прогулке на яхте и, естественно, не получал отказа. И всякий раз непременно приглашал Гальчука. Но тот, видимо, затаив обиду, по разным причинам отказывался. На яхте покатались многие его друзья, в том числе, семья Максименко в полном составе, и даже Колесник с супругой.

Катание вместе с «совминовцем» запомнилось Артёму тем, что позволило вспомнить вкус настоящих сосисок. Как оказалось, их по-прежнему выпускают, хотя и не для всех. В буфете Совета министров и в продовольственных заказах его сотрудников такие сосиски имелись, и Колесник захватил их с собой, чтобы угостить друзей. И когда сошли на берег, он развел костер и зажарил их, держа над огнем. Сосиски шкворчали и лопались, от них шел одуряющий аромат, и вкус был не сравним с теми, что приходилось покупать в магазинах.

Польская яхта Зябкина несомненно украсила летний отдых Артёму и его друзьям. Но, как показали дальнейшие события, в итоге принесла ему больше вреда, чем пользы, окончательно разрушив казалось бы прочную связь, соединявшую их с Гальчуком долгие годы.

* * *

Утвердившись в должности начальника отделения, Артём стал вновь думать о защите диссертации. «Это нелепо, что я так долго сижу с готовой работой. Заряженное ружье должно выстрелить! — убеждал он себя. — Ну, чего я боюсь? Что не доберу голосов? Это — не смертельно. Немного ударит по авторитету, но все знают: докторская диссертация — не кандидатская. Ее можно доработать и представить повторно».

Отделение Артёма успешно выполнило годовой план научных исследований, и он решил, что пришла пора возобновить связь с Киевом, объявив, что отпуск, предоставленный ему по просьбе начальника института, окончился. Артём уже собрался послать туда официальное письмо, но произошло событие, в корне изменившее его планы.

— Давненько что-то мы не были с тобой в ресторане, — неожиданно

сказала Варя, когда они завтракали перед уходом на работу. — Будни похожи один на другой, и хочется праздника. Может сходим, отметим твою годовую премию?

— Ну что ж, я не против, — задумчиво отозвался Артём. — Только, если гулять, то лучше в компании. А кого позвать? Всех — не по карману, а оказать кому-то предпочтение, остальные обидятся...

— А давай пригласим твоего Цветко с его молодой женой, — немного подумав, предложила Варя. — Это будет интересно... и полезно. Сам говоришь, что с Борей отношения ухудшились. Тебе неплохо бы укрепить связь с начальником.

— Согласен. Но, удобно ли? — усомнился Артём. — И как отнесется его жена?

— Уверена, она будет рада. Наверное, тоже скучновато живут. И потом, — Варя находчиво развила свою идею, — пригласи и Казанцева с супругой. В хороший ресторан он пойти не откажется. Их поддержка тебе сейчас очень важна!

И вот, узнав от сведующих людей, что наиболее популярен сейчас ресторан «Звездное небо», где по вечерам давали эстрадный концерт, Артём заказал столик на шесть персон и, набравшись храбрости, позвонил сначала Казанцеву.

— Михаил Иванович, у меня дельное предложение, — преодолев робость, бодро проговорил он. — Мне подвалила солидная премия, и мы с женой идем пропивать ее в шикарное место. Я уже заказал столик на субботу. Вот, хочу пригласить вас с Ниной Сергеевной. Они с моей женой ровесницы.

— А что за кабак? — вместо ответа спросил Казанцев. — Там интересно?

— «Звездное небо», в Интуристе. Говорят, там лучше, чем где-либо. И у меня еще к вам просьба.

— Что именно? — сухо поинтересовался шеф снабженцев.

— Хочу пригласить Дветко с молодой женой. У нас отличные отношения, но немного стесняюсь. Может, это лучше сделать через вас?

— Напрасно робеешь. Пригласи сам, — сразу повеселел Казанцев. — Он о тебе очень хорошо отзывался. Не откажется! Тем более, когда скажешь ему, что и мы с Ниной там будем. Если что, — уверенно добавил он, — звони, я все улажу.

Дветко согласился сразу.

— Говоришь, интересное место? — он весело взглянув на Артёма. — Ладно, я передам Гале. Думаю, она будет рада. Мы мало где бываем, и она

в Москве еще не освоилась. А твоя жена, — улыбнулся он, — ей понравилась. Она видела ее на встрече Нового года.

Вечер в «Звездном небе» превзошел все их ожидания. Столик находился в уютной ложе и был ярко освещен, а в зале царил мягкий полумрак, и лишь подсветка на потолке создавала иллюзию звездного небосвода. На небольшой эстраде выступали артисты разного жанра, а потом их сменил отличный джаз. Выпивка и закуска были отменными и, когда грянули танцевальные ритмы, все шестеро пребывали в ударном настроении.

О делах за весь вечер никто не вспоминал, но все же, когда оркестранты устроили перерыв, Казанцев спросил у Артёма:

— Ну, что ты решил со своей диссертацией? Будешь защищаться в Киеве? — поскольку Артём неопределенно пожал плечами, он сочувственно добавил: — Разделяю твои сомнения. Недавно у меня был новый ректор Аксаков, и я говорил о тебе. К сожалению, он не гарантирует твоей защиты. Положение у него еще непрочное, и обстановка неблагоприятная. Это тебе не Дейнеко!

— Вот и я считаю, что ему надо сменить место защиты, — подключился к разговору Цветко. — Без Дейнеко в Киеве нечего делать. И так в ВАКе задавали бы вопрос, почему не мог этого сделать в Москве.

— Мне предлагали защищаться там же, где стал кандидатом, — понурившись, сказал Артём. — Но они могут присуждать только доктора экономических наук. Мне же это не подходит.

— А почему бы тебе не защититься в Академии ВВС? — подумав, предложил Цветко.— И диссертация у тебя добротная, и в ВАКе к их ученому совету относятся с большим почтением.

— Они не принимают защиты у гражданских. Нечего туда и соваться.

— В порядке исключения принимают, — не согласился Казанцев. — Но нужно найти ход к начальнику Академии. Я знаком с замминистра обороны по тылу. Могу прозондировать почву.

— Мне и зондировать нечего. Мой Партизанский батя сейчас в ЦК военных курирует, — уверенно заявил Цветко. — Я попрошу его замолвить словцо перед начальником Академии, и это должно сработать.

Больше о делах в тот вечер не говорили. Заиграл оркестр, и возобновились танцы. Но, как говорится, жребий был брошен, и Артём окончательно отказался от защиты в Киеве. Его помыслы были теперь направлены на налаживание контакта с кафедрой ремонта Академии ВВС.

Неожиданно дела с защитой диссертации в Академии ВВС пошли довольно быстро. Артём так и не узнал, кто ему посодействовал: глава снабжения армии или бывший партизанский «батяка». Однако, начальник кафедры ремонта авиатехники инженер-полковник Акимов отнесся к теме его диссертации вполне доброжелательно и без проволочек назначил день ее заслушивания с приглашением ведущих военных специалистов.

— Наши авиационные подразделения постоянно испытывают недостаток запчастей, и проблема их восстановления для армии так же актуальна, как и для Аэрофлота, — ободряюще сказал он Артёму. — Думаю, что у наших ремонтников ваши предложения вызовут практический интерес.

Доклад Артёма на кафедре ремонта прошел с блеском. Присутствовали не только ученые, но и представители военных заводов. И все выступающие были единодушны в положительной оценке его работы. Хорошо отозвался о диссертации и молодой майор из НИИ ВВС. По решению кафедры этот институт был определен в качестве ведущего предприятия для рассмотрения практического значения диссертации.

Казалось, что все шло наилучшим образом, когда вновь над головой Артёма стали собираться тучи. Гроза пришла с неожиданной стороны и разразилась из-за отрицательного отзыва на присланный в институт автореферат кандидатской диссертации некоего Конкина. Этого аспиранта из НИИ моторостроения никто не знал, кроме Хлебникова, который обещал ему дать отзыв. Но Артём, обычно без придилок визировавший подготовленные в отделах документы, на этот раз познакомился с авторефератом и не согласился с его положительной оценкой.

— Невооруженным глазом видно, что работа не содержит ничего нового и, естественно, отсутствует ее практическое внедрение, — сказал он Хлебникову. — Можешь смягчить выражения, но заключение должно быть отрицательным, — как тот его ни уговаривал, Артём был неумолим. — Диссертация не отвечает требованиям ВАК. Ее неверная оценка нанесет ущерб авторитету нашего института, — заключил он, возвращая проект отзыва.

— Тогда лучше совсем не давать отзыва, — заявил Хлебников. — Во избежание неприятностей.

Этого говорить ему не стоило. Напоминание о давнем конфликте подействовало на Артёма, как красная тряпка на быка.

— Ты что же, снова станешь мне пакостить? Не боюсь я твоих угроз. Чтобы завтра объективный отзыв был у меня на столе, иначе это плохо для тебя кончится!

Хлебников униженно оправдывался, уверяя, что неправильно понят, и на следующий день представил диаметрально противоположный отзыв, который и был подписан начальником института. Но, если бы Артём заранее мог знать, какие от этого будут последствия, то вряд ли дал волю своим эмоциям. Первой «ласточкой», предвещающей беду, был звонок Иванова, который, как прежде, являлся одним из его оппонентов.

— Похоже, Артём, что ты снова совершил досадную оплошность, — в голосе Иванова сквозила тревога. — Неужели еще не понял, что для получения докторской степени мало быть ученым. Нужно быть еще и дипломатом!

— Чем же я так проштрафился? — недоуменно спросил его Артём. — Со всеми военными у меня сейчас хорошие отношения.

— А ты знаешь, кто научный руководитель у Конкина, которому с твоей подачи ваш институт дал отрицательный отзыв? — сердито спросил Иванов. — Неужели не поинтересовался, когда читал его автореферат?

— Отчего же, помню. Какой-то доктор технических наук Зверев, — ответил Артём. — С его научными трудами я незнаком. И какое это имеет значение?

— Очень большое! Он — не «какой-то доктор», а тоже из военных, бывший генерал-лейтенант. Занимал высокий пост и сохранил большие связи. На меня уже вышли от его имени. Вы должны изменить свой отзыв, иначе тебе грозят большие неприятности.

Но Артёму, как говорится, попала вожжа под хвост. Его до глубины души возмущала эта подлая антинаучная дипломатия и беспринципные сделки ради достижения своекорыстных целей.

— Не пойду я на сделку со своей совестью, Коля, — грустно сказал он. — Далее если этот научный делец повредит моей защите в Академии. Подожду, пока ученые степени будут присуждать за дело, а не за умение быть проходимцем.

— Смотри, дело твое, — Иванов был явно задет, — Я тебя предупредил. Нужно считаться с реальными обстоятельствами.

Вскоре Артёма вызвал к себе и начальник института.

— Что с отзывом на диссертацию Конкина? Мне звонил его руководитель, генерал-лейтенант Зверев, — недовольно спросил Цветко. —

Почему ты счел ее плохой на основании лишь автореферата? Вот Хлебников иного мнения.

Возможно, после разговора с Ивановым, Артём пошел бы на компромисс, но после упоминания Хлебникова хладнокровие ему изменило:

— И из автореферата видно, что работа Конкина не отвечает требованиям ВАКа. В науке и так хватает бездарей и проходимцев. Я уже совершил одну ошибку, когда «остепенил» Хлебникова, и теперь не могу от него избавиться из-за того, что он прошел по конкурсу.

— Но Зверев — влиятельный человек, и с этим следует считаться. Ну, чего ты упираешься? — укоризненно спросил Цветко. — Тебе же помогли мои связи. Надо быть снисходительней к другим.

— Я не против взаимопомощи. Но стали бы вы за меня хлопотать, если бы моя диссертация была дерьмовой? — горячо обратился к нему Артём. — Кто, как не мы, должны поставить заслон ловкачам, мешающим развитию науки!

— А ты сознаешь, что отказавшись изменить отзыв, можешь сорвать свою защиту в Академии? У Зверева там сильные связи.

— Да, сознаю. И пусть мне это повредит, но я не предаю интересы науки, — не отступил Артём, хоть и сознавал, что совершает роковую тактическую ошибку. — Хватит с меня и одного раза!

— Боюсь, что тебе это выйдет боком, — хмуро заключил начальник института, но тут же его лицо разгладилось, и он дружески улыбнулся: — Но все же, я тебя еще больше зауважал. Не знаю, стал бы я рисковать защитой докторской диссертации ради высоких убеждений.

* * *

Дома ждали новые неприятности. Он и без того пришел с работы в плохом настроении, а тут еще его встретила на пороге расстроенная Варя и, еле сдерживая слезы, сказала:

— Пойди посмотри, какой номер выкинула Лена! Вернулась и устроила у нас ночлежку! — не в силах больше говорить, она повернулась и ушла на кухню.

И правда, заглянув в комнату, Артём убедился, что она полна незнакомых молодых людей. Часть их сидела за столом, а кто не поместился — на диване, и Лена поила всех чаем. Увидев хозяина, все дружно его приветствовали, а «сибирская дочь» бросилась к нему со

словами:

— Привет, отец! Знакомься, это мои школьные друзья. Мы вместе приехали. Ребята вечером уйдут, а подружки поживут у нас несколько дней.

Артём поздоровался с молодежью, но счел нужным выразить недовольство.

— А почему ты нас не известила о приезде, и о том, что приезжаешь не одна? — с упреком произнес он. — Или ты считаешь, что это в порядке вещей?

— Не было времени дать телеграмму. И встречать было не надо, раз мы ехали такой компанией, — беспечно ответила Лена. — А девочки вам не помешают. Они будут жить в моей комнате.

«В ее комнате! Она уже отвела себе нашу спальню, про себя возмутился Артём. — Не пойму, от дурости это или от нахальства?» А вслух строго сказал:

— Лена, выйди на минутку. Нам надо поговорить.

Все поняли, что хозяин недоволен, и сконфуженно переглянулись, а Лена в ожидании нахлобучки покраснела, опустила голову и вышла вслед за Артёмом в прихожую.

— Своим поступком ты нас просто озадачила. Ведь ты уже не ребенок, — не скрывая возмущения, сказал Артём. — И еще собираешься стать журналисткой!

— А что я сделала? Из-за чего такой бурный гнев? Из-за подружек? — решив, что лучшая защита — нападение, с иронией заявила Лена. — Ничего страшного, если потеснитесь на несколько дней. В квартире места хватает!

— Думай, что говоришь! А то я решу, что ты ненормальная, — вышел из себя Артём. — Забыла, что ты здесь не хозяйка, и не смеешь распоряжаться? Неужели не заметила, что довела Варю до слез?

— Может, и ты, отец, заплачешь из-за такого пустяка? Не думала, что вы такие эгоисты, — все так же агрессивно продолжала отбиваться Лена, повергая его в шок. — Не объедят вас девочки, пока у меня поживут.

«Да она психически нездорова! Неужто не сознает, что говорит? — не в силах объяснить ее поведения, недоумевал Артём. — Попробую вправить ей мозги!»

— Не хотел говорить с тобой в жестком тоне, но придется, — повысил он голос. — Прежде всего запомни, что ты не имеешь права тут распоряжаться. И спальню тебе уступили только на время экзаменов. С нами будешь жить, если сможешь спать на диване и подчиняться установленному порядку. Ясно?

Поскольку Лена, насупившись, ему не ответила, Артём потребовал:

— Сейчас твои друзья пусть уйдут, так как нам надо отдохнуть/Если подругам некуда деваться, эту ночь могут переночевать. Но завтра чтобы их не было!

— Ты очень жестокий, отец! — осуждающе бросила Лена.

— Какой есть, — вспыхнул Артём. — Я ведь тебе не навязываюсь.

— Ты хочешь сказать, что я вам навязываюсь? — будто ухватившись, крикнула Лена. — Так вот, просить будете, не останусь! В университете есть общежитие.

Возможно, после оказанного ей теплого приема, она ожидала, что Артём будет ее удерживать, но он в ответ спокойно заявил:

— Ну что ж, наверное, это будет наилучшим выходом. Мы еще не готовы жить вместе. Если поймешь, что ты неправа, тогда — милости просим!

— Этого не будет, — упрямо бросила Лена.— Я не привыкла плясать под чужую дудку и буду жить так, как мне хочется!

Своего решения она не изменила и уже через неделю перебралась от них в общежитие университета. «Похоже, что у меня портится характер,— удрученно думал Артём, переживая в душе последние неприятности. — Не замечал за собой раньше такой несговорчивости — неспособности идти на уступки. Раздражаюсь по каждому пустяку».

— Не знаю, что со мной творится, — не выдержав, пожаловался он Варя. — У меня ведь неконфликтная натура. Но последнее время я непрерывно с кем-нибудь ссорюсь.

— У тебя просто расстроились нервы. Из-за срыва защиты в Киеве. Слишком много ты пережил неприятного, — сочувственно объяснила его состояние Варя. — Безусловно, к этому добавляется общая усталость и перенесенная болезнь. Но все пройдет, — ласково заверила она мужа. — Не сомневайся!

Глава 15. МАРАЗМ РЕЖИМА

Последние годы правления Брежнева особенно отчетливо продемонстрировали всему миру полный маразм, в который впало его ближайшее окружение. Славословие и незаслуженные награды сыпались на дряхлеющих партийных лидеров, как из рога изобилия. Они чествовали, награждали и обцеловывали друг друга по любому поводу, будь то даже рядовой день рождения.

Благостное существование кремлевских старцев при полном упадке экономики и забвении ими коммунистических идеалов уже не возмущало, а вызывало жалостливое презрение. Но роптать по-прежнему было опасно. Оппозиционные настроения безжалостно преследовались. Противники режима и борцы за права человека немедленно оказывались в тюрьмах и психушках.

Откровенная беспринципность руководства, наряду с беззаконием, породила круговую поруку, которая процветала повсеместно. На всех уровнях вершились дела и принимались важные решения не на основе государственной выгоды, а в интересах узкого круга лиц, тесно связанных родственными, дружескими и просто корыстными интересами. Как было не вспомнить афоризм Козьмы Пруткина о том, что для успеха не так важен талант и достоинства, как принадлежность к влиятельной клике.

Это Артём на себе испытал. Он уже «отстрелялся» в НИИ ВВС, где его доклад прошел с не меньшим успехом, чем на кафедре Академии, и отношение к диссертации военных было самое доброжелательное, когда сказал свое слово «эффект круговой поруки». И началось с того, что Артёма вызвал к себе завкафедрой профессор Акимов.

— Я специально пригласил вас, чтобы выразить сочувствие и принести лично свои извинения, — дружеским тоном, но стараясь не смотреть в глаза, сказал он Артёму: — У вас замечательная диссертация, мы ее высоко ценим, но ВАК снова подтвердил, что не рекомендует принимать защиты у гражданских лиц. Исключение делается только для кандидатских диссертаций.

«Ну вот и сказалось влияние генерала Зверева, о чем меня предупреждали, — уныло подумал Артём. — Рухнули мои надежды на защиту у них в Академии». Но вслух дипломатично произнес:

— Большое спасибо вам за сочувствие и поддержку. С рекомендацией ВАКа приходится считаться, хотя формального запрета и нет.

— Вот именно! — облегченно подхватил Акимов, по-видимому, опасавшийся его нервной реакции: — Формального запрета нет, а ослушаться — все равно нельзя. Но знайте, где бы вы ни защищались, — горячо заверил он, — можете твердо рассчитывать на нашу поддержку!

Следующим звеном в круговой цепочке оказался НИИ ВВС, с прискорбием сообщивший Артёму, что командование не дало согласия на то, чтобы он был ведущим предприятием, в виду отличия военной специфики. Но тем не менее заверил его, что даст положительный отзыв на диссертацию. Однако этот удар Артём воспринял спокойно, так как защита в Академии ему уже не светила.

— Главное, Тёмочка, не опускай руки, — подбадривала его Варя. — Ведь ты можешь защититься в Киеве. Совесть же у людей есть? Большинство оценит твою диссертацию по достоинству.

— Обидно будет из-за интриг не добрать голосов, — уныло объяснил Артём. — Киев оставлю на крайний случай. Солиднее и лучше провести защиту в одном из ученых советов Москвы. Пока же сделаю паузу, чтобы собраться с духом.

Так он и поступил, тем более, что за прошедший год обстановка на работе настолько осложнилась, что ему стало не до защиты.

* * *

Новая кампания, начатая против Цветко секретарем парткома Чернецовым, была развернута исподволь и задумана им весьма коварно. Прекрасный человек и авторитетный специалист, Иван Фомич пользовался любовью сотрудников, и атаковать его в лоб опытный интриган не решился. Поэтому счел более подходящим опорочить его ближайших сподвижников и друзей. Зная, что Цветко не даст их в обиду, Чернецов рассчитывал представить его в виде мягкотелого и беспринципного «кума», для которого личные интересы выше деловых.

Самым неприятным было то, что секретарю парткома удалось перетянуть на свою сторону Гальчука, который не только был заместителем начальника, но и пользовался в коллективе самым большим, после него, авторитетом. Вероятней всего, Чернецову удалось сыграть на его самолюбии, дав понять, что именно он возглавит институт после Цветко.

— Чернецова понять можно. Он знает, что я добиваюсь в Политуправлении министерства его замены, — озабоченно хмурясь, ответил Иван Фомич Артёму, когда тот пожаловался на нездоровую

обстановку в коллективе и высказал свои подозрения. — Но Борис, если участвует в этом, поступает глупо.

— Мне не верится, что он заодно с Чернецовым. Хотя странно, что не оказывает противодействия. К сожалению, между нами произошло охлаждение, и он перестал быть со мной откровенным, — удрученно сказал Артём. — Но почему в министерстве поддерживают парторга, зная, что он ваш недруг?

— Они его не поддерживают, но и заменить не могут, не имея фактов. У него есть кто-то в ЦК партии, — с кислой миной объяснил Цветко.— А я, кроме эмоций, ничем конкретным подкрепить свое требование не могу. Но с ним хоть все ясно. А вот Гальчук наносит удар в спину. Ведь умный мужик, а не поймет, что рубит сук, на котором сидит!

— Это почему? — не понял Артём. — Напротив, надеется стать начальником.

— Напрасно надеется!— дал волю гневу Цветко.— А вот потерять кресло может.

Видя, что Артёму это непонятно, объяснил:

— Сейчас в правительство внесен очередной провальный проект, якобы повышения эффективности экономики за счет укрупнения предприятий и слияния научных институтов. И вполне вероятно, что нас вновь захотят объединить с Шереметьево. Теперь понимаешь, о чем я говорю?

Но Артём лишь удивленно округлил глаза, и он продолжал:

— Так вот, если нас объединят и не будет этой склоки, то у меня есть шансы поспорить с Ковачем за пост начальника, а у Бориса никаких. Если же «свадьба» не состоится, а меня снимут, то и тут у Гальчука ничего не выйдет, так как он неизбежно себя замарает. И новый начальник, думаю, от него избавится.

Теперь Артём уже все понимал, но ему от этого легче не стало. Гальчук от объяснений с ним уклонился, и вскоре они с Чернецовым нанесли первый удар.

Объектом для удара продуманно выбрали Максименко. Главный инженер был новым человеком в коллективе, но все уже знали, что он — близкий друг начальника. А почва для клеветнических слухов и инсинуаций была богатая, так как Николай, со свойственной ему энергией, начал строительство нового здания института, которое, естественно, продвигалось с большим трудом.

Кампания против него началась с критики в стенной печати и выступлений на партсобраниях сотрудников, недовольных качеством

проекта нового здания института. Затем поползли слухи о якобы имевших место злоупотреблениях, а закончилось все постановкой отчета о работе главного инженера на парткоме. Цель задуманной экзекуции была очевидной: вынести «строгача» Максименко и рекомендовать снять с должности. Чтобы Цветко, который непременно будет его отстаивать, уронил себя во мнении коллектива.

— Ты можешь погубить институт, Боря, — упрекнул Гальчука Артём, улучив момент, когда они остались наедине. — Напрасно поддерживаешь Чернецова в его происках против Цветко.

— С чего ты взял? — отводя глаза, попытался уклониться от прямого ответа Гальчук. — Я не принимаю участия в этих дрызгах.

— Кого ты хочешь провести? — покачал головой Артём. — На партсобрании твои люди активней всех поддерживали нападки Чернецова на главного инженера.

— Они выступали с критикой, как коммунисты, и я не могу на них повлиять, — лукавил Гальчук. — И тебе не советую заступаться за своего дружка. Иначе потеряешь авторитет!

— Но разве ты не знаешь, что нас снова хотят объединить с Ковачем? Неужто ты считаешь его лучше Цветко? — возмутился Артём. — Наш институт на подъеме, а Шереметьево на ладан дышит!

— Это — не только его заслуга, — явно намекая на свою персону, ответил Гальчук. — А тебе лучше держаться в стороне от драки. Не то Чернецов и за тебя возьмется. Сам знаешь, что он на тебя зуб имеет.

Артёму все уже стало ясно. Внутри у него все кипело. Но осложнять отношения не стоило и, сдержав эмоции, он только сказал:

— Зря ты это делаешь, Боря. Себе во вред! И главное, во вред нашему делу. Ковач — бездарный карьерист и загубит институт. А при Цветко он идет в гору.

Очевидно, Гальчук, все же, на нем «поставил крест», так как вскоре и его самого вызвал к себе Чернецов.

— В партком поступило заявление от одного коммуниста из твоего отделения о неправильном распределении премии, — еле скрывая злорадство сказал он, указав на лежавший перед ним лист бумаги. — Обвинения серьезные, и я вынужден буду назначить комиссию для проверки фактов.

«Ну вот, и началось! — тоскливо подумал Артём. — Теперь не дадут спокойно работать». А вслух мрачно поинтересовался:

— И в чем же меня обвиняют? В плохой работе?

— Хуже. В злоупотреблении своим служебным положением, —

недобро усмехнулся секретарь парткома. — А конкретно — в самоназначении премии.

— Что за чепуха? Какое такое «самоназначение»? — недоуменно посмотрел на него Артём. — Вы же знаете, что суммы премий определяются коллективно представителями администрации и общественных организаций. От руководства у нас этим занимается мой заместитель. А премирует своим приказом начальник института.

— А ты, выходит, стоишь в сторонке и только наблюдаешь? — ехидно заметил Чернецов. — Кто тебе поверит? И почему тогда у тебя такие крупные премии?

— Разумеется, я не стою в стороне. Прежде, чем завизировать проект приказа, даю замечания. Но только не по своей премии! — парировал Артём. — Думаю, мои премии назначались не без вашего участия, и партком мог их уменьшить. Кстати, другим начальникам отделений премии давались и побольше.

Это было правдой. Чернецов помрачнел и сухо бросил:

— Ладно, можешь идти. Я тебя пригласил, чтобы предупредить о поступившей жалобе. Комиссия разберется.

«Не думаю, что твоим подручным удастся «подтвердить факты», но нервы мне потреплете изрядно», — уходя от него, тоскливо думал Артём.

* * *

Подошло лето, но несмотря на объявленную Артёму войну, Чернецов и его сподвижники активных действий не предпринимали. Скорее всего потому, что не хотели сесть в лужу с затеянной против него провокацией, так как потерпели уже одну неудачу, стараясь опорочить Максименко. Главный инженер показал себя таким знающим специалистом и искусным дипломатом, что, несмотря на «обработку» членов парткома сторонниками секретаря и Галь-чука, они не пошли на поводу у интриганов.

Николай не стал оправдываться, а сумел наглядно показать свои достижения и перспективы института при реализации своего проекта. На этом фоне мелкие придирки и недоказанные наветы казались ничтожными, и большинство не приняло их во внимание. Как ни старались подручные Чернецова провести решение о строгом выговоре, оно не прошло, и Максименко лишь «поставили на вид», ютребовав устранить упущения в работе.

— Ну, и хитрый же этот хохол! Сумел-таки показать товар лицом, и

всех заворожил своей улыбкой. Будто не знал, что мы собрались устроить ему порку, — посетовал секретарь парткома в своем узком кругу. — Как скользкий налим вывернулся из рук! Придется пока оставить его в покое.

Об этом сообщил Артёму «источник» из числа доверенных лиц Чернецова. «Источником» Артём обзавелся в ожидании провокации. Этот же доброжелатель предупредил, что теперь наступит его очередь, но комиссия парткома пожалует к нему только после окончания летних отпусков.

— Никто не хочет сейчас заниматься этим делом. Все мечтают об отдыхе, — объяснил он Артёму. - Ну а потом — держись!

«Ну что ж, и мне надо хорошенько отдохнуть перед предстоящей баталией, — подумал Артём. — Надо бы забраться куда-нибудь подальше, чтобы не только отдохнуть, но и развлечься. На даче, в окружении сослуживцев, отвлечься от институтских забот не удастся».

Варя была этому только рада; в профкоме он раздобыл две путевки в Болгарию, на курорт «Слынчев бряг» под Варной.

* * *

По сравнению с горным рельефом и пышной растительностью Кавказа западное побережье Черного моря показалось им лишенным всякой красоты. Но песчаные пляжи были отличные, и сервис вполне европейский. Если на наших южных курортах вечером, кроме кино и единственного на всю округу ресторана, некуда было податься, то здесь развлечений было, хоть отбавляй.

— Вот где заботятся об отдыхающих! — восхищалась Варя. — Сколько разных увеселительных заведений, и даже казино есть. И все рестораны стилизованы. Ты только посмотри — «Пиратский корабль», «Ханский шатер»... Чего только не придумывают!

— Культура обслуживания на пляже особенно заметна, — согласился Артём. — Для всех хватает лежаков и зонтиков. Правда, за них надо заплатить, но стоит это совсем недорого — всего один лев.

— А вот немецкие туристы и этого платить не хотят, — со смехом заметила Варя, — и под наши зонтики пристраиваются. На халяву.

— Сюда ездит только немецкая беднота. И вообще, они — экономная нация, — не сдержал улыбки Артём. — Тем более, что под нашими зонтиками свободно. Большая часть группы, вместо пляжа, таскается по магазинам.

И правда, почти все советские туристы были озабочены шопингом и целый день проводили в беготне по магазинам. Было стыдно перед болгарями за свою нищую страну, поскольку хороших товаров им самим явно не хватало. Так, никто из их группы не смог купить там модный в то время кожаный пиджак. В итоге наши туристы, под презрительными взглядами продавцов, скупали всякое барахло, поскольку у них на родине и такого не было.

* * *

В их группе лишь несколько человек, кроме Артёма и Вари, занимались тем, ради чего приехали: купались в море, безмятежно загорали на чистом песочке. Вскоре они обособились от остальных и все время проводили вместе, днем на пляже, а вечером в одном из увеселительных заведений. Шопинг их не интересовал и, за исключением сувениров, свою валюту они тратили на удовольствия.

В этой курортной компании только Артём с Варей были семейной парой. Остальные прибыли в одиночку с явным намерением пофлиртовать и завести курортный роман. Руководительница их группы Софа, яркая крашенная блондинка, с первого дня «закадрила» красивого и нагловатого Илью, явно женатого. Он заигрывал со всеми дамами, не исключая и Варю, и Артём с ревнивым чувством отметил, что Илья ей нравится.

— Я смотрю, ты тоже кокетничаешь с нашим донжуаном. Неужели он так тебя обворожил? — не выдержав, выразил он ей свое недовольство. — Что в нем такого особенного? Одиноких дамочек я еще понимаю, а тебя — нет.

— Да ты что! - пожала плечами Варя. — В общем-то, он такой... сексапильный. Но его же в Москве жена ждет.

— Выходит, если бы не был женат, ты бы могла им увлечься? — хмуро спросил Артём. — Ты, что же, считаешь себя свободной? Меня уже нет и в помине?

— Ты только себя не накручивай! Не хватает, чтобы мы поссорились из-за пустяка, — запротестовала Варя. — Любой женщине приятно, когда ей оказывает внимание интересный мужчина. У меня и в мыслях ничего такого нет!

Но оказалось, что это не пустяк. Они хорошо отдохнули и так все

сдружились, что договорились собраться в полном составе в Москве. Организацию веселой встречи взяла на себя руководительница группы. Артём не видел нужды в этой встрече, но Варя его уговорила, и вот, не прошло и недели после их возвращения, как им позвонила Софа.

— Привет! Как насчет того, чтобы вспомнить Слын-чев бряг? — весело сказала она. — В эту субботу собираемся. Все согласны, так что не подводите нашу компанию. Запишите мой адрес!

Эта встреча оставила у них тягостное воспоминание, значительно испортив хорошее впечатление от того летнего отдыха. Вечеринка сразу приняла интимный характер. Собравшиеся у Софы поклонники адюльтера не теряли времени даром. Одна парочка сразу отправилась в спальню. Илья открыто «приударил» за Варей. Хозяйка почему-то обнималась с его другом, а к Артёму прилипла жгучая брюнетка, которая и там, в Болгарии, строила ему глазки.

«Они что, спятили? — разъярился в душе Артём. — За кого нас принимают? Зачем пригласили? Мы не давали повода считать нас распутниками!» Решив немедленно уйти, он с трудом оторвался от обнимавшей его брюнетки и оглянулся: Вари в комнате не было. Она оказалась на кухне с Ильей, который в чем-то ее горячо убеждал.

— Я уйду, а ты, если хочешь, можешь остаться! — смерив ее уничтожающим взглядом, сказал Артём. — Мне здесь не нравится.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и вышел в прихожую, но Варя его догнала:

— Ну чего ты на стенку лезешь? Как-будто их не знаешь, — сердито сказала она. — Я тоже жалею, что мы сюда пришли. Погоди, я возьму сумочку!

Они молча ушли и с этими людьми никогда больше не встречались.

* * *

Брак Артёма с Варей выдержал испытание и на сей раз. Но это было не характерно в обстановке повальных разводов. Очень быстро завершилось первое замужество у Ани. Отношения у Артёма с дочерью, и без того довольно прохладные, еще больше ухудшились с появлением сибирячки Лены. Впрочем, они изредка виделись, и Аня сама ему сообщила, что расходится с мужем.

— Ничего хорошего меня с Сашкой не ожидает. Он совершенно неперспективен, — объяснила она отцу. — Так считает мама, и я с ней

согласна.

— А мне показалось, что он добрый, покладистый парень и тебя очень любит, — Артём не мог скрыть разочарования. — И почему это он неперспективен, если заканчивает институт, да еще при таком знаменитом отце?

— В институте он только числится, и не выгоняют только благодаря папаше, — презрительно усмехнулась Аня. — А стоит тому поскользнуться, и они оба могут оказаться в тюрьме.

— Вот даже как? Почему?

— Сашка всю спекулирует аудиоаппаратурой, которую папаша в большом количестве привозит из-за границы. Мама считает, что они оба «под колпаком», и если, скажем, сборная СССР проиграет, и мой тесть попадет в опалу, вполне могут оказаться за решеткой!

— Ситуация понятна, — удрученно покачал головой Артём. — Как и то, дочка, что ты нисколько Сашу не любишь. Тогда вам, и правда, надо расстаться.

Это приободрило Аню, и она призналась.

— И никогда не любила. Не надо было за него выходить. Это мама вскружила мне голову — мол, знаменитость, выгодный брак. Вот ничего и не вышло, — видя, что отец пригорюнился, она решила его утешить. — Но горевать не о чем. Я ведь снова выхожу замуж.

— Что? Так быстро? За кого?

— Да, собственно, уже вышла. Я ведь ушла от Саши. И пышной свадьбы не будет, — объяснила Аня. — Вадим работает у папы... — она сбилась, заметив, что Артём болезненно поморщился, — то есть, у Ивана Ивановича.

Кандидат наук. Я приведу его к вам познакомиться и уверена, что он понравится.

— Догадываюсь, кто он. Ученая степень — лишь прикрытие, — неодобрительно покосился на нее Артём, уже осознавший, что новый муж дочери — профессиональный разведчик. — И тебя устроит, что он подолгу будет в заграничных командировках?

— Конечно, нет. Но этого не будет, — беззаботно улыбнулась Аня. — Его направляют на работу в наше посольство в Париже. И поедем туда мы вместе! — она победно взглянула па отца. — Ну, что ты на это скажешь? Перспектива лучше, чем с Сашкой? Думаю, что и у вас с Варей будут шансы посмотреть на Эйфелеву башню, хоть вы и завели еще одну дочь.

С Леной она столкнулась у Артёма, когда та еще не переехала в общежитие университета. При встрече сдержала эмоции, и лишь во все

глаза смотрела на новоявленную «сестру». Однако, в душе ее не приняла, никаких отношений не поддерживала, хотя и обиду на отца открыто не проявляла.

Аня сдержала слово и через пару дней явилась к ним вместе с Вадимом. Он был таким же голубоглазым, как Саша. Но значительно выше ростом и представительнее. Профессионально сдержанный и молчаливый, вел себя очень корректно, но был, что называется, «застегнут на все пуговицы».

— Не знаю, что нашла в нем Анечка кроме «перспективы». Саша более симпатичный. А это какой-то робот, — неодобрительно проворчала Варя после их ухода. — Нет в нем человеческого тепла. Боюсь, что и этот ее брак будет неудачным.

Вскоре Вадима назначили советником в посольство СССР во Франции, и Аня в качестве его законной супруги отбыла в Париж на долгие пять лет. О своем обещании пригласить их в гости она, очевидно, забыла, так как больше об этом не заговаривала. Артём не обижался, поскольку мрачное Варино пророчество сбылось. Очень скоро выяснилось, что брак с Вадимом не принес его дочке счастья.

* * *

Руководимое Артёмом отделение института делало все новые успехи, и его личный авторитет рос, невзирая на происки недругов. Свидетельством признания было то, что его в качестве видного специалиста включили в состав советской делегации, направляемой в Румынию на совещание «соцстран» по вопросам экономической взаимопомощи. Как выяснилось, на этом настоял не только Цветко, но и начальник производственного объединения «Авиаремонт», возглавлявший делегацию.

— Поезжай и будь поактивнее, — напутствовал Артёма Цветко. — Ты выходишь на новый уровень, и приобретенные связи помогут тебе «доконать» проблему с защитой диссертации. Там соберутся представители всех видов транспорта. Постарайся поближе сойтись и с шефом «Авиаремонта». Он — зять большого человека из ЦК партии. Заручиться его поддержкой полезно.

Глава «Авиаремонта» Кожин до этого был директором завода, на

котором раньше работал и Артём. Он был назначен уже после того, как Артёма Чтеревели в НИИ, но слышал о нем много хорошего, и между ними установились добрые отношения. А совместная командировка в Румынию укрепила их дружбу, тем более, что этому поспособствовало забавное происшествие.

В целях экономии валюты, отправлявшиеся за рубеж обычно брали с собой спиртное и консервы. И случи-лось так, что бутылки «Столичной» в чемодане Кожина разбились. Водка залила все, что там было, и женщина — секретарь делегации — помогла ему ликвидировать последствия, а мужчины компенсировали потерю, устроив застолье (по случаю начала работы) из своих запасов.

Эта вечеринка, устроенная в номере пострадавшего, крепко сплотила авиационную часть советской делегации. Кожин, пересевший в кресло директора завода из райкома партии, обожал революционные песни. Любили их петь все, в том числе и Артём, какое-то время бывший секретарем комсомольской организации. Особенно слаженно и душевно их хор исполнил «конармейскую», правда, перевирая полузабытые слова:

Там вдали, за рекой, враз погасли костры, в ясном небе заря догорала.

Сотня юных бойцов из буденновских войск на разведку в поля поскакала.

Поработали они дружно, успешно решив совместно с авиационными специалистами из других стран СЭВ все вопросы, стоявшие в повестке дня. Накупив сувениров, очень довольные, члены советской делегации во главе с Кожиным вернулись на родину. В международном аэропорту Шереметьево Артёма у трапа самолета радостно встретила Варя. Ее, вместе с другими близкими членов делегации, привез специальный автобус. Вышли они через депутатскую комнату без какого-либо досмотра.

Расстались друг с другом члены делегации также очень тепло. Артём познакомил Кожина с женой. Очевидно, Варя понравилась шефу «Авиаремонта», ибо, прощаясь с Артёмом, он откровенно сказал:

— Я доволен тобой, и у тебя симпатичная жена. Думаю, мы и дальше хорошо сработаемся. Только почаще со мной советуйся, и я всегда тебя поддержу.

Кожин оказался надежным человеком и не раз потом доказывал Артёму, что умеет держать слово. «Наверное, у меня наступает очередная полоса удач, — с надеждой подумал он, когда, рядом с неясно прильнувшей к нему Варей, ехал на такси домой. — При поддержке Кожина и Цветко, мне удастся, наконец, довести до конца затянувшееся дело с защитой».

Неприятности начались сразу после того, как в отделении появилась комиссия парткома для расследования якобы имевших место нарушений при назначении премий. С самого начала ее работы всем стало ясно, что перед ней поставлена цель «накопать» факты, компрометирующие руководство отделения и, в первую очередь, его начальника.

— Посмотри, какую хитроумную подлянку задумал Чернецов, — возмутился председатель профбюро отделения Булочкин. — Хочет настроить против нас коллектив с помощью тех сотрудников, которые или не довольны суммой премии, или не получили ее вовсе. Бьет наверняка, ведь таких у нас немало!

— Да уж, склоку они могут развести надолго, и это никак не способствует успешной работе, — огорчился Артём. — Неизбежно отразится на ее результатах.

— Не скажи! Чернецов и его подпевалы мутят у нас воду давно, а за третий квартал мы снова вышли на первое место, — самодовольно сообщил Булочкин. — Вчера в профкоме подвели итоги соцсоревнования, и мы — лучшие по всем показателям!

— Это что, правда? — расстроено переспросил Артём, вспомнив, о чем предупредил Гальчук. — Если так, то теперь нас с тобой, уж точно, сожрут!

— Как же так? Почему? - не понял Булочкин.

— По кочану! — огрызнулся Артём. — Неужто не понимаешь, что теперь на парткоме представителей других отделений будут интересоваться не факты, а то, как побольнее лягнуть победителей? И в первую очередь, нас с тобой.

Именно так все и вышло. Вопреки фактам и здравому смыслу комиссия, состоявшая из прихлебателей Чернецова, выполняя его задание, представила в партком акт, в котором утверждалось, что в отделении ремонта авиатехники премии распределяли неверно, и имело место пресловутое «самоназначение» со стороны его руководства.

Акт комиссии был настолько вопиюще-лживым, что на заседании парткома Артём и руководители общественных организаций отделения возмущенно его отвергли. Видно, на это и рассчитывал Чернецов, так как факты были преданы забвению, и дальнейшее обсуждение шло на одних эмоциях. Все выступавшие говорили уже не о премии, а только о том, что первое место отделению Артёма присуждено неправильно.

— Считаю, что итоги соцсоревнования нужно пересмотреть, — предложил кто-то, выражая мнение большинства.— Поскольку в отделении ремонта авиатехники имеются нарушения, его надо лишить первого места. А всем руководителям объявить по выговору!

Как ни протестовали Артём, Булочкин и парторг отделения, взывая к закону, фактам и справедливости, — большинством голосов такое решение было принято, и вопрос этот вынесен на общее партийное собрание института.

— Чернецов, сукин сын, как раз этого и добивался, — кипя от негодования сказал Булочкин, когда возвращались с заседания парткома.— Если бы не сыграл на зависти к нашим премиям и первому месту, такое решение бы не прошло! — он был полон решимости. — Но я этого так не оставлю! Напишу в политуправление и в райком партии. Подлец достанется! Попомнит, как вопреки фактам, подрывать авторитет передового коллектива института!

— А я думаю, братцы, что не стоит поднимать такой скандал. Верно говорят: «выговор — не триппер, с ним Жить можно», — усмехнулся парторг отделения Широков. — И его нам не вынесут, если не будем горячиться, и четко представим факты, опровергающие выводы комиссии. Если же вынесем сор из избы, то на нас могут ополчиться все.

— Согласен. Горячиться не стоит, — сказал свое слово и Артём. — Решение парткома настолько противоречит фактам, что до собрания дело не дойдет. Подлец Чернецов добился, чего хотел. Пересудов в коллективе будет много, и они повредят не столько нам, сколько начальнику института. Ведь назначает премии своими приказами он, — Артём немного помолчал и добавил: — И несправедливого выговора мы не потерпим! Объективная комиссия, разумеется, его отменит и сделает негативные выводы о Чернецове. Но все равно это будет ударом по Цвет-ко и институту. Давайте, не будем торопиться!

* * *

Подрывная кампания, развернутая Чернецовым в коллективе института против Цветко, положила конец дружеской связи Артёма с Гальчуком. Однако, причиной их объяснения, поставившего все точки над «i», явилась не эта интрига, а принципиальное расхождение по научной проблеме. На основе исследований Артём пришел к выводу о необходимости упразднить межремонтные ресурсы самолетов, а Гальчук

был автором методики их установления.

— Знание практики ремонта самолетов и результаты научных работ убедили меня в том, что межремонтные ресурсы самолетов необоснованы, — высказал он Гальчуку свое мнение. — Капитальные ремонты с назначенной периодичностью вредны как для экономики, так и для безопасности полетов.

— Считаешь, что они совсем не нужны? Боюсь, что тебя никто не поймет, — скептически усмехнулся Гальчук. — Экономическая выгода тут очевидна, но чем же капремонт вредит безопасности полетов? Он ведь дает возможность полностью проверить техническое состояние конструкции самолета!

— Даже полная разборка самолетов при капремонте не дает возможность проверить состояние важных элементов конструкции в труднодоступных местах, — объяснил Артём. — Для этого нужны методы неразрушающего контроля.

— Ты не ответил, чем вреден капитальный ремонт для безопасности полетов, — не без ехидства спросил Гальчук. — По общему мнению, как раз, наоборот: он гарантирует ее в межремонтный период!

— А ты забыл, что будет с любой вещью, если ее распотрошить, а потом вновь восстановить в прежнем виде? — вопросом на вопрос ответил Артём. — Она же утрачивает свои качества, а иногда и приходит в негодность! Такая сложная конструкция, как самолет, после повторной сборки становится намного хуже. А многократные разборки делают ее опасной для эксплуатации, — немного поколебавшись, он открыл «ремонтные секреты»: — Разве не слышал, что из-за разгильдяйства рабочие нередко забывают в жизненно важных узлах конструкции инструмент и другие лишние предметы? А иногда плохо закручивают гайки, и качество заклепочных швов после переклепки значительно хуже.

— Советую выкинуть этот бред из головы. У тебя и без того хватает врагов. Никто не откажется от капремонта, — категорически заявил Гальчук. — Тем более, что нет других методов гарантировать безопасность полетов.

— Есть другие методы, и ты это знаешь. За границей уже отказались от капремонтов, и производят контроль опасных мест конструкции самолетов в процессе их эксплуатации.

Видя, что Гальчук взял в руки со стола бумаги, как бы давая этим понять, что уже тяготится разговором, он возмущенно добавил:

— Не думал я, Боря, что интересы кармана для тебя дороже развития авиации. Все ты отлично понимаешь, но тебе жаль терять такую кормушку,

как премии за увеличение межремонтных ресурсов.

— Думай, как хочешь, но не смей вредить! — оторвавшись от бумаг, зло бросил Гальчук. — Иначе пострадаешь. Тебе уже давно светит выговор с занесением в личное дело.

Но эта откровенная угроза лишь подлила масла в огонь.

— Вот, значит, как? — от гнева у Артёма далее голос задрожал. — Ты думаешь, что на вас с Чернецовым управы нет? Не забывай: кто посеет ветер, тот пожнет бурю! Жаль только, что от этого пострадает институт.

«Делать нечего, придется снова обратиться к Лёле, — тоскливо подумал он, выйдя от Гальчука. — Только Семен Бандурский способен эффективно помочь. Он мне не откажет, так как правда на моей стороне. И одного его звонка в наш райком партии будет вполне достаточно».

Ожидания Артёма оправдались. Старшая сестра и ее муж были возмущены кознями, которые строит ему Чернецов, а Бандурский постарался его успокоить.

— Если этот интриган наберется наглости провести собрание, дай мне знать. Провокация очевидна. О «самоназначении» премии ие может быть и речи, так как она тебе назначена приказом начальника. И не сомневайся, твоему секретарю за клевету на победителей соцсоревнования крепко дадут по шапке! — Бандурский вдруг призадумался и быстро взглянул на Артёма: — Но за это безобразие получит нагоняй от райкома и начальник вашего института. А я так понял, что он — хороший человек, и сейчас это ему повредит.

— Да, это крайне нежелательно, — подтвердил Артём. — Против него-то и ведется подрывная кампания.

— Тогда не будем торопиться, — заключил Бандурский. — Может, все обойдется. Но если тебе будет грозить выговор, мы этого не допустим! Он незаслуженно испортит твою партийную биографию. Пусть уж тогда твой начальник пеняет на себя.

Наличие такой мощной защиты, естественно, приободрило Артёма, однако при мысли о грядущих неприятностях у него сразу испортилось настроение, и ближайшее будущее рисовалось в мрачном свете.

Глава 16. ПОПЫТКИ САМООЧИЩЕНИЯ

Вот и кончился насквозь фальшивый период правления Брежнева. На смену ему пришел глава КГБ Андропов, а с ним надежда большинства честных членов партии на исправление допущенных ею ошибок и наведение порядка в стране. Говорили, что новый лидер КПСС победил в нелегкой подковерной схватке за власть старой гвардии — Суслова, Устинова и других, ставленником которой он являлся, с «украинскими» соратниками почившего в бозе главы государства, прочившими на его место Черненко.

Так это было или нет, но новый генсек с первых же дней прочно взял власть в свои руки, и безотлагательно принялся за ликвидацию процветавшей при Брежневе вседозволенности и укрепление производственной дисциплины.

Принятые им меры были очень жесткими. Ходить в магазины в рабочее время трудящимся запрещалось. Водку и спиртные напитки можно было продавать только вечером. Нарушители порядка строго наказывались.

Андропов решительно снял с постов погрязших в коррупции руководителей МВД, не пощадив даже бывшего зятя Брежнева. Над многими высокопоставленными головами, к удовлетворению честных труженников, повис его «дамклов меч». Начаты были преобразования и с целью оздоровления экономики. Правда, выглядели они весьма робкими и, в основном, реализовывали предложенные ранее провальные идеи.

К такой непродуманной кампании относилось укрупнение промышленных предприятий и объединение научных-исследовательских организаций, начатое еще при Брежневе. Ничего, кроме вреда, эта кампания не принесла. Пострадала от нее и авиационная наука. Несмотря на многочисленные протесты и письма в ЦК партии, содержавшие убедительные доказательства ошибочности слияния испытательного и эксплуатационного НИИ гражданской авиации, оно, все же, было осуществлено.

— Не могу понять, Тёмочка, для чего это делается. Почему ликвидируют ваш институт, который дает гражданской авиации такой большой экономический эффект, — узнав о состоявшемся решении правительства, недоуменно спросила у мужа Варя. — Зачем вас снова загоняют в Шереметьево, где дела идут из рук вон плохо? Разве это не разрушит достигнутое?

— Безусловно, разрушит. Тем более, что нас просто присоединяют к Ковачу, который уже довел свой институт до ручки, — тяжело вздохнул Артём. — Цветко остается у него замом, но уже ничего решать не будет.

— Но почему так поступают? Разве они там, наверху, ничего не понимают? — возмутилась Варя. — Это же форменное вредительство!

— Можно и так сказать. Но я объясняю творящееся безобразие преступной безответственностью крупных руководителей, которые решают важные проблемы, сообразуясь с личной и групповой выгодой, а не в интересах государства.

Объединение институтов проводилось под девизом концентрации научных сил и экономии средств, а на деле повлекло за собой дезорганизацию, потерю кадров и сокращение объема исследований. Так, институт эксплуатации и ремонта авиатехники, влившись в летно-испытательный институт, в результате поспешной реорганизации лишился половины своих научных подразделений. Было ликвидировано и отделение Артёма, а ему предложен вновь созданный «на скорую руку» отдел.

В происшедшей катастрофе для него был лишь один утешительный момент. С ликвидацией института самоликвидировались и происки Чернецова, впрочем, вместе с ним самим и парткомом. В суете и новых заботах все о них сразу забыли. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

* * *

Возвращение Артёма в Шереметьево, вопреки его мрачным ожиданиям, произошло довольно благополучно. Назначенный начальником объединенного института Ковач совсем недавно стал доктором наук и находился в состоянии эйфории. Несмотря на старое недоброжелательство к Артёму, он пригласил его к себе и снисходительно разъяснил, какие ставит перед ним задачи, а под конец неожиданно «позолотил пиллюлю», сказав:

— Будешь хорошо работать, дам возможность защитить докторскую. Как ты понимаешь, сейчас препятствий к этому нет, — Ковач самодовольно откинулся в кресле. — Я не вижу смысла в том, чтобы плодить бездельников, коими является большинство наших докторов наук. Но ты можешь принести пользу.

Несмотря на пренебрежительный тон, это было высшей похвалой, услышать которую от него Артём никак не ожидал. Но вскоре выяснилось,

чем вызвана благосклонность начальника института. Ковачу, лично министром, было дано срочное задание разработать научные рекомендации по коренной перестройке всей системы обеспечения парка самолетов Аэрофлота запасными частями. И, очевидно, поручить это дело, кроме него, было некому.

— Знаешь, Варенька, похоже, обстоятельства вновь для меня складываются благоприятно, — поделился с ней за завтраком Артём. — На меня свалили работу по заданию министра и, если справлюсь, могут создаться хорошие условия для защиты.

— Сколько уже раз я об этом слышала, — с сомнением отозвалась Варя. — Ты у меня, Тёмочка, оптимист. Другой на твоём месте, потеряв отделение, и с ним возможность осуществить свои научные планы, наверняка бы приуныл, а ты, я смотрю, снова рвешься в бой!

— А что прикажешь делать? Не опускать же руки, — горячо заговорил Артём. — Жаль конечно, что руководящие бездари не дали развернуть работу отделения. Но и сейчас, на новом месте, появилась возможность сделать для Аэрофлота большое дело, которое может быть оценено по достоинству!

— Но какая связь между этой работой и твоей защитой? - не поняла Варя. — Ты уже выполнил уйму полезных работ? Где будешь защищаться?

— В Москве немало ученых советов по проблемам развития транспорта, — объяснил Артём. — А моя диссертация, содержащая научные основы расчета потребности в запчастях, представляет интерес не только для авиации. Если у меня будет поддержка нашего министерства и института, я пробьюсь!

— И ты веришь, что Ковач, который всегда тебе препятствовал, сменит гнев на милость? — скептически поджала губы Варя. — Держи карман шире!

— На этот раз, думаю, он меня поддержит, — не слишком уверенно ответил Артём. — Потому что сам мне это обещал, если помогу ему выполнить задание министра. Какой бы ни был Ковач, но слов на ветер он не бросает!

— Ну, что ж, дай Бог, чтобы так и было, — молитвенно подняв глаза, пожелала Варя. — Сколько лет ты уже бьешься, как рыба об лед, со своей защитой. Это просто чудо, что тема твоей диссертации не устарела!

— Просто я удачно ее выбрал, посвятив свою работу крупной и трудноразрешимой межведомственной проблеме, — объяснил Артём. — И на мое счастье, никто пока еще не предложил ничего лучшего.

Несмотря на то, что Артём энергично приступил к выполнению задания министра, работа шла слишком тяжело и медленно. И основным препятствием была нехватка квалифицированных специалистов.

Изменение существующей системы требовало изучения положения дел на местах, в различных регионах страны. Для проведения анализа и выявления недостатков нужны были способные и имеющие практический опыт работники. Но только Артём полностью владел знаниями в области решаемой проблемы, а его физически не хватало, чтобы, как говорится, «прикрыть все дыры». Первым делом, пришлось решать кадровые вопросы. Так в отделе появился доктор экономических наук Брюхнов.

Этого коренастого старика знал весь их институт из-за громкого скандала, который дошел до самых верхов. О нем говорили, что он работал в ГБ и даже был начальником лагеря. Но Артёма интересовали не сплетни, а то, что Брюхнов — опытный снабженец, защитивший кандидатскую и докторскую в области управления материально-техническим имуществом Аэрофлота. Брюхнов просто объяснил причину своей скандальной репутации.

— Мой бывший начальник — ловкий пройдоха, раболепно прислуживавший Ковачу. Разумеется, — Брюхнов презрительно усмехнулся, — никакой ученой степени у него нет и, пока я был лишь кандидатом наук, он меня терпел. Но когда стал доктором, решил от меня избавиться.

— Почувствовал в вас соперника?

— Я под него не копал и на его место не метил. Но мой авторитет был намного выше, и он, наверное, пошел на это из предосторожности. Чтобы вокруг было такое же дерьмо, как он сам.

— А как же получилось, что Ковач его снял? Наш начальник ценит преданных ему людей.

— Не на того он напал, — самодовольно усмехнулся Брюхнов. — Скандал вышел далеко за рамки института, у меня сохранились кое-какие связи, — он поднял глаза к потолку, — и Ковачу пришлось наказать этого проходимца.

Характер у Брюхнова оказался довольно капризным и строптивым, но они все же сошлись. И помогла в этом не столько общность научных интересов, сколько взаимная страсть к сбору грибов. Одного совместного

выезда в лес было достаточно для того, чтобы они сдружились и стали встречаться в домашней обстановке.

Брюхнов возглавил сбор предложений по совершенствованию системы снабжения эксплуатационных и ремонтных предприятий Аэрофлота на местах, что ускорило разработку научных рекомендаций. И все же ни ему, ни Артёму не хватало знания методов управления материально-техническим снабжением в масштабах отрасли. Получить подробные консультации в министерстве не удавалось из-за занятости руководства, и это тормозило работу.

Эта проблема сама собой разрешилась с приходом в отдел Казанцева. Шеф снабженцев Аэрофлота считался человеком министра, который был посажен в свое кресло Брежневым, и со сменой власти пришла новая команда. Казанцев временно остался не у дел и принял предложение Артёма лично заняться разработкой отраслевого руководящего документа.

— Новый министр совершенно прав, поставив задачу упорядочить систему материально-технического снабжения, — честно признал Казанцев. — Мне давно надо было это сделать, да все руки не доходили. Ну что ж, зато сейчас будет время. Мы создадим такое «Наставление» для снабженцев Аэрофлота, которое поможет повысить регулярность и безопасность полетов!

Казанцев лучше других знал все плюсы и минусы существующей системы снабжения гражданской авиации и, вместе с Артёмом и Брюхновым, образовал триумvirат по ее совершенствованию, сочетавший научный анализ с умелой оценкой практической пользы нововведений. Неудивительно, что созданное под их руководством «Наставление по материально-техническому обеспечению Аэрофлота» в полной мере отвечало поставленной задаче и, к радости Ковача, получило похвалу министра.

* * *

На этот раз было очень похоже на то, что для Артёма, наконец-то, началась долгожданная «светлая полоса». И дело обстояло не только в поощрении всех участников успешно выполненной работы крупными денежными премиями на основании приказа министра гражданской авиации. Благодаря дружескому расположению Брюхнова, у него появилась реальная возможность защиты своей диссертации в институте комплексных транспортных проблем.

— Слушай, а почему бы тебе не пойти по моим стопам? — спросил Брюхнов, когда, задержавшись допоздна на работе, они «с устатку» пропустили по рюмке коньяка. — В ученом совете, где я защитился, у меня много друзей.

— Я бы непрочь, но тебе же присвоили звание доктора экономических наук, — без энтузиазма отозвался Артём. — Мне это предлагали еще в Институте управления, но я отказался.

— Не знаю как там, но мой ученый совет имеет право присваивать и доктора технических наук, — заверил его Брюхнов. — Если, конечно, технические аспекты у тебя преваляют.

Брюхнов, с присущей ему пробивной энергией, взялся за дело и устроил Артёму встречу с завкафедрой своего института. Все прошло наилучшим образом, и уже спустя две недели он доложил там диссертацию, а затем представил документы в ученый совет. Само собой, Артёма волновало, как отнесется к этому Ковач. Однако на этот раз коварный Рудик сдержал свое обещание.

— Ну что же, Наумов. Пожалуй, ты засиделся на старте. Не возражаю, держай! — снисходительно усмехнулся он. — Только, как бы тебе не пришлось об этом пожалеть.

— Это почему же? — почувствовав скрытую угрозу, спросил Артём.

— Ты что, газет не читаешь? Об этом сейчас только и пишут, — насмешливо взглянул Ковач. — Вся страна переходит на хозрасчет!

— Ну, а при чем тут диссертация? — Артём не понимал, к чему тот клонит.

— При хозрасчете коллективу не выгодно содержать докторов, — ехидно объяснил Ковач. — Меньше зарплата у остальных сотрудников.

— А что, результаты исследований и вклад в науку уже не имеют значения? — возразил Артём. — Разве можно обойтись без ученых высшей квалификации? Во что превратится наш институт, если в нем останутся одни ловкачи?

— Ты объясни это «реформаторам» и сотрудникам отделов, — их больше интересует заработок, а не вклад в науку, — небрежно пожал плечами Ковач. — Только не думай, что я тебя отговариваю. По себе знаю, — почти дружески улыбнулся он, — того, кто задался целью стать доктором наук, ничем не запугаешь!

«Пожалуй, Ковач не преувеличивает, предупреждая о том, что ждет меня, когда стану доктором наук, — озадаченно размышлял Артем по дороге домой. — С переходом на хозрасчет распри по зарплате в отделах усилятся непременно».

— Сегодня Ковач, по сути, меня благословил на защиту докторской, — объявил он ясене за ужином. — Правда, стращал тем, что, когда перейдем на хозрасчет, сотрудники захотят от меня избавиться.

— Это почему? — удивилась Варя.

— Чтобы им больше досталось! г- серьезно ответил Артём. — У докторов наук, высокая зарплата.

— Ну зачем устраивают склоку? Разве науке нужен хозрасчет? Это же — не производство! — возмутилась Варя, — Головоотяпство тех, кто нами правит, просто поражает!

— Ты совершенно права. Наука захиреет, если все начнут гнаться за сиюминутной выгодой. Чтобы стимулировать науку, хозрасчет не нужен. А неэффективные исследования можно просто прикрыть.

— Ладно, не стоит и говорить об этом. Очередная провальная затея нашего.бездарного руководства, — сердито сказала Варя. — Никого не слушай, Тёмочка, и доведи свое дело до конца!

— Даже если меня выгонят с работы? — притворно ужаснулся Артём. — Хочешь, чтобы я умер с голоду?

— Зато я положу на твою могилку диплом доктора наук! — в тон ему ответила Варя. — Ведь не зря ты столько лет носишься со своей диссертацией.

— Тогда придется рискнуть, — расхохотался Артём. — Уж очень привлекательную перспективу ты нарисовала.

* * *

В который уже раз Артёму пришлось заняться хлопотным делом сбора отзывов на свою диссертацию. Однако теперь его значительно облегчило то, что Ковач подписал, наконец, развернутое и хвалебное заключение института, а ведущим предприятием по оценке практической значимости научных рекомендаций Артёма был вновь утвержден Киевский завод. Вполне положительный отзыв на диссертацию дал также «Авиаремонт».

Благополучно завершилось и утверждение его официальных оппонентов. Только одного, главного, назначил ученый совет. Им стал Краснов, специалист по ремонту железнодорожного транспорта, членкор Академии наук. Остальные остались прежние: Николай Иванов и профессор Богачев из НИИ ЕЖВС. Был предварительно назначен в порядке

установленной очереди и день защиты. До него оставалось немногим больше месяца.

Все эти хлопоты отняли у Артёма так много нервов и сил, что Варя не на шутку встревожилась.

— Ты даже с лица спал, — обеспокоенно сказала она, когда усталый и слегка подвыпивший, он вернулся домой после очередной встречи с «нужным человеком». — Тебе, да и мне тоже, было бы полезно, хотя бы на пару недель, оторваться от этих дел и сменить обстановку, — и мечтательно добавила. — Вот, если б у нас выгорело с Кубой! Слетать туда, да еще в ноябре, было бы здорово. Есть уже решение, ты не узнавал?

Артём сам отлично понимал, как необходим ему хотя бы короткий отдых перед предстоящим трудным испытанием; И действительно, Дорофеев, который после института работал председателем горкома профсоюза, обещал включить их с Варей в очередную тургруппу для поездки на «остров Свободы». Отказа пока не было, поэтому он осторожно ответил:

— А что? Слетаем туда, если получится. Вот-вот должны сообщить. Думаю, что у нас все в порядке. Ведь до вылета уже осталось меньше двух недель.

Через два дня ему позвонили из горкома профсоюза и сообщили, что на Кубу может отправиться лишь кто-то один: он или Варя.

— Совместные турпоездки супругов в капиталистические страны запрещены, — объяснил руководитель группы. — Странно, что вы этого не знаете.

— Но какая же Куба капстрана, если там правит коммунист Фидель Кастро? — рассердился Артём. — И почему тогда у нас приняли документы?

— Куба приравнена к капстранам, — объяснил группорг и ехидно добавил: — А документы у вас, думаю, приняли по блату, надеясь, что проскочат. У нас был недобор групп. Как видите, не вышло.

Артём был огорчен не столько за себя, сколько за Варю. «Ну, конечно, они не могли укомплектовать группы и решили взять супругов, а когда удалось их набрать, перестраховались», — догадался он и поехал объясняться к Дорофееву.

— Ну и что нам прикажешь теперь делать, Володя? — с ходу обрушился Артём на профсоюзного босса. — В такое холодное время лишил нас обещанной Кубы!

— Положим, один из вас может туда полететь, — смущенно ответил Дорофеев. — Отправь жену, — тебе, между прочим, надо готовиться к

защите.

— А отдохнуть, ты считаешь, мне не надо? И разве я не говорил, что мы с Варей еще ни разу не отдыхали порознь?

— Да, говорил, но что с гэбистами поделаешь, — развел руками Дорофеев. — Хотел удружить тебе, да не вышло, — он сумрачно замолчал, но в его светлую голову тут же пришла дельная мысль: — Значит, отдохнуть хотите в теплых краях? — как бы все еще размышляя, протянул он: — Ну, что же, это я вам устрою!

— Ничего не выйдет, Володя, — развел руками Артём. — Мы не успеем заново оформить документы. У меня же через месяц защита.

— Никакого оформления! — весело заявил Дорофеев. — Я созвонюсь со своим коллегой в Туркмении, и он тебя устроит в санаторий на ихнем курорте Байрам-Али. Там даже в декабре жарко, плюс двадцать пять. Вот и отдохнешь перед защитой.

— А что? Это идея! — воспрянул духом Артём. — Интересно будет посмотреть, где провели молодость мои родители. И пролет у нас почти бесплатный.

— Ну вот и отлично! — облегченно вздохнул Дорофеев. — Время там проведете классно, обещаю! Вас встретят в аэропорту и предоставят в ваше распоряжение «козла», если захотите попутешествовать. А уж Посмотреть там есть что!

Вот так, волею непредсказуемой судьбы, Артём с Варей всего через неделю очутились в солнечном, даже в конце ноября — Туркменистане.

* * *

Тот короткий отдых в Туркмении, вполне понятно, был несравним с Кубой, но все же оставил у Артёма и Вари незабываемые впечатления. Вайрам-Ал» оказался зеленым оазисом в бескрайних песках Кара-Кумов. Санаторий находился посреди огромного тенистого парка в бывшем дворце наместника русского царя. Им от- вели отдельную комнату с телевизором.

Было жарко, нещадно палило солнце. Умывшись с дороги, Артём и Варя переоделись в майки и шорты, решив перед обедом прогуляться по аллеям парка. Как же они были удивлены, увидев на всех отдыхающих пальто, а на мужчинах даже меховые шапки! Почувствовав себя белыми воронами, они смутились, и Артём спросил у стоявшего неподалеку врача:

— Почему все так кутаются? Ведь на улице жарко.

— Что вы, по здешним меркам прохладно, — с усмешкой объяснил врач. — Ведь летом у нас больше сорока градусов в тени.

Наверное, это было правдой, потому что в солярии никто не загорал кроме них, более того, отдыхающие пялили на них глаза, как на ненормальных. А вот им местные нравы показались довольно дикими. Женщины, за редким исключением, ходили в национальной одежде и в галошах, несмотря на сухую погоду. В кафе и шашлычных мужчины, даже с университетскими значками, забирались на скамьи с ногами и ели, сидя на корточках.

— Зачем они это делают? — поражалась Варя. — Им же так неудобно.

— Не скажи. Иначе бы не сидели, как куры на насесте, — рассмеялся Артём. — Привыкли так с самого детства. Ты видела, как едят в чайхане — сидя на ковре, скрестив ноги?

Вдосталь погревшись и позагорав на солнышке, они совершили два автопутешествия: в природный заповедник Репетек и, уже из Ашхабада, в Бохарден — знаменитую пещеру с теплым подземным озером. В память врезались бескрайние пески, покрытые чахлой порослью, и орлы, сидящие вдоль дорог и спокойно взирающие на путников. Но больше всего удивили богато украшенные мозаикой мавзолеи на мусульманских кладбищах, которые попадались в совершенно голой безлюдной местности.

— Смотри, Тёмочка, там какое-то древнее городище, — завидев издали одно из них, сказала Варя. — Какие дивные дворцы, украшенные мозаикой. Не хуже тех, что мы видели в Самарканде.

— Да это же обычные кладбища, — объяснил шофер. — И вовсе не дворцы это, а мавзолеи — нечто вроде семейных склепов, построенных богатыми туркменами. Кстати, совсем недавно.

— Но это же стоит огромных денег, — поразился Артём. — Одна доставка сюда, в пустыню, стройматериалов во что обойдется!

— Это верно, не каждому туркмену такое по карману, — согласился водитель. — Однако здешний народ отличается скопидомством и вдобавок еще научился «химичить».

— Что вы имеете в виду? — сказала Варя.

— Большинство туркмен — люди неприхотливые, и больше всего любят копить деньги, — ответил он, не скрывая своего неодобрения. — Живут патриархально, большими семьями, и всем гамузом собирают в «общак» так много, что хватает и на такие дворцы, и на калым. Ведь они до сих пор покупают невест! И, заметьте, чем девушка необразованнее, тем дороже. С высшим образованием совсем дешево стоят.

— Это почему же? — удивилась Варя.

— Считается, что темные жены более послушны и из них легче сделать рабынь, — объяснил водитель, — хотя и они, — он снова насмешливо улыбнулся, — попав в город, быстро осваиваются и начинают «качать права».

— Все равно, честным трудом не скопить много денег, — с сомнением покачал головой Артём. — Ты говоришь — они химичат, но как?

— У многих из них нелегально в колхозных отарах пасутся свои овцы и даже верблюды, а почти у всех есть своя бахча, — объяснил водитель. — Каракуль по-прежнему в большой цене и верблюжья шерсть тоже. Не говоря уже о коврах.

Большое впечатление на Артёма и Варю произвело также горячее подземное озеро Бохарден, в котором они даже искупались. В памяти остались и длинная крутая лестница, идущая вглубь пещеры к еле видимому сквозь плотные испарения водоему, и стаи летучих мышей под высокими каменистыми сводами, и таинственно исчезающий под выступом скалы водный поток.

* * *

В Москве Артёма ожидали радостные волнения. Из Парижа прилетела Аня. Она была на последнем месяце беременности и собиралась рожать в том же роддоме, где появилась на свет сама. Естественно, больше всех суетилась и переживала Надежда.

— Первые роды вообще опасны, а у Анечки сложная гинекология, — траурным тоном сказала она, позвонив Артёму на работу. — И вообще организм слабоват. Она еще в школе была освобождена от физкультуры.

— Зря ты помогла ей освободиться. Здоровье у нее было в порядке, и занятия спортом ее бы физически укрепили, — запоздало упрекнул ее Артём. — Вот, теперь и пеняй на себя!

— А ты забыл, что она тогда и без физкультуры плохо успевала? — напомнила ему Надежда. — Ладно, чего сейчас об этом говорить. Ты бы лучше позаботился, чтобы твою дочь положили в лучший роддом!

— Я уже позаботился. Лёля устроила ее в Грауэрмана. Туда же, где рожала ты. Разве она тебе не сказала? По-моему, этот роддом и сейчас один из лучших в Москве.

— Наверно, Лёля не дозвонилась. Я говорю с тобой не из дома и вчера очень поздно вернулась, — объяснила Надежда, — Анечка у себя дома. С

ней Вадик. Он вчера прилетел из Парижа.

Лёля очень любила свою единственную племянницу. Вначале она, несмотря на неуверенность, была так же расположена и к Лене. Но неразумная сибирячка, поссорившись с Артёмом и Варей, порвала всякие отношения и с Лёлей, чем сильно ее обидела.

— Не думала, что Лена такая неблагодарная, — пожаловалась она брату. — Мы с Сенечкой так хорошо ее приняли, помогли попасть в университет, а она теперь нас и знать не хочет. За все время ни разу даже не позвонила!

— Я тоже считаю это непростительным, — согласился Артём. — Ладно, допустим, мы ей не угодили. Но ты тут причем? Она уже взрослая, а поступает глупо, себе во вред. Должна помнить, что попала на факультет журналистики лишь благодаря вам с Сеней!

Само собой, узнав, что Анечка на сносях, Лёля тут же предприняла все, чтобы поместить ее в лучший родильный дом. Условия там были блестящие, но все равно родные и близкие оказывали роженице неустанное внимание. Ежедневно навещающая дочь, Артём встречался там не только с Надеждой и Вадимом, но даже с родственниками бывшей жены.

Роды у Анечки прошли нелегко, но, к счастью, закончились благополучно, и на свет появился маленький богатырь, весом более четырех килограммов. Радовались все, а счастливая мамаша восторженно делилась свежими впечатлениями, не скрывая пикантных подробностей.

— Представляешь, папуля, плод плохо шел и, чтобы его выдавить, на меня навалился огромный детина, то ли врач, то ли акушер, не знаю. Это было ужасно! Дядька тяжелый, как пресс, и я боялась, что он меня расплющит.

— Ну и как — помогло? — улыбнулся Артём, радуясь, что все уже позади.

— Наверное, — слабо улыбнулась в ответ Аня. — Но этот кошмар длился долго.

Радовался рождению внука Артём не долго. То, что он узнал от Надежды, когда на следующий день приехал в роддом, чтобы повидать Анечку с ребенком, повергло его в шок.

— Ты, наверное, будешь недоволен, — отводя глаза, сказала бывшая жена, — но мы решили назвать мальчика Иваном. Хорошее русское имя! Иван Калашников. Не правда ли, звучит?

Удар был слишком силен, и Артём даже растерялся. Такого сюрприза он никак не ожидал! «Понятно. Снова хотят угодить Ивану Ивановичу. Неужто они все так от него зависят? - думал он, стараясь настроить себя на

миролюбивый лад. — Конечно, это плевков мне в лицо, но, может быть, их вынуждают обстоятельства?» Однако уговорить себя так и не сумел.

— Вот, значит, как? Снова сапоги лижете своему благодетелю? И все за мой счет! — медленно произнес он, закипая гневом и смерив Надежду презрительным взглядом: — На свадьбе, в угоду ему, лишили меня отцовства, а теперь и моего внука ему преподнесли?

— Ну вот, так я и знала, что ты на стенку полезешь, — проямлила Надежда. — Сам подумай — какое значение имеет имя? От этого ребенок не перестал быть твоим внуком.

— А с чего взяла, что я полезу на стенку? — поймал ее на слове Артём. — Это еще хуже, что оскорбили меня сознательно! Видно, вам с Аней все равно, буду я любить внука или нет. Боюсь, что с этим имечком он никогда не станет для меня родным!

— Ты этим нанесешь вред лишь самому себе! — высокомерно заявила Надежда. — Напрасно обижаешься. Не надо было бросать свою дочь!

Сказанное ею было столь несправедливо, что Артём впервые почувствовал острую боль в сердце. Гнев душил его, и рука аж чесалась, так хотелось отвесить бывшей жене пощечину. Но он все же сдержался.

— Значит, ты уверена, что я Анечке и внуку больше не нужен. Но есть Бог на небе! Это я помог вырастить ее, а не твой Иван! — Артём круто развернулся, чтобы уйти.

— погоди! Ты что же, не зайдешь посмотреть на ребенка? — попыталась остановить его Надежда.

— Нет, и боюсь, что не захочу, — Артём был просто вне себя. — Вы сами вырвали его из моего сердца!

* * *

Приближающийся день защиты и круговорот связанных с ним забот помогли Артёму отвлечься от горьких мыслей и переживаний, которые доставило новое тяжелое оскорбление, нанесенное ему бывшей женой и дочерью. Доклад был отработан и выучен наизусть, плакаты в последний раз проверены. В ресторане заказан банкет на пятьдесят человек.

— А что будем делать, если не доберешь голосов? — тревожилась Варя, которая приняла на себя хозяйственные заботы. — И я слышала, будто сейчас эти банкеты осуждаются, как магарыч за присуждение ученой

степени.

— У нас всегда найдут, как досадить людям, — сердито ответил Артём. — Ведь магарыч — это взятка, которую дают, чтобы что-либо незаконно получить. А банкет — празднование радостного события, по традиции устраиваемый виновником торжества. Это, как говорят в Одессе, — «две больших разницы». Не хочется даже думать о провале. Но если это случится, конечно, банкет отменим. А оплаченное заберем домой и устроим, — он невесело усмехнулся, — с близкими друзьями тризну.

Однако, на этот раз огорчаться Артёму не пришлось. Видимо, судьба решила поставить точку в затянувшейся эпопее с защитой его докторской диссертации.

Все прошло, как говорится, без сучка, без задоринки. И доклад им был сделан четко, и на вопросы отвечал полно и по существу. Его маститые оппоненты блеснули эрудицией и высоко оценили представленную работу, а выступающие, — все до одного, — отозвались о ней положительно.

При подсчете голосов оказалось, что кто-то из членов ученого совета по неведомым причинам все же бросил черный шар. Артём, наконец, стал доктором технических наук и вместе со всеми друзьями и соратниками на большом, предварительно заказанном автобусе, отправился праздновать свою долгожданную победу.

На пороге банкетного зала их встретила сияющая Варя, которая обо всем была оповещена по телефону. В элегантном вечернем платье, статная, с высокой прической, она выглядела «на миллион», а роскошно сервированный стол ломился от выпивки и закуски.

Веселые и изрядно проголодавшиеся, не мешкая, все расселись по местам, и застолье начало быстро набирать темпы. Было произнесено много тостов, но наиболее точно общие чувства выразил старый соратник виновника торжества и его оппонент профессор Иванов.

— Я знаю Артёма Сергеевича еще с моих и его молодых лет. И уже тогда, на авиаремонтном заводе, он обнаружил творческое дарование и упорство в достижении цели — те качества, которые необходимы ученому, — сказал он, высоко поднимая свой бокал. — Пригласив его в наше НИИ, я не ошибся. Его научные работы принесли много пользы гражданской авиации. На моих глазах он стал кандидатом, а теперь вот и доктором наук. Мы все тут знаем, как нелегко этого добиться. Так поздравим его от всей души с заслуженным успехом и пожелаем новых научных достижений!

Ученый совет Института комплексных транспортных проблем пользовался большим авторитетом в ВАКе, и утверждение докторской степени Артёма не заставило себя ждать. Его поздравляли друзья и

знакомые, а Ковач даже издал приказ, в котором ему объявлялась благодарность. Но, как и следовало ожидать, на работе довольно кисло восприняли повышение его заработной платы и очень скоро наступило похмелье. Неожиданно отдел Артёма был расформирован.

— Теперь, когда выполнено задание министра, такой отдел не нужен, — вызвав к себе, объявил ему Ковач. — При переходе на хозрасчет выгодней преобразовать его в сектор. С учетом твоей донорской степени, в зарплате ты не потеряешь, — слукавил он, ибо знал, что Артём, как начальник отдела, став доктором, должен был получить надбавку.

— Положим, я потеряю немало, но не в этом дело, — расстроено возразил Артём. — Ваше решение свертывает тематику исследований по обеспечению гражданской авиации запчастями. А это нанесет Аэрофлоту вред.

— Советую поменьше со мной спорить, — зло зыркнул Ковач. — Ты ведь защитился, и об этой тематике можешь забыть. Сейчас нам, как говорится, не до жиру, быть бы живу. Тебе надо срочно раздобыть хоздоговор на работу, в противном случае быстро окажешься за порогом. Как Голубев!

Это можно было считать предупреждением. Голубев, как и Артём, после долгих мытарств защитивший докторскую диссертацию, был главным «спецом» по авиационным самописцам. Их летные испытания считались богатой кормушкой. Под предлогом хозрасчета, один из приближенных к Ковачу проходимцев добился реорганизации отдела Голубева, доказывая, что доктор наук для этих работ не нужен. В итоге тот остался не у дел и попал в больницу с инфарктом.

— В условиях хозрасчета приходится считать каждую копейку, — холодно глядя на него, продолжал Ковач: — Поэтому содержать докторов наук становится накладно. Каждый должен оправдывать себя. Надо своевременно позаботиться о выгодном хоздоговоре, чтобы прокормить себя и своих сотрудников. Крепко подумай об этом! А пока советую избавиться от Брюхнова. Он — ненужный нам балласт.

Возражать начальнику института было бессмысленно. Артём понимал, что Ковач теперь будет на него давить, и все же ответил:

— Я вас понял и приму меры к заключению выгодного хоздоговора. Но, все же надеюсь, что мне будет предок ставлено право решать, кто из сотрудников нужен для работы. Брюхнов может еще принести пользу.

«Да, не лучшие настали времена, — думал Артём, покидая кабинет начальника. — И похоже, докторская степень лишь прибавит проблем. Но Ковач прав. Чтобы сейчас выжить, нужно взяться за работу, которая даст

Аэрофлоту наибольший экономический эффект». Он сознавал, что небо над его головой вновь заволкли тучи, а ближайшее будущее чревато новыми осложнениями и изнурительной борьбой.

Глава 17. АРХИТЕКТОРЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

После скоропостижной смерти Андропова подковерная борьба за власть в партийных верхах разгорелась с новой силой. На короткий срок генсеком и главой государства стал сподвижник Брежнева, престарелый и очень больной Черненко. Но он так же быстро помер и, чтобы закончить, как уже мрачно шутили в народе, с «гонкой на катафалках», наверх пробился более молодой представитель высшего партийного руководства Горбачев, которому покойный Андропов особенно симпатизировал.

Хотя новый генсек, как и его предшественник, начал с бесполезных попыток борьбы с пьянством путем введения «сухого закона», все же вскоре выяснилось, что он — сторонник обновления и демократических реформ. Преодолевая сопротивление партийных ортодоксов, Горбачев затеял свою знаменитую «перестройку». Проводя давно назревшие реформы, он надеялся спасти коммунистическую систему и руководящую роль КПСС.

Его стремление заменить дискредитировавшие себя партийные догмы на более демократичные, соответствующие реальным задачам улучшения жизни народа, нашло поддержку как у честных коммунистов, так и в широких слоях советского общества.

— Наконец-то, повеял ветер перемен, — сказал Варе Артём. — Прежние коммунистические принципы доказали свою неэффективность. Пора обратиться к опыту стран, успешно применяющих социал-демократические модели развития.

— А разве есть такие? — удивилась Варя. — У наших союзников в «странах соцлагеря» дела идут тоже плохо. Лучше других в ГДР, но свободой и демократией там и не пахнет.

Вдохновленный надеждой, что застою пришел конец, и теперь можно начать «перестройку» также в гражданской авиации, Артём дерзнул осуществить свою давнюю идею об отмене межремонтных ресурсов самолетов. Научное обоснование отказа от периодических капремонтных работ им было уже разработано. Даже подготовлена развернутая статья в журнал. Но, не имея поддержки, он медлил с ее публикацией.

Неожиданного соратника в этом грандиозном начинании Артём нашел в лице главного инженера эксплуатационного предприятия Коваленко. Во время переговоров о заключении хоздоговора по обоснованию годовой потребности в запчастях, он поделился с ним мыслями о том, что ее можно

резко сократить, не производя ненужного капремонта самолетов.

— И я такого же мнения, — сразу подхватил его идею главный инженер. — После неоправданного капремонта новых самолетов, при их дальнейшей эксплуатации происходит много отказов, требующих замены деталей и агрегатов. Разбирая для осмотра, мы 1убим технику!

— Надежность конструкции и безопасность полетов гарантирует ограничение общего срока службы самолета на основе прочностных испытаний. А проверить основные узлы можно и без разборки неразрушающими методами контроля, — подтвердил Артём. — Эти методы широко известны и приведены в моей книге «Дефектация самолетов».

— Да, мы пользуемся твоей книгой. Но беда в том, — с сожалением произнес Коваленко, — что наши АТБ недостаточно оснащены современными средствами контроля самолетов в процессе эксплуатации.

Крупный и представительный, он задумчиво откинулся на спинку кресла. Потом пристально посмотрел на Артёма, как бы оценивая, можно ли на него положиться, и доверительно сообщил:

— Меня вот-вот должны перевести начальником Управления в министерство. С этой позиции я смогу оказать необходимую поддержку в разработке твоей идеи. Так что, товарищ новатор, готовься к схватке! И первым делом опубликуй свою статью. Чтобы было на что сослаться, когда доложу об этом министру.

* * *

Статья Артёма была опубликована во всесоюзном журнале и вызвала; как он и ожидал, бурю. Очевидно, высказанные им мысли и доводы уже бродили в умах авиаторов, так как тут же посыпались отклики, разделившие их на два враждебных лагеря: за отмену периодических капремонтов и против. В институте Артёму сразу же устроили абструкцию «ресурсники» во главе с Гальчуком, а вне — на него ополчились авиаремонтники. И те, и другие решили, что предлагаемая перестройка подрывает их благополучие.

— Не ожидал от тебя, Сергеич, такого подвоха, — открыто высказал ему свое недовольство Кожин. — Знал бы, что ты — враг «Авиаремонта», никогда не поддержал бы твоей защиты!

— Но разве я не прав по существу? Разве разборка самолетов для проверки их состояния не приносит вреда? — горячо возразил Артём. — Я болею -за дело, какой же я враг?

— Брось демагогией заниматься! — гремел в трубке

Кожин. — Ты сам работал на заводе. Что нам делать без капремонтов? Зубы на полку положить?

— Вы бы лучше прочитали статью, — не сдержался Артём. — Загрузка заводов будет обеспечена ремонтом самолетов по результатам контроля, в том числе капитальным, если он потребуется. Их надо превратить в главные технические базы самолетного парка в каждом регионе страны!

— Ишь, чего задумал, умник. Думаешь, у нас без тебя мало забот? Видали мы таких прожектеров! Ничего из этого не выйдет!

Памятуя о прежней дружбе, лидер «ресурсников» Гальчук пришел к Артёму сам. Видно, желая решить вопрос миром, с укором на него глядя, предложил:

— Кончай эту вредную затею, Артём! Не восстанавливай против себя весь коллектив, пока не поздно! Знаешь ведь, что только ресурсы и испытания новой авиатехники держат институт на плаву.

Он выдержал паузу и сказал то, ради чего пришел:

— Я говорил с начальником института. Ковач дал согласие восстановить твой отдел. Хоздоговор у тебя заключен на два года. Так зачем осложнять жизнь себе и другим?

— Значит, предлагаете мне сделку? А вы с Ковачем подумали, — горячась, возразил ему Артём, — что станет с нашим институтом, если он прекратит выполнять свое предназначение и займется лишь испытаниями и ресурсами?

— И что же с ним станет? — насмешливо посмотрел на него Гальчук. — Заодно просвети, в чем состоит его основное предназначение.

— Да закроют наш институт, если он не будет вести исследования! — вспыхнул Артём. — Мы должны совершенствовать деятельность Аэрофлота и предлагать новое, а не просто регистрировать состояние авиатехники. Составление актов на увеличение ресурсов — канцелярская работа, а испытания лучше нас проведут ЛИИ МАП и ВВС.

— Но пока только эти работы дают нам хороший заработок, — во взгляде Гальчука была откровенная враждебность. — Лишь в них заинтересованы МАП и предприятия Аэрофлота, которые заключают с нами хоздоговора. А твои новшества никому не нужны. Мне жаль тебя, Артём! Не успел стать доктором и уже всем рискуешь! Тебя же в порошок

сотрут.

— Не надо жалеть меня, Борис! Я знаю, что делаю, — смягчив тон, ответил Артём. — Мне совесть не позволяет заниматься халтурой, наблюдая, как гибнет наш институт. Я ведь предупреждал тебя, что Ковач доведет его до ручки. Зря ты ему в этом помогаешь. Разве не видишь, что ученых скоро не останется? Если не удастся заняться делом, уйду и я.

Гальчук больше его не уговаривал, а когда узнал, что Артём подал докладную записку на имя министра, — решил устроить ему «показательную порку» на научно-техническом совете института. Он умело настроил против него своих сподвижников, и они дружно выступили против включения в план исследований работы, предложенной Артёмом. Положительно высказался только Полунин, но это поддержало Артёма лишь морально.

* * *

Домашняя обстановка у Артёма была еще более безрадостной. Уйдя жить в «общагу» университета, Лена сошлась там с аспирантом-югославом и родила внебрачного ребенка. Югослав был женат, имел двух дочерей и бросать семью не собирался. Варя очень переживала за Лену и трогательно заботилась о ней в период беременности и родов. А когда та осталась, недоучившись, одна с грудным ребенком, по доброте душевной предложила взять малыша к себе. В ответ от Лены она услышала то, чего уже никогда не смогла ей простить.

— Вот уж не думала, что моя беда будет тебе на руку, — обиженно поджала губы Лена. — Хотя, я тебя понимаю. Своих детей иметь не способна, вот и обрадовалась, что можешь заполучить моего сына, — язвительно добавила она. — И отец, наверное, будет счастлив дать ему свою фамилию, в чем, в свое время, отказал мне, — Лена на минуту умолкла и сказала, утирая злые слезы: — Всем вам будет хорошо, одной мне плохо. Нет уж, шиш вам! Как-нибудь без вас обойдусь! Сама воспитаю сына.

От такой грубой отповеди Варя не сразу пришла в себя. А когда немного успокоилась — сдерживая гнев, сказала:

— Ты неблагодарна, жестока и очень глупа, Лена! Я ухожу, и не рассчитывай, что вернусь. Никогда не прощу, что за мою заботу наплевала

мне в душу! Тебе лишь предлагали родственную помощь, выход из твоего трудного положения. Могла бы просто отказаться, зачем было ранить меня в самое сердце. Надеюсь, жизнь заста- . вит тебя поумнеть!

Осталось неизвестным, расстроил ли Лену разрыв с Варей, и переживала ли она из-за него, но Артём видел, какую душевную травму нанесло это его жене. Всегда бодрая и неунывающая, она стала мрачной и рассеянной, отвечала невпопад, тяжело вздыхала и даже стала кашлять. «Уж не заболела ли? — глядя на нее, с тревогой подумал Артём. — Может, с легкими что?»

— Ты бы сходила проверилась! Выглядишь неважно, — не выдержав, сказал он Варе. — Неужели, все переживаешь из-за этой дуры?

— Да здорова я, Тёмочка. Не обращай внимания, — с досадой ответила она, не удержавшись от кашля. — Просто перенервничала из-за Лены.

— Вот видишь, я прав. Обязательно покажись врачу! — с напускной строгостью сказал Артём. — Будто не знаешь, что все болезни от нервов. И только одна — от удовольствия, — не выдержав, улыбнулся он, — венерическая.

Варя все же сходила на рентген и худшие опасения Артёма подтвердились. Не в порядке оказались лимфоузлы, и она впервые за всю их совместную жизнь очутилась в больнице. Даже подозревая, что жена нездорова, Артём такого не ожидал. Он и без того в быту был несамостоятелен, а избалованный Варей, почувствовал себя совсем беспомощным.

Ложась в больницу, Варя наготовила ему еды впрок, но этого хватило ненадолго, и Артёму вновь пришлось испытать прелести общепита. К тому же вскоре встала проблема смены белья. Артём навещал Варю почти каждый день, и она сразу заметила, что на нем несвежая рубашка.

— Ну как тебе не стыдно ходить в таком виде? — укорила она его. — Неужели трудно отнести белье в прачечную?

— Времени не хватает, — соврал он, не желая ей признаться, что ему противно этим заниматься. — Не бери в голову, продержусь как-нибудь!

— Нет, я не могу допустить, чтобы ты ходил неопрятным, — не согласилась Варя. — Все! Раз в неделю будешь возить меня домой. На пару часиков.

— Тебе же нельзя нарушать режим, — не слишком уверенно возразил Артём, глядя на жену, соблазнительно выглядевшую даже в безобразном больничном халате, и думая, естественно, не о белье и еде.

Наверно, и у Вари в мыслях было не только это, так как, заметно

повеселев и не теряя времени на переодевание, она сняла с вешалки свою дубленку.

— Иди, заводи машину! Я через пять минут подойду, — приказала она мужу. — У нас как раз время прогулок, и никто на мое отсутствие не обратит внимания.

В тот раз о белье она забыла и лишь успела сварить ему суп, поскольку, соскучившись, они больше часа занимались любовью. С годами бурная страсть у них улеглась. Секс был по-супружески умеренным. Видимо, им надо было ненадолго разлучиться, чтобы вновь вспылать страстью.

В больнице Варя провела больше месяца и вышла лишь в январе. Коротких еженедельных встреч им было мало, и в Новый год Артём «выкрал» жену домой на целые сутки. Выпив по традиции шампанского, они всю ночь, как молодожены, упивались своей страстью, и лишь под самое утро уснули, не размыкая объятий.

Наверное, Варе надо было заболеть, чтобы Артём осознал, как сильно любит свою жену. В последние годы ему казалось даже, что они остыли друг к другу, и он может увлечься другой женщиной. Поэтому был безмерно рад, убедившись, что кроме нее, ему никто больше не нужен.

* * *

Реформы, проводимые в стране, были скорее импульсивными, чем продуманными. Так, всеобщую демократизацию решили начать с того, что всех руководителей предприятий и организаций стали выбирать на общем собрании коллектива. Негативный опыт революционных времен, когда даже бойцы выбирали своих командиров, и более близкий, — развала колхозов «избранниками» сельчан, — был почему-то предан забвению. То, что это «мероприятие» такое же провальное, показала смена руководства в НИИ гражданской авиации.

Разумеется, Артёма не могло не радовать то, что благодаря выборам удалось, наконец-то, избавиться от «непотопляемого» Ковача, но и пришедший на смену ему Теплое тоже был не подарок. Теплова он знал еще со студенческой скамьи. И, хотя новый начальник их НИИ тоже был доктором наук, Артём признавал за ним лишь одно достоинство — хороший характер. За все годы работы тот ничем не обогатил науку.

Несмотря на успешную защиту, его диссертации не содержали ничего нового.

Теплое обладал не только покладистым характером, но и весьма располагающей внешностью. Своей счастливой карьерой он был обязан не родственным связям, а тому, что сумел, еще при генерале Макарове, войти в компанию молодых выдвиженцев НИИ во главе с секретарем комитета комсомола Анохиной. Его путеводной звездой, по-видимому, был известный афоризм Козьмы Пруткова о «влиятельной клике».

К этому времени, и правда, сплоченная компания Катюши Анохиной приобрела немалое влияние, заняв ключевые посты в министерстве, а Виктор Колесник пробился даже в аппарат Совмина. Анохину в шутку прозвали «Екатериной Великой», не столько из-за высокого роста, сколько с намеком на интимные связи с большими начальниками. По слухам, к ней благоволил даже сам министр.

— Теплов в этой компании был только «шестеркой», — поведал Артём Варя о своем новом начальнике института. Не то, что Колесник и Тер-Айвазян, не говоря уже об Анохиной. Но, он, пожалуй, был Катюше ближе всех.

— Неужели, она... и с ним? — удивленно посмотрела на него Варя. — Я слышала, что ваша «Великая» изменяет мужу только с большими чинами — ради карьеры.

— Не знаю, насколько справедливы сплетни, хотя с начальниками, и правда, она кокетничает. Думаю, все же сплетни идут от баб, которые ей завидуют, — ответил Артём. — Катюшу я несколько раз подвозил на машине, и она говорила мне, что любит своего мужа. А благоволит к Теплову потому, что благодаря ему стала не только кандидатом, но и доктором наук.

— Это как же получается, если он ее «шестерка» и в науке тоже ноль? — не поняла Варя.

— Вот так и получается сплошь и рядом, — объяснил Артём. — Сначала Теплое, когда Катюша перешла в министерство, создал в институте бригаду, которая написала для нее подобие диссертации, а потом и она помогла ему защитить такую же халтуру.

— Но как же твои коллеги-ученые пропустили эту халтуру? — поразилась Варя. — Я еще понимаю, что могло сыграть роль женское обаяние Анохиной, но почему благословили Теплова?

— Обаяние здесь ни при чем. В ученом совете — одни старики, да и она не такая уж красotka, — с усмешкой ответил Артём. — Все решили приказы сверху. У Катюши — огромные связи. Поговаривают, что министр

велел «под нее» создать новый научный центр.

— Ну вот, а ты еще, Тёмочка, не веришь слухам, — рассмеялась Варя. — Дыма без огня не бывает!

— Ладно, что бы ни говорили, а полезно, что я с ними обоими в хороших отношениях. Хотя Теплов — ни рыба ни мясо, но лучше Ковача, — с надеждой в голосе заключил Артём. — Может, с их помощью мне удастся развернуть работу.

Однако его оптимизм в отношении нового начальника института не оправдался. Умный и осторожный Теплов, которого Артём, как ему казалось, сумел убедить в необходимости своей работы для прогресса гражданской авиации, занял нейтральную позицию. Он не оказывал поддержки «партии Гальчука», но и не спешил помогать Артёму, выжидая, как развернутся события.

Дело сдвинулось с мертвой точки лишь тогда, когда Коваленко, наконец, вступил в должность начальника Главного Управления эксплуатации и ремонта авиационной техники.

* * *

То, что новый начальник главка поднимает шумиху вокруг «революционных» предложений Артёма не из заботы о прогрессе гражданской авиации, а из своих карьеристских устремлений, выяснилось значительно позже. А пока, с первых же дней работы, Коваленко активно стал продвигать идею отмены межремонтного ресурса самолетов в жизнь.

Прежде, чем доложить этот вопрос министру, начальник главка поставил доклад Артёма на эксплуатационной секции научно-технического совета министерства, председателем которой был по своей должности. Полемика была очень жаркой. Гальчук и другие «ресурсники» приводили контрдоводы, представители «Авиаремонта» упирали на дезорганизацию существующей, хорошо отлаженной системы. Однако Артём сумел четко обосновать преимущество предлагаемого перехода от строго ограниченных межремонтных ресурсов на эксплуатацию самолетов «по техническому состоянию», и совет одобрил его предложения.

— Ну, теперь держись! Ресурсники тебя съедят, — сочувственно предупредил его ученый секретарь совета Эдуард Кругаль. — Вот увидишь — они заволокут наше решение. Гальчук сделает все, чтобы твою работу

не включили в план научных исследований института.

Кругаль знал, что говорил. Он, как и Артём, пострадал при объединении институтов. Возглавляемый им отдел был одним из лучших, но Ковач его ликвидировал, и ни какие доводы Кругаля, даже направленные в высокие инстанции, не помогли исправить допущенную ошибку. Наверное, так бы и произошло, но Коваленко действовал умело и последовательно: доложил о принятом решении министру, и вскоре Теплое получил приказ о постановке этой работы в план экспериментальных исследований.

Более того, приказ министра обязывал начальника института для проведения работ создать под руководством Наумова специальное научное подразделение.

Сроки были установлены жесткие и о том, чтобы тянуть с выполнением приказа, не могло быть и речи.

— Ну вот ты и получил то, чего добивался, — сказал Теплов, пригласив к себе Артёма. — Теперь тебя выручит только успех. В случае неудачи, сам понимаешь... Как говорится, за что боролись — на то напоролись, — он немного помолчал и добавил, как бы извиняясь: — Но дать тебе отдел и много людей я не смогу. И не советую добиваться этого, если не хочешь восстановить против себя коллег.

— Конечно, штатного состава сектора маловато, но вы правы, не стоит дразнить гусей, — понимая его, ответил Артём. — Бог с ним, с отделом! Не будут хоть говорить, что мной руководит корысть. Но все-таки надеюсь, что человек десять вы мне добавите. Обоснование я представлю.

Согласившись, Теплое дал ему людей, необходимые помещения, и вскоре вновь созданный коллектив Артёма приступил к работе. Интересное и перспективное исследование притягивало знающих и опытных специалистов, которым претило заниматься хоздоговорной халтурой. Переход их к Артёму проходил не без конфликтов и здорово потрепал ему нервы.

Это и общая усталость от борьбы неизбежно сказались на состоянии его здоровья. В самый разгар организационных хлопот, проводя совещание у себя в кабинете, Артём почувствовал острую боль в левом боку. Она не прошла, даже когда принял «тройчатку» и, преодолевая боль, прямо с работы он поехал в поликлинику Аэрофлота.

Ведомственные медучреждения были на привилегированном положении. Вследствие повышенной зарплаты персонал подбирался по блату и практика у него была слабее из-за меньшего количества пациентов. Поэтому происшедшее с Артёмом было характерным явлением.

Скучающий врач решил, что причиной боли явилась поджелудочная железа, и велел дома приложить к больному месту лед. А у Артёма оказался камень в почках и ему, наоборот, нужно было принять горячую ванну|

Понятно, что холод вместо тепла вызвал резкое обострение болезни, и у него произошел нестерпимый и непрекращающийся приступ. Варе пришлось вызывать «скорую» помощь, и Артёма увезли в больницу.

* * *

Судьба и на этот раз была милостива к Артёму. В больнице он пролежал недолго. Заботливая Лёля нажала на мужа, и тот позвонил «кому надо». Несмотря на то, что мест не хватало и койки стояли даже в коридорах, Артёма сразу перевели в отдельную палату и окружили особым вниманием. Опытные врачи и интенсивное лечение сделали свое дело. Терзавший его камушек вышел, и Артём смог вернуться к работе.

Разработка новой системы шла успешно. Благодаря большому заделу, имевшемуся у Артёма к началу работ, технология диагностики и ремонта самолетов в процессе эксплуатации была подготовлена всего за полгода. Артём приступил уже к рекомендациям по переоборудованию заводов и АТБ в «Технические центры диагностики и ремонта самолетов» для каждого региона страны, когда произошло непредвиденное.

— Соппротивление переходу на эксплуатацию самолетов «по состоянию» растет, — сказал при их очередной встрече Коваленко. — Боюсь, что противникам удастся провалить наш проект на научно-техническом совете министерства, если он будет представлен от института. Министр больше доверяет мнению практиков.

— А кто же тогда должен представить наш проект? — непонимающе взглянул на него Артём. — Проекты всегда представляют разработчики.

— Вот вас и затопчут! Даже я не смогу помочь, — хмуро сдвинул брови начальник главка. — Нужно сделать по-другому. Выйдет новый приказ министра, в котором, якобы для ускорения перехода на новую систему, твоя работа будет передана в ведущее АТБ. Это предприятие одновременно станет и экспериментальным «Центром эксплуатации самолетов по состоянию».

— Выходит, мы должны передать наш проект «чужим дядям»? —

несогласно покачал головой Артём. — И вы полагаете, что они смогут более успешно его доложить? Я не могу пойти на это, ибо меня не поймут сотрудники, которые над ним немало потрудились!

— Ничего ты не понял, — досадливо поморщился Коваленко. — Никто не отнимает у вас работу. Приказ министра как бы объединит науку с практикой. В этом АТБ будет создан временный коллектив, состоящий из твоих хлопцев и из самых способных инженеров. Или тебе, — с укором добавил он, — нужна личная слава?

— Я за славой не гонюсь, но и отдавать кому-то наши разработки не собираюсь, — хмуро ответил Артём. — И доложить они наш проект толком не смогут!

— А с чего ты взял, что докладывать будут они? — с усмешкой посмотрел на него Коваленко. — Представлять проект на совете буду я сам! Надеюсь, ты не против? Думаю, что это намного уменьшит число его открытых противников, — Артём обескураженно замолчал, и он пояснил: — Приказом министра на меня будет возложено руководство работой по переходу на новую систему.

* * *

Вслед за этим разговором вышел и новый приказ министра, по которому Артём вместе со всеми сотрудниками временно был передислоцирован в АТБ. Ничего хорошего из этого не вышло, так как Коваленко руководил наездами, не вникая в суть вопросов. Инженеры из АТБ не подчинялись Артёму и внесли в проект отсебятину, которая выхолащивала почти все его преимущества. Все попытки Артёма воспрепятствовать этому натыкались на непонимание со стороны начальника главка.

— Эти ребята предлагают разумный компромисс. В твоём проекте многое не устраивает не только заводчан, но и АТБ. Им хочется сохранить свой профиль, — убеждал он Артёма. — С теми изменениями, что они предлагают, проект легко пройдет на совете министерства.

— Но тогда эффект от него будет — ноль! — горячился Артём. — Если оставим существующую систему такой, как она есть, зря только потратим государственные средства.

— Не все сразу, — успокаивал его Коваленко. — Будет сделан первый

важный шаг к объединению АТБ и заводов. Заодно — их получше оснастим.

— Нет, так не пойдет! Нужно положить конец тому, чтобы, разбирая, портили новые самолеты! — возражал ему Артём. — Этого нельзя больше терпеть!

Желая сломить его сопротивление, Коваленко пошел на откровенность.

— Чтобы ты лучше уяснил ситуацию, открою тебе один секрет, — откинувшись в кресле, произнес он доверительным тоном. — Замминистра по технике вот-вот снимут. И у меня есть шансы занять его кресло. Если удачно сделаю доклад, — и с досадой добавил, — вижу, ты ничего не понял. Плохой из тебя стратег! Неужто не, ясно, что, как заместитель министра, я смогу лучше справиться с противниками новой системы эксплуатации самолетов?

— Или оставить все, как есть, чтобы меньше было хлопот, — не выдержал Артём. — Но я не могу с этим согласиться. Слишком много выдано авансов, слишком много поднято шума и сделано затрат. И если вам безразличен провал нашего проекта, я буду бороться за него до конца!

Лишь теперь ему стало ясно, что интерес Коваленко к его идее и работе над проектом был продиктован далеко идущими карьеристскими устремлениями. «Ничего у нас с ним не выйдет, — сокрушался Артём, возвращаясь от начальника главка. — Поднявшись выше, он сделается, как и все сановники, еще осторожней, и не захочет осуществлять-рискованный проект, чреватый непредсказуемыми последствиями».

* * *

Начальник главка уговаривать его больше не стал, но инженеры АТБ, по заданию Коваленко, стали срочно готовить альтернативный проект для доклада на Научно-техническом совете. Это так возмутило сотрудников Артёма, что они решили подать коллективный протест. Назревал громкий скандал, который мог повредить делу, и он счел за лучшее написать докладную на имя министра.

Очевидно, его докладная попала, первым делом, в руки начальника главка, и поняв, что автор проекта объявил ему войну, Коваленко прислал парламентаря. Совершенно неожиданно для Артёма им оказался профессор Иванов.

— Меня попросили об этом и сам Коваленко, и начальник АТБ.

Отказать я не мог, так как у моей кафедры с ними хоздоговор, — объяснил свое вмешательство Николай. — Ты же знаешь, что я тоже сторонник эксплуатации «по состоянию».

— Тогда, тем более должен понять, почему я уперся, — запальчиво произнес Артём. — Уж тебе-то ясно, что проект АТБ гробит все дело!

— Я бы так не сказал. Ты — неисправимый идеалист, — дипломатично ответил Иванов. — Сразу такие большие дела не делаются. Советую временно отступить, чтобы не потерять поддержку Коваленко. Без него у тебя ничего не выйдет!

— А с ним уж точно! Разве не видишь, что он — карьерист, и поддержал наш проект лишь для виду, чтобы подняться еще выше, — не сдавался Артём. — Сам уже не надеюсь победить. Но зато у меня будет чиста совесть, и все узнают, что я боролся до самого конца.

— Ты рассуждаешь, как самоубийца, — рассердился Иванов. — Ну, и пеняй на себя! Я же — прагматик. Мне заказано сделать научное обоснование к проекту АТБ, и оно будет на должном уровне, независимо от того, понравится это тебе или нет.

Его заявление ошарашило Артёма, и он даже сперва растерялся. Но потом почувствовал, как в душе растет возмущение меркантильным соглашательством Иванова.

— Ну, что ж, Коля, поступай как знаешь, — тяжело вздохнул он. — Много лет мы были единомышленниками, и я не думал, что наши пути разойдутся. Теперь мне труднее будет отстаивать свою правоту. Ты — сильный противник!

Отрицательные результаты мирных переговоров не замедлили сказаться. Коваленко отстранил авторов первоначального проекта — Артёма и его научную группу — от работы. Но в активе у авторов было положительное решение секции Научно-технического совета министерства. Как руководитель разработчиков, Артём обжаловал неправомерные действия начальника главка, на этот раз, уже в высшие инстанции — Совет Министров и ЦК партии.

Скандал разгорелся с такой силой, что это всерьез обеспокоило руководство Аэрофлота. Чтобы замять его, получив указание сверху, в дело вмешалось Политуправление министерства гражданской авиации. Жалобщика вызвал «на ковер» сам его начальник. К удивлению Артёма, рядом с ним в кабинете, с важным видом восседал старый знакомый — совминовец Колесник.

— Мы пригласили тебя, Артём, — запросто, по-товарищески, обратился к нему Колесник, — естественно, по поводу твоих писем.

Обвинения в адрес Коваленко очень серьезные, и нам поручено объективно в них разобраться.

— Хочу заранее предупредить, — вмешался начальник Политуправления, — что тот из вас, кто окажется виновным в срыве этого важного задания министра, будет сурово наказан. Я имею в виду вас и Коваленко.

— Надеюсь, это будет начальник главка, из-за которого оно сорвано, — ответил Артём. — Но для того, чтобы вы могли судить объективно, необходимо заслушать наши доклады на Научно-техническом совете. Там я постараюсь доказать свою правоту. Ведь ничего личного у меня к Коваленко нет.

На этом и порешили. К своему докладу на столь высоком совете, на который были приглашены, кроме больших чинов, самые видные ученые из самолетных ОКБ и ВВС, Артём готовился так, словно ничего более важного для него не существовало.

— Разве можно столько сил отдавать работе? Ты даже ночью репетируешь свой доклад, — сокрушалась Варя. — Так ведь, Тёмочка, и заболеть недолго.

Но огромный труд, который Артём потратил на подготовку доклада, принес свои плоды. Тот день, когда состоялось заседание Научно-технического совета министерства, стал его триумфом. Как ни старались Иванов вместе со своей кафедрой, доводы Коваленко в пользу проекта АТБ были слабыми и неубедительными. Докладчик не смог даже вразумительно ответить на самые простые вопросы: что предлагается нового в отличие от существующей системы, и за счет чего повышается ее эффективность?

Этому жалкому лепету, наглядно показавшему поверхностное знание начальником главка вопросов разработки новой системы, Артём противопоставил четкий доклад, который познакомил присутствующих с сутью проблемы и ее предлагаемым решением. Данные на плакатах наглядно показали преимущество эксплуатации по техническому состоянию в повышении безопасности полетов. В заключение он привел зарубежный опыт успешного применения аналогичных систем и конкретные цифры расчета экономического эффекта.

Коваленко был посрамлен. Он сидел красный, как рак, и на него было жалко смотреть. Очевидно, уже сознавал, что не только может забыть о назначении заместителем министра, но вряд ли теперь сохранит и занимаемую должность.

Решение совета было однозначно в пользу проекта, разработанного сотрудниками НИИ под руководством

Артёма. Все поздравляли докладчика, с трудом сдерживающего свою радость, и выражали надежду на успешную реализацию его проекта. Даже недавний противник Иванов нашел в себе мужество признать поражение.

— Ты сегодня показал себя молодцом. Все решила глубина вашей разработки и твой доклад ее продемонстрировал, — немного сконфуженно сказал он Артёму. — Не стоило мне лезть в это дело.

— Ладно, замнем для ясности, — ответил Артём. — Я на тебя зла не держу.

Победа, одержанная над Коваленко, казалась полной, однако дальнейшие события показали, что радоваться, собственно, было нечему.

* * *

Через две недели после доклада Артёма вызвали к вновь назначенному заместителю министра Носову. У него в кабинете уже сидели начальник Политуправления и Колесник. Как и в прошлый раз, разговор начал совминовец.

— Твой доклад помог наметить ряд мер по совершенствованию технической эксплуатации самолетного парка, — доброжелательно произнес он. — И первый шаг уже сделан. Руководство министерства, — он посмотрел на Носова, — решило объединить эксплуатацию и ремонт авиатехники в единое Главное Управление.

— Его начальником назначен Кожин из «Авиаремонта», который о вас, кстати, неплохо отзывается, — сообщил начальник Политуправления. — К сожалению, Коваленко не оправдал наших надежд и понижен в должности. Он отстранен от руководства разработкой новой системы, а приказ министра отменен.

Сказал свое слово и замминистра Носов.

~ Это не означает, Артём Сергеевич, что отказались от реализации вашего проекта, — приятным баритоном прогудел он. — Переход на эксплуатацию самолетного парка «по состоянию» несомненно даст большие преимущества.

— Но о каком переходе может идти речь, если прекратится наша работа? — не выдержал Артём. — Если распустят мой коллектив, все останется по-прежнему!

— Никто не собирается распустать ваш коллектив, — успокоил его Носов. — Вы сможете продолжать разработку новой системы согласно плану научных работ вашего института.

— Ее разработка такими слабыми силами, без участия АТБ и заводов, затянет переход к новой системе на долгие годы, — не согласился Артём. — Этим и Аэрофлоту, и государству в целом, будет нанесен огромный ущерб,

— Но мы не можем спешить с внедрением недоработанного проекта, — начал уже раздражаться замминистра. — Не решены еще многие технические и организационные вопросы!

— Не упорствуй, Артём! — счел нужным, вмешаться Колесник. — Твоей группе необходимо еще устранить ряд серьезных замечаний противников проекта. А потом провести экспериментальную проверку в производственных условиях. И вот что я тебе еще скажу. Не порть хорошего впечатления, которое произвел на руководство. Докажи свою покладистость! Между прочим, есть мнение, представить тебя к званию членкора Академии наук. Планировали Иванова, но его выступление на совете показало, что он не понимает стоящих перед Аэрофлотом проблем, — это было так неожиданно, что Артём поначалу растерялся, а когда собрался возразить, Колесник уже подвел итог: — Ну, вот и договорились. Продолжай работу, не снижая темпов! — в том же дружеском тоне наказал он. — Все вопросы решай с Кожиным, а если возникнут трудности, обращай к нам. Знай, что руководство Аэрофлота и правительство, — он приосанился, — придадут твоей работе важное значение.

Итог встречи с новым заместителем министра можно было считать положительным, однако отмена приказа министра являлась ударом по их дальнейшей работе и ставила под сомнение ее успех. Энтузиазм сотрудников Артёма поугас, да и сам он впал в депрессию. Не подняло настроения и присвоение ему звания членкора.

Работа продолжалась, как говорится «ни шатко, ни валко», и из упадочного состояния духа Артёма вывел лишь отъезд Вари в Крым для завершения курса лечения. Санаторий находился в Симеизе, там уже властво вала весна, и жена посылала ему восторженные письма, призывая взять отпуск и прилететь, чтобы насладиться этой благодатью вместе. Артём очень скучал без Вари и это отвлекло его от проблем продолжения работы.

Варя тоже без него скучала, и когда, позвонив в очередной раз, потребовала, чтобы, приехал, Артём, наконец, решился. Взяв две недели в счет очередного отпуска, он прилетел в Крым и убедился, что там, и правда, в апреле уже тепло, как летом. А на южном берегу, в Симеизе, уже всю цвела магнолия.

— Я уже сняла для тебя комнатку рядом с нашим санаторием, —

радостно объявила ему Варя, когда они вдосталь наобнимались. — Это, по сути, сарайчик с одним оконцем, но в нем хорошая кровать, — бросила она на него веселый взгляд, — и чистенько. Он ведь нужен лишь для того, чтобы переночевать.

И, действительно, сарайчиком они пользовались только ночью, так как весь день проводили, гуляя по красивому городку, поднимаясь в горы и выезжая на экскурсии. Побывали они всюду: в Воронцовском дворце, в Ялте, Севастополе и даже пообедали в знаменитом «Ласточкином гнезде» — ресторане на отвесной скале, нависшей над морем.

И все ночи, до одной, они провели в ветхом сарайчике, наслаждаясь близостью, как молодые. Стресс у Артёма прошел без следа, к нему вернулись мужество и сила духа. Он вновь обрел надежду на конечный успех и был готов продолжав борьбу.

Глава 18. КРАХ КПСС

Несмотря на то, что шаги в направлении демократизации жизни советского общества, которые делал Горбачев вместе с окружавшими его «архитекторами перестройки», были скорее импульсивными, чем продуманными, в воздухе все же запахло свободой, и дышать людям стало легче. В условиях экономического упадка генсек КПСС решился на ряд отчаянных мер и реформ для улучшения жизни населения.

Прежде всего, он вывел войска из Афганистана, прекратив «грязную войну», унесшую тысячи жизней советских солдат и огромные материальные средства. Затем, рискуя всем, пошел на сближение с США, прекратив бесполезные траты на союзников по Варшавскому блоку. В итоге, тот развалился, ГДР прекратила существование, и разделенные части Германии объединились. В стране было разрешено частное предпринимательство, и рынок стал наполняться товарами.

Решительный генсек, к тому времени уже избранный первым президентом СССР, задумал также обновить союзный договор, идя навстречу чаяниям национальных республик, добивающихся большей самостоятельности.

Этот шаг был нужен, так как «союз братских республик» давно уже прогнил изнутри и держался лишь на страхе перед репрессиями.

Естественно, такие крутые «мероприятия» ему пришлось проводить в обстановке жестокого сопротивления партийных ортодоксов и критики, как справа, так и слева. Недовольные им члены партийной верхушки вели подковерную борьбу и плели тайные интриги против Горбачева. Но еще больше ему досаждала критика со стороны партийных популистов, пытающихся сесть на его место за счет демагогических посулов народу.

— Ты посмотри, как смело критикует высшую власть Ельцин! Не боится даже Горбачева, — восхищенно сказал Артём, протягивая Варя газету с отчетом о пленуме ЦК партии. — Не побоялся указать на нескромность его супруги. О том, что она не по праву повсюду бывает вместе с ним.

— А я считаю, что Ельцин в этом неправ, — не согласилась Варя. — Не понимаю, почему наши лидеры стесняются появляться со своими женами. На Западе это принято, и Раиса Максимовна очень достойно выглядит.

— Мне тоже кажется, что здесь он перегнул палку. Но в целом Ельцин

мне очень импонирует, — сказал Артём. — Только на него можно надеяться! Его голос против незаконных привилегий и других безобразий объединит честных коммунистов и поможет провести в партии необходимые реформы.

— Не верится, что среди партийных сановников появилась «белая ворона», — с сомнением произнесла Варя. — Все его красивые слова — это обычная демагогия, чтобы завоевать популярность. По-моему ясно, что Ельцин нацелился свалить Горбачева и сесть на его место.

Варя по гороскопу была Водолеем и обладала даром предвидения. Часто угадывала развитие сюжета фильмов и книг. Ее предчувствия, большей частью тоже оправдывались.

— Жаль, если он окажется обманщиком! — огорченно вздохнул Артём. — Уж очень хочется верить, что в партии, наконец, появился лидер, который хочет добра своему народу. Хотя боюсь, Варенька, что ты снова окажешься права. Слишком уж неправдоподобно выглядит, что секретарь обкома партии вдруг прозрел, и выступил против привилегий своего клана.

— Уж если кому и верить, Тёмочка, так лучше этому бывшему летчику, герою Афганистана, — подумав, отозвалась Варя. — Он ведь не партийный лицемер! Если и критикует, чтобы дорваться до власти, может быть, все-таки имеет совесть. А Ельцин непременно обманет.

Внутренний голос подсказывал Артёму, что жена права, но все же он стал горячим сторонником Ельцина. Так ему хотелось верить, что единственный из партийных лидеров, набравшийся смелости «бросить перчатку» Горбачеву, взяв власть, осуществит обещанные преобразования, которые полностью одобрял. И, когда Горбачев стал преследовать своего соперника, он открыто осудил генсека и активно включился в ряды демократической оппозиции.

Артём рьяно агитировал за избрание Ельцина народным депутатом, а потом председателем Верховного Совета России, и радовался его победе над сторонниками Горбачева. Он не мог подумать, что позднее, одержав верх уже над ним самим, Президент Российской Федерации не только не выполнит ничего из своих обещаний, но более того, разрушит страну, созданную за много столетий предками ценою огромных жертв.

Но в то время эйфория победы своего кумира возродила у Артёма надежду на то, что коренные перемены близки. Почувствовав прилив сил, он решил еще раз попытаться воплотить в жизнь преобразования, необходимые гражданской авиации. На этом душевном подъеме Артём засел за составление новой докладной, на этот раз уже в правительство «суверенной» России.

Прошел месяц, и Артём уже начал сомневаться, что его докладная дошла и рассмотрена, когда его пригласил к себе Теплое. Несмотря на то, что их НИИ все больше приходил в упадок, начальник института заметно раздобрел, был прекрасно одет и выглядел вполне довольным жизнью. Он часто выезжал за рубеж и давно сменил персональную «Волгу» на престижный «Мерседес».

— Присаживайся, — любезно предложил он, широким жестом указав на кресло. — Ну, что тебе опять нейдет? Почему не займешься бизнесом, вместо того, чтобы всех будоражить? Сейчас столько блестящих возможностей! С твоей головой можно быстро сделать приличное состояние.

— О каком бизнесе может идти речь, когда мы — государственные служащие? — удивился Артём/ — Тех средств из бюджета, что нам отпускают, еле хватает на то, чтобы свести концы с концами.

— Вот именно. Сейчас, когда упали цены на нефть, бюджетные финансы, как говорится, «поют романсы», — усмехнулся Теплов. — Поэтому надо научиться зарабатывать самим. Сейчас разрешено при научных институтах создавать дочерние фирмы, которые могут работать по заказам бюджетных или иных организаций. Этим и пользуются находчивые люди.

— А что толку, когда бюджет отпускает гроши? — возразил Артём. — Ловкачам, как я понял, имеет смысл присосаться к богатым организациям.

— Советую пошевелить мозгами, — с видом превосходства произнес Теплое. — Если бы твой коллектив был на правах дочерней научной фирмы, он получил бы право работать не только на государственных, но и на частных заказчиков, — даже на зарубежных, — он сделал многозначительную паузу и приоткрыл секреты: — Даже при тощем бюджетном финансировании это очень выгодно, так как то, что отпускается на твою работу идет непосредственно тебе. Следовательно, — он усмехнулся, — не надо добрую половину отдавать на содержание института, и ее можно потратить на повышение собственной зарплаты.

— Но какой тогда резон тебе поощрять создание дочерних фирм? — удивился Артём. — Институту это же невыгодно.

— Не скажи. Ты, я вижу, действительно несведущ в хозяйственных вопросах, — насмешливо ответил Теплое. — На содержание штата бюджетных средств нам хватает, но вот на проведение НИР — нет. А от дочерних фирм в кассу института поступает арендная плата и еще, — он по-свойски подмигнул, — как это говорят сейчас... маржа,

— Это что же? Они взятки дают? — брезгливо поморщился Артём.

— Ну зачем же так грубо, — ничуть не смутившись, ответил Теплое: — Считай это помощью институту в нынешние трудные времена. Доходы у них немалые. Одна аренда самолетов нашего отряда приносит очень большую прибыль. Это помогает мне штопать многие дыры.

«По состоянию института этого не заметно. А вот твой сытый вид говорит, что личная выгода есть, — презрительно подумал Артём. — Теперь понятно, откуда у тебя «Мерседес». Но вслух лишь сухо сказал:

— Нет, коммерция — это не для меня. Пусть сейчас казна и бедновата, но как я на цифрах показал в докладной, затраты на нашу работу окупятся сторицей.

— Ну, надо же, какой ты неугомонный, — искренне огорчился Теплое. — Жаль, но придется, видно, тебя отправлять на пенсию. Не понимаешь, к чему все идет. Не будет скоро единого Аэрофлота! А ты мог бы еще принести большую пользу. И не только как член ученого совета.

— Спасибо за откровенность, — ответил Артём, еле сдерживая гнев. — Но и я, со своей стороны, честно предупреждаю, что еще поборюсь, сколько хватит сил, и за дальнейший прогресс гражданской авиации, и за то, чтобы предотвратить гибель нашего института, — он перевел дыхание и поднялся. Тяжело глядя на Теплова и впервые в разговоре со старым товарищем перейдя на «вы», холодно сказал: — Не думал, что вы, проработав в институте, как и я, с молодых лет, будете способны его развалить из-за мелочной корысти. Можете успокоиться! Если меня постигнет неудача, у вас не будет со мной лишних хлопот. Я уйду сам, ибо не желаю видеть крах своего института, от которого и так уже почти ничего не осталось!

* * *

Вернувшись домой в тяжелом состоянии духа, Артём убедился, что снова началась «черная полоса». В дверях его впервые не встретила веселым лаем собачка Чапа, из комнаты выглянула Варя, с мокрым от слез лицом:

— Чапочка умерла. Прихожу с работы, а она... лежит рядом с кроватью... уже холодная, — голос Вари прерывался от рыданий. — Как мы теперь будем жить без нее, Тёмочка?

Те, кто не держит собак, не могут понять горя, которое испытывают люди, потерявшие своих четвероногих друзей. Даже медициной доказано, что восторг и ласка, с которыми они встречает хозяина, благотворно влияют на его нервную систему, помогая снять усталость и стресс.

Взяв к себе собачку по просьбе Вики на время, Артём с Варей настолько к ней привязались, что она стала полноправным членом семьи. Чапа понимала даже человеческую речь, только что не умела говорить. И спать предпочитала вместе с хозяевами на постели, попеременно прижимаясь своим горячим шерстяным боком, а если прогоняли, сердито рычала.

— Чапочка спасает нас от радикулита, — полушутя-полусерьезно объясняли они друзьям, когда те замечали им, что это негигиенично: — Сами знаете, что его лечит собачья шерсть. Все вокруг страдают от него, а мы нет! Если бы не Чапа, давно бы заработали его на даче.

Благодаря их любви и заботе, Чапа прожила рекордное число лет. Последнее время она так сильно болела, что погулять на улицу ее приходилось выносить на руках. Ее жизнь, по сути, поддерживалась лишь уколами, которые ежедневно делала Варя и, иногда, в глазах слабеющей собаки им чудилась мольба: «Дайте же мне умереть!».

Похоронили ее в перелеске близ Пушкино, куда они много лет весной, взяв Чапу, выезжали с друзьями на веселые прогулки. Закопали в приметном месте, между четырех берез, где она больше всего любила рыть норы. Артём не был слезлив, терпеливо переносил боль, но, закопав любимую собачку, не смог унять слез. Они душили его, и так сильно плакал он только еще раз в жизни, на похоронах матери.

Смерть Чапы настолько выбила их с Варей из колеи, что все у них валилось из рук. Может быть, поэтому очередная неудача в борьбе за реализацию своего проекта не вызвала у Артёма особых переживаний, лишь ожесточив против власть йредержащих. А произошло это, когда, так и не получив ответа на свою докладную в высокие инстанции, он решил обратиться к «Екатерине Великой».

Анохина, единственная из старой компании, сохранила при смене руководства не только прежнее влияние, но и добилась еще более прочного положения. Разведясь с мужем-инженером, она стала супругой одного из самых важных министров правительства России.

— Она может тебе помочь через своего мужа, — посоветовали Артёму. — Одного его слова достаточно, чтобы дать положительный ход твоему делу.

Стоило немалого труда добиться, чтобы Анохина его приняла, хотя по телефону она сразу его узнала и говорила любезно.

— Знаю, что ты упорно отстаиваешь свою идею, но наш разговор мало чего даст, — с сомнением произнесла она. — Я ведь не специалист-самолетчик.

— Дело, за которое я бьюсь, государственной важности! — горячо убеждал ее Артём. — А методы эксплуатации по состоянию касаются и радиоэлектронного оборудования, по которому твой авторитет, как специалиста, неоспорим!

Ссылаясь на занятость, Анохина пару раз откладывала назначенную встречу, но все же приняла Артёма и начало было многообещающим. Хотя она стала уже солидной дамой, встретила его запросто и, казалось, ничего не забыла.

— Ну, присаживайся! — любезно указала она ему на кресло. — Расскажи сначала о себе. Я помню, как мы говорили «за жизнь» в поездках из Шереметьева.

Поощренный ее товарищеским тоном, Артём вкратце поведал о разводе с первой женой и удачном браке с Варей.

— Не знаю, почему так непрочны браки? — посетовал он. — Помнится, я тебе говорил, как счастлив, что стал папашей, а ты, вроде, нахваливала своего мужа.

— Он, и правда, был неплохой мужик. Но я выросла, а он оказался неперспективен, да еще донимал своей ревностью, — как прежде, доверительно объяснила Анохина и перевела разговор на деловые рельсы. — Скажи лучше, почему решил всех поставить «на уши»? Теплов мне на тебя жаловался.

«А она, как моя бывшая жена, — подумал Артём. — Для таких женщин главное — карьера. Ради нее могут предать!» Но вслух лишь сказал:

— Я не буду приводить тебе научные аргументы и доказательства. Они есть в решении Научно-технического совета и приказах нашего министра. Прошу тебя о помощи, так как реализация этого проекта — дело всей моей

жизни. Ее значение для Аэрофлота трудно переоценить. Вот почему я с таким упорством ставлю всех «на уши», — и, смутившись своей горячностью, добавил: — Настоящий ученый обязан сделать вклад в науку. Считай это тщеславием, но если мне удастся довести свое дело до конца, оно оставит след в развитии гражданской авиации.

— Спасибо за откровенность. Теперь я тебя понимаю, — насмешливо хмыкнула Анохина. — Хочешь войти в историю, как настоящий ученый. Что же, похвально! Я вряд ли способна на такой подвиг.

Она выпрямилась в своем кресле и уже менее дружелюбно заключила:

— К сожалению, оказать тебе помощь, кроме сочувствия, не смогу. Никто сейчас не хочет осуществлять грандиозные проекты. И ссориться из-за тебя со всеми мне не резон. Наверное, — Анохина иронически усмехнулась, — не рождена я настоящим ученым. И мой тебе совет: смотри реальнее на вещи!

У Артёма хватило выдержки, чтобы вежливо с ней попрощаться. Он теперь ясно понимал, что опоры в борьбе за осуществление своего проекта у него нет.

* * *

Наступившая для Артёма черная полоса затянулась. Неожиданно к неудачам в делах добавились сообщение Надежды о неприятностях у Ани. Отношения с бывшей женой и дочерью у него были прохладными. Общались они очень редко, главным образом, когда что-нибудь было надо. И теперь, позвонив на работу, Надежда потребовала:

— Срочно приезжай, так как одна я не могу сладить с Аней! Дело пахнет новым скандальным разводом, а допустить этого нельзя!

— Аня взрослая самостоятельная женщина, — ответил Артём, и язвительно добавил: — Пусть помогает «папаша» Иван! Он ведь у вас главный авторитет!

Но Надежда пропустила его колкость мимо ушей.

— Мне не слова нужны, а дело, — заявила она, верная своей наглой манере. — Речь идет о судьбе твоей дочери, и действовать нужно без промедления!

«Как припекло, сразу обо мне вспомнила, — подумал Артём, вновь ощущая обиду. — Развод — обычное дело. Пусть расхлебывают эту кашу

сами».

— Не вижу трагедии, если Аня разойдется с Вадимом. Она его не любит, да и мне он, по правде сказать, тоже не нравится. Думаю, не стоит вмешиваться. Пусть наша дочь найдет свое счастье!

— Но ты ведь не знаешь, что произошло! — вне себя завопила бывшая супруга. — Если откажешься помочь, я тебе этого никогда не прощу! — поставила она ультиматум, но, одумавшись, снизила тон. — Может, Варя нервничает, когда мы встречаемся? Сегодня пятница, вот и приезжайте завтра вместе к нам на дачу.

Недолго думая, Надежда находчиво добавила:

— Заодно увидишь внука и можешь сделать ему подарок. Он мечтает о трехколесном велосипедику.

Этот довод сломил сопротивление Артёма. Хотя его душа не приняла внука, незаслуженно названного в честь Иванова, но повидать все же хотелось.

— Ладно, приедем, — без энтузиазма согласился он. — Часа в два. Устроит?

Дача Егорова находилась в престижном генеральском поселке неподалеку от Москвы. Купив подарок, Артём с Варей прибыли вовремя и были неприятно удивлены обилием гостей. Надежда и на этот раз устроила фальшивый спектакль, чтобы продемонстрировать всем яко-, бы теплые отношения с бывшим мужем и его супругой. Не было только Ани.

За столом Артём с Варей оказались между хозяевами. Сидя рядом с бывшим мужем, Надежда нарочито оказывала ему повышенное внимание. А маленький и толстенький, как хомячок, Иван Иванович Иванов любезно ухаживал за Варей.

— Это что за комедию вы решили устроить? — потеряв терпение, негромко спросил Артём у Надежды. — Зачем здесь посторонние, и где Аня?

— Не сердись, так было надо, — вполголоса шепнула она ему на ухо. — А куда подевалась наша дочь, сама не знаю. Она ночевала в городе, но обещала быть здесь к вашему приезду. Сказала, что очень хочет с тобой повидаться.

Лишь наедине, в кабинете Иванова, Надежда посвятила Артёма в суть скандальной ситуации, угрожавшей им неприятностями и разводом Ани с Вадимом.

— Неизвестно, где и когда она завела любовника. Дочь давно уже со мной не делится своими секретами, — вздохнула Надежда. — Аня влюблена в него как кошка и, прилетев в Москву, почти каждый день с ним

встречается. Они всюду появляются вместе! Ты понимаешь, чем это грозит?

— По правде сказать, нет, — спокойно отреагировал Артём. — Даже то, что они разведутся с Вадимом, еще не факт. И если Аня нашла мужика себе по душе, это может быть, к лучшему.

— Да как же ты не понимаешь? — вспыхнула Надежда. — Ведь знаешь, кто такой Вадим? За Аней следят, как за женой дипломата и... — она осеклась, боясь сказать лишнее. — Это не только грозит оглаской и ее разводом с Вадимом, но сделает их невыездными, а это отразится на карьере Ивана.

— Но почему? — непонимающе уставился на нее Артём. — Ведь это — обычная житейская история. Даже члены Политбюро ЦК партии разводятся!

— Да, если бы знать: кто этот субъект? — испуганно объяснила Надежда. — Но Иваном, по своим каналам, — она многозначительно повела глазами, — получены данные, что он — подозрительный тип. Темный коммерсант и, возможно, шпион! Похоже, он хочет использовать Аню в своих целях.

— Если так, дело — швах, — согласился Артём. — Но, может, все обстоит не так плохо? Сейчас наши дельцы выходят на международную арену, — он задумался. — Ладно, если подтвердится, что это — авантюрист, или того хуже, я помогу убедить Анечку оставить этого типа. Если не поможет, мой совет: припугнуть его КГБ, чтобы не лез к жене дипломата. Твоему Иванову это под силу.

Время шло, а дочери всё не было. Артём поиграл с малышом, который тут же забрался на подаренный велосипед и уже не слезал. Белокурый бутуз был хорош, но и предубеждение столь велико, что огонек любви к нему в сердце Артёма не возник. Аню они встретили, когда уже выехали за ограду дачи. Она подошла к машине, запыхавшись от быстрой ходьбы, и жалобно проговорила:

— Простите меня, папочка и Варя! Очень хотелось с вами побольше побыть, да вот не получилось! Знакомый взялся меня подвезти, но машина сломалась.

— Ладно, чего уж! Не последний раз мы, надеюсь, видимся, — сухо ответил Артём. — Кстати, нам есть о чем с тобой поговорить. Но, разумеется, не сейчас и не здесь.

— Наверно, мама на меня тебе чего-то наговорила? Ты ее меньше слушай!

Артём не стал продолжать этот разговор и, условившись, что он ей

позвонит, двинулся дальше. Уже через полкилометра он убедился, что насчет аварии дочь сказала правду. Глубоко увязнув в мокром после дождя грунте, в кювете встречной полосы засела «Волга». Возле нее суетился рослый мужчина с усиками, в котором можно было безошибочно угадать возлюбленного Ани.

— Давно сидите? — остановившись, и выйдя из машины, окликнул его Артём. — Могу я чем-нибудь вам помочь?

— Нет, поезжайте. Тут трактор или тягач нужен. Двое уже пытались, да трос порвался, — хмуро ответил красавец. — Моя спутница уже пошла звонить, чтобы вызвать техпомощь.

«Пожалуй, Надежда права. Мужик-то хорош, но уж больно смахивает на проходимца, — размышлял на обратном пути Артём, уверенный, что не ошибся. — Правда, и Анечка достаточно хороша, чтобы такой мог влюбиться. Но, все же сдаётся мне, что у красавчика на лбу написано, что им движет расчет».

* * *

К числу приятных событий того времени можно было отнести лишь возвращение из Польши семьи Максименко. После объединения институтов Николай потерял свою должность и некоторое время был без работы, глубоко переживая, что его лишили возможности увековечить свое имя, построив новый институт, на что он потратил много сил и энергии. Но, благодаря связям, а именно протекции Колесника, его вскоре назначили представителем Аэрофлота в Польше.

— Меня послали туда вовсе не по благу, хотя в Польше работать выгоднее, так как платят в долларах, — объяснял друзьям свою удачу Максименко. — Сами знаете, какая там заваруха. Пахнет восстанием! А я уже имею опыт. Испытал подобное вместе с семьей в Чехословакии.

— Ты думаешь, лидеры «Солидарности» — Валенса и другие — смогут поднять там восстание? — усомнился Артём. — Его же подавят так же, как и в Чехословакии.

— Ну и что? А ты знаешь, каково работать, когда вокруг тебя стреляют? И жить там с семьей среди враждебного населения, — посмотрел на него с видом превосходства Николай. — Но я со своими уже испытал такое и готов перенести это вновь.

Внутреннее положение в Польше тогда было накалено до предела. Хотя еще не стреляли, волнения и забастовки происходили по всей стране, и взрыв мог случиться в любое время. Условия жизни семьи Максименко были нелегкими, тем более, что в магазинах с продуктами было плохо, и выручала лишь валюта, на которую можно было купить все. Об этом рассказала Валечка, вернувшаяся раньше остальных, чтобы подготовить приезд мужа и сыновей, у которых еще не кончился учебный год.

— Если, работая в Чехословакии, нам удалось приодеться и кое-что скопить, то в Польше все, что получали, уходило на жизнь, — пожаловалась она Варя. — Денег нет! Нечем даже заплатить за автостоянку, что строят рядом с нашим домом, — огорченно вздохнула она. — А Коля о ней мечтал. Уже который год его машина стоит во дворе под окнами.

— Надо, Тёмочка, дать Вале денег, чтобы внесла за автостоянку, — сказала ему Варя. — У нас самих сейчас нет лишних, но все же им поможем. Сам знаешь, как трудно получить гаражное место.

— Нет проблем. Как-нибудь перебьемся, — не раздумывая, согласился Артём. — Валюша, вообще, замечательная. Я не о том, что она красива, — дипломатично уточнил он, заметив, как Варя поморщилась. — У нее щедрая душа, не то, что у Коли. — У самих там валюты было в обрез, а какой дорогой ошейник с поводком подарила! Будто знала, чем нас больше всего порадует.

Дело в том, что не выдержав пустоты, образовавшейся после смерти Чапы, они взяли в собачьем обществе породистого кобелька, которого называли Кузей. Не желая больше проблем, связанных со злобностью фокстерьеров, на этот раз Артём с Варей предпочли малого пуделя, такого же размера, но значительно добрее характером. Так у них появился курчавый коричневый щенок, который сразу наполнил дом радостью.

Но этой радостью их жизнь в то время и ограничивалась. Денежных средств, отпущенных на экспериментальное внедрение его проекта, не хватало. Постоянная нервозность и неудачи на работе отразились на состоянии здоровья Артёма. Обострилась почечнокаменная болезнь, и у него вновь стала часто ныть поясница.

— Дальше так продолжаться не может, — решительно заявила ему Варя. — Раз тебя не ценят в институте и даже министерству не нужна твоя работа, значит, надо с ними расстаться. До той поры, когда на смену бездарям придет руководство, заинтересованное в развитии гражданской авиации. — И с мягкой настойчивостью добавила: — Ты должен закончить последнюю книгу. Побереги нервы! Проведи это лето на даче. Знаешь, у

кого самое крепкое здоровье и какая профессия дала больше всех долгожителей?

— Знаю. У кавказских горцев. У тех, кто пасет овец, — с усмешкой ответил Артём. — Может, предложишь двинуть к ним в горы?

— Вот и не угадал! В горы забираться незачем, — весело посмотрела на него Варя. — Больше всего долгожителей среди садовников. Таких обнаружили даже в сыром и туманном Лондоне. У них работа спокойнее, чем у чабанов.

— Ну что ж, убедила, — улыбнулся Артём. — Пожалуй, откажусь продолжать работу в таких условиях. Останусь лишь в ученом совете и научным руководителем аспирантов на пол ставки. Думаю, Теплов будет доволен.

Однако, более заманчивый вариант предложила ему Лёля. Так же, как Варя, она была озабочена ухудшением его здоровья.

— Правильно сделаешь, если уйдешь из института. Сейчас наука вообще в загоне. Ученые получают гроши. Ну, что ты накопил за всю жизнь?

— Считаешь, я должен на старости лет сделаться предпринимателем? — сходу отверг такую перспективу Артём. — Это не мое, Лёля!

— Этого и не требуется. Но дорого продать свои знания тем, кто в них заинтересован и с выгодой применит, ты можешь, — убежденно сказала Лёля. — Сейчас это разрешено, и тебе надо лишь проявить инициативу.

— Инициативы у меня хоть отбавляй, — усмехнулся Артём. — Только применить ее негде.

— А вот и ошибаешься, — возразила Лёля. — Сеня сказал, что уже создаются частные компании, совместно с иностранными инвесторами. Уж эти-то способны оценить твои предложения, если они дают выгоду. Во всяком случае, им наверняка понадобятся научные консультанты такой высокой квалификации.

Толковый совет сестры окончательно убедил Артёма в необходимости положить конец бесплодной работе в институте и начать новую, более активную деятельность.

* * *

За что бы не бралась Лёля, она всегда доводила дело до конца. Уже через неделю Артёму позвонил Бандурский.

— Сейчас большой интерес к совместным предприятиям. Наш

корреспондент взял интервью у президента вновь создающегося, — Бандурский был, как всегда, лаконичен. — Мне его представили. Они оснащают аэропорты современным оборудованием, и им нужен консультант. Я рекомендовал тебя.

— Но я... — хотел было вежливо отказаться не готовый к этому Артём.

— Я выполнил просьбу твоей сестры, — перебил Бандурский. — Не хочешь — откажись. Но с ним встретиться, а то меня подведешь, — быстро продиктовав адрес, положил трубку.

Артём поехал на встречу с главой фирмы лишь для того, чтобы закрыть этот вопрос и получить полезную информацию, а вернулся, улсе подписав контракт. То, что ему было предложено, не только его устроило, но и открыло новые перспективы реализации проекта.

— Вы должны помочь нам выявить потребность аэропортов в переоборудовании и установить связь с их руководством, — объявил ему президент компании. — Помимо твердого оклада, будете получать проценты с каждого заключенного контракта.

Предложенные условия были блестящими, и все же Артём поинтересовался:

— Переоснащение аэропортов включает современные средства диагностики технического состояния самолетов? У меня на этот счет есть конкретные предложения, но они, к сожалению, пока не реализованы.

— Такие средства входят в состав поставляемого нами оборудования, — был ответ президента, и это решило дело.

Как и ожидал Артём, его уход из института прошел без осложнений.

— Вот видишь, там у тебя будет больше возможностей хоть частично реализовать свой проект, — не скрывая своей радости сказал Теплов, подписывая его заявление. — А получать будешь намного больше, да еще в валюте. Поздравляю!

И первые же месяцы работы на новом месте подтвердили его слова. Оклад, который был ему установлен, почти втрое превышал прежний, а за контракт с одним из аэропортов он получил солидную премию в СКВ. Никогда еще, даже с учетом крупных премий и выплат за летные испытания, он не зарабатывал так много!

Варя сначала была этим просто ошеломлена, но быстро привыкла к наличию СКВ и неожиданно предложила, как лучше использовать валюту:

— Знаешь что, Тёмочка? Давай отправимся в морской круиз, — сказала она вдруг за завтраком. — Я прочитала объявление в газете. Горком профсоюзов организует путешествие из Одессы в Афины и Стамбул. Дорого, но нам должно хватить. Представляешь, какая красота?

— Не лучше ли тебе истратить валюту в «Березке»? — усомнился Артём. — Там можно приобрести хорошие вещи, а ты давно мечтала приодеться.

— Вещи изнасятся, а вот впечатления останутся навсегда, — резонно возразила Варя. — Подумай, где мы побываем! Увидим древние руины Акрополя, мечети Стамбула и, конечно, голубой Босфор! Вспомни стихи Есенина, — и она восторженно процитировала:

Никогда я не был на Босфоре.
Ты меня не спрашивай о нем.
Все равно глаза твои, как море.
Голубым колышутся огнем.

Ее доводы сразили Артёма. Его тоже неудержимо потянуло взглянуть на всю эту красоту, и он, как бы убеждая себя, произнес:

— А что? И правда, отдых будет чудесный, и впечатлений уйма. Да и валюты, наверное, хватит на то, чтобы приобрести там необходимые вещи. В Греции самые дешевые шубки, а в Турции — изделия из кожи.

Сказано-сделано. И уже в конце мая они очутились на борту роскошного теплохода «Шота Руставели». Им по средствам была лишь самая дешевая каюта, но и там, хотя койки располагались друг над другом, была маленькая гостиная и все удобства, включая кондиционер. Остальное все было экстра-класса! Два бассейна: открытый, и закрытый с баром, где желающим стюарды подавали выпивку и закуску во время купания.

Но особенно поражал сервис.

— Обрати внимание, как нас обслуживают официанты, — изумленно шепнула Варя Артёму, когда они в первый день обедали в ресторане.— Я такого не видела даже в санатории ЦК партии, когда навещали Бандурского.

И правда, действовали те необычным конвейером. Один застилал свежую скатерть, другой сервировал столик, следующий подавал первое блюдо, за ним еще один — второе, и так далее. В меню входил один бокал вина, но тем, кто желал добавить за свой счет, лощеный бармен немедленно подносил желаемое, стоило лишь подать ему знак.

— Да уж, и наши могут работать на европейском уровне, если хорошо платить за труд, — заключил Артём, наблюдая за безукоризненными действиями экипажа судна. — Хоть и потратимся, зато отдохнем'с- тобой, Варенька, как «белые люди».

Древние развалины Афин не произвели на них особого впечатления, может быть потому, что много раз видели в кино и на картинках разных изданий. Зато знаменитые мечети Стамбула, как и великолепный Босфор,

врезались в память на все жизнь. Во время морских переходов в музыкальном салоне устраивались концерты, эстрадные шоу и веселые конкурсы. Вернулись домой они хорошо отдохнувшими и в прекрасном расположении духа. Тем более, что оставшейся валюты Варе хватило, чтобы купить то, о чем мечтала: в Греции норковое манто и модную лайковую куртку в Стамбуле.

* * *

Благодаря его новой работе в их жизни впервые наступило материальное благополучие. Успешное посредничество в заключении контрактов фирмы с аэропортами приносило ему дополнительный заработок в СКВ, и Артём смог открыть даже валютный счет в Сбербанке. Они уже подумывали о новом путешествии на будущий год, когда в стране резко обострилась внутривнутриполитическая обстановка. К концу лета возникло ожесточенное противостояние президента России Ельцина и первого президента СССР — Горбачева.

— Я целиком за демократов, которых сплотил вокруг себя Ельцин. Только он может освободить Россию от оков КПСС, которые не дают ей развиваться, как странам Западной Европы, — убежденно заявил Максименко, работавший после возвращения в министерстве авиапромышленности.

— И это говорит бывший секретарь райкома? Забыл, что мы оба еще члены партии? — осуждающе покачал головой Артём. — Я против шатаний из крайности в крайность! Не верю я этим «демократам», которые в 60-е учили всех теории марксизма, а сегодня превратились в перевертышей и топчут его, превознося капитализм.

— По-другому КПСС и не одолеть. А иначе не будет свободы предпринимательства, — стоял на своем Максименко. — Вот я, с моей инициативой и опытом, мог бы учредить крупное дело, а вынужден прозябать в роли мелкого чиновника.

— Но разве Горбачев не проводит реформы в этом направлении? Посмотри, сколько уже возникло акционерных компаний со смешанным капиталом. Таких, как та, где я работаю, — продолжал возражать Артём. — Мне по душе Руцкой, основавший движение «коммунисты за демократию», чтобы добиться обновления в партии. Представляешь, какой хаос бездуховности у нас воцарится, если растопчут партию и, заодно, очернят миллионы честных коммунистов, которые самоотверженно трудились на

благо народа? Зачем это делать, когда можно постепенно исправить ошибки? Как предлагает Горбачев.

— Нет, так ничего не выйдет. КПСС вновь будет за всех решать, что можно и чего нельзя, — не согласился Максименко. — Вот я хочу создать страховую компанию. Ну, и кто мне это разрешит? А на Западе разрешения власти на такое не требуется, — и не без ехидности привел веский аргумент. — Тебе неплохо платят как посреднику. Но это — крохи с барского стола по сравнению с тем, если бы ты учредил собственное посредническое бюро. Но сейчас у тебя ничего не выйдет!

— Это почему же? — не понял Артём.

— А все потому же. Кому это позволить — решает власть, то есть КПСС. И преимущество получают только «свои», — сердито объяснил Николай. — А демократия состоит в равных возможностях для всех. Ельцин это — хоть обещает.

Грянули августовские события 1991 года. Сообщение об отстранении Горбачева и создании ГКЧП. Сплошное «Лебединое озеро» по телевидению и танки на улицах Москвы. Готовящийся штурм «Белого дома» и арест Ельцина. Многотысячное «живое кольцо» из москвичей для защиты Белого дома и демократии. Первые жертвы среди отважных защитников. Вечером Артёму позвонил Максименко.

— Я иду дежурить к «Белому дому». Присоединяйся! — коротко предложил он. — Ты же не хочешь, чтобы все повернулось вспять?

— Не хочу. Но я не верю Ельцину. Боюсь, что обманет, — с сомнением ответил Артём. — И зачем его защищать? Арест избранного президента России грозит международным скандалом. Или ты думаешь, с ним расправятся без суда?

— Все может быть. Ты же видел, кто вошел в ГКЧП? — волнуясь, произнес Николай. — Им надо дать отпор! Иначе — возврат к диктатуре! Ладно, мне некогда, — торопливо добавил он. — Если придешь, встретимся на «горбатом мосту».

Возбуждение Максименко передалось Артёму, и он начал поспешно собираться. Варя задержалась у матери, и ему хотелось уйти до ее возвращения — знал, что жена постарается его отговорить. Так и произошло: уже спустившись вниз, Артём столкнулся с ней у лифта.

— Куда это ты собрался на ночь глядя? Неужто туда? - Загородила ему дорогу Варя, сразу догадавшись, что задумал муж. — Поворачивай обратно! Я этого не допущу!

— Но я уже обещал Коле, — заколебался Артём. — Не хочу, чтобы он считал меня трусом. Хотя и не уверен, что поступаю правильно.

— А когда расскажу, о чем узнала от матери, еще скажешь мне спасибо за то, что тебя удержала, — сердито бросила Варя, увлекая его в лифт.

Только придя домой и отобрав у него сумку с термосом и бутербродами, она сообщила Артёму сенсационную новость:

— К матери заходил старый друг, ветеран КГБ. Так он уверял ее, что Ельцин задумал не только запретить КПСС, но вообще разрушить Советский Союз!

— Брехня! Чего только о нем не выдумывают, — не поверил Артём. — Этим дураки только плодят его сторонников.

— Мама говорит, что ему можно верить, — убежденно продолжала Варя. — Так вот, Ельцин и другие главы республик хотят быть царьками в своих вотчинах. Союз и Горбачев им мешают. Если посадят Ельцина, все подожмут хвосты.

— Но ГКЧП и Горбачева арестовал, — возразил Артём. — Они хотят повернуть историю вспять!

— И ты этому поверил? — усмехнулась Варя. — Мамин друг объяснил, что все делается с ведома Горбачева. Просто он решил остаться за кулисами. Дорожит мнением мирового сообщества.

— Выходит, что его домашний арест — это инсценировка? — изумился Артём, у которого сразу пропало желание быть участником политических интриг.

— Выходит, так. И моя интуиция говорит, что это -т-правда, — кивнула Варя. — Происходит нечестная борьба за власть. И если Горбачев хочет сохранить страну, то

Ельцин и другие главы республик мечтают ее развалить на части. Так стоит ли тебе этому способствовать?

Сказанное Варей было столь невероятно, что Артём не мог в это поверить. И все же, овладевшие им сомнения были слишком велики. Ему не хотелось рисковать жизнью за кого-либо из нечестных властолюбцев.

* * *

Противозаконные действия ГКЧП и намерение применить танки против безоружных людей возмутили народ. Путч «трясущихся рук», как его метко окрестили из-за дрожи, которую не смог скрыть глава самозванного комитета Янаев, выступая по телевидению, — с треском провалился. Ельцин одержал оглушительную победу и беспощадно расправился со своими противниками.

Сначала он запретил КПСС, и его «демократические» сторонники устроили вакханалию расправы с символами, олицетворявшими собой свергнутый режим, не уступая в вандализме революционной толпе времен большевистского переворота. Тогда рушили церкви и памятники Российской империи, не пощадив даже монумент в честь героя освобождения болгар, генерала Скобелева.

На этот раз сносили скульптуры вождей революции и особенно глумились над памятником Дзержинскому, почему-то считая его главным виновником массовых репрессий, хотя он был лишь исполнителем воли вождя партии. А самого Ленина предлагали сразу выбросить из мавзолея, и лишь вековая традиция, запрещающая тревожить прах покойников, остановила наиболее ретивых.

Вскоре произошла главная беда, которую предсказывала Варина интуиция. На совещании в Беловежской пуще, похоже с похмелья, тройка лидеров главных советских республик — России, Украины и Белоруссии, грубо поправ конституцию и волеизъявление народа на прошедшем референдуме, приняли роковое решение, похоронившее Советский Союз.

Это трио в составе Ельцина, Кравчука и Шушкевича в одночасье разрушило великую державу, созданную их предками за тысячу лет ценой многих войн и потоков пролитой крови. Безумная безответственность бывших сторонников «братства советских народов» раздробила страну на национально-обособленные части, сделав иностранцами у себя дома миллионы соотечественников.

Начался «парад суверенитетов», и на месте великой супердержавы образовалось лоскутное «Содружество Независимых Государств», во главе большинства которых остались коммунистические лидеры, враз ставшие националистами. И без того находившаяся в упадке, экономика полностью развалилась, ибо была разрушена сложившаяся годами интеграция, и порваны хозяйственные связи. Ослабленная и обескровленная Россия утратила авторитет на мировой арене.

Артём и Варя тяжело переживали произошедшую трагедию. Начавшаяся травля и очернение истории перевертышами, которую те сами же творили на протяжении многих лет, не находила у них оправдания. При этом от перемен, — кроме наполнения прилавков товарами, — народ ничего не получил. Всю «общенародную» собственность, а заодно немалую, принадлежавшую КПСС, расхватали пришедшие к власти сторонники Ельцина, которых тут же открыто прозвали «демокрадами».

— Что же происходит, Варенька? Ничего из того, что обещал Ельцин и его сподвижники, не выполняется! — возмутился Артём. — Незаконные

привилегии себе и своим чиновникам он не только не отменил, но еще и увеличил. Народу и не думают возвращать принадлежащее ему по праву. Я подозревал, что Ельцин — обманщик, но не до такой же степени!

— Хуже всего, что он обманул народ, обещая поднять его благосостояние, — подавленно отозвалась Варя, — Позорно низкую зарплату людям не только не повысили, но грабительской денежной реформой лишили их последних накоплений. Товаров-то стало больше, да купить не на что!

— Похоже, Варенька, что наступило «смутное время», не раз уже бывавшее в истории России, — огорченно заключил Артём. — Пришедшие к власти партийные и комсомольские перевертыши, ранее изображавшие, что строят коммунистический рай, теперь учиняют криминальный «дикий капитализм», — так когда-то уже было в США. Скоро и у нас появятся первые ворюги-миллионеры, — и вздохнув, добавил: — А партбилет я все же не выброшу. Это правда, что революция и попытка построить коммунизм принесли много бед России и ее народу. Но мне, как и многим членам партии, упрекнуть себя не в чем. Мы старались осуществить извечную мечту человечества о всеобщем равенстве и братстве. Теперь стало ясно, что эта химера противоречит самой природе. Люди рождаются разными, и уравнивать их невозможно!

Артём, как и все, уже осознал, что коммунистический эксперимент в России, сокрушивший могущественную мировую державу и унесший миллионы жизней ее народа, бесславно завершился. Как ни горько ему было это признавать, но стало ясно, что одна из величайших утопий в истории человечества потерпела полный и окончательный крах.